Гудаев Лема

Абрек Зелимхан:
факты и документы

Гудаев Лема

АБРЕК ЗЕЛИМХАН:
ФАКТЫ И ДОКУМЕНТЫ

Грозный
ГУП «Книжное издательство»
2010

Гудаев Л.

Абрек Зелимхан: факты и документы. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2010. – 528 с.

ISBN – 978-5-98896-125-3

© Гудаев Л., 2010
©ГУП «Книжное издательство», 2010

ОТ АВТОРА

«Хлебнув горечь жизни, он бурею взмыл
И выбрал дорогу абрека,
И пыл его сердца уже не остыл
На вздыбленном стремени века!»

М. Гешаев. «Прыжок в вечность»

Абречество явилось естественным следствием конфликтов личности и общества, развивавшихся в традиционной среде, а также своеобразной формой оппозиционных настроений, давления на общество со стороны не только отдельных индивидуумов, но в ряде случаев и целых социальных групп. Движение абречества рассматривается как форма индивидуального террора и протеста против личной несвободы. Именно в силу этого за образом абрека утвердилась слава благородного и благочестивого разбойника вроде Робина Гуда.

Наибольшую известность в дореволюционный период получил последний абрек-чеченец Зелимхан Гушмазукаев из села Харачой (близ Ведено). Он начал свою борьбу в 1901 г. За его голову царская администрация назначила большую награду, которая все время росла на протяжении 13 лет, пока Зелимхан был неуловим для властей. Целый ряд чеченских аулов были обложены большими штрафами за укрывательство абрека, несколько селений пострадало от карательных экспедиций, но никто из крестьян не выдал Зелимхана. Лишь только в 1913 г. нашелся предатель, который сообщил властям о его местонахождении. Тяжелобольной Зелимхан был окружен и убит около села Шали.

В этой книге рассказывается о жизни и борьбе за справедливость одного из самых легендарных абреков не только Чечни, но и всего Северного Кавказа, Зелимхана Гушмазукаева.

ВВЕДЕНИЕ

В книге собраны разнообразные материалы, так или иначе связанные с личностью легендарного абрека – чеченского «Робина Гуда» – Зелимхана Гушмазукаева.

Зелимхан был и остается, наверное, самым известным и почитаемым чеченским абреком. Он получил известность далеко за пределами Чечни и даже Кавказа. При жизни о нем писали в центральных российских газетах, а после смерти даже сняли кинофильм. Но как это не парадоксально, при всей его известности, имеющаяся информация о Гушмазукаеве достаточно отрывочна.

В советское время Зелимхан изображался как борец с имперской колониальной политикой, сотрудничающий или же выражающий солидарность тем или иным революционным политическим силам и вдохновлявший на борьбу с царизмом крестьянские массы. В наше время необходимость осмысления жизни абрека из Харачоя с идеологической точки зрения отпала, и перед любителями истории Зелимхан предстал как личность. Человек, который отнимал деньги у богатых, и готов был делиться ими с бедными. Человек беспримерной дерзости, но не чуждый лирике и поэзии. Человек, который переживал за своих соотечественников, если они попадали в беду, но который был беспощаден к ним, если они приносили несчастье его народу.

Деятельность Зелимхана началась в 1901 г. Однако широкую известность он получил через четыре года, попав на страницы российских газет, после того, как отомстил властям за 17 убитых своих соотечественников. За его голову назначались огромные деньги – до 18 тысяч рублей, союз ему предлагали революционеры-анархисты. Историки считали, что доживи Зелимхан до 1917 г., из него, подобно Григорию Котовскому, вышел бы еще один красный командир. Но абрек не дожил до Октябрьской революции целых четыре года. Нашлись предатели, которые за деньги сдали Зелимхана. Его смерть наступила 26 сентября 1913 г. близ Шали. Зелимхан был окружен и после многочасового боя убит. Его смерть оказалась подобно той, что через 60 лет была воспета в фильме «Буч Кессиди» – о другом легендарном разбойнике, для поимки которого была отряжена вся боливийская армия.

Обо всем этом можно будет прочитать в данной книге. Автор не просто пересказал известные всем истории о жизни и смерти знаменитого абрека. Он провел целое исследование о природе и сути абречества в целом, поведал о других кавказских «робин гудах», живших как в одно время с его героем, так и до него.

В книге приведена обширная переписка Зелимхана с его друзьями и врагами – оказывается, абрек крайне уважал эпистолярный жанр и частенько прибегал к такому формату общения.

Немало в книге и литературно-публицистических материалов о Зелимхане Харачоевском. Автор собрал практически все статьи и документальные свидетельства, которые появлялись с начала XX в. в прессе и литературе.

Отдельный интерес вызывает раздел книги под названием «Проекты». Речь в ней идет о всевозможных проектах, так или иначе связанных с личностью абрека Зелимхана Гушмазукаева. Уже в новейшей истории чеченского народа его образ оказался настолько востребованным обществом, что облик героя неоднократно пытались запечатлеть в том или ином виде. Например, дважды в Чеченской Республике собирались ставить фильм про его жизнь и деятельность. К сожалению, оба раза проекты терпели неудачу по разным причинам. Но идея кинофильма, равно как и проект памятника абреку на его малой родине, остается по-прежнему актуальной.

Внимание этнографов может привлечь и подборка поэтических произведений об абреке из Харачоя и несколько так называемых абреческих песен.

Большой интерес представляет фотогаллерея, посвященная Зелимхану, его семье и месту рождения. В ней представлены фотоснимки абрека, его родственников и сподвижников.

Отдельно можно выделить комикс, нарисованный чеченским художником Магомедом Воцаевым по мотивам рассказов о легендарном абреке.

Одним словом, можно сказать, что публикация этого полухроникального повествования должна способствовать «возвращению» к нам из долгого забвения имени легендарного абрека.

В целом книга «Зелимхан Харачоевский: факты и документы» должна быть интересна и полезна как обычным читателям, так и профессиональным историкам.

Посвящается памяти дочерей Зелимхана –
Меди и Энисат Зелимхановых

АБРЕЧЕСТВО

АБРЕК
(о семантике термина «абрек»)

Абрек – вероятно от осетинского «абрег», чеченского «обург» или черкесского «абрек» – молодец, удалец. Считается, что корни слова «абрек» ведут к иранскому слову, обозначающему «бродяга, грабитель». В прошлом у народов Северного Кавказа абреком называли князя или дворянина, изгнанного из общества или рода за проступок или преступление и ведущего скитальческую или разбойничью жизнь. В русском же языке «абрек» стал символом любого «немирного горца». У кавказских горцев этим именем называют человека, давшего срочный обет или зарок «не щадить головы своей и драться неистово», принимающего на себя обет во имя поставленной цели избегать всяких жизненных удовольствий и быть неустрашимым во всех боях и столкновениях. Срок обета иногда бывает довольно долгий – до пяти лет и даже более, в течение которого абрек отказывается от всех прежних связей, от родных и друзей; абрек не имеет ничего заветного и ничего не страшится. В бою абреки часто впадали в амок, что роднит их со скандинавскими берсерками.

Абреками также называли отчаянных горцев, одиночек, борцов против существующего режима. Своеобразным «золотым веком» абречества стало XIX столетие – время Кавказской войны. Именно тогда к этому явлению было привлечено самое пристальное внимание российского общества. В период присоединения Кавказа к России абрек-горец – партизан, участвовавший в борьбе против тирании чиновников царского правительства, царских войск и администрации. Абречество стало своего рода национальной защитной реакцией против произвола властей, как форма протеста против невыносимого национального и социального гнета. Чеченский революционер Асланбек Шерипов писал: «Власть терроризировала народ, а абреки терроризировали власть». Так оно и было. Однако абреки держали в страхе не только царскую власть, но и собственных прислужников этой власти.

Завершается периодизация последним этапом, когда интересующий нас

идеологизируется. В него вкладывается значение «участник антиколониального/антигосударственного движения против России/СССР». Например, в «Толковом словаре русского языка» Ожегова абрек определяется следующим образом: «в период присоединения Кавказа к России: горец, участвовавший в борьбе против царской администрации и русских войск». В БСЭ, конечно, отмечалось, что «после революции 1917 г. абречество выродилось в обычный уголовный бандитизм». Примерно в таком же значении термин «абрек» вошел во все советские словари и энциклопедии.

Вместе с тем при советской власти продолжалась идеализация абречества. Грузинский писатель Чабуа Амирэджиби создал образ благородного кавказского разбойника на основе сведений о реальном абреке – Дате Туташхиа. В 1977 г. по роману Амирэджиби был поставлен художественный фильм «Берега», прославивший Дату Туташхиа по всему Советскому Союзу. Можно также упомянуть роман Д. Гатуева о Зелимхане Гушмазукаеве, абреке, разбойничавшем накануне революции в Чечне и Ставрополье, рассказы Ф. Искандера об абхазских бандитах, реально действовавших в 60–70-е гг. XX в. Причем, если Гатуев и Амирэджиби просто идеализировали абреков, то Искандер, беспристрастно описавший «человека-зверя», абрека Уту Берулава, тем не менее опоэтизировал абречество. Недаром в романе его герой помог восстановить справедливость, попранную коррумпированной грузинской милицией. И доныне слово **абрек** сохраняет смысл «**благородный разбойник с Кавказа**».

Извлечение из статьи В. Бобровникова
«Абреки и государство. Культура насилия на Кавказе»
http://www.podrobnosti.ua/history/2004/09/14/145098.html

Рыцари гор

…Тяжелые условия жизни, невыносимый гнет со стороны местных феодалов и царских чиновников, социальная несправедливость породили в горах Кавказа то явление, которое в народе называют абречеством. Не вынося унижений и издевательств, храбрые и сильные люди покидали свои очаги, уходили в леса, не видя и не находя другого пути борьбы со своими мучителями. Это были благородные мстители. Их не надо путать с обыкновенными разбойниками и грабителями. Абречество – явление социальное. Абреки были заступниками бедных и грозой богачей, князей и чиновников. Царские власти вели с абречеством беспощадную борьбу: кого удавалось поймать, посылали в Сибирь на

каторгу. Самым известным абреком в горах был чеченец Зелимхан. Известен и карачаевец Канамат. О них горцы пели прекрасные песни, которые дошли и до нас.

...Абреки были людьми свободы, борцами за нее. Горцы Кавказа, у которых всеми способами старались отнять свободу, не могли не отдавать лучшие порывы души свободным и отважным рыцарям гор.

Кайсын Кулиев. «Песни горцев».
Из книги К. Кулиева «Поэт всегда с людьми». М., 1986

Абрек у кавказских горцев

Абрек у кавказских горцев – человек, принимающий на себя обет избегать всяких жизненных удовольствий и быть неустрашимым во всех боях и столкновениях с людьми. Срок обета иногда бывает довольно долгий – до пяти лет, в течение которого абрек отказывается от всех прежних связей, от родных и друзей; абрек не имеет ничего заветного и ничего не страшится.

Абрек – горец, участвовавший в борьбе против царских войск и администрации после завершения Кавказской войны.

История чеченского абречества

После завершения Кавказской войны абреки долгое время вели партизанскую войну против царских войск (вплоть до 1913 г.). Самым известным абреком был Зелимхан Гушмазукаев. После прихода большевиков к власти в 1917 г. на Кавказе последовало несколько крупных антисоветских восстаний (1920–1921 гг., 1929–1931 гг.), которые были подавлены Красной Армией. И вновь на Кавказе появились абреки. В 1941–1943 гг. в Чечне произошло крупное (до 2000 человек) восстание абреков под руководством Хасана Исраилова и Магомета Шерипова. К 1943 г. основные силы повстанцев были разбиты, однако понадобилось еще около 30 лет, чтобы нейтрализовать всех абреков. Последний абрек Хасуха Магомадов был убит в перестрелке с сотрудниками КГБ 28 марта 1976 г.

Свободная энциклопедия «Википедия»

Абрекиана

Ценным свидетельством особого отношения к адату и абречеству на советском и постсоветском Кавказе являются сочинения местных авторов XX в. – своего рода «абрекиана».

К этому «жанру» обращаются как крупные мастера, например, абхазский писатель Фазиль Искандер и аварский поэт Расул Гамзатов (Искандер, 1991; Гамзатов, 1970), так и менее известные авторы.

Дореволюционное абречество стало благодатной темой для молодого северокавказского театра и кино. Уже в 1929 г. в Ростове-на-Дону была экранизирована книга Гатуева. Ростовский рецензент с гордостью писал о героической киноповести «Зелимхан»: «В Москве, в Ростове и в других городах Союза с большим успехом идет кинокартина о знаменитом чеченском абреке Зелимхане; в Ростове она идет уже два месяца... каждый вечер при громадном стечении зрителей... у театров толпа, и места берутся, что называется, с бою» (Революция и горец: 1929, № 10, 36; см. также № 9, 76–78).

Киноабрекиана продолжается и поныне. В конце 1990-х гг. в Дагестане был поставлен фильм «Легенда о храбром Хочбаре» о легендарном средневековом разбойнике из Гидатля. Недавно картина транслировалась на одном из центральных каналов российского телевидения. На сцене Театра оперы и балета в Махачкале уже много лет с успехом идет музыкальный спектакль «Хочбар».

В.О. Бобровников. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие (очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана). М.: Восточная литература, 2002
http://orientalstudies.ru/z_islamology/res/b_bobrovn_msk_vved.html

Кавказский Робин Гуд или О бедном Абреке замолвите слово...

Начну со словаря Даля: абрек (обрекаться) м. кавк. – отчаянный горец, давший срочный обет или зарок не щадить головы своей и драться неистово; также беглец, приставший для грабежа к первой шайке.

Брокгауз и Ефрон: У кавказских горцев этим именем называют человека, принимающего на себя обет избегать всяких жизненных удовольствий и быть

неустрашимым во всех боях и столкновениях с людьми. Срок обета иногда бывает довольно долгий – до пяти лет, в течение которого абрек отказывается от всех прежних связей, от родных и друзей; абрек не имеет ничего заветного и ничего не страшится.

Большая Советская Энциклопедия: абреки (вероятно, от осет. абыраег, абрег) – в прошлом у народов Северного Кавказа изгнанники из рода, ведшие скитальческую или разбойничью жизнь. Абреками также называли одиночек, борцов против царского режима.

Ну, а для тех, кто хочет познакомиться с этим явлением подробнее, настоятельно рекомендую статью Юрия Ботякова «Абречество, реальность и предрассудки».

http://nvo.ng.ru/history/2003-08-29/5_abrek.html

Для тех, кто ленится ходить по ссылкам,
приведу всего лишь одну цитату из этой работы:

«...Как правило, уйти в абреки человека заставляли обстоятельства экстраординарные. Месть абрека в этой связи становилась явлением долговременным, если не бессрочным. Став абреком, человек уже не принадлежал самому себе – он становился в известном смысле орудием своей мести. Абрек, как отмечал один из авторов конца XIX в., «пользуется среди народа прочным, почти религиозным уважением...».

Мистический союз с духами не мог пройти для человека бесследно. В народном сознании существовало представление о безумии абрека, как следствии

его общения с духами. Абрек брал на себя большой нравственный груз, который начинал постепенно трансформировать его личность.

В мистическом плане человеческая сущность начинала вытесняться демонической составляющей. Отсюда еще один фольклорный образ – образ абрека, испытывающего непроходящую жажду крови, практически уже собственно демона, утратившего всякий контроль над собой. Тем не менее абрек не заносился в «черные списки». Существовало представление об особой миссии абрека с вытекающим из этого выводом о неправомерности осуждения его действий с общечеловеческих позиций, так же как невозможно осуждать стихийное бедствие, несущее смерть или разрушения.

Образ абрека своей двойственностью вызывал у местного населения в равной степени противоречивые чувства ужаса и уважения. Желание никогда не встречаться с абреком в реальной жизни дополнялось постоянной привлекательностью этого образа у местного населения, что подтверждается многочисленными песнями, легендами и сказками. Хотя современные преступники Кавказа унаследовали у романтических абреков разве что жестокость, ставшую для них нормой жизни, было бы ошибкой забыть о предрассудках, которые может вызывать их деятельность у местных жителей».

Среди абреков есть немало громких имен. О них слагали легенды и сказки. Здесь можно познакомиться с абхазской сказкой про абрека: http://www.skazka.com.ru/people/abhaz/0000067abhaz.html. Свою вторую жизнь кавказские разбойники нашли в литературе и позднее в кинематографе. И Лермонтов (Хаджи Абрек: http://www.artint.ru/cfrl/texts/poetry/ler...n1/vol1/431.htm), и Толстой в своем творчестве коснулись этого феномена. Не обошло это явление своим вниманием и кино. Первый фильм об абреках был снят еще в 1926 г. – «Абрек Заур» (http://cinema.rin.ru/cgi-bin/main.pl?actio...lm_view&id=3260). Интернет не миновал скитальцев-разбойников: помимо данного сайта знаменитому чеченскому абреку Зелимхану Гушмазукаеву посвящен целый интернет-ресурс с форумом и гостевой: «Абрек Зелимхан» (http://www.abrek.at.ua форум на GLoOMm.ru).

gloomm.ru/forum/index.php?showtopic=787

АБРЕЧЕСТВО КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА

Абреческое движение в Чечне (XIX в.)

(В сокращении)

Никто из них не родился абреком,
абреками их сделала власть.

Причиной роста абречества на Северном Кавказе, и в Чечне в частности, в XIX в. послужили:

а) безграмотные действия царской администрации, не умевшей разбираться в особенностях местного быта и характера народа;

б) предвзятое отношение к туземному населению, в котором она видела дикарей, не способных к мирному сосуществованию;

в) экономические проблемы и малоземелье крестьян;

г) бесправное положение чеченского населения и злоупотребления царской администрации.

Терская администрация считала нарушителями закона только горцев. Все случаи воровства, грабежа и разбоев, случавшиеся в области, она приписывала только им. Поэтому большинство осужденных были именно горцы, тогда как на преступления, совершенные казачеством, местная администрация часто просто закрывала глаза. Данные статистики хорошо показывают случаи подобной несправедливости. Вот как об этом писал в конце XIX в. Я. Абрамов: «Когда на казачьей земле находят труп убитого туземца, то власти, от которых зависит первоначальное дознание, всегда склонны объяснить причину убийства или самообороной казака, или же тем, что туземец был застигнут на краже. Таким образом, до сих пор убийства горцев казаками оканчивались почти всегда ничем, благодаря чему среди казачьего населения установился взгляд, что туземцы стоят вне закона и всякий самосуд против них возможен.

Если по совершении кражи в русском поселении или в принадлежащем ему юрте следы не могут быть открыты, ответственности подвергаются окрестные аулы. Само собою разумеется, что странный взгляд, по которому все преступления в области приписываются исключительно туземцам, не имеет решительно никаких оснований. Русские, живущие здесь, далеко не ангелы и тоже не прочь и поживиться за счет чужого добра, и пырнуть сгоряча ножом».

Наказной атаман Терского войска и он же генерал-губернатор Терской области Михеев писал императору, что столкновения чеченцев и ингушей с казаками

вызывают значительный материальный ущерб и уносят многие человеческие жизни. На что Николай II ответил: «По моему мнению, именно это соседство поддерживает в терских казаках их старую дедовскую удаль, а посему принимать меры к смягчению обстановки нет никакой надобности».

Получив особый размах в конце XIX в., абречество выдвинуло из своей среды целый ряд знаменитых представителей. Их дерзкие набеги на царские конвои и заставы, их неуловимость и смекалка вошли в легенду. Среди них известны такие, как Нука Домбаев, Мехки, Зелимхан Гельдыгенский, Юсуп Умакаев, Дауд Топчаев, Ахмет Чуштаров и мн. др.

Основной свой удар абреки направляли против царской администрации и ее сторонников из числа чеченцев. В 1889 г. они под руководством будущего шейха Дени Арсанова убили полковника Шиду Эльмурзаева, который многие годы провел на царской службе, а на старости лет проживал в своем родном селении Старый Юрт. Он был инициатором ссылки в Сибирь известного Алихана Дебирова и шейха Элаха-муллы. Начальник Грозненского округа полковник Чекунов получил сведения, что Эльмурзаев убит абреками в отмщение за ссылку Дебирова. Он решил наказать чеченцев и приказал староюртовцам собрать одну тысячу рублей «для открытия убийцы». Более того, он объявил крестьянам, что «при неоткрытии убийцы полковника Шиды… староюртовцы будут привлечены к наказанию – крупному штрафу». Чеченцам дали месячный срок для поимки убийц. Приказ начальства староюртовцы не выполнили. Тогда командующий войсками приказал обезоружить их, «в течение месяца взыскать штраф в пользу семейства убитого и назначить старшину по выбору начальника округа с определением содержания по 600 рублей в год, уплачиваемых аульными жителями».

18 сентября 1889 г. Старый Юрт был окружен войсками. Солдаты напали на спящих крестьян и как военнопленных согнали в кучу. В домах изъяли все оружие, оставив его только «почетным старикам», георгиевским кавалерам, имеющим медали «За усердие», а также милиционерам. Во время обыска у жителей отобрали 114 ружей, 104 пистолета, 256 кинжалов, 22 шашки, и все это потом в Грозном превратили в 19 пудов лома, который продали, а вырученные деньги передали в штрафной фонд Грозненского округа. Кроме того, с населения взыскали в пользу семьи убитого 1200 рублей.

Но и на этом беды староюртовцев не закончились. В селении на неопределенное время остался экзекуционный отряд – 19 офицеров, 326 солдат и казаков. 600 староюртовских хозяйств должны были их содержать и кормить, что обходилось в 56 рублей ежедневно. Кроме того, требовались еще дрова и фураж. Солдаты и офицеры заняли лучшие дома, окружили селение многочисленными постами, запретив жителям общаться с внешним миром. Хлеб в поле остался неубранным, земли под посев не подготовленными. Многие подозреваемые в убийстве Эльмурзаева были арестованы; их допрашивали и жестоко избивали. Экзекуция проводилась до 12 ноября. За это время крестьяне уплатили на содержание воинского контингента, на поимку убийц и как кровную плату за убитого до 6 тыс. рублей – по 10 рублей с каждого хозяйства. Для наглядного примера были привезены старшины из соседних округов – Грозненского и Аргунского.

Разумеется, что подобные меры царской администрации наносили большой урон крестьянам. «Это создавало новые кадры озлобленных людей, – писал А. Шерипов, – решившихся на все… И вот началась месть начальству: абреки убивали административных лиц, грабили почту, казначейства и другие правительственные учреждения, а власть еще пуще налегала на мирное население: штрафы, экзекуции, высылка в Сибирь, виселица и т. д. Власть терроризировала местное население, абреки терроризировали власть…».

Крестьяне 13 старшинств Веденского округа, куда входило 27 селений и 33 хутора, в 1904 г. отказались выполнять распоряжения местной администрации. В 1905 г. они отказались платить подати, выполнять повинности, прогнали старшин и избрали свою сельскую власть.

Выступали абреки и народными мстителями. Так, 10 октября 1905 г. властями был устроен чеченский погром, в котором войска расстреляли 17 горцев и разграбили лавки и магазины купцов из числа туземного населения. В ответ на это 17 октября абреки под предводительством Зелимхана остановили пассажирский состав у станции Кади-Юрт, ограбили богатых пассажиров и расстреляли 17 русских офицеров. «Передайте полковнику Попову, – сказал Зелимхан свидетелям, – что чеченские жизни, взятые в Грозном, отомщены!».

Вообще, в крае межнациональная обстановка была довольно сильно накалена, и к ее урегулированию местное население старалось привлечь все слои общества, вплоть до своих думских депутатов. Когда в декабре 1905 г. черносотенцы готовили новый погром, горцы 1-го и 2-го участков Грозненского округа обратились за помощью к депутатам Государственной Думы Т. Эльдарханову и М. Керимову. На многолюдном собрании чеченцев в Грозном Эльдарханов

огласил приготовленный текст телеграммы на имя наместника. Текст послания был одобрен народом и отправлен.

Не дожидаясь ответа, Эльдарханов и Керимов, по поручению грозненских чеченцев, отправились во Владикавказ на встречу с городской интеллигенцией обсудить меры, способные предотвратить возможное межнациональное столкновение. Вскоре туда же приехали представители селений Большой и Малой Чечни и делегаты от казачьих станиц. На совещании горцев и казаков была определена общая линия поведения на местах. «Мы видели, – писал Эльдарханов временному генерал-губернатору Терской области, – что в тяжелый момент разыгрались народные страсти, когда готова была вспыхнуть вражда двух племен, когда сильно обострились взаимные отношения, на нас возлагается ответственная задача, которую мы обязаны выполнить. Депутаты разъехались по домам, в свою очередь, призвали население к миру и спокойствию. Общая работа не прошла даром: между казаками, горожанами и чеченцами установились добрососедские отношения».

Летом 1906 г. население Веденского округа вышло из повиновения своим старшинам. Последние бросились с жалобами к начальнику Веденского округа подполковнику Галаеву. Старшины говорили, что в селениях нет порядка, жители не исполняют их приказов, не являются на вызовы в суд, не выполняют повинностей и не платят уже несколько лет подряд жалованье.

Волнения охватили и другие округа, населенные чеченцами и ингушами. Жители Урус-Мартана, Старого Юрта, Бердыкеля, Исти-Су и Шали летом 1906 г. обратились с письмом к наместнику Кавказа. В нем они потребовали самостоятельного выбора старшин с тем, чтобы жалованье им платила казна, а не крестьяне. Ремонт помещений аульского правления, содержание писаря, переводчика, сторожа и многое другое требует больших денежных средств, «которые мы должны извлекать из хозяйства своего, отнимая деньги эти от жен и детей наших». «Писарями присылают людей с потерянной репутацией», – жаловались крестьяне, лишенные прав по суду. Писари занимаются поборами и взятками, выдают фальшивые удостоверения на ворованный скот. Кроме того, крестьяне жаловались, что с них уже 7 лет берут страховые деньги на случай пожара, но когда сгорает чье-либо строение, никто этих денег погорельцу не выплачивает.

Больше всех упорствовали в своем нежелании сотрудничать с властями крестьяне Веденского округа. Начальник округа Галаев несколько раз пытался организовать в аулах сельский сход, но население игнорировало его приказы и не являлось на собрания. «Жители, – писал он, – не пожелали меня видеть,

показывая этим, что не признают меня за начальника».

25 июня 1906 г. в Грозном на площади у Пушкинского училища состоялся рабочий митинг. В числе делегатов прибыли и представители некоторых сел Чечни. Начальник округа вывел на площадь казаков и две роты Дагестанского конно-иррегулярного полка. Цель была ясна – устроить расправу над митингующими. Однако дагестанцы отказались стрелять в рабочих, и пообещали «даже, может, защитить от казачьего нападения». Рабочие и крестьяне-чеченцы, вооружившись подручными средствами, набросились на казаков и начали их избивать. Дошло до того, что казачьим конникам пришлось удирать от чем попало вооруженной толпы. Дагестанцы же «не шевелились, чтобы подать помощь сдавленным со всех сторон казакам».

В октябре 1906 г. стихийные выступления чеченских крестьян вспыхивают в разных концах области. Восстает селение Макажой, жители которого забросали камнями отряд начальника 5-го участка Владиславского, спешившего усмирить население. Через несколько дней в селении Шарой ночью кто-то выстрелил в закрытое ставнями окно дома, где жил Владиславский и тяжело ранил его. Перепуганный не на шутку, он навсегда покинул Веденский округ.

Для подавления волнений в Веденский округ были направлены батальон пехоты, две сотни казаков и горная артиллерия. Бунты во многих селениях были подавлены. Непокорными по-прежнему оставались аулы Макажой, Нижалой, Нихалой и Хой. 18 декабря артиллерия карателей накрыла эти селения своим огнем; часть жителей бежала, часть была арестована и выслана в Сибирь.

Недовольство своей администрацией проявили жители Урус-Мартана. В феврале 1907 г. они обратились к наместнику Кавказа с требованием убрать своих представителей власти и заменить их достойными людьми. Начальник участка «для нас недоступен, – писали они, – да и вообще его деятельностью мы недовольны, так как она по существу крайне вредна». Требовали крестьяне и замены русских писарей на грамотных чеченцев, а также просили, чтобы конвой начальника округа составляли чеченские всадники, «нам легче было бы ориентироваться при явке в учреждение к начальнику, так как нас казаки толкают в шею». Не пропустили крестьяне и вопрос о взяточничестве: «Зло – это взяточничество, существование которого несомненно уже из того, что самые порочные люди наши у начальства на первом счету и лучшие люди». «Жалобы на начальника, – писалось далее, – всегда отзываются на нас самым пагубным образом… При теперешнем начальстве нам живется очень и очень плохо и горько, чем когда-нибудь в течение полвека».

Доведенные на своей собственной земле до нищеты и разорения, чеченцы в то же время видели с каким достатком живут казачьи станицы, расположенные на землях, отобранных у горцев. И эта несправедливость вызывала в чеченцах законное чувство мести, иногда вырывающееся наружу в виде крайней жестокости. Так, например, в августе 1907 г., обозленные своим бесправием жители селения Верхний Наур обрушивают свой гнев на экономию Мазаева, где учиняют настоящую резню. Мазаевы заслужили эту вспышку народной ярости не потому, что им «посчастливилось» родиться русскими, а потому, что они своими махинациями с местным начальством практически закрыли чеченским стадам путь за Терек.

Вообще, среди чеченцев абреки пользовались особым уважением. Любая чеченская семья считала своим долгом оказать им всяческую помощь и поддержку, даже если ей это грозило серьезным наказанием. Чеченский абрек вообще отличался от абрека у осетин или, скажем, у грузин. Если у соседей институт абреков появился под влиянием классовой борьбы, то в среде вайнахских народов, лишенных классовых сословий, это явление было, по большей части, результатом национально-освободительного движения. И, соответственно, не имело тех внутринациональных очагов подавления, которые могли быть организованы господствующим классом. Иными словами, в Чечне для уничтожения абречества русским властям мало было на кого положиться. Более того, отношение населения к абрекам, когда каждый из них чувствовал на себе заботу и поддержку, давало почву для роста и развития этого движения.

Не взирая на все карательные меры царской администрации, на все ее экзекуции и погромы, чеченцы не видели в абреках причины своего бедственного положения. Абреки же, в свою очередь, старались всячески компенсировать понесенный мирным населением урон, выделяя ему часть своей добычи. Такой порядок вещей был заведен еще в древнейшую эпоху, в период военных походов на равнину, когда вайнахи были отрезаны кочевниками от плодородных плоскостных земель и основным средством к существованию у них оставался набег – быстрое распределение материальных благ.

Царские агенты также подтверждали, что большинство абреков не обогащается, а раздает все деньги беднякам. Даже родственникам Зелимхана ничего не доставалось из добычи.

Обеспокоенные развитием абреческого движения царские власти пустили в ход все средства для поимки и уничтожения абреков. Подкупы, повальные экзекуции, облавы и военные походы в горы стали обыденным явлением в Чечне. Начальство реагировало на любое донесение о местонахождении абреков.

Летом 1907 г. волнения вновь охватили Веденский округ. Начальство дало населению семидневный срок, чтобы водворить в округе порядок, на что крестьяне ответили: «Никаких сроков не нужно, так как ни под какими угрозами не подчинимся требованиям». В наказание за неповиновение во всех крупных населенных пунктах были поставлены войска, а на дорогах усилены посты и пикеты. Начальник округа Галаев «сразу выслал из Веденского округа 500 человек якобы за воровство, которые вернулись в качестве абреков и наводнили весь Веденский район…».

В декабре 1907 г. жители Шаами-Юрта начали самовольную порубку леса, переданного царскими властями станице Ассиновская. Причем подобные самочинные рубки казенных и частновладельческих лесов в Чечне были не редкостью – населению хронически не хватало строительного и топливного дерева. Тогда в декабре 1907 г. на жителей Шаами-Юрта наложили штраф в размере 2811 рублей, причем срок уплаты поставлен был заведомо нереальный – 3 месяца.

Индарби Бызов.

Журнал «Чеченское общество сегодня». №3, 2008

Абречество в начале XX в.

В начале XX в. активизировалось абреческое движение. Исследователи А.И. Хасбулатов и А.К. Джанаев определили абречество как разновидность крестьянского движения, направленного против социального и национального угнетения. Абреки выступали против произвола беков, князей, царской администрации, защищали бедных крестьян. Власти называли абреков разбойниками, бандитами, посылали против них карательные экспедиции.

В дореволюционный период наибольшую известность получил последний абрек-чеченец Зелимхан Гушмазукаев из села Харачой (близ Ведено). Он начал свою борьбу в 1901 г. За его голову русская администрация назначила большую награду, которая все время росла на протяжении 13 лет, пока Зелимхан был неуловим для властей. В 1908 г. Зелимхан убил даже начальника Веденского округа Галаева.

Целый ряд чеченских аулов были обложены большими штрафами за укрывательство абрека, несколько селений пострадало от карательных экспедиций, но никто из крестьян не выдал Зелимхана. Только лишь в 1913 г. нашелся предатель, который сообщил властям о его местонахождении. Тяжелобольного Зелимхана окружили и убили около села Шали.

Извлечение из статьи «Общественное и революционное движение на Дону и Северном Кавказе в начале XX века»
http://grants.rsu.ru/osi/Don_NCXIXend-XXObch_dv_XX.htm

От Кубани до Нила

Окончание Кавказской войны, покорение Восточного, а затем Западного Кавказа, упразднение Абхазского княжества и последующие неоднократные восстания в Абхазии, Чечне и других частях Кавказа, введение военно-административного управления, колонизация Кавказа, репрессии царской администрации по отношению к кавказским горцам вызвали у них массовую миграцию в страны зарубежного Востока, которая происходила в основном насильственным путем. Одной из форм сопротивления царизму было абречество: на карательные экспедиции царских генералов, даже после покорения Кавказа, горцы отвечали стремительными и дерзкими акциями, приводившими в трепет военную администрацию Кавказа. А. Шерипов писал по этому поводу: «Но особенную окраску абречество приняло после окончательного утверждения царской власти на Кавказе. Несоответствие русского суда и обычного права горцев, преступная администрация Кавказа и общая политика притеснения заставляли многих сильных личностей из чеченцев (и вообще из кавказцев) становиться на нелегальное положение... Их продолжали преследовать – и для успешной борьбы с вредным элементом ввели систему круговой поруки. От этого возмутительного акта страдали уже лица, имевшие несчастье быть родными или даже просто односельчанами «преступника»... Это создавало новые кадры озлобленных людей, решившихся на все... И вот начиналась месть начальству: абреки убивали административных лиц, грабили почту, казначейства и др. правительственные учреждения... а власть еще пуще налегала на мирное население: штрафы, экзекуции, высылка в Сибирь, виселица и т. д. Власть терроризировала мирное население, абреки терроризировали эту власть. И, конечно, народ

смотрел на абреков как на борцов против притеснений и зверств власти... Наиболее отважные и удачливые из абреков так поражали психологию чеченцев, что они счита-

ли их продолжателями дела Шамиля и его мюридов. В одно время ходили даже слухи, что Зелимхан объявит себя имамом и изгонит царскую власть... Вот этот характер политического протеста и борьбы с властью придавал абрекам в глазах народа ореол национальных героев, что в свою очередь отразилось в песнях».

По сей день у абхазов бытуют песни и предания о тех, кто бесстрашно сопротивлялся самодержавной политике царизма, – это Катмас-ипа Халыбей, Атрышба Ханаш, Ахьы Шабат Маршьан, Чызмаа Едыг, Адагуа-ипа Инадла, Адагув-ипа Зекериа, Ажьгирей-ипа Кучук, Мыстаф Чалакуа, Аданба Хакыбей, Чкуаку Кяща и др.

Руслан Гобжа.
Российский исторический иллюстрированный журнал «Родина». №1, 2000
http://istrodina.com/rodina_articul.php3?id=127&n=7

Чечня и Ингушетия в составе Российской империи

Абречество – давнишнее явление на Кавказе, но после утверждения русского владычества в крае оно приняло особенную окраску. Царские власти называли абреков разбойниками, но их не следует смешивать с обыкновенными уголовниками. Это были бунтари, которые, столкнувшись с государственной машиной по какому-либо поводу и не желая мириться с несправедливостью, взялись за оружие. Действуя в одиночку или небольшими группами, абреки мстили государству за себя и свой народ: убивали ненавистных чиновников, грабили банки, казенные учреждения, богачей-эксплуататоров. Отобранные деньги и ценности абреки нередко затем распределяли среди бедных крестьян. Абречество имело широкую социальную поддержку и, безусловно, отражало недовольство масс национально-колониальным гнетом. Народ смотрел на абреков как на своих защитников и сам тоже защищал их, помогая скрываться от царской фемиды. Поэтому абреки годами оставались «неуловимыми».

В эпоху царского владычества первым прославленным чеченским абреком был Вара, убитый в бою с отрядом драгунов в 1865 г. Последующий период характерен для Чечни и Ингушетии действиями многих знаменитых абреков (Геха, Мехти, Успан, Эска, Аюб, Саламбек и др.), но самым известным абреком в Чечне, да и, пожалуй, на всем Кавказе был Зелимхан из Харачоя. Его абреческая эпопея длилась с 1901 по 1913 гг. и отмечена поистине громкими делами.

Молва о Зелимхане гремела по всей России. За его голову власти назначали огромные суммы денег, Зелимхана преследовали многочисленные карательные

отряды. За подозрение в укрывательстве и помощи Зелимхану сослали в Сибирь десятки семей и отдельных лиц, облагали огромными штрафами целые общества, наводняли села экзекуционными отрядами, но народ не выдавал его. Многие даже верили, что Зелимхан объявит себя имамом и изгонит царскую власть. Лишь в сентябре 1913 г. карателям удалось обнаружить тяжело заболевшего Зелимхана и убить его.

По-видимому, массового восстания вайнахов под руководством религиозных лидеров или абреков, вроде Зелимхана, всерьез опасалось и царское правительство, поэтому в 1912 г. из Чечни и Ингушетии вглубь России было выслано около десяти виднейших шейхов.

Извлечение из статьи «Чечня и Ингушетия в составе Российской империи».
Полная версия – http://kavkaz uzel.ru/bookstext/books/id/611449.html

Абречество – реальность и предрассудки

Наряду с гостеприимством, куначеством или обычаем кровной мести социальный институт абречества относится к кругу тем, традиционных для кавказской проблематики; в силу ярко выраженной специфики и некоей «экзотичности» абреки всегда обращали на себя внимание представителей иноэтничного мира. Именно тогда к этому явлению было привлечено самое пристальное внимание российского общества. При этом интерес был далеко не академическим. В многочисленных публикациях, авторами которых, как правило, были служившие на Кавказе офицеры, осмысливался опыт непосредственного контакта с реальными абреками, а также предпринимались попытки определения сути абречества, часто понимавшегося однобоко – например, о герое лермонтовской повести Казбиче (прототипом которого служил реальный разбойник Хизбеч) сообщается, что он любит таскаться с абреками за Кубань, служившую в то время границей.

Иной аспект деятельности абреков вскрыл исследователь обычного права народов Северного Кавказа Ф. Леонтович, который характеризовал их как изгоев, исключенных из семьи и рода, то есть вышедших из родовой зави-

симости и потому лишившихся покровительства и защиты рода. По мнению журнала «Родина», с XIX в. абреками называют кавказцев, борющихся против российской администрации. Преодолевая упрощенные представления органов правительственной пропаганды, современная литература обращает внимание на то, что термин абречества часто объединяет различные явления и в разное время понимается по-разному. В XVI–XVIII вв. абреками именовались главным образом переселенцы, беглецы и изгои, вынужденные (обычно из-за кровной мести) покидать родные края. В период Кавказской войны XIX в. слово абрек становится синонимично понятию «немирный горец». В начале XX в. «абрек» становится «благородным разбойником», ведущим борьбу с произволом властей. Завершается периодизация последним четвертым этапом, когда интересующий нас термин действительно идеологизируется, и абрек превращается в участника «антиколониального/антигосударственного движения против России/СССР».

Представления о динамике изменения института абречества во времени, безусловно, справедливы. Однако все перечисленные характеристики являлись реакцией одного и того же общественного института на меняющиеся исторические условия; все типы абреков могли сосуществовать в один и тот же исторический период.

Существует два основных параметра, позволяющих говорить об абречестве как явлении, обнаруживающем отчетливо выраженную преемственность. Во-первых, особое положение абрека по отношению к основному ядру общества, которое можно определить как маргинальное. Во-вторых, ситуация необходимости мести, соответствующим образом выстраивающая поведение абрека по отношению к окружающему миру.

Познакомившись с различными оценками абреков и абречества с позиций иноэтничных авторов, рассмотрим теперь, что по этому поводу думали непосредственно в местной кавказской среде.

Согласно наиболее популярной на Кавказе точке зрения, абрек исполнял покровительственную функцию по отношению к обществу. Так, например, адыгский абрек Махмуд Хатит, прославившийся в начале XX в. на Северном Кавказе не меньше, чем знаменитый чеченец Зелимхан из Харачоя, свою абреческую деятельность начал с ограбления богатого одноаульца, везшего деньги в банк Екатеринодара, и затем раздал деньги бедным вдовам. При этом свое благодеяние он совершил тайно. Сохранившиеся до наших дней разного рода истории об абреках, в которых их поведение с позиций интересов общины трактуется как «правильное», народная память удерживает удивительно цепко.

Абрек – человек отверженный, поэтому он не был заинтересован вызывать

у одноаульцев враждебность по отношению к себе. В свою очередь община в этих двухсторонних отношениях также должна была занимать совершенно определенную позицию, обеспечивая абреку поддержку и предоставляя ему в случае необходимости пищу и кров. Выдачу абрека кровникам или властям общественное мнение рассматривало как грубейшее нарушение нравственных законов. Не случайно проблема так называемого пристанодержательства (иначе говоря, предоставления крова) являлась для российских властей на Кавказе, пожалуй, наиболее острой в их борьбе с абречеством и сохраняет свое значение и сейчас, несмотря на иную природу разногласий изгнанников с властью.

Принцип взаимоотношений абрека с общиной, о котором шла речь, с точки зрения традиционного сознания, соотносится с понятием о норме. В этой ситуации степень автономности абрека, отрыва от общины весьма относительна. Безусловно, в реальной жизни подобный стиль отношений имел место, тем более что миролюбивые взаимоотношения абрека с общиной являлись гарантом относительно безопасного его существования.

Однако данная линия взаимоотношений не была единственно возможной, и поведение абрека далеко не всегда было адекватно представлениям народа о его идеальном образе.

Подобное положение дел было связано с тем обстоятельством, что на цель и смысл существования абрека помимо взгляда «со стороны», то есть общинников, существовал и другой взгляд – «изнутри», его собственный. И здесь интересы общины и конкретного абрека могли частично или даже полностью не совпадать. Ведь месть, которая являлась доминантой, смыслом существования абрека, в равной степени могла быть направлена и на общину, а не только на кровника, мироеда или представителей власти. Отсюда и сложный рисунок его поведения, когда абрек, например, мог вступить в союз с представителями лагеря противника, в лице которого нередко выступала Россия. В этом случае факт сотрудничества с Россией представляет собой не более чем один из способов осуществления задуманной абреком мести.

Представляют интерес некоторые факты биографии Хаджи-Мурата, известного исторического деятеля Дагестана времен Кавказской войны. Версия жизнеописания знаменитого наиба, рассказанная его сыном Гуллой и внуком Казанбием, дает возможность увидеть мотивацию поведения Хаджи-Мурата глазами местных жителей.

Отомстив за смерть аварских ханов, Хаджи-Мурат участвует в военных действиях на стороне России против Шамиля – преемника своего врага имама Гамзата. За совершенные подвиги русские производят Хаджи-Мурата в

офицеры. Но в результате интриг недоброжелателей его оговаривают перед Ахмед-Ханом – союзником России и правителем Дженгутая, под командованием которого Хаджи-Мурат находился. Приговоренный к ссылке в Сибирь Хаджи-Мурат совершает побег и затем переходит на сторону Шамиля.

Через несколько лет, став наибом Хунзаха, он снискал себе славу удачными набегами. При этом часть добычи неизменно выделялась сиротам и вдовам. Свои набеги Хаджи-Мурат совершал не только ради добычи, но и, как карательные акции, ради мести. В дальнейшем Хаджи-Мурат вновь был оговорен мстительными наибами Шамиля, завидовавшими его славе, и Шамиль лишил его наибства в Хунзахе.

Остаток жизни Хаджи-Мурат провел в постоянных скитаниях из одного селения в другое. На пути в чеченское селение Гехи преданный кунаком, Хаджи-Мурат попал в засаду. Убив предателя, Хаджи-Мурат сдался русским и получил предложение вновь поступить на военную службу.

Обращает на себя внимание тот факт, что, переходя в столь бурное политическое время на сторону противоборствующих сторон, Хаджи-Мурат, тем не менее, не оказывается предателем. Его служба России или Шамилю не шла вразрез с интересами жителей Хунзаха. Верный кодексу чести Хаджи-Мурат не прощал ни малейшей обиды, обрастая многочисленными врагами с тем, чтобы в конце жизни оказаться в политическом и социальном вакууме. Жизнь Хаджи-Мурата – это жизнь типичного абрека, с той лишь оговоркой, что наибство, высокое социальное положение, которое он занимал на протяжении долгого времени, находятся на первом плане его биографии и заслоняют другую, не менее важную составляющую его жизни.

Одиночество (а именно на этом фоне протекала жизнь абрека) как форма существования рассматривалась в народной традиции далеко не однозначно. Представление об опасном для человека состоянии одиночества выражено в фольклоре совершенно определенно.

Места обитания абрека, где протекали долгие годы его скитальческой жизни в отрыве от людей, согласно народным представлениям, были населены многочисленными демоническими персонажами. Живой человек не может находиться здесь длительное время без риска подвергнуться нападению со стороны обитателей «другого мира». Абрек должен был стать одним из этих обитателей лесов и гор Кавказа, для чего требовалось изменить свою человеческую сущность и приобрести свойства инородного существа. Абрек, как представляется, проходил обряд уподобления представителям мира инобытия через утрату своего

человеческого начала – в первую очередь, через утрату присущего человеку нравственного комплекса: сострадания, личной привязанности, жалости, любви. В чеченской героической песне об абреке Гехе на крик героя отзывается только волк:

«Серый скиталец, свирепый боец,
Невыносящий ярмо и опеку,
Верную дружбу принес он абреку,
Слились две злобы двух буйных сердец».

Как правило, уйти в абреки человека заставляли обстоятельства экстраординарные. Месть абрека в этой связи становилась явлением долговременным, если не бессрочным. Став абреком, человек уже не принадлежал самому себе – он становился в известном смысле орудием своей мести. Абрек, как отмечал один из авторов конца XIX в., «пользуется среди народа прочным, почти религиозным уважением...».

Мистический союз с духами не мог пройти для человека бесследно. В народном сознании существовало представление о безумии абрека, как следствии его общения с духами. Абрек брал на себя большой нравственный груз, который начинал постепенно трансформировать его личность.

В мистическом плане человеческая сущность начинала вытесняться демонической составляющей. Отсюда еще один фольклорный образ – образ абрека, испытывающего непреходящую жажду крови, практически уже собственно демона, утратившего всякий контроль над собой. Тем не менее, абрек не заносился в «черные списки». Существовало представление об особой миссии абрека с вытекающим из этого выводом о неправомерности осуждения его действий с общечеловеческих позиций, так же как невозможно осуждать стихийное бедствие, несущее смерть или разрушения.

Образ абрека своей двойственностью вызывал у местного населения в равной степени противоречивые чувства ужаса и уважения. Желание никогда не встречаться с абреком в реальной жизни дополнялось постоянной привлекательностью этого образа у местного населения, что подтверждается многочисленными песнями, легендами и сказками. Хотя современные преступники Кавказа унаследовали у романтических абреков разве что жестокость, ставшую для них нормой жизни, было бы ошибкой забыть о предрассудках, которые может вызывать их деятельность у местных жителей.

на и Чечни стояли выборные предводители, гордо называвшиеся ханами или шахами (авар. *цевехъан*, кубач. *бикт-халел*). У адыгов до середины XVIII в. их роль играли князья-пши, реже дворяне-уздени. Важнейшей традиционной прерогативой князя было право объявления войны и мира, созыва дворянского ополчения и организация военных походов. Причем уже упоминавшиеся выше набеги-зекиуэ носили в основном оборонительный характер. Должность князя отнюдь не являлась синекурой. Пши не только предводительствовали войсками, но и первыми шли в бой, показывая на личном примере образцы доблести и рыцарского отношения к своему долгу.

Важно отметить, что у большинства кавказских горцев не существовало жестких сословных различий. «Быть удальцом в горах, – отмечал Н. Берзенев, – значит быть аристократом». Участие в войне, тем более руководство походом, давало возможность достичь почета и власти. Образцом для подражания каждого мужчины-горца был выработавшийся веками образ удальца-джигита (ср.: чеч., ингуш. *киант*). Некоторые отличившиеся на поле брани джигиты сосредоточивали в своих руках огромную, хотя и временную, власть.

Известны случаи, когда они подчиняли себе свои сельские общины, становясь их наследными правителями. По данным Л.Б. Панек, рутульские беки южного Дагестана вели свой род от «бывших предводителей набегов». Стевен, наблюдавший в начале XIX в. за жизнью одного из чеченских обществ, отмечал, что «предводителей своих выбирают они из семейства, которое в течение веков давало им всегда отличных военачальников и потому у них в большом почтении». Нередко случалось, что община физически истребляла слишком возвысившихся военных предводителей. Другие общества то призывали, то изгоняли потомков своих военных предводителей – беков и чанков. В некоторых дагестанских обществах обычай постоянной смены воинов в отрядах, по мнению Р.М. Магомедова, мешал появлению здесь военного сословия, могущего захватить власть.

Важным элементом традиционной культуры насилия на Кавказе являлась кровная месть. В ответ на оскорбление женщины, захват земли, ранение или убийство горцы отвечали убийством обидчика. Кровная месть часто распространялась на весь тухум кровника. Причем в случаях изнасилования девушки или женщины или лишения семьи горца родовой чести кровную месть было настолько сложно остановить, что вражда между кланами-тухумами могла продолжаться вплоть до полного физического истребления одного из них. Например, в даргинском с. Кадар два тухума враждовали около 200 лет, с XVII

Ботяков Ю.
Независимая газета. 2003
http://nvo.ng.ru/history/2003-08-29/5_abrek.html

Абреки и государство

Корни абречества в дореформенном горском обществе. Постепенное изменение семантики термина «абрек» на Кавказе XIX–XX вв. и приобретение им своего современного значения произошло в силу перемен в условиях жизни горцев. Разбор этой метаморфозы будет предметом следующего раздела данного исследования. Здесь же я хочу рассмотреть те социальные институты, из которых вырос профессиональный разбой на российском и советском Кавказе.

На мой взгляд, это военные дружины горской молодежи, культ воина-джигита, обычаи кровной мести и гостеприимства. Обратимся сначала к первому. Вплоть до включения Северного Кавказа в состав Российского государства, военные силы мелких политических образований – сельских общин, их союзов и ханств – формировались по принципу всенародного ополчения. В основе таких военных отрядов лежали союзы неженатой молодежи горцев (араб. заимств. *ихтилат*, кубач. *батирте*, рут. *сехбат*, цез. *сидар бахиру* и проч.), детально изученные дореволюционными и советскими этнографами. Юноши проводили зиму в большом «общем доме-крепости» (авар. *гъоркъо рукъ*, кубач. *гулала-хъали*, хевсур. *сапехно*), посвящая свой досуг военным и спортивным упражнениям и пирам.

Как союзы молодежи, так и сельские ополчения (араб. *джайш*, *аскар*, аварск. *бо*, дарг. *хуребо*, багв. *къокъаби*), куда кроме них входило все дееспособное мужское население, не были объединениями профессиональных воинов, ни тем более разбойников. Косвенно на это указывает тот факт, что ополчения союзов сельских общин и отдельных ханств могли насчитывать до нескольких десятков тысяч человек. Когда в апреле-мае сходили снега, ополчение одной или нескольких общин могло совершать набеги на соседей. В свою очередь ополченцы должны были защищать общину от внешнего вторжения. По местным преданиям, кубачинские батирте обороняли село от полчищ иранского завоевателя XVIII в. Надир-шаха, а хевсурское ополчение с. Шаитли, засев в башнях селения, отбилось от осаждавших аул войск Шамиля. Ополченцы выполняли некоторые сельскохозяйственные (очистка полей от камней, косьба и пр.) и строительные работы.

Во главе военных сил горцев в независимых сельских общинах Дагеста-

до 60-х гг. XIX в.

Однако в большинстве случаев развитие кровной мести сдерживалось так называемой системой композиций – натуральных или денежных штрафов по нормам обычного права. По словам большого знатока адыгского быта Л.Я. Люлье, «у горцев кровоотмщение не есть необузданное, неудержимое чувство, вроде вендетты корсиканцев; это скорее обязанность, налагаемая честью, общественным мнением, требованием крови за кровь». О существовании подобной нормы на Северо-Восточном Кавказе говорит дагестанская пословица «Гье гьейд боциона бахъаас» (бежт. кровь кровью не смывается).

Кровь разных сословий традиционно оценивалась по-разному, особенно на Северо-Западном Кавказе и в равнинном Дагестане. По подсчетам В.К. Гарданова, изучавшего адаты кабардинцев, «цена крови» князя «колебалась от 6 до 8 тыс. быков... тогда как «цена крови» простого свободного адыга (тфокотля) составляла в XVIII в. всего лишь 160 быков...». За убийство раба платили его «рыночную стоимость». По верному замечанию В.Х. Кажарова, «высокая «цена крови» князя укрепляла и безопасность его подвластных». Согласно адату, кровная месть не могла быть обращена против вышестоящего лица.

В районах Нагорного Дагестана и Чечни с сильной независимой общиной система композиций за кровную месть охраняла в основном права свободных общинников-узденей. Чтобы предотвратить взаимное истребление целых тухумов, было принято высылать убийцу (в некоторых районах и его ближайших родственников) далеко за пределы владений общины. Несколько десятков селений Дагестана основаны тухумами кровников, бежавшими от кровоотмщения.

Положение кровника и простого путешественника среди горцев регулировалось обычаем гостеприимства, распространенным практически у всех мусульманских и христианских народов региона. «Есть три качества, – отмечал в своих наблюдениях о жизни черкесов Дж. Лонгворт, – которые в этих краях дают человеку известность – храбрость, красноречие и гостеприимство». «Гостеприимство у черкес считается первейшей добродетелью, и гость у них, кто бы он ни был, есть особа неприкосновенная», – сказано в сборнике адатов А.А. Кучерова. О гостеприимстве горцев с теплотой отзывались дореволюционные авторы. «Можно смело утверждать, что только священный обычай гостеприимства дает возможность проникнуть в эту почти недоступную страну», – писал А.К. Сержпутовский. Традиционно отношение горца к гостю-кунаку основывалось на двух принципах: во-первых, оно распространялось на любого человека, в том числе преступника или кровника; во-вторых, ради безопасности гостя хозяин

был обязан жертвовать всем, вплоть до своей жизни. Эти нормы не раз спасали жизнь горцев, оказавшихся в положении беглецов-абреков.

Все рассмотренные выше элементы традиционной культуры – мужские союзы, культ воина-джигита, кровная месть и гостеприимство – помогали небольшим общинам горцев выживать в условиях постоянных междоусобиц и завоеваний с севера и юга, не позволяли горскому обществу снизойти до состояния анархии. Как и повсюду, в нем, конечно, были свои разбойники. Некоторые из них (например, аварский Хочбар, по преданиям живший в начале XVIII в.), стали даже героями народных песен и героических сказаний. Но, как показывают исследования историков и этнографов, профессиональный бандитизм рассматривался как социальное, из ряда вон выходящее явление.

Отношение горцев к разбою было двойственным. С одной стороны, набегами восхищались, когда они служили для юношей средством добыть славу и почет настоящего джигита. Одна из чеченских песен XIX в. о героях набега кончается пожеланием: «Да родятся у каждой матери подобные сыны». С другой стороны, в горском фольклоре есть также немало выпадов против набегов и их участников. Так, с явным осуждением говорит о набегах плач о разорении отрядом Шамиля с. Чох, записанный современным дагестанским историком П.И. Тахнаевой. Песня кончается пожеланием участникам набега, павшим под Чохом, вечно гореть в аду. Подобные же песни записаны у рутульцев и других народов Дагестана.

Рождение профессионального абречества в период российских реформ. Социальные потрясения и государственные реформы, пережитые горцами Кавказа после окончательного покорения их Россией, вызвали глубокую трансформацию местного общества и его мировоззрения. В результате целого ряда перемен и как реакция на русское завоевание сложилось современное абречество. Оно представляло собой профессиональный разбой нового типа, характерный для посттрадиционного общества, однако воспринималось самими горцами, политиками и учеными как продолжение удальства или «хищничества» местных джигитов. На самом деле социальные и культурные корни абречества значительно изменились в XIX–XX вв.

Перестройка горского общества на Северо-Западном Кавказе с целью его «умиротворения» была начата российскими властями еще в конце XVIII в. Уже в 1777 г. было начато строительство Кавказской линии – цепи крепостей, кордонных линий и казачьих станиц, ограничивших свободу передвижения горцев Северо-Западного Кавказа. «Мирным горцам» было запрещено созывать сельские ополчения и княжеские дружины. Князья и дворяне превращались

из военных предводителей горцев в служилое сословие российского государства. Постановления 1820–50-х гг. лишили принявших российское подданство адыгских князей почти всех их былых привилегий, в первую очередь права созывать войска, объявлять войну, совершать набеги. Многочисленное сословие князей-пши и вассально зависящих от них дворян-узденей было лишено возможности взимать дань с прежде подвластных им народов. Чтобы прожить, обедневшие князья-пши должны были поступать на русскую службу либо тайком заняться наездничеством.

На Северо-Восточном Кавказе сельские ополчения общин были упразднены после окончания Кавказской войны, согласно «положениям» 1860 и 1868 гг. Повсюду разрушались боевые башни и военные укрепления горцев. Мужские союзы, хотя и сохранились, были лишены своих важнейших функций. Дагестанский этнограф А.Г. Булатова нашла следующие свидетельства их упадка: во второй половине XIX в. мужские союзы уже не охватывали всех молодых людей селения; кроме неженатых юношей сюда стали входить женатые мужчины до 40–50-летнего возраста. К советскому времени военные дружины горской молодежи выродились в своего рода мужские клубы. Всю зиму они посвящали теперь только пирам и развлечениям. Бывшие военные предводители горцев оказались не у дел. Они стали перед выбором: либо поступить на русскую службу, либо быть объявленными вне закона «преступниками и злодеями».

Власти также решили ограничить применение кровной мести как явления, резко противоречащего законам Российской империи. В Кабарде еще в 1793 г. было запрещено разбирать дела о кровоотмщении согласно адату. Мелкие уголовные и гражданские преступления были тут переданы в родовые (адатные) «суды и расправы». Урегулирование кровной мести стало прерогативой Верхнего пограничного суда в Моздоке, разбиравшего ее на основании российских законов. Волнения кабардинцев, вызванные деятельностью родовых судов и расправ, вынудили власти в 1807 г. заменить их мехкеме шариатскими судами. Однако уже в 1822 г. вместо запрещенных мехкеме был создан Кабардинский временный суд. Разбором кровной мести, как и другими тяжелыми уголовными преступлениями, стали заниматься российские военные суды. В 1820–40-е гг. подобные судебные преобразования проводились по всему Северо-Западному Кавказу. Изменились уголовные нормы адата. Запрещено было откупаться от кровной мести штрафом. Высылка кровника из общества была заменена каторжными работами.

После покорения Северо-Восточного Кавказа в 1860–1868 гг. судебная ре-

форма была проведена в Нагорном Дагестане и Чечне. Как и на северо-западе региона, тут были реорганизованы словесные суды по обычному праву. Причем кровная месть была выведена из их юрисдикции. Ее приравняли к тяжелым уголовным преступлениям. Случаи кровной мести стали рассматриваться российскими военными судами. По решениям суда кровников высылали из Дагестана в арестантские роты и в отдаленные губернии России на срок от 3 до 10 лет. В 1911 г. после многократных просьб дагестанцев начальство области разрешило заменить ссылку кровников в Сибирь и другие районы России внутренней высылкой их «в отдаленнейшие округа Дагестанской области». Срок пребывания в канлы по новому закону был увеличен до 20 лет. Таким образом, ряд норм адата, касающихся кровной мести, в какой-то степени сохранил юридическую силу.

Наряду с борьбой с кровной местью, российские власти хотели лишить князей и ханов их бывших правовых привилегий. В «немирных князьях» они видели опасного противника российского господства в регионе. Поэтому они постарались уничтожить старый адатный принцип, запрещающий мщение вышестоящему в социальной иерархии лицу. В знаменитой прокламации 1822 г. наместник Кавказа Ермолов предписывал кабардинцам: «Узденям и простому народу повелеваю, что при всякой встрече с изменниками действовать оружием и забыть глупое обыкновение не стрелять в князей, когда они стреляют». Далее он предупреждал, что «если простой народ стрелять не будет, то население будет наказано оружием». Таким образом, власти не просто допускали, но открыто поощряли убийства князей, лишенных российским правительством «прежних достоинств».

Кроме кровной мести недовольство российских властей вызывали традиции гостеприимства, позволявшие «немирным горцам» укрываться у уже покоренных Россией народов. Чтобы контролировать перемещения гостей-кунаков по российскому Кавказу, еще в конце XVIII в. тут была введена «билетная» система. Въезд «в Кавказскую линию», ограждавшую российские земли, а также выезд за ее пределы производился по билету – письменному разрешению, своего рода паспорту, выданному российскими военными властями. В первой половине XIX в. билетный режим лишь укреплялся. Горцам запрещалось принимать безбилетных кунаков. Поощрялось доносительство на тех, кто принимал «немирных горцев» или участников набегов.

В предписании Кабардинскому временному суду от 1847 г. указывалось: «Если окажется, что кто-либо из кабардинцев будет держать у себя в гостях прибывших из-за Кубани, из-за Терека и из назрановцев (т. е. ингушей. – В.

Б.), которые не явились к русскому начальству или не имеют билета, то подвергнется штрафованию по усмотрении вины его; а если будет передерживать подозрительных людей, абреков, то подвергнется строгому по законам русским взысканию». По мере завоевания столь же строгая билетно-паспортная система была распространена и на другие районы Северного Кавказа. Ее режим смягчился только к самому концу XIX в.

В 1840–60-е гг. одним из средств борьбы с нарушением билетной системы стало переселение виновных в ее нарушении в контролировавшиеся регулярными войсками и казаками земли современной Ростовской области и Ставрополья. Если удавалось поймать беглеца, то приговором военного суда его наказывали шпицрутенами и ссылали либо на каторгу, либо в расквартированные вдали от Кавказа арестантские роты. Если беглецом-абреком был аульный владелец, то его аул расселялся по разным селениям. Кроме того, в это время на Северо-Западном Кавказе широко практиковались переселения целых селений из недавно покоренных труднодоступных горных районов на равнинные земли, в окружение казачьих станиц. Так появились современные укрупненные села Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Абхазии.

Все эти меры немало помогли властям «замирить» горцев и стабилизировать внутриполитическую обстановку в регионе. Но в то же время они парадоксальным образом подготовили почву для появления профессионального абречества. По верному замечанию В.Х. Кажарова, российское правительство превратило прежних военных лидеров горцев в абреков-изгоев по отношению к России, объявив их вне закона и лишив права убежища. Само горское общество их не изгоняло и не считало преступниками. Более того, многие действия новых абреков, в первую очередь, участие в набегах на российские земли, в силу разобранных нами выше представлений, от которых нельзя было избавиться в одночасье, продолжали восприниматься народом как продолжение славных традиций джигитов прошлого.

Таким образом, с одной стороны, деклассированные князья и военные предводители сельских ополчений постепенно превращались в профессиональных разбойников-абреков, какими их и считали российские власти. Из этого слоя вышли многие знаменитые абреки первой половины прошлого века. Это были такие известные «наездники» (участники зекиуэ), как кабардинский князь Тау-Султан Атажукин. Из князей и беков, лишенных российскими властями своего прежнего достояния, вышли знаменитые абреки, которые (например, Даниял-бек султан Елисуйский, Хаджи-Мурат Аварский и Мухаммед Анзоров из Кабарды)

занимали видные посты в имамате Шамиля.

С другой стороны, возникла среда сочувствующих, при негласной поддержке которой абреки могли долго продолжать свои набеги и грабежи. О поддержке абреков горцами говорят многочисленные случаи укрывательства «немирных» кунаков на Северном Кавказе в XIX в., отмеченные архивными документами. Так, в 1853 г. в рапорте начальнику Центра Кавказской линии генерал-майор Грамотин указывал следующее: «В Кабарду и другие подведомственные мне племена Центра Кавказской линии часто и много приезжают из разных мест по своим делам люди, из коих нельзя положиться на благонамеренность каждого, и о прибытии которых не только я, но часто приставы и экзекутора не бывают известны». Если же из-за доноса открывалось местопребывание абрека, нередко его хозяин скрывался вместе с ним за линией. Характерное дело такого рода произошло на Черноморской кордонной линии в 1845 г., когда Джамбулат Немиров, «следуя обычаю черкесскому», скрыл у себя убийцу и переправил его за Кубань.

О появлении благодатной почвы для развития абречества свидетельствуют и участившиеся с 1830-х гг. случаи укрытия горцами преступлений, совершенных в их селениях. В основном это касалось убийств и особенно изнасилований, преступлений, которые по нормам обычного права влекли за собой кровоотмщение. По наблюдениям дореволюционных авторов, горцы старались не предавать огласке такие случаи и тайно решить их по адату. Тщательно скрывались от начальства и случаи конокрадства и грабежа на больших дорогах, в которые во второй половине XIX в. постепенно выродилось наездничество. Рапорты военных и гражданских властей пестрят сообщениями об открывшихся случаях продажи и дарений горцами добытого в набегах или украденного скота.

Извлечения из статьи В. Бобровникова
«Абреки и государство. Культура насилия на Кавказе»
http://www.podrobnosti.ua/history/2004/09/14/145098.html

АБРЕКИ

«Абреки по-кавказски»

(*В сокращении*)

Абреками-гачагами на Кавказе, как впрочем и повсюду на земле, не рождались, ими становились уже в зрелые годы. В силу множества причин – социальных, нравственных, материальных… Похищенные невеста или сестра, с кем-то сбежавшая жена, оскорбленная честь, неосторожное слово, украденный конь под седлом – разве мало было в старину поводов у горцев, чтобы пролилась кровь обидчика? Так кто же такие абреки-гачаги? Бандиты? Закоренелые убийцы? Или юноша, ненароком вытянувший из ножен обоюдоострый кинжал? По «Толковому словарю русского языка» Д. Ушакова – это «разбойники эпохи завоевания Кавказа русскими». Несколько иначе термин трактует «Энциклопедия Брокгауза – Ефрона»: «Абреки (гачаги) – отчаянно храбрые кавказские горцы, после совершенных ими убийств или других преступлений изгнанные из своего рода или давшие обет кровной мести».

Что ж, последнее – ближе к истине. Во всяком случае тут невольно припоминаешь азербайджанского гачага Мулла-Нура из бывшего Губинского уезда, о котором мы недавно писали на страницах «Каспія»; знаменитого осетинского абрека XVIII в. – Урусхана, вынужденного от преследований скрываться в неприступных горах Даргинского ущелья и за голову которого власти готовы были заплатить по тем временам огромные деньги – пять тысяч рублей; к слову, абрек этот читателям должен быть знаком как по вышедшей еще в 1914 г. повести писателя В.Я. Икскуля «Святой Илья горы Тбау», так и по кадрам повтором недавно шедшей у нас телеверсии этой повести; гачага Наби, родина которого – нахчыванская земля, Шошия – грозу хевсурских гор в Грузии, ингуша Ахмет-Саге из аула Ксардзона и других… Они и в самом деле были отчаянными храбрецами и удальцами из удалых, но в душе, верно, всегда таивших обиду на свою печальную участь: некогда, по адату защищая поруганную честь, родной очаг, жизнь близких людей, эти люди вынуждены были пролить кровь обидчика, а теперь вот, согласно тем же старым адатам, покинув отчие дома, скрываться в горах в ожидании посредников в деле примирения с кровниками. Если судьбе угодно было выйти на них – хорошо, если же нет, то им ничего не оставалось делать, как, «раздобыв» быстрого коня и оружие, навсегда исчезнуть из родных краев, чтобы в чужих далеких горах примкнуть к шайкам лихих головорезов, разбои и грабежи на дорогах сделавших своей профессией. Совсем как лермонтовские

Азамат и Казбич из повести «Герой нашего времени» или Аммалат-Бек из кумыкского села Буйнак в одноименной повести Александра Бестужева-Марлинского, по наущению аварского хана Султан-Ахмета, выстрелом почти в упор убивший близ Дербента своего кунака и заступника, адъютанта главнокомандующего генерала А.П. Ермолова полковника Е.И. Верховского. Как и Мулла-Нур, Верховский отнюдь не вымышленная, а вполне реальная историческая личность: его надгробие я видел, но не на верхнем русском кладбище за Нарынкалой, в Дербенте, как сообщает писатель, а на старом гарнизонном кладбище Темир-Хан-Шуры (ныне г. Буйнакск), тогдашнего военно-административного центра Дагестанской области, рядом с могилой Диамида Пасека, храброго и самого молодого в то время генерал-майора в русской армии. Аммалат-Бек тоже, кстати, персонаж, взятый писателем из реальной жизни. Мне удалось проследить за дальнейшей его судьбой: после вероломного убийства полковника Верховского Аммалат, не находя, верно, покоя в душе, долго скитался по Дагестану, потом уехал в Турцию, но вскоре вернулся и, примкнув к черкесам, сражался с русскими в лесах черноморских прибрежий, где и погиб в 1845 г.

В один из моих приездов в аул Кумух преподаватель истории местной средней школы Л. Лукманов показал мне уникальной редкости реликвию XVIII в.: написанную на лакском языке арабским шрифтом прокламацию, в которой то ли хан или бек, то ли богатый, знатный уздень звал, приглашал даргинцев, аварцев, лакцев и всех желающих принять участие в набеге «на богатую Грузию». Маршрут и точное время набега по понятным причинам не указывались. Разве что предлагалось ближе к лету быть готовым к многодневной, чреватой опасностями вылазке: привести с собой двух лошадей под седлами и иметь при себе полный «комплект» огнестрельного и холодного оружия, а также муку, соль, сушеное мясо, ногайский чай, сахар и т. д. Но после присоединения Грузии к России в 1801 г. такие боевые «вылазки» сначала пошли на убыль, а позднее почти прекратились. И вчерашним воинам ничего не оставалось делать, как, «перековав свои шашки и кинжалы на орала», спешно осваивать уже мирные профессии – кузнецов, ювелиров, гончаров, каменных дел мастеров.

Между прочим, основанные на шариате, Коране и других книгах законы из «Низама» Шамиля не в последнюю очередь были направлены и против кровомщения, из-за которого аулы прямо-таки сиротели молодыми людьми, столь нужными имаму для продолжения войны с царскими войсками: одни из них скитались по чужбинам, опасаясь мести кровников, другие сотнями гибли в бесконечных сражениях. Правда, святое право горцев на месть за убитого родича,

шариат полностью не отменял, предлагая здесь отдавать предпочтение – «плате за пролитую кровь». «Дом убийцы не виноват в его преступлении!» – считал Шамиль. Другими словами, мстить родственникам убийцы отныне никто не имел право. Впрочем, даже среди «гвардейцев» Шамиля – мюридов – зачастую встречались любители легкой наживы, проще говоря, лихие грабители горных троп.

Возле нашего небольшого, похожего на саклю дома со стенами из речного камня в ауле Кумух, мимо которого в 1842 г. к ханскому дворцу в окружении телохранителей мюридов, распевающих стихи из Корана, не спеша, путь держал имам Шамиль, чтобы «светом шариата озарить землю лакцев», а заодно суд праведный вершить над отступниками, с 1860 г. высится аккуратно обложенная камнем могила. В ней перезахоронены останки ограбленного и убитого около аула Цудахар в 1850 г. мюридами Хаджи-Мурата, не успевшего еще жениться младшего брата моего дедушки Али Закария, человека, говорят, смиренного, сугубо мирного и мирной профессии – торговца бурками. Да и сам знаменитый на всю Россию хунзахский наиб Хаджи-Мурат не чурался, где надо и где не следует, блеснуть удалью, которой ему было не занимать. Так, не однажды имам сталкивался с откровенно абрекскими поползновениями своего наиба. Недовольство Шамиля, например, вызвала «экспедиция» Хаджи-Мурата в Кайтаго – Табасаранские земли. Вместо того, чтобы отвлекающим маневром завлечь в сторону Дербента войска генерала М.З. Аргутинского, будущего фельдмаршала русской армии, как пишет в своем сочинении «Три имама» личный секретарь Шамиля, ученый-арабист Мухаммед Тахир, «погнавшись за богатой добычей, Хаджи-Мурат разорил, грабежу предал поместье брата Шамхала Тарковского – Шахвалихана и, убив последнего, забрал себе все его золото, серебро и драгоценности, а овдовевшую ханшу в качестве «выкупной заложницы» полонил. А дело было проиграно: пришлось спешно ретироваться назад к аулу Батлаг, понеся огромные потери».

В отместку за неповиновение приказу имама, нарушение плана операции и произвол, вызвавший сильное возмущение населения, разгневанный Шамиль сместил Хаджи-Мурата с должности наиба с конфискацией всего его имущества. Спасаясь от более серьезного наказания для себя и семьи, Хаджи-Мурат с четырьмя нукерами – мюридами – в декабре 1851 г., тайно переправившись через реку Аргун, ушел к русским, лишив Шамиля самой доблестной шашки Имамата.

Или другой пример. В трудную для Шамиля пору, когда, можно сказать, решалась его судьба и будущее шариата, вероломство проявил и тилитлинский

наиб Кибит-Магама, которого в народе величали «четвертым имамом Чечни и Дагестана»: по дороге к последнему убежищу – аулу на вершине неприступной горы Гуниб – обоз Шамиля с книгами, оружием и драгоценностями из казны и трофейной короной Надиршаха не без ведома этого наиба захватили его люди. Наверное, именно этого вороватого наиба и его разбойных мюридов, прежде всего, имел в виду сподвижник имама Гаджи-Али, когда в сочинении «Сказание очевидца о Шамиле» писал, что «власть имама была уничтожена коварством и изменой наибов и их приближенных».

Разумеется, на Кавказе нередко встречались и благородные гачаги, такие, как Робин Гуд из английского народного эпоса XII в., Карл Моор немецкого поэта Иоганна Шиллера, и Дубровский великого Пушкина, и Жан Сбогар французского драматурга Шарля Нодья… Это герой народного эпоса XVI в. Кероглы со своими мстителями-делибашами, бунтарь Мулла-Нур, «житель» глухих ущелий-теснин Губинского уезда, прославленный гачаг, борец за справедливость из Газахского уезда Елисаветпольской губернии Мамед Абузароглы, власть которого была куда сильнее уездного начальника, а дом походил на присутственное место: все, кто был недоволен решением мирового судьи или обижен деяниями сильных и богатых, с жалобами и прошениями шли к гачагу Мамеду; это знаменитый заступник народа не только в Елисаветпольском уезде (сейчас – Гянджинский район), но и Нухинском, Арешском, Джеванширском славный гачаг Гатыр-Мамед; это в 1910–1916 гг. в обиду слабых никогда не дававшие, помогавшие бедным, обездоленным по законам чести и порядка, как грузин, так и азербайджанцев, гачаги Муса из Дманисского района Грузии, Мехралы из села Дарбаз и Керем из Марнеульского района и другие. «Кавказский разбой – есть протест против злоупотреблений низшей власти, против прежних тягостей, податей и повинностей, против бывшего крепостного права, притеснения владельцев и помещиков, против необеспеченности сельского населения, недостатка земли, воды и леса», – писала в 1897 г. бакинская газета «Каспій».

А вот, к примеру, что из уст абрека Асана из недалекого от Губы лезгинского села Гадазихор услышал друг и соратник А.С. Пушкина – В.И. Даль, автор известного «Толкового словаря живого великорусского языка»: «Получив громкое имя на всю округу, я вскоре набрал себе отважных товарищей с обязательным условием – никого напрасно не обижать, грабить не для корысти, а ради голода и голодных. Таким образом, я делал набеги в разные стороны, то на жителей, то на проезжих, но всегда только на людей достаточных и притом на таких, которые бедным ничего не дают. Я завел у себя народную кухню, где каждый день пекли в очагах-тендирах чурек и варили все, что я добывал, не

заботясь о завтрашнем дне. Сестры мои с братом кормили, поили и одевали всякого, кто приходил и садился под навесом нашей сакли. Мало-помалу я добился того, что ни один зажиточный в окрестных аулах человек не смел прогонять голодного от своего порога без подаяния». Многим походил на абрека Асана и легендарный гачаг Наби, справедливость утверждавший в нахчыванских горах и долах. Его доброта к простым людям была неохватной, а о его подвигах люди слагали песни, именем гачага клялись. По этой причине Наби жутко ненавидели неправедные феодалы, преследовали жандармы и их прислужники из местных ополченцев – милиционеры. Гачаг Наби долгие годы, мстя ханам и бекам, грабя, данью облагая богатых и состоятельных землевладельцев для блага бедных и голодающих, сам был неуловим…

Слишком рано ушедший из жизни замечательный художник с поэтической душой, неистовый певец яркой и броской нахчыванской природы Юрис Мамедов, чтобы гачага Наби я вдруг не принял за персонаж из легенды, однажды в мае на своем красном, точно солнце в час тихого заката, «Москвиче» повез меня в Шахбузский район – к «скалам гачага Наби», вздыбившимися над озером Батабат. По узкой тропе поднявшись к ним, Юрис показал мне пещеру, в которой отважный гачаг укрывался во время непогоды или прятался от вражьих глаз, и родник чуть ниже, водой которого поил своего коня.

«Таких убежищ, где можно было отлежаться, уйдя от погони, у Наби было немало: в Зангезурских горах, что стеной поднялись за селом Бист, в ущелье Алинджачая, близ границы с Персией, где Парагачай впадает в Араз, – рассказывал Юрис. – Да и в каждом доме совестливого человека народный гачаг всегда мог рассчитывать на радушие и мягкую постель. Народ любил и как мог уберегал своего заступника; царские жандармы долго не могли выследить и схватить для расправы Наби: он почти всегда со своими молодцами без урона для себя уходил за высокие горы, хотя и не раз дело доходило до боя. И все же глубокой осенью 1867 г., когда первым снегом одеваться стали вершины гор, его насмерть сразила пуля».

Заслуженный журналист Азербайджана Фаик Закиев
http://www.kaspiy.az/rubrics.php?code=7501

Абрек Вара

«…Абрек Вара из известного в Чечне аула Гехи. Популярность Вары была в Чечне столь широкой и его деятельность по объединению последователей

Кунта-Хаджи настолько опасной для колонизаторов, что они стали лихорадочно искать человека, который согласился бы его убить. Такого нашли. Им оказался некто, имевший кровную месть к Варе. Он выследил Вару и сообщил колониальной власти. Солдаты окружили Вару, и тот вступил в свою последнюю битву с гяурами.

Будучи раненным, сам читал себе отходную молитву и долго сражался. Когда кончились боеприпасы, с молитвой на устах бросился с шашкой на солдат и порубил многих, пока не упал замертво. Народ был настолько возмущен вероломным убийством Вары, что по дорогам Чечни были воздвигнуты шесты народного проклятья, в которые каждый прохожий чеченец бросал камень-проклятье в адрес предателя Вары. Таков народный обычай и шест такой называется «карлага». Кстати, такой же «карлага» был водружен в местечке «Эртана корта» в адрес тех, кто донес на Кунта-Хаджи, с надписью-проклятьем: «Да застынет язык того, кто донес на хаджи…».

Из книги Юнуса Сэшила «Царапины на осколках»
http://www.pereplet.ru/text/CECNJA.html

Абрек Иски Грозненский

«Выразитель абреческого гения» Иски был безрассуднейшим из всех разбойников. Своей жестокостью Иски наводил ужас не только на русское население, но и на горское.

В 1886 г. в Грозненской крепости произошел бунт арестантов во время прогулки. Иски ударил часового медным чайником по голове, выхватил у него ружье и убил еще одного часового и караульного офицера. Арестанты бросились бежать, перепрыгивая через крепостную стену в ров – и дальше к берегу реки Сунжа. Несколько арестантов было ранено и убито, но некоторые успели убежать в лес, в том числе Иски.

С того времени он стал самым бесстрашным в крае абреком. В числе многочисленных жертв Иски были: адъютант генерала Скобелева, несколько офицеров и купцов.

Извлечение из статьи В. Князева «Абречество и разбои на Кавказе»
http://www.specnaz.ru/istoriya/113

Абрек Осман Мутуев Терский

О причинах, побуждавших обычных крестьян вступать на путь абречества, красноречиво говорят показания одного из них – Османа Мутуева: «Я не родился и не воспитывался быть абреком – абреком сделали меня люди. Мой отец – сподвижник имама Шамиля, наш род почтенный, учился я в горской школе, откуда мечтал поступить на государственную службу, но меня вытолкнули из этой колеи и насильно отправили на эту дорогу. Не окончив школу по случаю смерти отца, я приехал в свой аул и занялся хозяйством. Скоро умерла и мать, и я остался хозяйничать один». После окончания учебы Осман собирался стать переводчиком в госучреждениях. Смерть отца изменила его планы: окончить учебу ему не удалось, а пришлось ехать в родной аул, где осталась одинокая мать, и заняться хозяйством. Вскоре умерла и его мать.

Далее Мутуев рассказывает, что однажды в ауле произошел большой разбой. Дознание не нашло виновных. Тогда власти «потребовали от общества выдачи всех порочных его членов для выселения их административным порядком из края. Как это водится, в приговор попало несколько байгушей (не имеющих родственников) и в числе их и я, как занимающийся воровством. Протесты мои и просьбы о производстве дознания не помогли. Никто не хотел внимательно разобраться в моей просьбе, и я как порочный член общества, на основании мирского приговора, был сослан административным порядком в Сибирь».

Дважды Осман бежал из ссылки, и дважды его отправляли обратно. Когда после первого побега Мутуев оказался в Терской области, он обратился к начальнику области, рассказав ему о той несправедливости, которая была проявлена по отношению к нему. Генерал вошел в положение Османа и позволил жить в родном селе. Но «обозленный старшина и местные сельские заправилы, – говорил он, – не могли простить мне моего обращения к начальнику области, и не прошло и полгода, как составили приговор и просили о выселении меня из края как предводителя всех воров».

Попав в третий раз в Сибирь, разоренный и опозоренный Осман Мутуев дал себе клятву – отомстить. Он вернулся после очередного побега в родной аул с одной целью – расправиться с обидчиками. «Всем своим врагам, – говорил он, – я жестоко отомстил за свой позор, но с остальным населением, не сделавшим мне ничего дурного, я жил хорошо».

Вскоре Мутуева стали преследовать и царские власти. Но, пользуясь авторитетом и уважением народа, он довольно долго оставался неуловим. Даже царские чиновники отзывались о нем с почтением: «Это был умный и, если

можно так сказать, благородный разбойник. Став сам жертвой несправедливости общества, он чутко относился ко всякой беде. Все обиженные находили защиту в личном и строгом суде Османа. За это население всегда и везде оказывало своему защитнику радушный прием и называло его своим князем». «Османа боялись его личные враги, сельские кулаки и русские туристы; последних он грабил или брал в плен с целью выкупа, но никогда не убивал».

Водил дружбу Осман и с такими знаменитыми абреками, как Зелимхан Харачоевский и Зелимхан Гельдыгенский, имея, кроме того, еще 5–6 приближенных. Дважды начальник области отдавал приказ о поимке абрека, и дважды Осман сам, в полном вооружении, являлся в его кабинет. Мутуева тут же арестовывали, но он вновь бежал из тюрьмы. После второго побега вокруг Османа собралась шайка из 5–6 человек. Несколько лет разбойники хозяйничали на трактах, ведущих из Грозного в горную Чечню. В 1905 г. Осман Мутуев был убит кровниками.

Отрывок статьи из журнала «Чеченское общество сегодня». №3, 2008
http://www.chechnya.cjes.ru/journal/?j_id=19&c_id=478

Аллахверди Акимов

(*В сокращении*)

А. Акимов родился в 1887 г. в табасаранском ауле Чере. Конец XIX – начала XX вв. – время совсем непростое. Наступил период, когда «настоящими людьми» стали те, у кого земли и скота было больше. Поэтому всякими правдами и неправдами люди пытались урвать себе побольше. Значительная часть обездоленного населения подвергалась все более усиливающемуся национальному и социальному гнету. Гонимые нуждой жители многих аулов уходили на заработки в ближайшие города: Дербент, Баку, Куба и др. Нестабильной была и политическая обстановка в стране и на Кавказе. До предела обострились социальные противоречия. Боясь народных волнений, самодержавие предпринимало «драконовские» меры, которые не могли приостановить надвигающийся процесс. В стране нарастала тайная и явная борьба.

На Северном Кавказе народные мстители объединялись в группы и защищали обездоленных от произвола и коррупции властей и их подручных местных богатеев. Их в народе называли абреками и качагами. Такие отряды в свою очередь находили поддержку в народных массах. Более того, простые люди слагали о них удивлявшие воображение сказания. В начале XX в. по всему

Кавказу гремела слава об абреке Зелимхане. Большой популярностью в Южном Дагестане и Азербайджане пользовался качаг Наби. Однако в это же время на Кавказе орудовали уголовники, убийцы, грабители, которые называли себя абреками. Вот почему у последующих поколений и создались превратные оценки относительно всех абреков. В отряде народных мстителей оказался Аллахверди, а позже и возглавил боевую дружину, в которой насчитывалось 120 человек. Об этом отряде среди масс ходила молва, рассказывающая о его смелых «рейдах» против местных властей и богачей, о защите интересов обездоленных, большой щедрости к нуждающимся. Однако, слушая эти рассказы, сохранившиеся в народной памяти, надо помнить, что в условиях, когда нарушается элементарная справедливость, каждый, даже незначительный, поступок в защиту трудящихся получает широкий резонанс, приобретающий со временем законченную форму. Активная деятельность народного мстителя во время всеобщего подъема движения за свое социальное и национальное освобождение не могла не привести и привела А. Акимова в лагерь поднявшихся на революционную борьбу трудящихся масс. Он стал признанным руководителем борьбы народных масс с ненавистным режимом.

В 1917 г. А. Акимов совместно со своим племянником Бегляром Акимовым избили начальника Южно-Табасаранского участка Кюринского округа Каркулова за его бесчинства по отношению к трудовому населению. Каркулов пожаловался начальнику округа и просил вооруженный отряд, чтобы подвергнуть аресту Акимовых.

Ненависть к врагам трудового народа и организаторские способности А. Акимова наглядно проявились в период оккупации Дагестана деникинской армией. «Добровольцы» повели себя в дагестанских аулах как хозяева, применяли ничем не оправданную жестокость. Опираясь на свою социальную базу местных богачей, они вели себя здесь как в оккупированной стране, реквизировали продовольствие и лошадей. И дошли до того, что на базаре в Касумкенте деникинцы снимали с людей одежду, отбирали все, что у них было: скот, продукты, хлеб и т. д. Они потребовали, чтобы каждое селение выделило определенное число вооруженных людей в белую армию. Горцы, естественно, оказывали сопротивление. А. Акимов возглавил борьбу трудовых масс, доведенных деникинцами до отчаяния.

Магомед Гасанов, академик Международной академии наук высшей школы
http://www.mi-dag.ru/readnews.php?id=1746&number=793

Сулумбек Горовожев

(*В сокращении*)

Впервые Зелимхан Харачоевский и Сулумбек Горовожев встретились в камере Грозненской тюрьмы в 1901 г. Архивные документы свидетельствуют, что Зелимхан и Сулумбек вместе совершили побег из тюрьмы. Потом стали друзьями, вместе участвовали в набегах. Сулумбек при этом выбирал самый опасный участок. Он не раз участвовал в дерзких до безумия набегах вместе с Зелимханом: в ограблении Кизлярского банка, нападении на богачей, кассы и почту.

Вот что о нем писали в одной из газет того времени: «С именем Саламбека связаны самые дерзкие разбои Зелимхана; в то время как Зелимхан одухотворял шайку своей религиозно-политической популярностью, Саламбек производил на шайку магическое действие своей неустрашимостью и своей безумной отвагой. За ним абреки шли почти на верную смерть, в самый центр города, отдаваясь прямо в руки войск. Кроме храбрости Саламбек отличался необычайной силой воли, свойством не теряться в минуты опасности и, главное, беспощадностью. Безумная храбрость Саламбека – это идеал, которого желал бы достигнуть каждый абрек. Словом, Зелимхан и Саламбек взаимно друг друга дополняли» (имя Горовожева писали то Сулумбек, то Саламбек).

Сулумбек родился в 1878 г. (думаю, что дата приблизительная) в крестьянской семье. Он был вторым сыном Гандалоева Горожа после Эгло. Были у Сулумбека и младшие братья Магомед и Усман. Старый Горож, который много повидал на своем веку страданий, лишений, голод и холод, не мог нарадоваться на своих сыновей.

Сулумбек был выше среднего роста, широкоплечий, с узкой талией и твердой походкой (классический народный образец благородного мужчины у ингушей). В те далекие, недоброй памяти времена каждый тейп по очереди должен был кормить самодура-пристава, издевавшегося над народом. И не случайно один из них был убит за оскорбление всеми уважаемого в народе Эда-Хаджи Хамчиева из Инарков его сыном Саги. Известный осетинский писатель-демократ Коста Хетагуров в публицистической статье «Неурядицы Северного Кавказа» писал: «Легко себе представить, каким авторитетом пользуются в туземных аулах старшины из казачьих урядников – в большинстве случаев постоянно пьяные и омерзительно непристойные в выражениях».

Когда очередь кормить пристава дошла до Гандалоевых, Сулумбек вызвался отнести обед. Молодой и дерзкий парень решил подшутить над приставом. Он съел весь обед сам. Негодованию пристава не было предела. Он решил на-

казать Сулумбека и стал писать на него начальству ложные доносы. Сулумбек не выдержал и однажды, встретив пристава за селом, от души отхлестал его нагайкой, за что был немедленно арестован и осужден. Освободившись через 3 года, Сулумбек убил пристава и ушел в абреки. Путь к мирной жизни ему был отрезан навсегда. Так началась его абреческая жизнь. В то время, когда Сулумбек находился в заключении, его старший брат Эгло был убит односельчанином Даурбековым М. Имея в селе кровников, Даурбеков переезжает жить в село Ачалуки. Согласно обычаю кровной мести, Сулумбек должен убить Даурбекова. Однажды, выследив своего кровника, Сулумбек едет следом за ним. Даурбеков, человек по своей природе очень мужественный, зная, что за ним едет суровый мститель, не оборачивается. Да и не было в обычае настоящих мужчин стрелять в спину. Так ехали они долго. Наконец, потеряв терпение, Сулумбек окликнул своего врага: «Послушай, Муно! Почему ты не оборачиваешься? Ты же знаешь, что я иду за тобой и ты мой кровный враг!». Муно ответил: «Сулумбек, ты знаменитый абрек и хочешь взять кровь своего брата. Я прощаю тебе свою кровь. Выполняй свой долг». Сулумбек, сам по своей природе мужественный, был поражен ответом Муно и тут же простил ему кровь своего брата.

Однажды Сулумбек приехал во Владикавказ за патронами, но там его ждала засада. Так, во второй раз он в 1900 г. попадает в Грозненскую тюрьму, откуда бежит в 1901 г. вместе с Зелимханом Харачоевским и еще несколькими товарищами. Лишь немногим из них удалось спастись. Два знаменитых абрека подружились и стали вместе мстить царским палачам за обездоленный народ.

Более 18 лет жил Сулумбек абреческой жизнью, играя в прятки со смертью.

Наступил 1913 г. Сулумбек и Зелимхан вместе брали царскую казну и раздавали ее бедным людям. Ставки за головы отважных абреков все время росли. Однажды царский полковник Гулаев прислал Сулумбеку известие, что он убьет его тогда, когда захочет, и что Сулумбек подобен птице, попавшей в силки. Сулумбек ответил Гулаеву, что он убьет его до захода солнца. И убил в тот же вечер на дороге, идущей в Кизляр.

В отместку за убитого полковника царские войска окружили Сагопши. Полковник Вербицкий, собрав почетных стариков, предъявил ультиматум: если они не выдадут Сулумбека, то село Сагопши будет уничтожено. И таких случаев в Чечне и в Ингушетии было немало.

Старики пришли к жене Сулумбека Залимат и передали ей об угрозе царского полковника. Жена абрека тоже абречка. Оставив дома трехмесячную малютку Золобан, Залимат оседлала коня и уехала. На следующий день Сулумбек приехал в село. Он послал к полковнику посредника, через которого сообщил

царскому палачу, что он сам готов добровольно сдаться, если его не повесят, а расстреляют. И делает это он ради того, чтобы спасти свое село от унижения.

Вербицкий поставил условие, что он должен пленить Сулумбека, и только в этом случае его не повесят, а расстреляют. Отказавшись быть пленным, Сулумбек послал полковнику ответ, что он завтра утром будет у ворот Владикавказской тюрьмы. В 8 часов утра Сулумбек, не слезая с коня, постучал в ворота тюрьмы. Его тут же взяли под арест. Был неправедный суд, и была назначена казнь. И присудили его не к расстрелу, а к повешению. Не сдержали слово царские палачи. Боясь народного гнева, решили повесить народного заступника во дворе тюрьмы. Когда ему накинули петлю на шею, посмотрел Сулумбек орлиным взором вокруг и не увидел ни одного родного или знакомого лица. Ни страха, ни раскаяния не было на лице его. Он жил Мужчиной и умирал гордо, как Мужчина. После того как зачитали приговор, полковник объявил награду тому, кто выбьет стул из-под Сулумбека. Долго никто не выходил. Наконец кто-то вышел из рядов дагестанского полка и направился к виселице. Но Сулумбек сам выбил стул, на котором стоял. Последний штрих, характеризующий этого несгибаемого борца.

Не успело остыть тело абрека, когда его жена Залимат привезла ответ на прошение о помиловании, в котором смертная казнь заменялась 25 годами каторжных работ в Сибири. Чтобы спасти мужа, Залимат ездила в Тифлис к наместнику Кавказа. Но царские палачи поспешили расправиться с отважным абреком. Так сложил свою непокорную голову в 1914 г. народный заступник, легендарный абрек Сулумбек Горожевич Гандалоев.

Сулумбек Говорожев – герой из легенды. С. Хамчиев
(Газета «Сердало». 1995. № 46, 47, 48, 49; 1996. № 1, 2)
http://www.ingushetiya.ru/culture/sedoi_kavkaz/print.html?id=196

Абрек Буба

(В сокращении)

Кири Буба родился в селении Икра Кюринского округа Дагестанской области в конце 70-х гг. XIX в. Уже юношей он отличался от своих сверстников крупным и статным телосложением, могучей энергией, добрым нравом и смекалкой. Вырос он в бедной семье. Вскоре полюбил прекрасную девушку по имени Шагьа (Шага).

Чтобы иметь возможность жениться на своей возлюбленной, Кири Буба едет в Баку на заработки. Подростку не просто найти работу. Наконец он нанимается на работу к лавочнику-старьевщику. Для последнего группа ребят собирала по всему городу старую утварь, посуду и т. д. Естественно, ребята приносили своему хозяину все, что попадало под руку. Хозяин был скупым человеком, ребятам давал гроши. Кири Буба часто заступался за своих товарищей. Кроме Кири Бубы никто из них не мог и слова сказать лавочнику, который был человеком крупного телосложения и часто пускал в ход кулаки. Как-то при очередной сдаче «товаров» лавочник обидел Кири Бубу. Дело дошло до потасовки. Кири Буба ударом кулака в темень свалил хозяина. Тот, не приходя в себя, умирает, и Кири Буба попадает в тюрьму.

Кири Буба не ожидал и не хотел такого исхода: он отрешен и расстроен.

Сельчане, работавшие в Баку друзья, не оставляют Кири Бубу в беде. Они систематически наведываются к нему в тюрьму, собирают деньги для его освобождения. Вскоре им удается вызволить Кири Бубу из тюрьмы. На воле он узнает, что к его любимой сватается другой. Кири Буба встречается со своим соперником в Баку и просит отказаться от этой затеи. Соперник неумолим. По дороге домой в село Икра соперники стали выяснять отношения с помощью кинжалов, соперник гибнет. Кири Бубу ссылают в Сибирь.

Начальник тюрьмы, где находился Кири Буба, любил лошадей. Пытаясь приручить несколько молодых лошадей, он, как к кавказцу, обращается к Кири Бубе за помощью. Самую норовистую лошадь последний приручает за несколько часов. Позже Кири Буба оказывает начальнику тюрьмы другие услуги, и он его отпускает. Кири Буба возвращается домой.

В один из дней после джума-намаза Кири Буба обращается к кюринцам с исповедью о том, что он понес заслуженное наказание, теперь не будет заниматься преступным делом и просит простить его. Народ прощает его. Однако при участии аульского начальства и с прямого ведома начальника Кюринского округа его снова ссылают в Сибирь. Не было для Кири Бубы места среди людей. Все пути были отрезаны. Теперь он видел единственный выход – путь абрека. Вскоре, расправившись с двумя охранниками, вооружившись, убегает из тюрьмы. Теперь Кири Буба объявляет открытую войну царской администрации, ее местным холуям, облагает данью всех богатеев-притеснителей народа в Дербенте, Баку, рыбопромышленников Каспийского побережья… Районом его действий стала обширная территория – от Баку до Берекейских нефтепромыслов, Кюринский, Самурский, Табасаранский округа Дагестанской области. С

оружием в руках он наводил ужас на местную знать, а собранные деньги, как правило, раздавал беднякам. Щедрость его была бесконечна.

Местные власти округов Юго-Восточного Кавказа серьезно обеспокоены верховенством Кири Бубы над всей этой территорией. Об этом докладывают и царю. Последний приказывает поймать Кири Бубу и доставить его в Санкт-Петербург живым или мертвым. Царь назначил за голову Кири Бубы десять тысяч рублей золотом. Против отрядов Кири Бубы брошены значительные военные силы. Чтобы выведать планы последних, Кири Буба идет на дерзкий шаг. Он распространяет слух, будто в Дербент приезжает специальный представитель от наместника Кавказа из Тифлиса. Через некоторое время Кири Буба является к военному коменданту Дербента и представляется представителем наместника Кавказа в чине полковника, грузина по национальности. Три дня живет Кири Буба в семье коменданта, выведывает все секреты, веселится, играет в карты… Выигрывает у коменданта и его подопечных огромную сумму денег (сам комендант и его подопечные подыгрывали Кири Бубе, чтобы угодить ревизору). Узнав все, что ему хотелось узнать, Кири Буба возвращается к своим. При этом он посылает своего кунака, дербентского еврея, к коменданту города сообщить, кто же гостил у него. Кунак-еврей вначале отказывался идти к военному коменданту города, боясь, что он догадается о его связях с Кири Бубой и накажет его. Тогда Кири Буба дает приемлемый совет: «Сообщи коменданту, что Кири Буба ограбил тебя, забрал коня и уехал в горы…». Таков был Кири Буба!

Более десяти лет он был «некоронованным королем» на территории Юго-Восточного Кавказа. Его «резиденции» располагались в Баку, Дербенте, в нескольких местах Кюринского округа и в Самурской долине.

Погиб Кири Буба из-за огромной любви к своей возлюбленной. Когда он был сослан в Сибирь, его любимую выдали замуж за другого. После возвращения из Сибири, он неоднократно предлагает мужу Шаги развестись с ней. Кири Буба хотел этот вопрос решить дружелюбно, однако муж Шаги не соглашался. При последней встрече между ними произошла ссора, муж Шаги, в состоянии нервного аффекта, выстрелом в спину убил Кири Бубу. Так завершилась жизнь этого выдающегося Человека и Абрека.

Народный мститель и защитник (Абрек Буба)
http://www.lekia.ru/str57.html

Хасан Исраилов

Хасан Исраилов родился в 1910 г. в селении Нашхой Галанчожского района Чечни. В семье из шести братьев он был самым младшим. В 1929 г. он окончил в Ростове-на-Дону среднюю школу. В том же году, уже будучи комсомольцем, вступил в ряды ВКП(б). Но активно в политических делах не участвовал и целиком посвятил себя творческой деятельности в области художественной литературы, к которой он имел не только личную страсть, но и большое призвание. Писал преимущественно стихи и пьесы. В силу своей профессии и внутренней потребности рассказать внешнему миру правду (насколько это возможно при советских условиях) Исраилов сделался постоянным корреспондентом московской «Крестьянской газеты». Но статьи Исраилова в «Крестьянской газете», сильные по аргументации и резкие по духу, имели только одну тему: как местные советские и партийные вельможи грабят чеченский народ.

Под видом защиты общесоветских законов от местных исполнителей Исраилов умело критиковал эти самые законы на конкретных примерах и людях. Конечно, такая «писательская карьера» не могла быть успешной и безнаказанной. До того, до чего не додумались в Москве, додумались местные чекисты: весной 1931 г. Хасан Исраилов был арестован «за контрреволюционную клевету», «за связь с бандой» и осужден на 10 лет. Через три года, после энергичного вмешательства «Крестьянской газеты» и после того, когда выяснилось, что некоторые из чиновников, которых Исраилов критиковал как «грабителей и взяточников», оказались ими и на самом деле, Исраилов был освобожден и даже восстановлен в партии. После своего освобождения Исраилов уехал в Москву на учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока имени Сталина (КУТВ). Этим временем вышли две книги его художественных произведений, написанных в тюрьме.

Но Исраилов постепенно отходит от поэзии и переходит к активной политической деятельности. Уже будучи в Москве, совместно с другими чечено-ингушскими работниками, он подает заявление Советскому правительству, что продолжение нынешнего курса советской политики неминуемо приведет к развязке всеобщего народного восстания, поэтому Исраилов и его друзья требуют смены курса и снятия с постов первого секретаря обкома ВКП(б) Егорова и народного комиссара внутренних дел Раева. Советское правительство пересылает заявление для «проверки» на место. «Проверка» заканчивается обычным результатом: арестом Исраилова и его друзей. Когда же в начале 1939 г. Раев и Егоров были арестованы как «враги народа», Исраилова освобождают.

Исраилова вызвали в обком к новому секретарю обкома Быкову и предложили подать заявление, чтобы вновь восстановить его в партии. Исраилов

ответил, что подаст заявление на днях. Через неделю в обкоме было получено его заявление. В этом заявлении Исраилова, однако, говорилось: «Вот уже двадцать лет, как Советская власть ведет войну на уничтожение моего народа по частям – то как кулаков, то как мулл и «бандитов», то как «буржуазных националистов». Теперь я убедился, что война отныне ведется на истребление всего народа. Поэтому я решил встать во главе освободительной войны моего народа. Я слишком хорошо понимаю, что не только одной Чечено-Ингушетии, но даже и всему национальному Кавказу трудно будет освободиться от тяжелого ярма красного империализма, но фанатичная вера в справедливость и законная надежда на помощь свободолюбивых народов Кавказа и всего мира вдохновляют меня на этот, в ваших глазах дерзкий и бессмысленный, а по моему убеждению, единственно правильный исторический шаг. Храбрые финны доказывают сейчас, что великая рабовладельческая империя бессильна против маленького, но свободолюбивого народа. На Кавказе вы будете иметь вторую Финляндию, а за нами последуют другие угнетенные народы».

Так писал Хасан Исраилов в январе 1940 г. Восстание в первые же дни имело успех. К началу февраля 1940 г. Хасан Исраилов уже овладел Галанчожем, Саясаном, Чаберлоем и частью Шатоевского района. Повстанцы вооружались за счет разоружения и разгрома карательных отрядов.

После очищения большинства горных районов от большевиков был созван вооруженный народный съезд в Галанчоже и объявлено провозглашение «временного народно-революционного правительства Чечено-Ингушетии» во главе с самим Исраиловым. Заключение советско-финского договора было сильным моральным ударом по движению Исраилова, однако Исраилов не терял надежды, что он будет поддержан не только другими народами Кавказа, что в начавшейся мировой войне Сталин погибнет под ударом объединенных сил демократических держав. В своих воззваниях к народу Исраилов пророчит именно такой исход войны. Когда началась советско-германская война, разумеется, размах и масштаб восстания Исраилова разрослись. Новой ситуацией Исраилов воспользовался так, как это сделал бы любой другой на его месте, – он предлагал воспользоваться борьбой германского народа против большевизма для освобождения всего Кавказа и объявления его полной независимости.

Восстание Хасана Исраилова 1940 г. Абдурахман Авторханов
(Отрывок из книги «Убийство чечено-ингушского народа. Народоубийство в СССР»)
http://chechenews.com/news/120/ARTICLE/1376/2007-05-21.html

Ахмед Хучбаров

В 1943 г. авиация разбомбила мирный ингушский аул Гули. Часть жителей была уничтожена, часть арестована. Это был родной аул героя нашего рассказа. Ранее, в 1929 г., его отца – бедного горца – раскулачили, и, скрываясь от ареста, он вынужден был уйти в лес и стать абреком.

Ахмед Хучбаров не родился абреком. Он, как и его сподвижники, вынужден был стать им по вине бесчеловечного сталинского режима. В этом рыцаре без страха и упрека были сосредоточены лучшие черты нашего народа: его орлиная удаль и беспредельное мужество, готовность к самопожертвованию, личная скромность и верность данному слову. Народный мститель, поклявшийся до последнего дыхания бороться со сталинским режимом, обрекшим его народ на уничтожение, сдержал свою клятву до конца.

Из Москвы поступали грозные реляции от Берии с требованием немедленно покончить с «политбандитами». После смерти Сталина А. Хучбаров сворачивает деятельность своего отряда. Он надеялся, что в судьбе его народа, да и в его собственной, наступят перемены. Воспользовавшись бездействием партизан, карательные органы решили покончить с повстанческим движением. Однако, располагая огромным репрессивным аппаратом, зная местонахождение партизанских баз, каратели не решились встретиться с народными мстителями в открытом бою, а предпочли действовать подло, делая ставку на предателей. Ахмед Хучбаров согласился на переговоры с полковником Шадури, поверив предателю, что КГБ хочет вести с ним честный разговор. Ахмед был настолько же благороден и смел, насколько честен и доверчив. Хучбаров окончательно согласился на явку с повинной. Полковник уговорил Ахмеда поехать в Тбилиси якобы для того, чтобы обговорить с высшим руководством МВД и КГБ условия явки с повинной. Это была ловушка. Партизанский вожак предательски был схвачен. Вскоре состоялся фарс советского правосудия. На суде Хучбаров приводил многочисленные примеры геноцида бериевских палачей в отношении его народа. Выгораживая своих товарищей, всю «вину» брал на себя. В своем последнем слове на суде он заявил, что был народным мстителем, хотел счастья своему народу и ни в чем не раскаивается. Его целью было освободить свою Родину от убийц и насильников. Суд приговорил А. Хучбарова к высшей мере наказания – расстрелу.

Ахмед Хучбаров – народный мститель.
«Ингушетия. № 10, 11, 12, 16, 17, 1994
http://www.ingushetiya.ru/culture/sedoi_kavkaz/print.html?id=196

Хамад Газиев

Газиев Хамид (Хамад) – народный мститель, который действовал под кличкой «Мулла». С 1944 по 1956 г. он совершал акции против власти в среднеазиатских городах: Ташкенте, Чимкенте, Джамбуле, Фрунзе, Алма-Ате. Удивительно то, что в течение 12 лет мало кто знал его имя и фамилию. Оно получило широкую огласку, когда группа захвата КГБ в 1968 г. убила его при штурме жилья в с. Чемульга, находящегося южнее ст. Ассиновская. Тогда в газете «Грозненский рабочий» появилась статья «Кровь на белой чалме» и нам стало известно, что его зовут Газиев Хамид (Хамад).

В 1938 г. в селе Элистанжи он по неосторожности, выстрелом из пистолета, убил на вечеринке своего лучшего друга-побратима, утрату которого тяжело переживал, хотя родственники простили его. Он уединился и жил в лесу целых 6 лет до выселения чеченцев, а потом и сам переселился в Среднюю Азию вслед за сородичами.

По прибытии на место Хамид Газиев собрал группу единомышленников и начал действовать против произвола чиновников. «Мулла» захватывал только государственные учреждения и никогда не разрешал трогать простого человека и его имущество (в худшем случае охрану связывали). Он также жестко наказывал члена своей группы за проявленную им грубость по отношению к простому человеку. Это известно со слов бывшего члена группы Гараева Султана, с которым автор этих строк имел беседу, будучи в ГУЛАГе в 1960 г. Из его же слов стало известно, что «Мулла» считал своим священным долгом как можно больше вредить власти, за свой необоснованно изгнанный с родной земли чеченский народ... Об этом же говорят все его дальнейшие шаги. Когда ему стало известно о решении правительства СССР по восстановлению Чеченской автономии, «Мулла» объявил своей команде о прекращении вредительства против власти. Но «коллеги» стали уговаривать его разрешить им совершить последний налет на Кировский районный Банк Киргизской ССР, где по их расчетам находилась огромная сумма денег. Здесь «Мулла» не стал им препятствовать, но сказал: «Отныне мы друг друга не знаем и прекращаем творить зло против власти». После этого он уехал в Ташкент, а оттуда на Кавказ. Оставшаяся группа 25-го августа 1956 г. попыталась ограбить Кировский Банк, в результате чего убила четверых человек.

Все участники этого налета были захвачены и получили «по полной программе». А Хамид Газиев вернулся на Родину и зажил своей монотонной законопослушной жизнью. Об этом доложил своему руководству контрразведчик, некий Александр, посланный в Чемульгу в роли ветврача, чтобы следить за «Муллой». В том же 1968 г. прибыла команда из Москвы, чтобы взять Газиева живым, но это властям не удалось... Наверняка, «наверху» был большой интерес

к личности Газиева, который 12 лет, даже в условиях спецпереселенческого режима, не попадался в сети уголовного розыска и контрразведки по всей Средней Азии и был убит в результате хорошо организованной спецоперации в селе Чемульга.

Извлечение из статьи «Народные мстители» Авхана Малаева. «Теркйист». № 23–24. http://www.grozny-inform.ru/main.mhtml?Part=14&PubID=6099

Хасуха Магамадов

Хасуха являлся не менее легендарным абреком, которого советский тоталитарный режим занес в список бандитов. Как же, все-таки, из Хасухи сделали бандита? Попытаюсь в силу своих возможностей рассказать о нем то, что знаю из достоверных источников, которыми располагаю. Это устные рассказы Кузмичевой Лидии Ильиничной и полковника Матвеева, который в послевоенный период, живя в Шатое, по долгу службы занимался вопросом бандитизма. А Кузмичева с семьей была прислана сюда после войны на «освободившиеся» земли из Рязанской области и работала мастером Шатойского лесопункта. Она жила в Шатое по соседству с четой Матвеевых. Позже работала со мной на участке лесных ресурсов мебельного объединения «Терек» (сейчас на этом месте располагается правительство республики).

В 1936 г. на одной из вечеринок Хасуха повздорил с кем-то и в драке погиб его обидчик. Ему пришлось прятаться от кровной мести, где для властей он стал преступником, бандитом и т. д. А восхождение Хасухи в ранг народного мстителя произошло после выселения чеченцев в 1944 г. Скрываясь, по-волчьим тропам он подошел к с. Новолак (Бони-аул) и услышал танцевальную музыку. Хасуха припрятал в кустах свое оружие и спросил у первого встречного: «Женился ли кто?». В ответ ему сказали: «Земляк, у нас радость. Сегодня чеченцев выслали. Поэтому мы сделали «ловзар»...». Хасуха вернулся назад, забрал свое оружие и убил 41 участника вечеринки (со слов жителя аула).

С этих пор все 13 лет, вплоть до 1957 г., Хасуха шел по тропе мести за свой поруганный и истерзанный народ. Необходимо сказать о том, что с восстановлением Чеченской автономии он тоже отошел от злодеяний против власти. Как и Газиев Хамад, он только вел скрытую жизнь, чтобы под старость не угодить в тюрьму. Думаю, уместно привести несколько эпизодов из его жизни в послевоенные годы, известные со слов вышеназванных очевидцев. Однажды недалеко от Шатоя под небольшим кустом Хасуха делал обеденный намаз, а проезжавший мимо на осле дагестанец узнал его, и подкравшись сзади, нанес удар булыжником по голове и быстро удалился в сторону Шатоя за вознаграж-

дением. Тогда, как известно, властями была объявлена награда за убийство или поимку Хасухи. Полковник Матвеев вовсе не собирался зазря разбрасываться государственными средствами, поэтому, отругав дагестанца, отправил за телом, чтобы воочию убедиться в смерти Хасухи и добавил: «Вы уже сотню Хасух убили, а он все живой...».

Уже придя в себя, Хасуха увидел всадника верхом на осле, приближающегося к нему. Он притаился за деревом. Когда дагестанец поравнялся с ним, он резким движением вспорол ему кинжалом живот. Затем, положив ему в брюхо булыжник, которым тот ударил его, привязав его спиной к седлу, направил осла в сторону Шатоя. Ишак прибыл по адресу... После этого случая Хасуха и сам побывал в гостях у полковника и тоже на осле и в лохматой шапке, облачившись в одежду дагестанца, которого чета Матвеевых накормила и положила рядом с ним 10 рублей. Хасуха, поблагодарив хозяйку, ушел. Когда она стала убирать со стола, под тарелкой лежала денежная купюра с надписью: «Спасибо Матвеев за хлеб-соль и десятку на дорогу. Хасуха».

Безусловно, от визита «бандита» в душу полковника вкралась назойливая тревога, поэтому он обратился к руководству в Грозном с просьбой, чтобы прислали ему роту войск МВД для прочески лесов. Когда преследователи настигали Хасуху, то полковник крикнул: «Сдавайся!». Тот в ответ дважды попросил: «Отстань от меня, Матвеев. Я не хочу твоей смерти». Но полковник не унимался и продолжал преследование. Он крикнул в третий раз: «Я не стану тебя убивать, Матвеев, потому что в твоем доме меня кормили хлебом и солью, но память на всю жизнь оставлю». Раздался выстрел...

В 1974 г. действующий оперуполномоченный КГБ по Шатойскому району подполковник Г. Салько явился к бывшему предшественнику, но уже пенсионеру Матвееву за советом, т. е. узнать о Хасухе как можно больше. Место его пребывания уже было известно подполковнику, поэтому он готовился брать Хасуху. Если верить некоторым слухам, то Матвеев якобы показал свои вставные зубы и добавил: «При желании он мог убить меня, но не сделал этого, а память на всю жизнь оставил одним выстрелом из карабина. Да и опасности для государства он уже давно не представляет. Просто продлевает свою жизнь. Поэтому прошу: не ходи туда, а то он убьет тебя, сынок...». Конечно, предсказание старого чекиста сбылось. Подполковник Салько погиб от руки Хасухи. Но сам абрек через два года тоже отдал душу Богу...

Извлечение из статьи «Народные мстители» Авхана Малаева. «Теркйист». № 23–24. http://www.grozny-inform.ru/main.mhtml?Part=14&PubID=6099

АБРЕК ЗЕЛИМХАН ХАРАЧОЕВСКИЙ

АБРЕК ЗЕЛИМХАН ГУШМАЗУКАЕВ

Краткое хронологическое жизнеописание абрека Зелимхана Гушмазукаева

Январь 1872 г. – в с. Харачой Веденского округа родился знаменитый чеченский абрек Зелимхан Гушмазукаев, который вел борьбу против царского самодержавия 13 лет (1901–1913 гг.).

4 мая 1901 г. – в Грозном прошел неправомерный суд над Зелимханом Гушмазукаевым, его отцом Гушмазуко Бехоевым. Суд приговорил их на 3,5 года в исправительные арестантские отделения. Зелимхана сослали в Илецкую защиту.

Лето 1901 г. – Зелимхана вернули с ссылки на пересмотр судебного решения, после которого вновь заключили в Грозненскую тюрьму.

Лето 1901 г. – побег Зелимхана с тремя товарищами из Грозненской тюрьмы.

1901 г. – выход жителя с. Харачой Веденского округа Терской области Зелимхана Гушмазукаева на арену абреческого движения.

Ноябрь 1902 г. – столкновение между чеченцами и казаками на базаре селения Шаами-Юрт из-за попытки казаков отобрать у чеченцев оружие.

15 сентября 1903 г. – предписание начальника Терской области начальникам участков произвести в аулах внезапные обыски и конфискацию оружия.

27 января 1904 г. – чеченские селения Веденского округа отказались признавать назначаемых администрацией старшин и платить налоги.

Конец 1904 г. – крестьянские волнения в 60 аулах Веденского округа.

17 мая 1905 г. – от имени чеченского, ингушского, кабардинского, осетинского народов наместнику подано коллективное прошение о предоставлении горскому населению прав местного сельского самоуправления.

Май-сентябрь 1905 г. – размещение войск в чеченских и ингушских аулах для экзекуции населения.

17 октября 1905 г. – абрек Зелимхан в ответ на погром чеченцев, организованный властями на грозненском базаре 10 октября 1905 г., около станции Кади-Юрт остановил пассажирский поезд и расстрелял 17 пассажиров из числа офицеров и представителей власти. Ровно столько же чеченцев расстреляли одураченные властями солдаты и казаки на грозненском базаре.

24 октября 1905 г. – Грозненский, Веденский и Хасав-Юртовский округа объявлены на военном положении и генерал Светлов назначен общим руководителем военными действиями.

17 февраля 1906 г. – собрание почетных стариков Веденского округа в с. Устар-Гардое (ныне г. Аргун) выступило с требованием убрать с должности начальника Веденского округа полковника Ханжалова.

16 марта 1906 г. – второе собрание почетных стариков Веденского округа. Прибывший генерал-губернатор Терской области Колюбакин вынужден был удовлетворить их требование.

4 апреля 1906 г. – в ответ на репрессивные формы правления абрек Зелимхан Гушмазукаев убил старшего помощника начальника Грозненского округа подполковника Добровольского.

Август-декабрь 1906 г. – карательная экспедиция полковника Галаева в восставшие аулы Веденского округа.

17–18 декабря 1906 г. – артиллерийский обстрел восставших чеченских аулов Веденского округа.

Лето 1908 г. – убийство абреком Зелимханом начальника Веденского округа полковника Галаева – автора проектов по землеустройству Нагорной полосы, которые вызвали бурные протесты у крестьян-горцев.

Август 1908 г. – карательная экспедиция в аул Цацан-Юрт.

31 августа 1908 г. – убиты отец абрека Зелимхана Гушмазуко и брат Солтмурад.

7 марта 1909 г. – приказ по Терской области о формировании временного «охотничьего отряда» во главе с войсковым старшиной Вербицким, на которого возлагалось поручение по ловле и уничтожению вооруженных «разбойничьих шаек» в пределах Хасав-Юртовского, Веденского, Грозненского и Назрановского округов, т. е. Зелимхана и его единомышленников.

14 марта 1909 г. – атаман «охотничьего отряда» войсковой старшина Вербицкий устроил погром чеченцев на Гудермесском базаре. На месте побоища осталось 3 убитых и 10 раненых.

1909 г. – царские власти за голову Зелимхана назначили 5000 рублей.

9 января 1910 г. – абрек Зелимхан в два часа ночи произвел налет на грозненскую тюрьму, освободил 11 человек, в том числе своего брата Солтмурада.

ненский вокзал, увез из кассы 18000 рублей. Отобранные деньги и ценности распределены среди бедных крестьян.

9 апреля 1910 г. – абрек Зелимхан в ответ на гудермесский погром, заранее предупредив атамана Вербицкого о своем намерении, в 12 часов дня ограбил Кизлярский банк. Добыча от этого налета небольшая. Главное – Вербицкому удалось отомстить. Он попал под суд за бездействие и неудачу в поимке Зелимхана.

25 сентября 1910 г. – многотысячный карательный отряд под командованием начальника Назрановского округа князя Андронникова начал шестистороннее наступление на абрека Зелимхана с целью провести операцию по поимке абрека в ингушских горах.

Октябрь 1910 г. – за арест своей семьи Зелимхан вместе с четырьмя товарищами на мосту в Ассинском ущелье устроил засаду карательному отряду, убил князя Андронникова и поручика Афанасьева, тяжело ранил командира дагестанской сотни штаб-ротмистра Данагуева (на всю жизнь остался калекой) и шестерых всадников.

Осень 1910 г. – массовое выступление крестьян Веденского округа против царских властей.

1 декабря 1910 г. – в своем родном селении Старые Атаги убит абрек Абубакар Хасуев, ближайший друг Аюба Тамаева (сподвижника Зелимхана).

19 апреля 1911 г. – встреча Зелимхана с 5 студентами (преимущественно армяне), которые просили Зелимхана поддержать революцию в России. В этой встрече, организованной через Шахида Борщикова, участвовали 22 человека, среди которых оказались 2 агента военного отряда.

Октябрь 1911 г. – приказ наместника Кавказа взыскать 100000 рублей штрафа с чеченского населения Грозненского и Веденского округов в пользу пострадавших от «зелимхановщины».

15 октября 1911 г. – начальник карательного отряда полковник Моргания с 3 ротами Дагестанского полка, двумя сотнями казаков и 16 всадниками-дагестанцами окружил с. Старосунженское, где ночевал Зелимхан. Зелимхан прорвал окружение, ушел невредимым.

Октябрь 1911 г. – по приказу наместника Кавказа в с. Старосунженское взорвали несколько домов, в которых 15 октября мог остановиться Зелимхан.

Ноябрь 1911 г. – репрессированы и высланы из Чечни и Ингушетии представители высшего духовенства Сугаип Гайсумов, Бамат-Гирей Митаев, Абдул-Азиз Шаптукаев, Батил-Хаджи Белхороев, Кана-Хаджи, Чиммирза, мулла Магома.

11 ноября 1911 г. – начальник Веденского округа подполковник Каралов создал команду из местных старшин, которые поклялись на Коране убить Зелимхана.

9 декабря 1911 г. – начальник карательного отряда полковник Моргания окружил пещеру недалеко от Харачоя, в которой Зелимхан скрывался один. В течение двух суток в ответ на бомбардировки и ружейный обстрел Зелимхан сделал пять выстрелов, убил двух и ранил трех солдат. Сам ушел из окружения невредимым.

1912 г. – царские власти за голову Зелимхана назначили 18000 рублей.

27 сентября 1913 г. – гибель бесстрашного абрека Зелимхана. Каратели Дагестанского конного полка под командованием поручика Кибирова на хуторе близ Шали окружили дом, в котором находился больной Зелимхан. Раненный предательским выстрелом в спину, Зелимхан начал бой с карателями, убил и ранил многих из них и погиб смертью героя.

Зелимхан

(Очерк из книги Мусы Гешаева «Знаменитые Чеченцы»)

> «Я знаю, вернуться к мирной жизни мне теперь невозможно. Пощады и милости я тоже не жду ни от кого. Но для меня было бы большим нравственным удовлетворением, если бы народные представители поняли, что я не родился абреком, не родились абреками также мой отец, брат и другие товарищи...»
>
> «Чеченцы – великолепные наездники – могут преодолевать всего лишь за одну ночь сто двадцать, сто тридцать или даже сто пятьдесят верст. Их кони, не сбавляя шагу, – всегда галопом, штурмуют такие склоны, где, казалось бы, не пройти и пешему. Горец, едущий верхом, никогда не смотрит на дорогу перед собой: если на пути лежит расщелина, которую не решается преодолеть сходу его конь, чеченец закутывает голову скакуна буркой и, доверив себя Всевышнему, заставляет иноходца перепрыгивать через пропасть глубиной до двадцати футов».
>
> **А. Дюма. Кавказ** (Париж, 1859)

Судьба Зелимхана подобна судьбе загнанного зверя, который рвется на волю и мстит загонщикам. Смерти он не боялся. Тысячу раз она кружилась рядом, глядела в глаза, но не брала: слишком уж храбрый был, отчаянный. Его имя заставляет трепетно биться сердце каждого чеченца. И вовсе не потому, что он был смелый, убивал своих врагов, грабил банки, брал в заложники богатых, при этом заранее поставив в известность власти. И не потому, что вел себя неслыханно дерзко. Он был народным мстителем, другом бедных, заступником униженных и оскорбленных. Именно за это его любил народ и помогал ему. Благодаря этой безграничной любви он много лет оставался неуловимым и держал в напряжении власти.

Для поимки и уничтожения возмутителя один за другим создавались специальные карательные отряды. Государственная Дума не раз задавалась вопросом: что же делать со смутьяном? Он своими действиями ставил власти в тупик, бросал вызов огромной державе и фактически в одиночку воевал с ней. Все мы смертны. Но смерть смерти рознь. Герой умирает только раз и уходит в вечность, в бессмертие. А трус умирает сотни раз и исчезает словно тень.

В горном ущелье по течению реки Хулхулау вьется спиралью дорога к многострадальной столице древней Ичкерии – красивейшему и живописней-

шему селению Ведено. Убегая дальше, в горы, дорога серпантином поднимается к Андийскому хребту, связывая Чечню с Каспийским морем. В этом изрезанном горными реками уголке Чечни лежит тысячу раз политая кровью горцев земля харачоевцев. Над дорогой, у реки Хулхулау, стоял небольшой, построенный из местного камня и крытый черепицей дом, в котором в январе 1872 г. в семье Гушмазуко Бахоева родился мальчик, впоследствии ставший самым знаменитым абреком Кавказа, известным всему миру. Имя мальчику дали Зелимхан. Люди рода Бахо, к которому принадлежал Зелимхан, умели за себя постоять и пользовались большим уважением в Чечне. Сам Бахо прожил трудную и сложную жизнь, но был благодарен Аллаху за все, что посылала ему судьба. Семья была довольно зажиточной. Кроме крупного и мелкого рогатого скота у них было более ста ульев и своя мельница, которая приносила небольшой доход. Бахо напоминал могучий дуб, пустивший мощные корни. Он любил всех своих внуков, но к Зелимхану почему-то у него было особое отношение. Мальчик рос на его глазах и был на редкость послушный, исполнительный и любознательный.

Дед так привязался к Зелимхану, что не разлучался с ним ни днем, ни ночью. Они вместе ходили в лес на охоту, на сенокос, за дровами. Бахо учил внука обрабатывать землю, ухаживать за ульями, предсказывать погоду, разбираться в зверях и птицах, лечить животных. Дед научил его молиться, поститься. Благодаря Бахо Зелимхан с детства знал целебные свойства трав, что впоследствии ему пригодилось. Самое главное, чему его научил дед, – это не бояться труда и любить землю.

– Дада, когда мне будет десять лет, сколько будет тебе? – спросил он однажды у Бахо.

– Меня тогда не будет, – ответил дед.

– Ну скажи, сколько тебе будет? – настаивал внук.

– А ты посчитай, я же тебя научил считать, или ты разучился?

– Нет, не разучился. Когда мне будет десять лет, тебе будет восемьдесят семь, – сказал он и сам остался доволен своим ответом. – А когда мне будет двадцать лет, тебе будет девяносто семь.

Старик, рассмеявшись, сказал:

– Ну что ты, сынок, мне бы еще пару лет пожить, стар я стал, хоть на здоровье и не жалуюсь.

– Дада, ты всегда будешь жить, вот посмотришь. Ты у меня вечный, дада. Ты проживешь сто лет, больше. Вот посмотришь.

В Зелимхане дед видел самого себя. Как и Бахо, внук был немногословен, трудолюбив, решителен. Хоть и брат ему Солтмурад, но разные они по характеру. Солтмурад спокойный, мягкий, осмотрительный. А Зелимхан горячий, мужественный.

Шли годы. Зелимхан взрослел. Дед старился. Но пророческими оказались слова внука. Бахо вспомнит об этом в свои сто лет.

Зелимхану было восемнадцать, когда он женился на красавице Бици. Ее, как и Зелимхана, в селе уважали. Казалось, Зелимхан и Бици были рождены друг для друга. Он делился с ней сокровенным, знал: жена понимает его, радуется всему хорошему и переживает за все плохое. Без Бици он не мыслил себя. Както она призналась, что счастлива с ним.

– Знаешь, почему это так? – спросил он. – Потому, что ты сделала меня счастливым.

Ровно через год после женитьбы у них родилась дочь, которую назвали Муслимат. Затем еще одна дочь – Энисат. На этот раз Зелимхан, как и сама Бици, огорчился, что не мальчик, но виду не подал. А вот когда третьим родился мальчик, Зелимхан был счастлив. Здесь, в горах, к мальчикам особое отношение. Но больше всех рождению правнука радовался дед Бахо. Мальчику дали имя Муги.

Все шло хорошо. Но повороты судьбы бывают самыми неожиданными. Произошла ссора с односельчанами из-за невесты Солтмурада Зезаг. В этой ссоре был убит один из родственников Зелимхана. Братья должны были отомстить кровникам. За это взялся Зелимхан. Но сделал это так, что никто не узнал. Тайком. Ночью. Кровная месть свершилась – в ауле облегченно вздохнули. Но по законам Российской Империи за убийство он подлежал суду.

Казалось, вражда между двумя родами, согласно древнему адату, закончилась. Однако враги Бахоевых не успокоились. Когда проводили дознание, были найдены улики против Бахоевых. Окружной суд вынес приговор. Закованными в цепи, их увезли в крепость Грозная и бросили в тюрьму.

Не вынесло сердце Бахо такого удара: в тот же день он умер. Ему было 104 года. Позор, унижение и несправедливость, обрушившиеся на его род, Бахо пережить не смог.

Зелимхан постоянно думал о нем, зная, как тяжело будет деду после их ареста, но что деда не станет так быстро, ему и в голову не приходило.

Многое пришлось пережить Зелимхану в те дни. 24 мая 1901 г. состоялся

суд над ним, его отцом и племянниками. Иригоборили их всех к трем с половиной годам каторжных работ в Илецкой Защите. Нечеловеческие условия жизни и адский труд сказались быстро: один из племянников, Али, вскоре умер, а второй, Иса, заболел.

Неизвестно, как закончилась бы каторга для Гушмазуко и его сына Зелимхана, если бы их не вернули в Грозненскую тюрьму. Дело в том, что судебная палата отменила приговор окружного суда по делу Бахоевых, мотивируя это тем, что «накануне рамазана месяца 18 числа ночью луна не светит, поэтому невозможно было видеть убийцу». Теперь дело должно было быть рассмотрено шариатским судом. А от этого суда ни Гушмазуко, ни Зелимхан ничего хорошего не ждали. В шариатском суде находились люди, зависимые от старшины аула Адода, принадлежавшего к роду кровников.

В тюремной камере было душно, тесно. Зелимхан чувствовал себя как зверь в клетке. Он отказывался от еды, стал нервным. Метался по камере, страстно хотел вырваться на волю, чего бы это ни стоило. Не в силах больше выносить заключение, отчаянно искал путь к свободе. Видя состояние Зелимхана, находившийся с ним в камере абрек Саламбек из Сагопши сказал:

– Друг, не переживай, это ничего не даст. Давай лучше подумаем вместе, как нам отсюда выйти.

Зелимхан молчал. Ему не верилось, что отсюда можно уйти. Но сказанное Саламбеком не давало покоя: надо всего лишь преодолеть одну стену, а там – река. Она вынесет куда надо, спасет. Решено было сделать подкоп. Это был адский труд. Трудилась вся камера. Землю и мелкие камни выносили в карманах в туалет. А чтобы часовые ничего не услышали, копая, пели песни. Всем хотелось, чтобы хоть кто-нибудь покинул эти стены.

Зелимхан предложил бежать и отцу, но тот отказался, сказав, что не сможет встать на путь абрека, слишком тяжела для него эта ноша. Но дал сыну наказ: вернуть Зезаг, разобраться с сыновьями Адода и убить пристава Чернова, который ударил 104-летнего старика Бахо, что для чеченца является позором. Зелимхан дал отцу слово, что выполнит его наказ. Рано утром, когда тюремные надзиратели делали обход, они не досчитались четырех заключенных, в числе которых был и Зелимхан Харачоевский.

Неслыханно дерзкий побег! Из Грозненской тюрьмы за все 80 лет ее существования еще никому не удавалось бежать.

Беглецы удачно скрылись. Направленные на их задержание поисковые группы вернулись ни с чем. Зелимхан был на свободе и конечно отправился в Харачой.

Так, с лета 1901 г. Зелимхан оказался вне закона. Началась жизнь абрека. У него не было другого выхода, как стать на этот нелегкий и рискованный путь.

Первым, кого встретил Зелимхан, вернувшись домой, был брат Солтмурад. От него он узнал все новости. Только вот о деде брат ему так и не сказал, зная, какой это страшный удар для Зелимхана. Но, войдя во двор и не увидев деда, Зелимхан почувствовал пустоту и понял, что никогда больше не увидит его. Одна мысль овладела им, одно желание – отомстить за все, что произошло. За смерть деда, за все унижения, позор, несправедливость.

Мать тоже благословила сына на отмщение, чтобы смыть позор. И только жена Бици не хотела никакой мести: она устала от несчастий, свалившихся на семью. Ей хотелось спокойной, мирной жизни. Зелимхан же понимал, что жизнь поломана и ничего хорошего никому из них ждать не приходится, надо готовиться к худшему.

Зелимхан начал действовать. Прежде всего, он решил вернуть домой Зезаг. С того самого злополучного дня, когда арестовали Бахоевых, она находилась в доме Говды – старшины аула Махкеты. После того, как напуганный до смерти всем случившимся и не желая ухудшать и без того сложные отношения с родом Бахо старшина аула Ведено Адод расторг сватовство Зезаг со своим сыном, родственники выдали ее за Успу – сына Говды. Однако Зезаг с первого же дня категорически отказалась признавать его своим мужем и готова была умереть, но не стать женой Успы. Ее держали взаперти.

Зелимхан подкараулил старшину аула и его писаря. Забрал у старшины коня и оружие и пообещал вернуть, когда будет возвращена Зезаг, а Говда попросит извинения за все свои действия.

Говда рвал и метал. По чеченским обычаям, позволить отнять коня и оружие – несмываемый позор. Он сразу же поспешил к приставу Чернову и рассказал ему обо всем, затем собрал свой род для обсуждения случившегося. Учитывая согласие Успы отдать Зезаг, родственники, вопреки воле Говды, согласились ее вернуть. От этого решения Говда пришел в ярость, но тут же, узнав, что она еще ночью сбежала неизвестно куда, смирился, а еще через день мулла молитвами скрепил брак Зезаг и Солтмурада.

Зелимхан одержал первую победу и выполнил одну из просьб отца. История стала известна во многих селах на равнине. Дома Зелимхан узнал, что пристав Чернов арестовал его семью. Это окончательно вывело абрека из себя.

Чернов прекрасно понимал, чем грозит ему арест семьи Зелимхана, и поспешно перевелся из Ведено. Теперь искать врага будет гораздо сложнее. На его

место из Грозного «для усиления борьбы с непокорными», как было сказано в императорском указе, был направлен полковник Добровольский. Он клятвенно заверил власти, что одним ударом покончит с Зелимханом и его товарищами. Но карательный отряд, направленный в Харачой, вернулся ни с чем. Полковник был озадачен.

Добровольский делал вид, что он никакого отношения к аресту семьи Зелимхана не имеет, но абрек знал, что без ведома полковника никто бы этого не сделал. И вот однажды ночью, после званого ужина, который давал Добровольский офицерам и чиновникам, к нему в спальню проник Зелимхан. Приставив кинжал, он потребовал освободить семью. Перепуганный Добровольский заверил, что завтра же освободит. Зелимхан ушел так же тихо, как и пришел. Добровольский не сомкнул глаз всю ночь. Полковник никому не сказал о визите абрека. Но вместо того, чтобы выполнить свое обещание, он дал указание накрепко запереть семью разбойника Гушмазукаева, утроить охрану в тюрьме и у ворот крепости.

Зелимхан ответил неожиданно и дерзко: средь бела дня, на глазах у людей, он увез на коне из городского парка сына полковника. Большая группа солдат помчалась за ним, но вернулась, так и не догнав абрека. Разгневанный полковник не находил себе места, истерически кричал. Один из солдат передал офицеру какую-то записку. Прочитав ее, тот сказал:

– Зелимхан требует освободить его семью.

– Освободите их! Немедленно освободите всех! – закричал Добровольский.

Так абрек одержал свою вторую победу. Слава о Зелимхане шагнула далеко за пределы Чечни. Его знали уже на всем Северном Кавказе. Вскоре из заключения вернулся Гушмазуко. Он обрадовался, увидев Зезаг в доме. А Зелимхан с братом вот уже четвертые сутки караулили сына Адода: на сыновьях Адода была кровь двоюродного брата Зелимхана Ушурмы, убитого в драке. Таков закон гор – кровь за кровь. И, наконец, дождались.

На дороге показался сын Адода. Зелимхан вышел ему навстречу и крикнул: «Защищайся! Покажи теперь свою храбрость!». Оба выхватили пистолеты – один за другим раздались выстрелы. Кровник Зелимхана упал, сраженный пулей. Абрек подошел взглянуть на него, и ему стало жаль убитого парня. Но дело сделано. Вторая просьба отца выполнена. А вот где искать Чернова? Братья не успели уйти, как раздался грубый окрик:

– Ни с места! Бросайте оружие! Вы арестованы! Я помощник пристава. Ни шагу, иначе мы будем стрелять!

– Твои солдаты плохо стреляют. Я научу вас, как надо стрелять, – ответил Зелимхан.

Грянули выстрелы. Пули прошли мимо братьев. Офицер обругал солдат и собрался выстрелить сам, но пуля Зелимхана прошила его.

– Вот сволочи, – зло сказал Зелимхан. – Они использовали сына Адода как приманку.

И обратился к брату: «Солтмурад, запомни одно: тебя со мной не было. Ты ничего не знаешь».

Неспокойно было на душе у братьев. Они, крадучись, осторожно пробирались домой, словно волки. «Ведь мне до конца своих дней предстоит жить волчьей жизнью», – подумал Зелимхан. Весть о ночных происшествиях – ранении офицера и убийстве сына старшины Адода – неслась быстрее ветра. Говорили, что это сделали сыновья Гушмазуко.

Дома братья вместе с отцом обсудили возможные последствия и ответные действия как властей, так и Адода. Солтмурад хотел взять все случившееся на себя, но Зелимхан категорически запретил ему это делать.

Начальник Веденского округа полковник Добровольский, лично руководивший карательной группой, пытался скорее свести счеты с Зелимханом. Он не мог простить обиду, нанесенную абреком. Отправив сына из Ведено, полковник действовал смелее. Раненный в стычке с абреком офицер через несколько дней скончался. Полковник в гневе посылает в Харачой солдат на постой. А это означало, что солдаты должны жить в семьях и питаться за их счет. Когда Добровольскому сообщили, что в Харачое живет бедный народ, он сказал: «Пусть режут скот, снимайте с этих дикарей шкуру!».

На следующий день в Харачой пришли солдаты во главе с самим Добровольским. Собрав народ в центре села, полковник, стараясь запугать жителей, предупредил их, что если они не будут оказывать помощь солдатам в поимке преступников и разбойников, то к ним будут применены самые суровые меры.

– Я больше не намерен мириться с вашими разбойниками. Я буду жестоко карать тех, кто осмелится ослушаться меня. До тех пор, пока преступники не будут задержаны или уничтожены, солдаты будут жить у вас. Вы обязаны отдать им лучшие комнаты, лучшую постель. Резать для них скот, кур, делать все, что они вам говорят, выполнять любые их указания.

Как только полковник произнес свою речь, из толпы вышел человек и остановился перед оцепеневшим от удивления Добровольским: это был сам Зелимхан. Раздался выстрел, и голова полковника упала на грудь. Лицо его залила кровь. Не успели свидетели этой сцены прийти в себя, как Зелимхан исчез.

В ответ на погром, совершенный солдатами и казаками при попустительстве властей на грозненском базаре 10 октября 1905 г., где было убито 17 чеченцев, Зелимхан 17 октября того же года около станции Кади-Юрт остановил пассажирский поезд и расстрелял 17 офицеров.

На следующий день в аул прибыл пристав Бек Сараев. Он поклялся властям, что живым или мертвым доставит «государственного преступника Зелимхана». Сформировав специальный отряд, Сараев гонялся по горам в поисках неуловимого абрека.

Каратели сожгли дом Гушмазуко, а имущество и скот отправили в Ведено. Новый пристав свирепствовал: арестовал стариков и женщин из Харачоя.

Зелимхан тяжело переживал все, что произошло с его односельчанами. Виновником всех бед он считал себя. Мысль сдаться властям была малоутешительной: тогда уж никто не смог бы противостоять бесчинствам.

Тюрьма была переполнена, и многие односельчане Зелимхана содержались в сараях, в невыносимых условиях. Так продолжалось до тех пор, пока начальником округа в Ведено не был назначен полковник Гулаев.

Он повел хитрую политику: освободил всех задержанных и сделал вид, что Зелимхан его вовсе не интересует. В село вернулись все родственники абрека. Они прекрасно понимали, что их хотят использовать в качестве приманки. Однако властям не удавалось напасть на желанный след.

Прошел слух, что родных Зелимхана собираются отправить в Сибирь. Он ломал голову, не зная, что делать. Однажды он признался отцу: «Если бы не боялся Бога, то покончил бы с собой». Крепко досталось ему от отца, ведь по мусульманским законам грех даже говорить об этом.

– А что делать, если из-за меня страдают люди! Я бы уехал отсюда на край света. Надоело прятаться, скитаться по горам. Надоело убивать. Я такой же человек, как и те, кого я убиваю. Я схожу с ума, не зная, что делать. Гуша, вот ты говоришь насчет отъезда в Турцию. Тяжело расстаться с родиной. Но другого выхода у нас нет. Уехать должен я, чтобы вас оставили в покое. А для этого нужны большие деньги. И я их достану.

В ту ночь он решил совершить налет на имение богатого овцевода Месяцева.

Бедняжке Бици приходилось труднее всех. Она волновалась за детей, за отца и мать Зелимхана и, конечно, днем и ночью переживала за мужа. Кроме того, ей доставалось и от своих родителей, ведь они, как и другие жители села, страдали из-за Зелимхана.

Полковник Гулаев начал настоящую войну с харачоевцами. Слухи стали

подтверждаться: большую группу людей арестовали и посадили в Грозненскую тюрьму, откуда их должны были отправить на поселение в Сибирь. Через знакомого старика Зелимхан предупредил Гулаева, что он потеряет голову, если отправит людей в ссылку. Предупреждение не подействовало на Гулаева, напротив, он крепко взялся за Зелимхана. По дворам рыскали отряды, созданные для уничтожения абрека. А Зелимхан в это время собирал небольшую группу, чтобы идти в набег за Терек.

Гушмазуко настоял, чтобы его взяли с собой. Группа из нескольких человек, переодетых в форму солдат и офицеров, во главе с «есаулом» Зелимханом появилась в имении Месяцева. Они заставили овцевода написать жене записку о выкупе в пятнадцать тысяч рублей и увезли его с собой. Жена Месяцева тут же позвонила властям. Были поставлены на ноги все. В Грозном, Шали, Хасав-Юрте, Ведено телеграф буквально разрывался: «Дерзкий налет Зелимхана на имение Месяцева. Схватить, поднять по тревоге, перерезать дорогу». Особо подчеркивалось: «Взять под контроль дорогу Ведено–Харачой».

На перехват было выслано несколько отрядов. Казалось, на этот раз Зелимхан не сможет уйти: перекрыты все тропы, все лазейки. Остановившись на ночлег недалеко от Бачи-Юрта, группа Зелимхана рано утром двинулась в путь, но наткнулась на засаду, устроенную беноевским старшиной Буцусом. В завязавшейся схватке были убиты отец и брат Зелимхана. Погиб и старшина Буцус.

Зелимхан, потрясенный случившимся, кипел от гнева и жажды мести. Он потерял последнюю надежду. Теперь его ничто не сдерживало. Оставалось одно: мстить всем, кто ведет с ним эту войну. Сердце его стало твердым как камень. Гулаеву сообщили, что все мужчины семьи Бахоева погибли, в том числе и Зелимхан. Враги абрека торжествовали.

В этот день у погибшего Солтмурада родился мальчик.

В назначенный день в условленное место привезли выкуп за Месяцева. «Пятнадцать тысяч теперь меня не устраивают, сирот стало больше, пусть привезут еще пять тысяч», – сказал Зелимхан. Большую часть денег Зелимхан раздал сиротам и бедным харачоевцам.

В марте 1909 г. создается специальный карательный отряд для уничтожения Зелимхана, за голову которого назначена награда в пять тысяч рублей. Во главе отряда поставлен полковник Вербицкий. В инструкции, подготовленной для солдат, Вербицкий требовал «стрелять в висок или в бровь разбойника».

Полковник обратился к абреку с письмом: «Зелимхан, имя твое известно всей России, но слава твоя скверная. Ты убил много людей, но из-за куста, прячась в камнях, как ядовитая змея, которая боится, что человек раздавит ей

голову каблуком своего сапога. А теперь ты просишь пощады, как паршивая собака. Ответ тебе один: твоя смерть. Но я знаю, что весь чеченский народ смотрит на тебя как на мужчину, и я, полковник Вербицкий, предоставляю тебе случай смыть с себя пятно бесчестия. И если ты действительно носишь штаны, а не женские шаровары, ты должен принять мой вызов. Назначь время, место и укажи по совести, если она у тебя еще есть, число твоих товарищей, и я явлюсь туда с таким же числом своих людей, чтобы сразиться с тобой. Даю тебе слово русского офицера, что свято исполню предложенные тобой условия. Но, если ты не выйдешь на открытый бой, я все равно тебя найду, и тогда уже пощады не жди и бейся до конца, чтобы не быть повешенным. Докажи же, Зелимхан, что ты мужчина из доблестного чеченского племени, а не трусливая баба. Напиши мне, полковнику Вербицкому, в город Владикавказ».

Это письмо обрадовало Зелимхана: он мечтал свести счеты с хвастливым полковником за все его злодеяния против чеченцев. Зелимхан назначил время и место поединка. В открытом поле, около Ведено. Один на один. Когда абрек явился в назначенное время, на поле никого не было. Он уже собрался уходить, как из леса появились солдаты, но полковника среди них не оказалось. «Негодяй, а еще давал слово русского офицера», – зло подумал Зелимхан.

Привыкший к коварству властей, он давно научился быть предусмотрительным. Зная здесь каждый кустик, сумел ускользнуть и на этот раз.

Зелимхан, не отказавшийся от мысли свести счеты с Гулаевым, не мог до него добраться. Попасть в крепость Ведено было трудно, особенно ночью. И все-таки он нашел выход.

Обычно, пообедав, полковник любил отдохнуть. И на этот раз он со своими адъютантами отдыхал в саду. Разговор шел о Зелимхане, когда раздался выстрел. Полковник обернулся – следующая пуля угодила ему в висок. Гулаев был мертв. Зелимхан, стрелявший с противоположного берега реки Хулхулау, ушел незамеченным. Удача сопутствовала Зелимхану в осуществлении его замыслов. Но ни счастья, ни спокойствия ему это не приносило. Каждый осуществленный им акт возмездия оборачивался наказанием для его близких и односельчан. Абрек чувствовал себя одиноким и несчастным.

– Сын, вернется ли в наш дом мирная жизнь? – спросила его как-то мать.

Зелимхан с горечью ответил:

– Не знаю, нана. Видно, Аллах нам дал такой удел, сами мы его не выбирали.

После долгих уговоров он решил написать прошение председателю Государственной думы, где подробно изложил мотивы и причины, заставившие его

стать на путь абрека. «Я знаю, вернуться к мирной жизни мне теперь невозможно, – писал он. – Пощады и милости я тоже не жду ни от кого. Но для меня было бы большим нравственным удовлетворением, господин председатель, если бы народные представители поняли, что я не родился абреком, не родились абреками также мой отец, брат и другие товарищи...».

К сожалению, это письмо не обсуждалось в Думе и не было опубликовано, как просил абрек. Зато генерал области Михеев разразился в печати упреками: «Мне известно и без указаний Зелимхана, что на царскую службу иногда попадают люди нехорошие, с порочными и противными духу закона наклонностями. Пусть Зелимхан знает, что я, как представитель закона и порядка в области, считаю его, Зелимхана, самым крупным нарушителем закона, виноватым перед Богом и царем, а потому заслуживающим самую тяжелую кару».

Ответ Михеева окончательно разуверил Зелимхана в возможности вернуться к мирной жизни. Но тяжелейшим ударом для него стала смерть матери. Она скончалась в тот день, когда абрек узнал о приговоре генерала Михеева. Зелимхан не раз слышал слова: «С уходом отца и матери вянет цветок, что растет в сердце сына или дочери». Теперь он узнал истинную цену этим словам. В его груди увял цветок жизни. Дерзость возьмет верх над всеми оставшимися чувствами.

9 января 1910 г. в два часа ночи он совершит налет на грозненский вокзал и увезет из кассы восемнадцать тысяч рублей. А в апреле средь бела дня ограбит Кизлярский банк. Было это так. Учинив погром на Гудермесском базаре, где погибло несколько чеченцев, полковник Вербицкий в офицерском клубе Грозного смеялся над только что полученным письмом Зелимхана, в котором абрек извещал о своем намерении ограбить банк. «Так я ему и поверил! – иронизировал Вербицкий. – Нашелся храбрец, который сам явится ко мне в Кизляр! Бред какой! Пусть только попробует сунуться!» А в то время, пока полковник смеялся, Зелимхан увез деньги из Кизлярского банка, не потеряв при этом ни одного человека. Полковник же за свою браваду и легкомыслие поплатился карьерой: его отдали под суд за бездеятельность.

С разными людьми сталкивала судьба Зелимхана. Но не для всех встреча с бунтарем-одиночкой оказывалась роковой. На Военно-Грузинской дороге, где Зелимхан со своими друзьями подкарауливал князя Андронникова, однажды показалась карета, в которой сидел барин в дорожном плаще и шляпе-котелке. Руками он опирался на вишневую трость с причудливой формы набалдашником. Абреки окружили карету. Сопровождавшие барина люди объяснили Зелимхану, что это певец Шаляпин. Об этом событии позже писала газета «Грозненский рабочий»: «Если ты певец, мы тебя не обидим. Садись, пой».

Зелимхан набросил на большой камень бурку и сделал знак рукой, приглашая Шаляпина. Шаляпин тоже присел, поставил трость между колен и положил на нее обе руки. Поглядел вокруг, послушал, как клекочут орлы высоко в небе, а рядом мягко по камням шуршит ручей, затем вполголоса запел:

Хас-Булат удалой,
Бедна сакля твоя,
Золотою казной
Я осыплю тебя.

Оживился, и голос его стал звучать шире:

Дам коня, дам кинжал,
Дам винтовку свою,
А за это за все
Ты отдай мне жену.

В голосе певца появилась та неизъяснимая тоска, в которой точно и сильно была выражена трагедия обманутого чувства. Певец сделал паузу, а потом лишь передал ответ мужа-бедняка. В нем чувство человеческого достоинства поднялось, точно на крыльях орла, высоко над землей и утвердилось как нечто вечное и непобедимое. Именно так понимал Зелимхан смысл всей песни о Хас-Булате и ответ бедняка слушал с огромным напряжением:

Береги, князь, казну
И владей ею сам,
А неверну жену
Тебе даром отдам.
Ты сходи посмотри
На невесту свою:
Она в спальне своей
Спит с кинжалом в груди.

И вдруг, будто чья-то сильная рука все оборвала. Голос затих, замер горный поток, умолкли орлы в вышине, а люди затаили дыхание. Несколько секунд все слушали тишину. И вот откуда-то из глубины души певца зазвучала тоскливая мелодия финала:

Я глаза ей закрыл,
Утопая в слезах.
Поцелуй мой застыл

У нее на устах.

Может быть, впервые за всю творческую жизнь Шаляпина-певца у него была такая аудитория. Сюда, в глухое ущелье Кавказа, случай привел разных людей, но эти неповторимые минуты вдруг стерли то, что разделяло их. Великое искусство Шаляпина захватило всех. Каждый забыл, где он и что его ожидает. Все житейское, обыденное куда-то отошло, растаяло, приняло бесформенные очертания. И остался только певец с его огромным миром человеческих страданий и страстей. Но вот последний звук песни, обгоняя робкий говор ручья, покатился по ущелью, эхом отозвался на ближней вершине и замер где-то за крутыми склонами.

Все молчали. Зелимхан встал. Сделал два-три шага в сторону. Долго смотрел на дальний ледник, где искрилось полуденное солнце. Затем обернулся к Шаляпину, улыбнулся, отчего его суровое лицо приняло наивно-детское выражение, и негромко сказал:

– В тюрьме русский не обманул меня. Он говорил о тебе. Ты хорошо поешь. О Хас-Булате у нас тоже песня есть. Сегодня мы ошиблись: хотели черного ворона поймать, а схватили соловья. Так и крылья можно поломать. А тебе надо свободно летать, песни петь людям хорошие – о счастье. Его у них нет. Вот и я дорогого гостя не могу принять как положено. Прощай, а нас прости.

Обескураженные путешественники все еще не могли прийти в себя и понять, кому обязаны своим освобождением.

– Послушай, друг, подожди!

Шаляпин остановился. Припадая на правую ногу, Зелимхан подошел к нему:

– Ты, Федор, пел, а у меня глаза резать стало. Нехорошо, если с мужчиной бывает такое. Поедешь к своим, не говори, что видел, как Зелимхан от песни чуть не заплакал. Плохие люди не поймут, подумают: Зелимхан тряпкой стал. Прошу, не рассказывай об этом.

И он, пожимая руку Шаляпина, заглянул в его голубоватые, как ледник, но теплые глаза. В них было волнение и тепло души.

– Нет, никогда никому не скажу. Я тебя понимаю, – порывисто ответил Шаляпин. Впервые в жизни он получил такую награду за свое искусство.

После этого они расстались навсегда. Шаляпин выполнил свое обещание, которое дал абреку. О своей встрече в горах он никогда никому не рассказывал до смерти знаменитого горца.

«В Харачое жизни не будет, давай искать себе новое прибежище», – сказал однажды Зелимхан жене. И они переехали в горы, в местечко Зерх. Пожив там несколько месяцев, семья Зелимхана перебралась в Ингушетию. Некоторое

время жили у его друга, ингуша, а затем Зелимхан, боясь, как бы тот не пострадал из-за них, поблагодарил товарища и высказал желание поставить шалаш подальше в горах.

«Хороший шалаш соорудили ингуши, – рассказывала дочь Зелимхана Энисат спустя много лет. – Листья насыпали сверху, листьями устлали пол. Наше новое жилье стояло на крутом склоне, а далеко внизу шумела быстрая горная Асса. Как орлиные гнезда, прилепились к склонам сакли аула Нялха. Мы, дети, любили смотреть на него с каменной ступеньки на краю обрыва. Тогда он виден был как на ладони.

Продукты нам приносили ингуши. Когда отец уходил, с нами за мужчину оставался его самый младший брат Бисултан. Он был от второй жены Гушмазуко. Ему было всего 14 лет. Он, я и Магомед пасли корову. Была осень, деревья оголялись. Уже начали падать снежинки. Мы отпустили корову, зная, что она далеко не забредет. Вскоре Бисултан пошел посмотреть, где она, но сразу же вернулся. «Корову я не нашел, – сообщил он, – а вот что обнаружил».

Оказывается, Бисултан глянул с нашего излюбленного местечка на аул Нялха и заметил стадо, которое двигалось по узким улочкам. Вернее, ему показалось, что это скот. Когда же на солнце блеснули штыки, он понял, что это солдаты. Кто-то сообщил о том, что семья Зелимхана скрывается здесь, в горах Ингушетии.

– Нам надо срочно уходить, – обратился Бисултан к матери».

Это было 25 октября 1910 г. Большой карательный отряд под командованием начальника Назрановского округа Андронникова шел в наступление на жилище Зелимхана. Андронников был уверен, что на этот раз он арестует знаменитого абрека и его семью.

«У нас были легкие подушки – их сбросили в пропасть, – продолжала вспоминать Энисат. – Швейную машинку зарыли. Кое-что уложили в мешок и запрятали между каменными плитами. Вяленое мясо, сахар, другие припасы, теплые одеяла, детскую одежду и все самое необходимое забрали с собой. Шалаш завалили и двинулись в путь. Когда нас настигла ночь, одно одеяло расстелили между высокими чинарами на толстый слой листьев и уложили детей, укрыв их вторым одеялом. Наша мама, Зезаг и Бисултан сидели, так и не сомкнув глаз. Чуть рассвело – двинулись дальше. Я потеряла обувь, поранила ногу об острые камни. Бисултан, заметив кровь, оторвал рукав своей исподней рубашки и сделал перевязку. Дальше он вел меня за руку. Добрались до солнечного склона. Стали смотреть в отцовский бинокль, не окружены ли недругами. Передавая его из рук в руки, выронили в расщелину.

Сошли к Ассе. За рекой жили хевсуры. Решили податься к ним и переждать некоторое время. Невелика река, но течение сильное. Поэтому женщины не осмелились нас перенести на себе. На счастье, как подумалось взрослым, на муле в нашу сторону ехал хевсур. Мать жестами попросила перевезти детей через реку, обещала деньги. Однако он растопырил пальцы на обеих руках, дважды хлопнул в ладоши и показал рукой круг. Стало ясно, что мы окружены солдатами, что вперед хода нет. Повернули обратно.

Нашли ровную каменную плиту, над ней был каменный козырек. Там устроились на ночлег. Бисултан каждого из детей за руку отвел туда, наверх, всех обнял, поцеловал и стал прощаться. «Пойду искать своего брата», – сказал он. Наша мать, Бици, устала уговаривать его, чтобы он остался. Бисултан был непреклонен. Он ушел.

Наутро солдаты стали выкрикивать какие-то слова и катить на нас валуны. Благодаря каменному козырьку нас не раздавило. По нему валуны соскальзывали вниз и падали в пропасть».

Бици кричала по-чеченски, что они одни, женщины и дети, что сопротивляться не могут и, если среди наступающих есть кто-то, понимающий по-чеченски, пусть подойдет. Сказала, что они сдаются.

«Нас отвели к начальству, – вспоминала Энисат. – Развели всех поодиночке, чтобы не могли слышать друг друга на допросе. В Нялхе мы провели трое суток. Чего начальство выжидало, не знаю. Наконец нам разрешили тронуться в путь вместе с карательным отрядом. Помню хорошо, как доехали до одного ущелья. До моста через Ассу оставалось совсем немного, когда князь Андронников, возглавлявший операцию, спросил ингуша:

– У вас, чеченцев и ингушей, считается позором, если жену отнять?

– Самый большой позор, – ответил тот.

– Так я у Зелимхана двух жен отнял, детей отнял, – похвастался начальник. – Посмотрим, такой ли он джигит, как о нем рассказывают...».

Зелимхан уже знал о случившемся. Он не замедлил отреагировать. В Ассиновском ущелье, на мосту, с четырьмя своими товарищами он устроил засаду. Были убиты князь Андронников и поручик Афанасьев, тяжело ранен командир дагестанской сотни штаб-ротмистр Данагуев, оставшийся калекой на всю жизнь. Недосчитались еще нескольких всадников. Так отомстил Зелимхан за повешенного друга своего Саламбека из Сагопши и, конечно, за свою семью.

Но, к сожалению, отбить семью у нескольких сот солдат и казаков ему не удалось. Заложников отвезли во Владикавказскую тюрьму и допросили.

Власти были доведены до отчаяния. Все, что они предпринимали против Зелимхана, не давало положительных результатов. Абрек стал грозой для властей и живым символом свободы и мужества для горцев. Во владикавказской тюремной камере родился четвертый ребенок Зелимхана. Мальчика нарекли Умар-Али. В 1911 г. семью сослали в Енисейскую губернию. Бесстрашный абрек, как ни старался, не смог ничем им помочь.

О популярности и авторитете Зелимхана как личности свидетельствовали почтовые открытки, выпущенные земской почтой. На одной из них написано: «Взятое в плен семейство Зелимхана». На фото – девочки Энисат и Меди, в середине – их мать Бици, держащая на руках Умар-Али. Перед ней стоит старший сын лет пяти – Магомед. Оба мальчика в папахах. Другая фотография снята на железнодорожном вокзале Грозного, когда семья Зелимхана возвращалась домой из Сибири. На ней с двух сторон стоят вооруженные казаки, а между ними – семья Зелимхана. Каждый солдат или казак считал за честь сфотографироваться с семьей абрека.

Зелимхан тяжело переживал страдания семьи. Переживания усугублялись болезнями: ревматизмом и лихорадкой. Неравная борьба продолжалась. На место Вербицкого был назначен штаб-ротмистр Кибиров, родственник убитого Гулаева.

Много лет спустя о сибирской ссылке поведает дочь Зелимхана Меди:

«Четверо суток мы плыли по Енисею на пароходе. Нас сослали в Минусинский уезд Енисейской губернии. О прибытии семьи Зелимхана писали газеты. Поначалу мы думали, что будет страшно жить в суровом краю, в «синей Сибири», о которой чеченский народ сложил много песен. Но вскоре мы обрели искренних друзей среди сибиряков, и на душе стало теплее.

Остановились мы в Ермаковке. Любую мужскую работу по дому выполняли двое русских – Аркадий Петрович и Николай Трофимович. Последний был замечательным плотником. Но особенно запомнилась политическая ссыльная девушка Валентина Михайловна Карташова. Мы жили на первом этаже рубленого дома, она – на втором. Карташова мне сказала, что я сама смогу читать газеты, в которых пишут про подвиги моего отца, что мне обязательно надо учиться. Регулярно уводила меня к себе и обучала грамоте. Так я и научилась писать и читать.

Однако власти узнали, что Валентина Михайловна помогает семье абрека Зелимхана, и выслали ее в Минусинск. Мы переживали разлуку с ней, но что мы могли сделать? И вот однажды к нам постучались – осторожно, но настойчиво: тук-тук-тук. На улице была лютая зима, надо было впустить гостя незваного,

но боялись. Тихий голос просил:

– Зезаг, открой дверь, Бадик, – так меня называл отец, – открой, Аниска.

Все же не решаясь впустить незнакомца, спрашиваем:

– Мы боимся, кто ты такой?

– Валентина Михайловна, – отвечает голос.

Тогда дверь открылась мгновенно. Карташова была в маске, при здоровенных усах, в мужичьей шапке-ушанке. Бросилась в объятия:

– Мои родные...

Привезла целых два мешка подарков: пальто, шапки, валенки, а для Энисат даже муфту. Всех нас приласкала, поплакала с нашими женщинами и в ту же ночь уехала на тех же санях и с теми же кучерами. Ведь она не имела права без особого разрешения покидать Минусинск».

Через два года, когда семье Зелимхана разрешат вернуться в Грозный, эта добрейшая женщина приедет провожать их и привезет с собой целую корзину сдобных булочек, две четверти молока, вареные яйца и другие продукты.

Кибиров преследовал две цели: отомстить за Гулаева и, конечно, выслужиться, уничтожив абрека. Но неуловимый абрек, так же как и Вербицкого, водил его за нос, насмехался над ним. Он заранее сообщал Кибирову о своих намерениях, а когда штаб-ротмистр приезжал с отрядом на указанное место, то находил записку такого содержания: «Господин Кибиров, вы опоздали, мне некогда. Зелимхан». Поймать абрека не удавалось. И тогда власти решили найти предателя, который за большие деньги помог бы это осуществить. Ставку сделали на Шахида Борщигова. Ему пообещали восемнадцать тысяч рублей и триста десятин земли. Условия были жесткие: или Борщигов за сотрудничество с Зелимханом будет сослан в Сибирь, или получит неслыханно большую сумму денег.

Шахид выбрал деньги, но боялся ввязываться в это дело и искал человека, который мог бы за незначительную сумму убить абрека.

Самые мужественные и надежные друзья Зелимхана погибали один за другим. 1 марта 1911 г. в селе Атаги был убит его сподвижник Аюб Тамаев, с которым они вместе совершали самые рискованные набеги. 15 октября 1911 г. начальник карательного отряда полковник Моргания с тремя ротами Дагестанского полка, двумя сотнями казаков и 16 всадниками окружил село Старо-Сунженское, где ночевал Зелимхан. Абрек, прорвав окружение, ушел невредимым. По приказу наместника в этом селе взорвали несколько домов, в которых мог остановиться абрек. За голову Зелимхана власти установили новую

цену – десять тысяч рублей.

Однажды Зелимхан прибыл в Грозный к известному адвокату Д. Шерипову с просьбой написать письмо в Государственную думу о том, что побудило его встать на путь абрека. Подойдя к дому адвоката, он увидел наклеенное на стене объявление начальника Чеченского округа: за голову Зелимхана обещали награду. Абрек заставил адвоката дописать: «Читал внимательно, с ценой не согласен. Добавлю от себя еще десять тысяч рублей тому, кто меня поймает. Зелимхан».

11 ноября 1911 г. начальник Веденского округа полковник Каралов создал команду из местных старшин, которые поклялись на Коране убить Зелимхана.

В Санкт-Петербурге тоже негодовали. Издавали указ за указом, обещая, что угодно за голову абрека, но ничего сделать с Зелимханом не могли. Он был неуловим.

9 декабря 1911 г. властям, наконец, стало известно местонахождение больного Зелимхана. Ревматизм свалил его с ног, и он отлеживался в пещере неподалеку от Харачоя.

Огромный отряд во главе с полковником Моргания и с подошедшим из Грозного подкреплением окружил пещеру тройным кольцом, отрезав Зелимхану все пути для отхода. Из крепости подвезли орудия для штурма пещеры. Пригнали сюда и группу местных жителей, чтобы они пошли в первых рядах, дабы уберечь солдат. Местными жителями командовал старшина Адод. «На этот раз абреку не удастся уйти», – думали все. В донесении генералу Михееву уже сообщалось: «Зелимхан окружен, теперь он никуда не уйдет».

Двое суток продолжался штурм. В ответ на обстрел Зелимхан сделал пять выстрелов, которыми убил двоих – один из них был старшина Адод – и ранил троих солдат. Утром третьего дня Зелимхан, появившись из пещеры, открыл огонь. Тысячи пуль летели в него. А он стоял в своей бурке и папахе, как ни в чем не бывало. Вдруг все увидели, как он сорвался с горы и полетел вниз, в пропасть.

«Убили! Убили!» – кричали радостно солдаты, устремляясь в ущелье. Несколько минут стояли они в ущелье оцепеневшие, не решаясь подойти к абреку. А когда подошли, то увидели завернутый в черкеску кусок бревна, на который была натянута папаха из овчины. Зелимхан и на этот раз ушел из окружения целым и невредимым. После этого события Зелимхан исчез надолго. Говорили, что он перебрался в Турцию. А Зелимхан был тяжело болен. Его все время бил озноб. Он не мог согреться: не хватало тепла и солнца. Болезнь доводила до изнеможения. Друзья увезли Зелимхана в Ногайскую степь. Народные лекари

и щедрое солнце помогли абреку. Здесь, вдали от своих врагов, он отдохнул, набрался сил.

Через некоторое время Зелимхан вернулся на родину и жил в лесу, постоянно меняя место. Все шло хорошо до тех пор, пока не появился какой-то чеченец по имени Элмарза из Шали. Он сказал, что приехал от Шахида Борщигова, который якобы может вылечить Зелимхана и вернуть его семью из ссылки. Зелимхана заинтересовало это сообщение. Он доверял Борщигову, потому что тот участвовал с ним в налете на Кизляр, но суровая жизнь абрека приучила его сомневаться во всех.

Борщигов вошел в доверие к Зелимхану. И действительно, по настоянию Борщигова семью абрека вернули. Сняв для них квартиру в Грозном, старый друг вошел в еще большее доверие к Зелимхану. Через некоторое время абреку устроили встречу с семьей в лесу. Это была самая счастливая ночь в его жизни. После долгой разлуки он встретился со своими родными. Младшего сына Умара-Али он видел впервые. Сын улыбался ему. Бици похорошела. Старший сын Муги похвастался отцу, что научился писать по-русски. Дочери выросли.

Бици заметила, что муж чем-то взволнован, подавлен, но спросить не решалась. Зелимхан взял винтовку и ушел. Вернулся, когда дети уже спали. Бици подала ему поесть.

– Ты накормила детей?

– Да, они поели и, не дождавшись тебя, уснули. – Перекусив, Зелимхан взял на руки Умара-Али. – Буди детей и бери с собой бурку и ковер, – сказал он жене, – пойдем в другое место, здесь небезопасно.

– Ты все еще никому не веришь? – спросила Бици. Бросив взгляд на жену, Зелимхан ответил:

– Настоящим людям верю, а вот предателям – это не люди – им я не верю.

Они устроились в небольшом шалаше и уложили детей спать. Зелимхан взял руку Бици и долго глядел в родные, такие дорогие ему глаза самого близкого человека, столько пережившего за него, подарившего ему детей, разделившего с ним все невзгоды. Вдруг по щеке покатилась слезинка, капля с солоноватым привкусом коснулась его губ. С Зелимханом раньше такого не бывало. Он нежно прижал жену к себе и тихо, с горечью в голосе заговорил:

– Бици, послушай меня внимательно, я видел плохой сон...

– Дай Бог, чтобы это было к лучшему, – перебила его жена.

– Я знаю, со мной должно произойти что-то плохое.

– Умоляю, не говори так. Ты говоришь так, будто собираешься умереть. Ты же не веришь в сны.

– Но этот сон не к добру. Знаю я: или меня убьют, или свалит болезнь. Прошу тебя, береги детей.

Бици заплакала.

– Прошу, не плачь. Ты и так столько наплакалась из-за меня. Я так хотел осчастливить тебя, сделать что-нибудь хорошее для тебя и наших детей, но, видно, Аллах мне не позволил. Прошу тебя, не дай нашим сыновьям пойти по моим стопам. Не дай Бог кому-нибудь из них испытать и тысячной доли того, что мне пришлось хлебнуть. Я за одну ночь, проведенную с вами, готов отдать свою жизнь. Мне всегда хотелось быть с вами. Но, видно, на то не было воли Аллаха.

– Я умоляю, не мучь меня, не терзай мое сердце. Бог хороший, он заберет меня первой.

– Только не это, ты нужна детям. Скоро вырастет Муги, он станет тебе помощником. Добрые люди помогут тебе уладить наши кровные дела.

– Не пугай меня, мне становится страшно, – Бици уже не плакала, а рыдала. Зелимхан, нежно лаская ее, уговаривал:

– Только не плачь, ты же сильная у меня. Сколько ты вынесла!

– Я готова вынести в тысячу раз больше, лишь бы ты был жив. Без тебя я жить не хочу.

– У нас дети, ты должна жить ради них, – успокаивал он ее как мог.

Бици уснула, все еще вздрагивая в тревожном сне. Зелимхан не спал. Он привык спать три или четыре часа в сутки, но сейчас его угнетало тревожное предчувствие. Что-то должно произойти. Он не мог и предположить, что Шахид Борщигов продался властям, что Элмарза – предатель, взявшийся за тысячу рублей убить его. Всего этого он еще не знал. Но на душе было неспокойно.

Как бы не был осторожен Зелимхан, но отказаться на следующий день от приглашения Элмарзы на ужин не смог. Отужинав и помолившись Богу, Зелимхан сидел задумавшись, перебирая в памяти всю свою жизнь. Вдруг во дворе залаяла собака. Хозяин велел жене посмотреть, кто там. Та вышла во двор и, вернувшись, сказала, что никого нет.

Через несколько минут собака залаяла опять, она рычала и рвалась с цепи. Элмарза вышел. Он не возвращался. Вслед за ним вышла хозяйка, но тут же вернулась, бледная, растерянная. «Там солдаты. Они окружили дом», – с трудом выговорила испуганная женщина.

Схватив винтовку, Зелимхан выскочил в сени. В это время сзади раздался выстрел. Это стрелял Элмарза. Резко обернувшись, Зелимхан выстрелил не

целясь, и пуля уложила предателя наповал. Раненный в спину абрек, сделав еще несколько выстрелов, волчком выкатился во двор и, продолжая отстреливаться, перебежал за стог кукурузных стеблей. Выстрелил прицельно еще несколько раз. Стрельба усилилась. Стреляли хаотично и бесприцельно со всех сторон. Зелимхан понял, что он окружен, но сдаваться не собирался. Наоборот, собрал все свои силы. В эти минуты болезнь отступила.

Всю ночь моросил мелкий, нудный дождь, как будто сама природа плакала, предчувствуя недоброе. Мокрая от крови и дождя рубашка абрека прилипла к телу. Он перестал стрелять и начал читать предсмертную молитву – Ясин.

Стрельба прекратилась. Похоже было, что абрек мертв. Но никто не решался приблизиться к нему. Лишь на рассвете солдаты подошли поближе. Зелимхан будто ожил, запел молитву и, открыв огонь, уложил еще несколько солдат. Остальные, перепуганные, рванулись обратно. Вот как описывает последние минуты жизни абрека писатель Магомет Мамакаев:

«Грянул залп, и Зелимхан упал как подрубленный. Но в тот же миг снова вскочил на ноги и выпустил пять смертельных пуль в своих врагов. Дальше все происходило, как в фантастическом сне: раздавался залп – абрек падал; как заколдованный, вставал – и снова гремели выстрелы. И так продолжалось минут двадцать. Наконец он упал и долго не вставал. Но, когда один из офицеров с криком «ура!» устремился к нему, Зелимхан, с усилием приподнявшись, сразил его выстрелом из браунинга. Все было кончено: кровь текла из его многочисленных ран так, что он походил на какой-то красный призрак. И все же Зелимхан встал во весь рост и, громко читая Ясин, пошел навстречу подползавшим к нему солдатам.

– Ложись! Ложись! – истерически крикнул Кибиров, прячась за стог соломы.

А Зелимхан шел на врагов и читал: «Ясин валкуранил хаким, иннакала минал мурсалийм...». Еще выстрел – и Зелимхан упал на свою винтовку. Оборвались слова Ясина. Но еще долго никто из солдат и офицеров не решался подойти к нему, на всякий случай всаживая десятки пуль в мертвое тело абрека. Потому что и мертвый он казался своим врагам живым».

Разносчики газет на улицах кричали об убийстве Зелимхана. Бици не могла поверить, что нет больше на этой земле ее любимого человека.

Вскоре ее вместе с детьми повезли в Шали для опознания трупа. Бици сразу узнала мертвого мужа, но на вопрос полковника: «Узнаешь его?» – она отрицательно качнула головой. Взглянув на мать, дочь тоже сказала:

– Нет, это не наш отец.

Только Зезаг призналась:

– Это Зелимхан.

Бици надеялась, что ей отдадут тело мужа, чтобы она могла похоронить его согласно мусульманским обычаям. Но Кибиров не собирался этого делать. Его зарыли во дворе канцелярии шалинского пристава. Поручик Грибов, которому Бици доверилась, посвятил ее в эту тайну.

– Поезжай во Владикавказ к генералу, я помогу вам, – пообещал поручик.

Когда Бици с дочерью пришли во Владикавказ, генерал был в отъезде. Им удалось встретиться с генеральшей. Ей они и рассказали все.

– Неужели вы в такую даль, да еще пешком? – удивилась жена генерала. – Не волнуйтесь, мы вам разрешим похоронить мужа, езжайте домой.

Генеральша свое обещание выполнила: Зелимхана похоронили на родовом кладбище, рядом с его дедом Бахо, отцом, матерью и братом, в соответствии с традициями чеченцев и соблюдением обрядов мусульманской религии. Узнав из газет, что Зелимхан убит, Валентина Михайловна Карташова прислала его семье в Грозный соболезнование, трогательное и дорогое для Бици и ее детей.

Страшная весть о гибели Зелимхана облетела всю Чечню. Большинство горцев не верило и не хотело верить этому. Они считали Зелимхана бессмертным. Но это было правдой, горькой правдой, от которой никуда не уйти. Чечня потеряла своего великого сына-бунтаря, имя которого осталось в народных песнях и легендах, в народной памяти на веки вечные. Его смерть стала проклятием, позорным пятном для Российской Империи, воевавшей столько лет с одним человеком.

Никто не забудет героя Чечни,
Он вписан строкою в столетья.
Останутся в песнях те грозные дни,
Когда он шагнул в бессмертье.

Сохранилась уникальная фотография, облетевшая тогда весь мир: большая группа солдат и офицеров, участвовавших в поимке Зелимхана, победителем стоит вокруг трупа этого человека-легенды. И мертвый он наводил на своих врагов ужас и страх. Солдаты и офицеры считали для себя большой честью сфотографироваться с убитым Зелимханом.

Говорят, когда эту фотографию показали царю Николаю II, он долго и внимательно смотрел на нее, но так ничего и не сказал. Многие офицеры, принимавшие участие в уничтожении смутьяна, были повышены в чинах и награждены крестами.

Скорбела Чечня, скорбел весь Северный Кавказ. Гибель Зелимхана встревожила и всю прогрессивную общественность России. Газета «Русское слово» в те дни писала: «Погиб Зелимхан. Убит, и такою болью отзывается это известие в душе у нас, современных культурных людей. Жалко его и стыдно за себя, за нас, воевавших с одним этим человеком. Ведь мы воевали почти с ним одним. И вот теперь победили. И вместо ликования – смущение; и невольно любуешься этим человеком-сказкой, человеком-легендой. Мы понимаем, что перед нами вовсе не разбойник. Мы знаем, что перед нами великолепнейший экземпляр того мира, "где за добро – добро, и кровь – за кровь. И ненависть безмерна, как любовь"».

В газете «Отклики Кавказа» 8 октября 1913 г. появилась статья А. Макеева «Убит герой». Автор писал: «Не верится, что убит Зелимхан. Мы видим в нем героя. В свое время он отказался идти в военные министры к персидскому шаху, сказав: «Не хочу воевать против какого-нибудь народа». Он любил свободу, был храбр, благороден. Он шел к жене и детям, когда его убили. Те, кто ловил его, – черные люди. Они останутся безвестными. О них ни сказок не расскажут, ни песен не споют. А о Зелимхане будет сложена поэма, может быть, опера. Пушкин и Лермонтов восхищались такими горцами. И не хочется верить в смерть Зелимхана!».

Удивительна жизнь! Мог ли Зелимхан предположить, что через каких-то десять лет после его смерти старший сын Муги погибнет в рядах Красной армии, защищая первое в мире рабоче-крестьянское государство? А второй сын через четверть века, работая в органах Советской власти, отдаст свою жизнь, защищая интересы народа!

В конце 1930-х гг. был снят художественный фильм о легендарном Зелимхане. Он облетел экраны всего мира и пользовался огромным успехом. О знаменитом чеченце написаны романы осетинским писателем Дзахо Гатуевым и чеченцем Магометом Мамакаевым, сотни стихов и рассказов. Поэму «Прыжок в вечность» о нем положил на музыку и исполнил знаменитый певец Имам Алимсултанов. Любовь народа к своему герою со временем только усиливается.

Недалеко от Харачоя, в селе Беной, у самой дороги стоит памятник Зелимхану. Погруженный в свои думы, сидит абрек, держа винтовку наготове, а над ним, склонив голову, стоит его верный конь. Словно только что они вышли из леса и остановились отдохнуть. Кто сделал этот памятник? Кто и как привез его сюда? Какой смельчак рискнул установить его здесь в то время, когда о Зелимхане власти предпочитали умалчивать, дабы не позволять чеченцам даже

помыслить о свободе, за которую абрек боролся и отдал свою жизнь? Но памятник есть, и есть память народная, и потому жив дух легендарного харачоевца, подвигнувшего своих потомков на борьбу за Независимость.

Абрек Зелимхан Харачоевский

Мирным человеком считался абрек Зелимхан Харачо. Его отец Гушмазуко Бехоев в 1886 г. «на 7 человек своей семьи имел один дом, двух волов, 5 коров, 28 баранов и земли на 3,5 дня пахоты». Исключительно своим трудолюбием его семья к началу XX в. достигла определенного достатка.

О себе и о своей семье Зелимхан сообщает в известном письме, посланном 15 января 1909 г. на имя председателя Госдумы Хомякова. Он сообщает, что семья его отца состояла из трех сыновей – Хасана, Зелимхана, Солтмурада – и столетнего деда по имени Бехо (Бахо). Жили они в Харачое зажиточно. «Все, что бывает у зажиточного горца, мы имели: крупный и мелкий рогатый скот, несколько лошадей, мельницу, правда татарскую, но все же она нам давала приличный доход, и имели мы богатейшую пасеку, в которой насчитывалось несколько сот ульев. Добра своего достаточно, чужого мы не искали».

В 1901 г. мирная жизнь семьи Зелимхана была нарушена. Все началось с того, что младший брат Солтмурад решил жениться. Он нашел невесту и по предварительному сговору с ней, Солтмурад «похитил» ее. Начались переговоры о примирении сторон, но в дело вмешался харачоевский старшина и заставил Гушмазуко и его сыновей вернуть девушку. А вскоре, при содействии того же старшины, Зезаг выдали за Шугаипа Элсанова, сына старшины аула Махкеты.

Оскорбленные Гушмазукаевы решаются отбить девушку. Гушмазуко и его сыновья – Зелимхан, Солтмурад, племянники – Алимхан, Ушурма и друг Солтмурада – Исраил направились к Элсановым, просить вернуть Зезаг. На этой почве произошла драка, в которой Шугаип Элсанов убил кинжалом Ушурму.

Гушмазукаевы решили отомстить, и убили главу семейства кровников – Элсана. По обычаю, на этом кровная вражда должна была прекратиться, но местная администрация решила дать делу ход, и началось следствие. Начальник участка, куда входило селение Харачой, капитан Ханжалов, изобразил Зелимхана, его отца и двух двоюродных братьев закоренелыми убийцами. Всех отправили в тюрьму. Один из братьев Зелимхана умер в Грозненской тюрьме, другой – в ссылке. Умер в это время и столетний Бехо.

Сам Ханжалов был глубоко ненавистен народу. В феврале и марте 1906 г. три тысячи чеченских крестьян Веденского округа, собравшись в селении Устар-

Гардой, обратились к генерал-губернатору с требованием убрать ненавистного начальника округа, грозя, в противном случае, восстанием. В анонимном письме на Ханжалова говорилось, что он «спокойно творит беззакония и, придерживаясь своему сребролюбию, берет себе солидные взятки по несколько сот рублей в каждый раз и для этой корыстной цели властью своей уничтожает безжалостно все, что на пути встречается препятствием».

На момент ареста Зелимхану было 28 лет. Сильный и волевой, он, совершив подкоп, сумел бежать. «Я, – писал он, – бежал из Грозненской тюрьмы с единственной целью – отомстить виновнику всех несчастий нашей семьи, капитану Х., но он нашелся. Узнав о том, что я бежал, он прислал ко мне человека, который сказал, что капитан Х. сознает свою ошибку, очень раскаивается и просит у меня прощения и, кроме того, обещает меня не преследовать никогда. Я поверил его раскаянию и простил ему». Но вскоре Зелимхан понял, что начальник участка его обманул, хотя и уехал служить в другой участок. «Таким образом, – писал Зелимхан, – из мирного жителя селения Харачой я превратился в абрека Зелимхана из Харачоя, но не такого знаменитого, как сейчас».

Сам Зелимхан был человеком необразованным, и письма его, составленные на арабском языке, ему писали другие люди. Есть предположение, что письмо в Госдуму писал сын генерала Курумова, Муса Курумов, бывший большим другом абрека.

Вместе с Зелимханом бежали его первые сподвижники – Муса Саратиев, Бейсултан Шаамиюртовский и Дики Шалинский. Вскоре последний из них был пойман в своем родном селении и выслан в Сибирь на 20-летнюю каторгу. Муса и Бейсултан были убиты кровниками.

Зелимхан никогда не трогал простых людей и даже русских офицеров, с которыми случайно встречался. Один офицер, охотившийся в окрестностях Мержоя, решил отдохнуть на хуторе, расположенном здесь же. Вскоре сюда приехало несколько всадников во главе с Зелимханом. Они вошли в дом, где находился офицер. После некоторого замешательства, один из абреков обратился к русскому офицеру: «Зелимхан говорит: как ты, такой человек, и ходишь один в горах, не боишься его?», то есть Зелимхана. Затем добавил: «Ничего, пусть ходит, в горах тебя не тронет никто». Когда ближе познакомились, то, по словам офицера, «за стаканом чаю много говорили мы с ним, и признаться, он, простой чеченец, абрек, подчас задавал мне такие вопросы и такие темы затрагивал, что невольно ставил меня в тупик. Беседа шла, касаясь многих вещей и лиц, но, к сожалению, по причинам, от меня не зависящим, не может быть опубликована…

Расстались мы друзьями».

В 1906 г. за поимку или убийство Зелимхана царские власти обещали награду в 3000 рублей, а за его отца и брата – по 500. Об этом знали и чеченцы, и казаки, но абреки свободно проезжали через военные посты и появлялись в селениях и на базарах. Казачьи пикеты часто встречались с абреками в горах, на дорогах, но с молчаливого согласия не трогали друг друга. Более того, с 1906 по 1908-е гг. ни один начальник поста, ни один рядовой казак не донес на Зелимхана высшим инстанциям.

Были сделаны попытки использовать для поимки Зелимхана шейхов и мюридов. В 1906–1908-х гг. эта роль была отведена мюридам Али Митаева. Но эта затея ни к чему не привела – Зелимхан был желанным гостем и у мюридов Митаева, и у мюридов Кунты Кишиева.

Дурной славой в народе пользовался помощник начальника Грозненского округа подполковник Добровольский, который буквально издевался над населением. Во многих селениях Чечни он держал за счет крестьян воинские отряды, арестовывал непокорных, преследовал родственников абреков. Зелимхан в своем письме в Госдуму писал: «Мой старый отец, уже вернувшийся домой, отбыв свой срок наказания, и в особенности брат – самый тихий и добродушный из харачоевцев – подверглись со стороны Добровольского всевозможным гонениям, аресту на продолжительное время, под тем или иным предлогом и прочим мелочам, пересказывать которые я вам сейчас не сумею, но которые, тем не менее, жизнь делают тягостною, а иногда невыносимою».

Далее Зелимхан повествует о том, как Добровольский встретил на дороге в Ведено его брата и приказал отобрать у него оружие. Солтмурад сказал, «что оружие его азиатского образца и выдать он его не может, так как повсюду его преследуют кровники. Добровольский привстал на тройке с винтовкой в руке. Солтмурад ударил по лошади и ускакал, начальник пустил ему вдогонку несколько пуль… Приехав в Грозный, Добровольский пожаловался начальнику округа, что брат Зелимхана оказал ему вооруженное сопротивление».

Солтмурад по совету Зелимхана покинул дом и ушел за пределы Чечни. Но его выследили, поймали в Дагестане и посадили в Петровскую тюрьму, где он, пробыв около года, бежал к брату. К этому времени из тюрьмы вернулся Гушмазуко и взял действия абреческого отряда в свои руки.

4 апреля 1906 г. на Веденской дороге Зелимхан подкараулил Добровольского и убил его. В письме в Думу абрек писал: «За то, что он заставил сделаться абреком моего отца и брата, обругал меня скверными словами, Добровольский

поплатился жизнью».

Убийства чиновника такого ранга в Чечне еще не случалось. В бессильной злобе начальство арестовало жену Зелимхана и его брата Хасана, мирного и кроткого человека.

В 1907 г. Зелимхан бросает вызов начальнику Веденского округа Галаеву. Он пишет ему письмо, в котором предлагает Галаеву поймать его любыми способами – «полицией, подкупом, отравлением, чем только он хочет».

Весной в самый час пик вечернего движения по главным улицам Грозного Зелимхан тихо и спокойно ограбил ювелирный магазин, который помещался в самом центре города, рядом с квартирой начальника округа и его управлением, где дежурил целый пост милиции, и всего в 400 шагах от казармы сотни казачьего полка.

При удачном набеге на богачей Зелимхан раздавал деньги и скот крестьянской бедноте и семьям чеченцев, сосланных в Сибирь. «Хозяйства как сосланных, так и заключенных совершенно разорились, – писал абрек, – жены и дети их живут подаянием добрых людей да тем, что я иногда уделяю им из своего добра после удачного набега».

Говоря о Зелимхане, хочется подчеркнуть и его политические взгляды. Это немаловажный вопрос, поскольку характеризует всю его деятельность, имевшую яркую направленность и отрицавшую хаотичность действий абрека. В своей идеологии Зелимхан был сторонником той части национальной интеллигенции и буржуазии, которая стояла на позиции национально-освободительного движения. Идеалами абрека были герои прошедшей Кавказской войны. В сумке Зелимхана, случайно потерянной им, кроме прочих вещей были найдены почтовые открытки с изображениями имама Шамиля, Хаджи-Мурата и чеченских наибов. Огромное влияние на Зелимхана имел Муса Курумов, представитель новой чеченской элиты, придерживавшейся сепаратистских взглядов. Начальник Грозненского округа сообщал в область, что когда Зелимхан хотел взять в плен проживающую в Грозном семью ротмистра Донагуева, то его план был «отклонен интеллигентом из туземцев, имеющим громадное влияние на Зелимхана». Своим приближенным и всем горцам, с которыми абрек встречался, он часто говорил о скором прибытии из Дагестана «большого шейха, который будет воевать против гяуров».

Индарби Бызов.
Извлечение из статьи «Абреческое движение в Чечне (XIX век)»
Журнал «Чеченское общество сегодня». № 3,4,5, 2008

Абреки по-кавказски

Вот как писатель Манаф Сулейманов в своей книге «Дни минувшие» описывает на ее страницах нежданную встречу Зелимхана с магнатом-миллионером Ага Муртузом Мухтаровым, в ожидании поезда в Баку обедавшего с другом в пристанционном железнодорожном ресторане станции Беслан. «Внезапно в зале поднялся переполох, раздались крики: «Зелимхан едет!», «Конница Зелимхана захватила станцию!». Собеседник Ага Муртуза, побледнев от страха, предложил: «Ага, у меня карета наготове и лошади в упряжке, поедем-ка поскорее от греха подальше!». Мухтаров и бровью не повел: «Никуда я не поеду! И тебе делать это не советую…». Вскоре на опустевшую привокзальную площадь въехал отряд вооруженных всадников. Некоторые из них вслед за Зелимханом заглянули в ресторан. И тут внимание грозного предводителя абреков как-то сразу привлекли два человека интеллигентной наружности, мирно о чем-то беседовавшие за столом. Он посылает одного из своих нукеров с приказом привести их к нему. Мухтаров, улыбнувшись, отказывается идти на поклон к Зелимхану. Узнав об этом, абреки просят разрешить им наказать наглеца за неповиновение предводителю. Цыкнув на них, абрек сам подходит к невозмутимо обедающим гостям. Ага Муртуз, привстав, придвигает ему стул со словами: «Садись, гостем моим будешь!». Слова незнакомца понравились Зелимхану. Сел, быстро разговорились. Прощались они уже друзьями. Впоследствии они не однажды одаривали друг друга подарками. Зелимхан, например, прислал Мухтарову в серебряных ножнах кинжал и башлык с золотыми кистями – в знак признания его мужества и смелости. Мухтаров же, после гибели Зелимхана, перевез его сына и дочь в Баку, содержал их как своих родных детей, а затем отправил за свой счет учиться в Петербург. Сын Зелимхана со временем стал хорошим агрономом, а дочь – врачом.

А вот еще одно повествование о Зелимхане, записанное много лет назад автором со слов профессора Магомедхана Кажлаева, известного бакинского хирурга-отоларинголога: «До революции мой отец Давуд в селе Ботлих Андийского округа Дагестанской области на пригорке главной улицы арендовал жилой дом, на первом этаже которого находился магазин, где торговали черными и белыми андийскими бурками, черкесками с галунами, кавалерийскими бурками, шерстяными, шелковыми, суконными и бязевыми тканями в рулонах, а попутно – еще сахарными головками, грузинским чаем в железных коробках, конфетами, женскими ювелирными украшениями, парадным холодным оружием, керосиновыми лампами, наборами восковых свечей, оконными стеклами

и т. д. В комнатах же второго этажа с окнами, глядящими в ущелье Андийское койсу, с каменным, времен первой Кавказской войны, мостом через реку, мы жили всей семьей. Жили мы зажиточно, ибо торговля была прибыльной. Мой старший брат Юсупгаджи обучался банковскому делу, а я учился в Тифлисской гимназии.

Справедливости ради надо бы сказать, что своим благополучием и достатком мы многим были обязаны грозному Зелимхану, именем которого в семьях горцев в то время пугали непослушных детей. Он, как давнишний друг и кунак отца, опекал нашу торговлю, а когда обстоятельства требовали, решительным образом пресекал гнусные, ультимативные порой поползновения конкурентов, которых у нас было немало в самом Ботлихе и в других аулах округа.

Появлялся Зелимхан со своими вооруженными людьми не часто, но, как правило, неожиданно, без предупреждения, рано утром или в вечерних сумерках. И, чаще всего, транзитом, когда путь куда-то надо было держать через Ботлих. Иногда, за чаем поговорив о чем-то с отцом, спешно уезжал, а случалось – оставался ночевать. А пока он спал, по просьбе отца, домочадцы торопливо заполняли переметные сумы гостей тканями, детской одеждой, обувью, коробками грузинского чая… Да и сам Зелимхан заявлялся к нам отнюдь не с пустыми руками: отцу всегда привозил лучших сортов турецкий табак, что-то моей матери, а мою пятилетнюю сестренку Аймисей радовал куклами, разными игрушками, шоколадными конфетами, монпансье. Однажды, помнится, Зелимхан, приехав, как всегда, неожиданно, одарил моего брата Заида уменьшенной в размерах точной копией английской шестизарядной боевой винтовкой, стрелявшей пулями также соответственно уменьшенных калибров…

И вот, надо же, в один из летних жарких дней, когда Зелимхан с отцом и несколькими своими телохранителями в большой комнате за столом ели хинкал, случился конфуз, как-то сразу отдаливший его от нашей семьи. Связано это было как раз с сестренкой: едва Зелимхан и его абреки, заехав во двор, с дороги возились с лошадьми, поклажей, перевешивали ружья, кто-то из домочадцев, не поставив отца в известность, на всякий случай, решил уложить Аймисей в… вещевой сундук. «Лежи тихо-спокойно, – сказали ей, – и ничего не бойся». Девочка, действительно, в первое время тихо-неслышно лежала, но потом, то ли ей в сундуке воздуха не стало хватать, то ли с испугу, Аймисей вдруг заплакала. Зелимхан вопросительно глянул на отца, быстро привстав, и до половины вытащил кинжал из ножен… Отец в страшном недоумении и волнении приблизившись к злополучному сундуку, приподнял крышку сундука, из которого с воплем выскочила дочь.

Зелимхан облегченно вздохнул, словно гору с плеч сбросил и, покачивая головой, посмотрел укоризненно на все еще недоумевающего отца, и что-то по-ингушски сказал своим людям. Те, спустившись с внутренней веранды во двор, стали спешно седлать лошадей. Напрасно отец, извинившись, пытался, как мог объяснить, что случившееся – это всего лишь досадное недоразумение, к которому он не имеет никакого отношения, что люди, пытавшие упрятать дочку, будут наказаны; Зелимхан был неумолим в своем решении покинуть наш дом.

– Ты меня, Давудбек, сильно обидел! – сказал он, вставая из-за стола. – Хотел бы я знать, кто это тебе сказал, что Зелимхан обижает женщин, детей! Даже, если так сказали, почему поверил? Ведь мы с тобой давние друзья, кунаки, названные братья, как ты не раз мне заявлял… Или ты так больше не считаешь?

И, накинув на крепкие мускулистые плечи бурку, спустился во двор, где лошади после сытной фуражной трапезы жадно припали к холодной воде. Помедлив, пока лошади утолят жажду перед дальней дорогой, Зелимхан ловко взлетел в седло и вслед за товарищами выехал на пыльную дорогу, петлявшей по левому берегу реки Андичай – в сторону горного аула Конхидатль…

Эта была наша последняя встреча с отважным, но, как и все горцы, обидчивым и ранимым человеком. Больше Зелимхана в Ботлихе никто не видел, точно слово на Коране дал – стороной далекой обходить не только дом наш, но и аул, что в сердце андийских гор. Предчувствуя недоброе, мы, конечно же, очень сожалели об этой размолвке. И точно: за год с несколькими днями до гибели Зелимхана, о чем, к слову, мы с большим опозданием узнали из тифлисской газеты «Кавказ», прямо в магазине наемный убийца застрелил нашего отца.

После похорон старший брат Юсупгаджи, уже на правах главы семьи продав домашнюю утварь, а в магазине – все оставшиеся товары, спешно отвез всех нас в Кумух, а сам через какое-то время негласно вернулся в Ботлих и, выйдя на заказчика убийства отца, местного богатого купца, разрядил в него свой револьвер и сдался военным властям. Прямо-таки вендетта по-кавказски… За пролитую кровь Юсупгаджи был сослан на долгие годы на каторжные работы в холодную, снежную Сибирь. Вернулся в Кумух уже после революции. Больным, изможденным от цинги и без одной ноги, зато героем в глазах всех сельчан. Древние, настоянные на народных обычаях и традициях адаты и в этом случае оказались сильнее шариатских законов великого Шамиля».

…Зелимхана долго не могли словить, несмотря на все старания регулярных воинских частей и разных иррегулярных формирований – всегда уходил, минуя успешно все облавы, западни, заслонные кордоны на дорогах и высокогорных

тропах. Стрелял он без промаха, был неутомим, быстр на ноги, а наездником – отменным. Хорошо ориентируясь в горах, знал, где и как скрываться, где проявлять природную свою смекалку, а то и хитрость. Однажды в районе старой крепости «Сундукели», имитировав внезапное нападение с кручи, выбрался из окружения, другой раз отвлек внимание близко подступивших карателей, скатив по склону ущелья самовар, упрятанный в бурке.

И все же отряду терских казаков, каким-то образом, говорят, не без помощи предательства, удалось напасть на след Зелимхана и окружить его. В завязавшейся перестрелке он был ранен в ногу и грудь, на предложение же сдаться, отвечал меткими выстрелами. Третья же пуля карателей, увы, оказалась смертельной. Случилось это ранним утром 29 сентября 1913 г.: по одним сведениям на Военно-Грузинской дороге – в трех километрах от села Нижний Ларс, по другим – у развалин крепости XIX в. «Редант», что в восьми километрах от Владикавказа.

В тот же день погибшего абрека прямо с поля боя, в папахе и пулей пробитой черкеске, на арбе привезли в главный город Терской области – Владикавказ, где на одной из площадей города, возможно, Базарной или Привокзальной, фотографы владикавказского издательства А.Я. Шишкова, предварительно, словно паутиной оплетя безжизненное тело патронташами, пристегнув к поясу горский, в простых ножнах кинжал, вложив в ладонь левой руки самозарядный пистолет, а чуть выше колен разутых ног поперек пустив трехлинейку образца 1891 г., сделали с десяток стеклянных негативов для почтовых открыток. И, конечно же, у павшего в неравном бою знаменитого абрека «запечатлеться на память» желание изъявили и каратели – при полном вооружении – с винтовками, саблями и во главе с горделивой наглостью восседавшим на стуле раненного в плечо, скорее всего, как всегда меткой пулей Зелимхана, то ли казачьим унтерофицером, то ли полицейским урядником…

Лишь «насытившись» фотографированием, тело абрека для захоронения на мусульманском кладбище было отдано семье – брату, жене, детям…

И вот еще что – напоследок, в качестве эпилога. В вещах убитого Зелимхана были обнаружены разного рода эссеровская литература, прокламации, какие-то бумаги с печатями. Сегодня сразу и не скажешь, что могло связывать храброго, но безграмотного абрека с по-европейски образованными социалистами-революционерами, из среды которых вышли Чернов, Керенский, Спиридонова и другие. Но вот о чем тут я подумал: уж не видели ли последние в Зелимхане одного из возможных своих удачливых «добытчиков денег» для своих полити-

ческих акций? Ведь трудился же на подобном поприще, и, надо сказать, весьма успешно, коммунист с 1901 г. Тер-Петросян, по кличке «Камо», по заданию вождей большевистской партии для нужд грядущей социалистической революции под угрозой оружия экспроприировавший деньги из банков, коммерческих и торговых учреждений в различных регионах империи, в том числе в Азербайджане и Грузии, за что четырежды приговаривался к смертной казни.

С жизнью же Тер-Петросян распрощался в 1922 г., на одной из таких улиц Тифлиса, случайно попав под колеса грузовика. А, может быть, и вовсе не случайно? Дело в том, что свидетелей как добрых деяний, так и нелицеприятных, одинаково не жаловали даже в античные времена. А «гачаг-грабитель» Тер-Петросян, надо думать, ой, как много знал…

Заслуженный журналист Азербайджана Фаик Закиев.
Извлечение из статьи «Абреки по-кавказски»
http://www.kaspiy.az/rubrics.php?code=7501

Зелимхан Гушмазукаев

Одним из легендарных героев, выдающимся абреком, заступником слабых и обиженных, народным мстителем был Зелимхан Гушмазукаев, о котором народ сложил много песен и илли. Стать абреком Зелимхана вынудили трагические обстоятельства, с которыми ему пришлось столкнуться: незаслуженное обвинение его родных в убийстве и последующее заключение в тюрьму его отца и двух братьев. При этом на глазах Зелимхана царский пристав ударил по лицу его деда Бахо, которому было 104 года.

В 1901 г., попав в тюрьму, 27-летний Зелимхан вскоре совершает побег и начинает мстить своим обидчикам. Обет абрека требовал от него особой собранности и целеустремленности. А умение, не тратя лишних слов, добиваться своей цели было свойственно Зелимхану с юных лет. После побега из тюрьмы, он скрывается в родных местах и начинает бороться с несправедливостью в окружающей его жизни: он объявляет этой жизни войну. Чтобы спасти из тюрьмы своих родных, абрек берет в заложники сына царского полковника, а затем мстит харачоевскому старшине, совершившему злодеяние. Но за каждой удачей Зелимхана, за каждым его налетом следовало несчастье для его близких. Поэтому многие из них тоже стали уходить в абреки.

Имя Зелимхана передавалось из уст в уста по всему Кавказу. Он всегда находил приют и поддержку у простых людей, считавших абрека своим защитником и борцом против произвола царских властей. Объектом в своей мести

абрек всегда выбирал таких офицеров, которые проявляли необузданную прыть в беспределе против чеченского народа. Зелимхан захватывал банки и грабил богачей, с целью наказания последних, а не ради личного обогащения – экспроприированные богатства он раздавал людям. Известен также такой факт: на базаре в Грозном вояки в хмельном угаре расстреляли 17 человек (детей, женщин и мужчин), а Зелимхан после этого остановил поезд у ст. Кади-Юрт (между Герзелем и Гудермесом) и расстрелял 17 офицеров. Не больше и не меньше... Такой поступок абрека ни один юрист не может квалифицировать как бандитизм, если не относится к этому предвзято. Скорее всего, это можно назвать местью... Поэтому называть Зелимхана бандитом просто язык не повернется у честного человека. Зато потомки обязаны назвать его и ему подобных абреками и народными мстителями. Хотя в 1913 г. все-таки нашлись те, кто продал его за 30 серебреников, как Иуда продал Иисуса.

Из статьи «Народные мстители» Авхана Малаева. «Теркйист». № 23–24. http://www.grozny-inform.ru/main.mhtml?Part=14&PubID=6099

Отважный абрек Зелимхан

После окончания Кавказской войны XIX в. сопротивление горцев колонизаторам отнюдь не прекратилось. В Чечне, Дагестане и Ингушетии продолжали действовать ряд партизанских отрядов, а в 1877 г. на Северном Кавказе вспыхнуло народное восстание, охватившее большую часть Чечни и Дагестана. После того, как это восстание было потоплено в крови царскими войсками, а его вожди казнены, сопротивление царизму приняло такую своеобразную форму как абречество. Абреки были настоящими кавказскими «робин гудами», которые, не желая мириться с несправедливостью и произволом, брались за оружие.

Действуя в одиночку или небольшими группами, абреки мстили царизму за себя, своих родственников и свой народ: убивали ненавистных царских сатрапов, грабили банки, казенные учреждения, богачей-колонизаторов. Отобранные деньги и ценности абреки чаще всего затем распределяли среди бедных крестьян.

Абречество имело массовую поддержку среди горцев и отражало недовольство народов Северного Кавказа национально-колониальным гнетом. Народ смотрел на абреков как на своих защитников и сам тоже защищал их, укрывая от царских властей. Борьба абреков нашла широкое отражение в фольклоре горских народов. О них писали стихи и складывали песни.

Вопреки утверждениям царизма и позднейшей сталинской исторической «науки» колонизация Северного Кавказа Россией отнюдь не способствовала прогрессивному экономическому и культурному развитию населяющих его народов, а, наоборот, тормозило его. После завоевания у чеченцев и ингушей были конфискованы огромные земельные массивы в пользу казны и казачества, а население загнано в горы. В нагорных районах до 40 процентов хозяйств совершенно не имели пахотных и сенокосных участков. По статистическим данным, в горной Чечне на мужскую душу в среднем приходилось 1,2 десятины пахотной земли, а в Ингушетии – 0,2 десятины. В то же время на одного казака в Сунженском отделе, например, приходилось 10,7 десятины, а в Кизлярском отделе – до 27,5 десятины земли.

Недостаток земли заставлял горских крестьян арендовать ее у казачества и казны. При этом чеченцы и ингуши должны были платить огромные налоги, которые возрастали из года в год. Интересно, что соседние с ингушами осетины, исповедовавшие христианство и по численности в два раза превосходившие ингушей, платили в 1866 г. 10000 рублей, тогда как ингуши платили 13000. Царская власть, как и любой другой империалист, действовала по принципу «разделяй и властвуй».

Такая политика вызвала настоящее обнищание горских народов. Собираемый ими урожай позволял лишь не умереть с голоду. Сложился достаточно большой слой безземельных крестьян. Но и путь в промышленность им был фактически закрыт. В окрестностях Грозного в конце XIX в. начала развиваться нефтяная промышленность, но если туда и брали горцев, то исключительно на самую черную работу. В 1891 г. и вовсе было издано постановление, запрещающее проживать в черте города всем чеченцам и ингушам, не состоящим на государственной службе. Вайнахи были изгнаны из Грозного, Воздвиженской, Шатоя и Ведено. А по постановлению от 14 мая 1893 г. горскому населению уже прямо запрещалось работать на промышленных предприятиях Грозного (кстати, практика недопущения горцев на промышленные предприятия негласно проводилась после возвращения чеченцев и ингушей из депортации вплоть до 1991 г.).

В эпоху колониализма первыми прославленными кавказскими абреками

были Вара, убитый в 1865 г., а так же Назир-абрек и Атабай Карачаевский. В последующие годы их дело продолжили такие известные абреки как Эски, организовавший массовый побег из грозненской крепости и убивший адъютанта генерала Скобелева, Осман Мутуев, Мехки, Аюб, Зелимхан Гельдыгенский, Саламбек Гараводжев. Но, безусловно, самым известным и почитаемым чеченским абреком был Зелимхан Гушмазукаев из селения Харачой близ Ведено. Он получил широкую известность далеко за пределами Чечни и даже за пределами Кавказа. О нем писали в центральных российских газетах, а все революционные партии, да впрочем все более-менее демократически настроенные слои российского общества горячо сочувствовали его борьбе против самодержавия.

Зелимхан начал свою борьбу в 1901 г. Поначалу он занимался грабежами богатых русских колонизаторов на дорогах и вскоре создал свой небольшой отряд. С самого начала он и его соратники по борьбе следовали правилу грабить только состоятельных и только не чеченцев. Наибольшая активность Зелимхана началась с начала революции 1905 г., в которой он, как и другие абреки, принял активное участие.

Начиная с весны 1905 г. в Чечне и Ингушетии поднимается волна восстаний. Крестьяне изгоняли назначаемых властями чиновников, захватывали частные и казенные казачьи земли, ранее конфискованные у них, отказывались платить налоги и выполнять повинности. Выступления горцев, которые продолжились и в 1906 г., приняли наибольший размах в Веденском районе, на родине Зелимхана. Отважные действия благородного абрека Зелимхана вдохновляли крестьянские массы на борьбу и сыграли большую роль в том, с каким упорством крестьяне отказывались повиноваться колониальным властям. 10 октября 1905 г. власти организовали погром чеченцев на грозненском базаре. Войска расстреляли 17 чеченцев. Зелимхан решил отомстить и через неделю захватил пассажирский поезд, ограбил богатых русских пассажиров и 17 человек из них, в основном офицеров, расстрелял. «Передайте полковнику Попову, – сказал он уцелевшим пассажирам, – что чеченские жизни, взятые в Грозном, отомщены».

Ничто не смогло сломить Зелимхана, и он продолжал свою борьбу. В апреле 1906 г. он убил начальника Грозненского округа подполковника Добровольского. В 1908 г. Зелимхан метким выстрелом в лоб убил начальника Веденского округа полковника Галаева, узнав, что тот советовал своим подручным стрелять абрекам в лоб. За помощь в поимке легендарного абрека царское правительство назначило 5000 рублей, а впоследствии эта сумма была увеличена до 18000 рублей. В январе 1910 г. Зелимхан совершил налет на Грозненский вокзал и, издеваясь над карателями, увез из кассы ровно 18000 рублей.

Отряд Зелимхана начал фактически партизанскую войну против властей. Против него были брошены крупные отряды регулярной армии. В селах, которые укрывали абреков, проводились жестокие «зачистки». Начались преследования родственников Зелимхана: были убиты его брат и отец, жители целых чеченских сел поголовно ссылались в Сибирь, если становилось известно, что там ночевал абрек. В 1910 г. начальник Назрановского округа князь Андронников захватил в заложники жену и детей Зелимхана, за что поплатился своей головой. Абрек вышел ему навстречу с горсткой товарищей на горной дороге и лично застрелил Андронникова прямо на марше, когда он во главе 2 тысяч солдат вез его семью во Владикавказ.

Приказом по Терской области властями был сформирован «временный охотничий отряд» во главе с войсковым старшиной Вербицким для уничтожения Зелимхана и его соратников. Этот отряд устроил побоище мирных чеченцев на гудермесском базаре, в результате которого погибло несколько человек. Зелимхан решил отомстить и убить Вербицкого, но от этого шага его отговорил один очень авторитетный чеченский интеллигент, которого он не мог не послушать. И тогда Зелимхан решает отомстить Вербицкому другим способом – совершить набег на Кизляр и ограбить там местное казначейство. При этом он решается на безрассудно смелый шаг – он предупреждает Вербицкого о запланированном месте и времени нападения.

На Зелимхана и его отряд, разумеется, была подготовлена засада. Но отряду абреков в 60 человек во главе с Зелимханом удалось совершить невероятное – они удачно обошли засады, переодевшись казаками и разделившись на небольшие группы, ограбили казначейство и скрылись, не потеряв ни одного человека. В полицейском отчете сообщалось, что скрыться Зелимхану от полицейских и казаков помогли жители одного из чеченских сел. Они стерли следы, оставленные копытами коней абреков на 15-верстном отрезке дороги. «Безнаказанность чеченских аулов, по которым прошла шайка Зелимхана после ограбления Кизлярского казначейства, конечно, окрылит разбойников и повлечет их на новые подвиги», – говорилось в том же отчете. Село было сожжено, жители высланы в Сибирь.

Добыча от этого налета была совсем небольшая, если учитывать численность отряда – всего-то 5000 рублей. Но не это было главное: Вербицкому удалось отомстить и теперь он попал под суд за бездействие и неудачу в поимке Зелимхана. Однако и силы абреков вскоре понесли тяжелую утрату – в марте 1911 г. в селении Старые Атаги был убит ближайший сподвижник Зелимхана,

абрек Аюб Тамаев.

Однажды во время гастролей по Северному Кавказу в заложники к Зелимхану попал знаменитый певец Федор Шаляпин. Когда Зелимхан узнал, кто попал к нему в руки, он решил не требовать с него выкуп и просто попросил его спеть. Когда Шаляпин спел, растроганный до слез абрек отпустил его на свободу, но взял с него слово, что он никому не расскажет, что видел слезы на глазах чеченца. Шаляпин сдержал свое слово и рассказал эту историю только в 1938 г. на смертном одре.

Русским революционерам так и не удалось установить контакт с Зелимханом, о чем они, конечно, впоследствии очень сожалели. Ведь из Зелимхана мог получиться еще один Котовский. Однако связь с революционным движением в России Зелимхан все же установил, через анархистов. В 1911 г. с знаменитым абреком встретились несколько студентов-анархистов из Ростова-на-Дону. От них он узнал, что «царь не только чеченцам зло делает». Студенты подробно рассказали о той борьбе, которую ведут рабочие и крестьяне по всей России. Зелимхан с сочувствием и поддержкой отнесся к гостям. Они расстались друзьями и соратниками. Студенты вручили Зелимхану красно-черный флаг, четыре бомбы и печать, на которой было написано: «Группа кавказских горных террористов-анархистов. Атаман Зелимхан». С этого момента простодушный Зелимхан скреплял свои послания и ультиматумы этой печатью.

Зелимхан был просто неуловим и выбирался из самых трудных ситуаций. В октябре 1911 г. ему удалось бежать из окруженного села Сунженское, а в декабре того же года он умудрился бежать из окруженной пещеры. Причина того, что абрека не могли поймать в течение долгих лет была в том, что чеченцы и ингуши его всегда укрывали. Любое село почитало за честь приютить Зелимхана, несмотря на то, что селу за это грозило уничтожение. Однако все же нашлись предатели, которые за деньги сдали Зелимхана. 26 сентября 1913 г. близ Шали заболевший Зелимхан был окружен целым полком карателей и после многочасового боя убит. Примечательно, что враги целых 4 часа боялись подойти к телу погибшего абрека.

После революции 1917 г. Зелимхан почитался как герой национально-освободительной борьбы, выразитель интересов горской бедноты, каким он и был. О нем было написано несколько книг, а киностудия «Восток-кино» сняла о подвигах Зелимхана немой фильм.

М. Мурлин.

Вызов судьбе

Тот не боец и не храбрец, кто, в бой идя, печален об исходе...

Вайнахская пословица

12 июня 1906 г. депутат горских народов в Государственной Думе Таштемир Эльдерханов выступает с разоблачением преступной политики царизма в Терской области.

7 июня 1907 г. публикуется приказ наместника Кавказа Воронцова-Дашкова о введении чрезвычайного положения в крае, а 15 июня Терская область объявляется на военном положении. В том же 1907 г. производятся массовые аресты участников крестьянских выступлений в Чечне и Ингушетии. Такова была политическая обстановка в нашем крае в самом начале XX столетия. Именно в эти годы набирает силу абреческое движение в горах Кавказа. В 1908 г. был отстранен от должности генерал-губернатор Терской области Колюбакин и вместо него назначен генерал-лейтенант Михеев. 17 июня 1909 г. издается указ наместника о введении в Терской области «состояния усиленной охраны». 7 марта 1909 г. приказом Михеева по Терской области формируется временный «охотничий отряд» во главе с войсковым старшиной Вербицким, задачей которому ставилось «возможно спешное искоренение краж, грабежей и разбоев в пределах Хасав-Юртовского, Веденского, Грозненского и Назрановского округов, совершаемых здесь, в сопредельных районах, отдельными порочными лицами из туземцев».

Главной же задачей отряда была поимка абрека Зелимхана и его соратников. Отряд был создан из различного отребья, и командир отряда Вербицкий, выписанный из Кубани, был авантюрист по натуре, позер и трус. Отряд не столько занимался поимкой абреков, сколько убийствами и грабежами мирного населения. Помню, в детстве мать пела сложенную в те недоброй памяти времена песню, которая начиналась со слов: «Сгори в огне, Вербицкий...». Много горя и бед принес отряд Вербицкого Чечне и Ингушетии. Уничтоженные села, сотни расстрелянных без суда и следствия, тысячи высланных в Сибирь. В апреле 1909 г., чтобы захватить семью Зелимхана, помощник наказного атамана Терской области князь Орбелиани направляет в ингушские горы на Ассу сотню казаков, роту пехоты и девять офицеров. Вербицкий отказался возглавить экспедицию,

сославшись на болезнь. По дороге к месту предполагаемого нахождения семьи Зелимхана (две женщины и пятеро детей) попался хутор Цорх. Капитан, возглавлявший отряд, решил сделать здесь обыск, так как в Цорхе проживал постоянный укрыватель Зелимхана Габис. Когда отряд поскакал к хутору, из одной сакли раздались выстрелы. Отряд со всех сторон обстрелял саклю, и, когда выстрелы оттуда прекратились, побоявшись войти, послали туда старика-ингуша, который вышел и сообщил, что все в доме убиты. Даже после этого сообщения бравые вояки послали в расстрелянный дом обезумевшую от горя и страха женщину, чтобы вынести оружие.

Когда по окончании дела отряд стал уходить, то в версте от Цорха попал под обстрелы. Оказалось, что единственный оставшийся в живых сын Габиса Гатагажева устроил засаду, призвав на помощь жителей хутора Сарали-Опиева. Попав в засаду, отряд заметался, не думая о сопротивлении. Карателей парализовал страх. Храбрые против беззащитного населения, тут они пытались спасти свою жизнь, в том числе и сам капитан Дудников. Вместо того, чтобы идти на поимку семьи Зелимхана, отряд стал спешно уходить через ущелье, где был расстрелян разъезд первой сотни Кизляро-Гребенского полка. Отряд своей цели – поимки семьи Зелимхана – не достиг, однако многие чины отряда «за успешное дело в Цорхе» были награждены. Наместник Кавказа Воронцов-Дашков, которому подчинялась Терская область и резиденция которого находилась в Тифлисе, пытался показать себя либеральным деятелем, разрабатывал проекты земского и иного самоуправления на Кавказе, в то же время твердо и властно предписал «жителей Цорха и Сарали-Опиева хутора расселить по местам приписки и, сверх того, самые постройки Цорха уничтожить».

В мае 1908 г. атаман Вербицкий с большим усердием выполнил предписание наместника. Жители Сарали-Опиева хутора частью были выселены на Фортангу в Цече Ахке, частью в село Мужичи. Так кто же такие были жители Сарали-Опиева хутора, пришедшие в трудную минуту на помощь жителям Цорха? Прежде всего это были люди из рода Цечой. Одного из достойнейших мужчин Ингушетии, бывшего сподвижника имама Шамиля из рода Цечоевых звали Саръал сын Опы (Уопы). По его имени назывался хутор. И ныне большинство его потомков, проживающих в с. Алкун и ст. Орджоникидзевская, пишут фамилию Опиевы. Кто же из Цечоевых-Опиевых пришел на помощь жителям Цорха? С таким вопросом я обратился к Опиеву Салману Ахмедовичу, большому знатоку прошлого ингушей, уникально знающему ингушские обычаи и традиции.

В числе тех, кто пришел на помощь жителям Цорха, были Опиев Магомед Саралиевич – дед моего информатора, Опиев Хадис Саралиевич – его дядя,

Цечоев Зубеир и Габарте (Паьбарте) Мейлиевичи, Цечоевы Висангирей, Мочко, Муса Асангиреевичи, Дашлакиевы (Цечоевы) Сардал и Магомед Дашлакиевичи, племянники Цечоевых – сыновья Тимурзиева Эльберда. А теперь мне хотелось бы, отступив от фактической стороны дела, рассмотреть моральный аспект этого вопроса. Горстка жителей Сарали-Опиева хутора выступает на помощь своим гибнущим соплеменникам против целого отряда и обращает его в бегство. Конечно, каждый из них знал, что они обрекают на гибель себя, на уничтожение свой хутор. И только счастливое стечение обстоятельств и трусость царских вояк помогли им в бою. То, что сделали жители Сарали-Опиева хутора, было сознательное самопожертвование настоящих мужчин во имя долга чести.

Наши предки говорили: «Если думать о последствиях, никогда не выполнить долг мужчины». Вот эта национальная черта – выполнить долг чести, приходить на помощь друг другу, не думая о последствиях, – не раз в нашей тяжкой истории помогла выстоять, выжить. И поэтому такие достойные поступки наших предков должны становиться достоянием наших потомков.

И наконец, после нашумевшего на всю Россию ограбления Зелимханом и его сподвижниками Кизлярского банка войсковой старшина Вербицкий, который к этому времени атаманствовал над Кизлярским отделом, был предан начальством суду. Эпоха Вербицкого оставила в памяти народа неизгладимый след. Следствием карательной деятельности царских властей было то, что все большее число людей пополняло ряды абреческого движения. И мрачные дни похода полковника Вербицкого ознаменовались рядом дерзких абреческих налетов на Владикавказ: на мельницу Проханова, на купца Резакова, на склад Кролика, на магазин Симонова и т. д.

8 января 1910 г. абреками во главе с Зелимханом была ограблена касса железнодорожного вокзала в г. Грозный, из которой было взято 18 тысяч рублей. К этому времени прошло более двух лет, как в депозитивах начальника Терской области лежали невостребованные 8000 рублей, собранные с населения Веденского округа и предназначенные в награду за поимку или уничтожение Зелимхана Гушмазукаева. Значит, было нечто такое, что стоило больше любых денег, больше собственного имущества и самой жизни и не позволяло продать или убить Зелимхана и его соратников.

После предания полковника Вербицкого суду за то, что не сумел поймать или уничтожить Зелимхана в Кизляре, новым начальником Назрановского округа был назначен князь Андронников, грузин по национальности, гвардейский офицер, переведенный на Кавказ за какую-то провинность, человек большого

личного мужества. По плану, разработанному князем Андронниковым и одобренному начальником области Михеевым и наместником Кавказа Воронцовым-Дашковым, началась новая подготовка к походу против Зелимхана и его семьи в горную Ингушетию. Поход приурочили к осени, когда начнет опадать листва с деревьев. 25 сентября 1910 г. началось общее наступление. Из Владикавказа через хребет Шанчож наступала рота Апшеронского полка, через Ассинское ущелье – сотня Дагестанского конного полка и сотня Кизляро-Гребенского полка, сотня милиции и пулеметная рота из Грозного и Ведено, через реку Фортангу – две роты ширванцев и самурцев, из Тифлиса через Тионетский уезд был двинут батальон гренадеров и из Телава – эскадрон драгунов. Апшеронцам придали взвод саперов, чтобы взрывать ингушские башни, непокорные аулы и мосты, по которым мог бы уйти Зелимхан.

Узнав, что против двух женщин готовится поход двух тысяч царских войск, Зелимхан срочно из Чечни продвигается в горную Ингушетию. Но так как все дороги и тропинки были заняты солдатами, он не мог пройти к семье. А семья к тому времени была захвачена в плен. Зелимхан пробирается в Эшкал, где находился штаб отряда, и тайно вызывает к себе ингушского офицера, бывшего при отряде. Дзахо Гатуев в книге «Зелимхан» пишет, что фамилия этого офицера была Шабадиев.

Зелимхан просит освободить своих четырех товарищей-ингушей, находящихся при отряде. Шабадиев отвечает, что если он поможет арестованным бежать, то царский суд его, ингушского офицера, расстреляет. И все-таки, несмотря на смертельную угрозу для себя, Шабадиев (а правильно Шадиев Мурцъал Арсамакович) помогает четырем абрекам-ингушам бежать к Зелимхану. Поступок Шадиева неординарный. Он говорит о большом личном мужестве, патриотизме и готовности этого человека жертвовать собой во имя долга чести, во имя защиты своего обездоленного народа. Он действительно являлся в отряде Андронникова заложником своего народа. И потомки Шадиева Мурцала Арсамаковича могут им гордиться.

Итак, вместе с бежавшими к нему четырьмя абреками, четырнадцатилетним братом Бисултаном и Эльбертом (фамилию установить не удалось) в отряде Зелимхана стало семь человек. Семь – против двух тысяч! Да к тому же у бежавших абреков были только дробовики. У четвертого моста через Ассу, по обоим берегам реки, на скалах абреки устроили засаду. Как только конь Андронникова ступил передними копытами на мост, один из бежавшей четверки абреков Азмат Цароев убил князя Андронникова, предварительно выпросив это

право себе. Зелимхан тяжело ранил командира дагестанцев Данагуева. После первых выстрелов смешались казаки, солдаты остановились. Тогда, подавая личный пример, вперед ринулся поручик Афанасьев, тот самый Афанасьев, под командованием которого незадолго перед боем группа саперов взорвала башенные постройки и дома в Кекке и Нелхе за укрывательство Зелимхана. Убил Зелимхан и поручика Афанасьева. По просьбе полковника Курдиева, ингуша по национальности, из ближайших аулов пригласили стариков-хаджи, чтобы просить абреков не стрелять больше. Многие дагестанцы и казаки были убиты, ранены. Уговорили старики Зелимхана не стрелять. Да и патронов у него оставалось мало. Не мог Зелимхан донести две тысячи патронов, чтобы убить две тысячи карателей.

Узнав о случившемся, начальник Терской области генерал Михеев пришел в ярость. Он собрал всех ингушских старшин и дал им две недели сроку, чтобы выселиться с арендованных казачьих земель, уплатить все недоимки и поймать Зелимхана. Кроме того, селу Сагопши было предъявлено требование выдать легендарного абрека Сулумбека Горовожева, в противном случае будет уничтожено село. Но не могли ингуши поймать и выдать Зелимхана, как не могли выдать и Сулумбека. Это было выше их сил. Закон гостеприимства был свят. Да и доносчики-предатели пользовались в народе самым большим презрением. В определенные времена горское гостеприимство приобретало широкий политический смысл.

«Гонимые царской администрацией угнетенные люди находили приют и гостеприимство в горах у сочувствующих им горцев. По понятиям горцев, гость – лицо священное для них, – писал Н.Ф. Грабовский. – Обязанности гостеприимства распространялись на любого мирно вошедшего во двор дома или вступившего на землю, принадлежащую хозяину». И наконец, обездоленные люди видели в абреках своих заступников от произвола царских властей, народных мстителей. Люди шли на виселицу, на каторгу, но не выдавали абреков.

В этом отношении очень характерен эпизод, происшедший в селе Алкун в самом начале похода князя Андронникова для поимки семьи Зелимхана. Князь Андронников прибыл в Алкун вместе с сотней Дагестанского конного и сотней Кизляро-Гребенского полков, сотней милиции и пулеметной ротой. Они остановились на берегу Ассы в большом двухгектарном саду жителя этого села Опиева Магомеда Саралиевича. Враг или друг, но гость есть гость. Хозяин зарезал несколько голов скота, овец и всем участникам похода поставил угощение. Посмотреть на прибывшие для поимки Зелимхана войска собрались жители

села. Князь Андронников был человеком большого личного мужества, а вайнахи уважали мужество даже врага. Увидев выставленное угощение, он закрутил длинные усы и сказал: «Если это угощение выставлено за счет собравшихся здесь этих бедных людей, я к еде не притронусь». Магомед Хадисович ответил: «Все, что вы видите здесь, заработано честным трудом вот этими руками. И я считал бы ниже своего мужского достоинства угощать гостей за счет других».

Когда гости покушали, князь Андронников произнес примерно такую речь: «Ингуши! Попробуйте пойти и попросить у чеченцев генерала Орца Чермоева. Они, конечно, вам его не отдадут. Но почему они вам отдали Зелимхана, а не оставили его себе? Сколько несчастья принес он вашему народу! Я не требую от вас ни убить, ни выдать Зелимхана. Я ненавижу предателей. Но я человек военный и вынужден выполнять любые приказы своего начальства. Поэтому я прошу вас сказать Зелимхану, чтобы он ушел к себе в Чечню. Если вы этого не сделаете, я буду вынужден принять к вам самые суровые меры».

Но не понимал князь Андронников, что эти люди генетически устроены по-другому, что не могут они нарушить святой закон гостеприимства. Как я писал в вышеупомянутой статье «Сулумбек Горовожев – герой из легенды», во имя спасения своего народа, своего села легендарный абрек сдался властям с непременным условием, что его не повесят, а расстреляют. Но не сдержал слово генерал Михеев, повесили палачи бесстрашного волка Сулумбека Сагопшинского (кстати, наша слепая вера в данное мужчиной, а тем более начальником, слово не раз оказывала нам в истории плохую услугу). За укрывательство Зелимхана все новые и новые люди шли на каторгу, в поселение. Видимо, именно в эти годы на каторге родилась трагически безысходная песня. Хочу привести здесь ее часть:

В далекой вражеской стране,
Где мать не оплачет смерть твою,
В проклятой синей Сибири,
Где сестра не будет по тебе причитать,
Разве, как мать, не оплачет тебя,
Волк голодный?
Разве, как сестра, не будет причитать по тебе,
Ворон черный?

(Построчный перевод)

Многие сосланные на каторгу горцы бежали оттуда и пополняли ряды абреческого движения. При генерале Михееве (с подачи моздокского казака на-

чальника Веденского округа полковника Гулаева) всех заподозренных в связях с абреками стали выселять вместе с семьями. Практиковалось уничтожение полностью всего села или поголовная высылка в Сибирь. Как я писал выше, в 1909 г. за укрывательство Зелимхана были уничтожены ингушские аулы Цорх, Кек и Нелх.

В связи с этим 58 членов Государственной Думы направляют запрос наместнику Кавказа о репрессиях против ингушского населения, оставшийся без ответа. В декабре 1910 г. по ходатайству городского головы г. Владикавказ осетина Г. Баева власти выносят решение, запрещающее сдавать в аренду ингушам городские земли. Более того, Баев неоднократно ходатайствовал перед наместником о поголовной высылке ингушей в Сибирь, мотивируя это тем, что чуть ли не все беды Кавказа проистекают именно от них.

Многие годы ингуши укрывали Зелимхана и его семью, давали им кров и пищу, подвергая себя смертельной опасности. В 1911 г. за укрывательство Зелимхана все члены рода (тейпа) Кокурхоевых-Килиматовых, а также члены рода Нелхоевых из горных сел Кек, Нелх, Цорх (в свое время взорванных царскими карателями), Галашки, Даттых и других были отправлены в высылку в Иркутскую губернию. Пусть простит меня читатель, но я не могу не назвать многих из них. Это были братья Килиматовы Оси и Сали – сыновья Гатагажа, братья Килиматовы Яхья, Хос-бот, Мурцхъал, Орцхо – сыновья Батала, братья Килиматовы Желберд, Мочи, сыновья Жончора, сыновья Желберда Асхаб, Хусен, Якуб, Ахмед, братья Килиматовы Чолдар, Сулейман, Солсбик – сыновья Боарона, братья Килиматовы Аддал, Усман, Бисолт – сыновья Чади, Килиматов Довт Далакович с сыновьями Магомедом и Махьмой и другие.

Из рода Нелхоевых в ссылке были Нелхоев Довт Долакович, его братья Солсбик и Мажирг, сын Довта Али и другие. Из рода Мархиевых в ссылке были сыновья Мархиевы Оси Ховдий, Инарка, Бейсхар, Андарка, Заам, сыновья Мархиева Инарка Алихан и Лом-Али и другие. Вместе с мужчинами были в ссылке и все члены их семей. Конечно, я перечислил далеко не всех пострадавших из-за абрека Зелимхана. Много я слышал в детстве рассказов об их ссылке от моей матери – племянницы Кокурхоевых, от ее дяди, тоже побывавшего в ссылке, Килиматова Ахмеда Осиевича, бывшего абрека, сподвижника Зелимхана, не раз участвовавшего в его дерзких набегах. Помню, как я был удивлен, когда Ахмед Осиевич рассказывал, что там (в ссылке) «солнце выходило из середины моря». Много позже я узнал, что речь шла об озере Байкал.

В ноябре 1911 г. были репрессированы и высланы из Чечни и Ингушетии представители высшего духовенства Сугаип Гайсумов, Бамат-Гирей Митаев,

Абдул-Азиз Шаптукаев (Докка), Батал-Хаджи Белхароев, Кана-Хаджи Чимирза, мулла Магома, что еще больше накалило и без того напряженную обстановку в Чечне и Ингушетии. 27 сентября 1913 г. в бою с карателями погиб знаменитый чеченский абрек Зелимхан Гушмазукаев. 13 августа 1914 г. Терская область особым распоряжением объявляется на положении чрезвычайной охраны. Таким образом, самим ходом истории ингушский народ был подготовлен к тому, чтобы в любой подходящий момент выступить против произвола царских властей, поставивших его на грань уничтожения. И, как подтвердили дальнейшие события, ингуши единодушно выступили в поддержку Советской власти, обещавшей вернуть отнятые царем в пользу казаков их исконные земли, и силой оружия утвердили эту власть на Северном Кавказе, положив в борьбе за нее на полях Гражданской войны цвет своей нации.

В 1913 г. один из ссыльно-поселенцев Килиматов Оси Гатагажевич бежит из ссылки, возвращается на Кавказ и обращается к наместнику Кавказа графу Воронцову-Дашкову с просьбой о возвращении из ссылки сосланных по делу Зелимхана Кокурхоевых-Килиматовых, Мархиевых, Нелхоевых. Не знаю, что здесь больше сыграло роль – политическая конъюнктура, гуманность наместника или любовь царских чиновников к «презренному металлу», остается только гадать. Но факт остается фактом: все ссыльные, оставшиеся в живых, в 1913 г. возвратились на Кавказ.

Сквозь годы скитаний, ссылок, депортаций в семье Килиматова Або Чадиевича сохранился очень любопытный исторический документ. Это свидетельство Балаганского уездного полицейского управления Иркутской губернии от 11 июня 1913 г. за № 20. Привожу его дословно.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Дано сие из Балаганского Уездного Полицейского Управления бывшему административно-ссыльному, состоявшему под гласным надзором полиции в сел. Яндинском Балаганского уезда Иркутской губернии, жителю Терской области Назрановского округа ингушу Чадо Баталовичу Келъматову в том, что, как видно из телеграммы Иркутского Губернского тюремного инспектора от 10 июня 1913 года, Наместником ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА на Кавказе разрешено ему, Келъматову, вернуться на родину, что подписью и приложением казенной печати удостоверяется.

За помощника исправника (подпись) Секретарь

Заверено печатью (подпись)

Когда мне говорят, что в результате исторических катаклизмов характер ингушей деформировался, я вспоминаю один давний случай. Много лет назад ко мне на автостанции подошел прилично одетый молодой человек, спросил, кто я по национальности. Узнав, что я ингуш, он мне рассказал, что разыскивает ингушей по фамилии Г-вы, приехал из Новосибирской области. Он воспитывался в детском доме, у него русские фамилия, имя и отчество. Уже будучи семейным человеком он узнал, что он по национальности ингуш, приехал на Кавказ разыскивать своих родственников. Видимо, его родители погибли во время ссылки и он безымянным попал в детский дом. На чужбине дали ему другое имя, обратили в иную веру, обучили профессии, но не уничтожили генетическую память о прошлом. И сколько бы лет ни прошло, в его сердце тлел неугасимый огонь, и наступил день, когда он вспыхнул ярким пламенем. Вот так и в сердце каждого ингуша тлеет огонь любви к стране отцов – Даймохк. Его не видно, потому что люди носят его в себе, но когда наступает черный день в жизни народа, он вспыхивает ярким пламенем. И этот неугасимый огонь любви к Родине не раз нам помогал выжить.

Нам досталось могучее духовное наследие наших великих предков. Давайте почаще вспоминать их мудрые заветы, героические дела. В самую трудную годину остаются вечные ценности народа, помогающие людям найти в них поддержку и наперекор судьбе выстоять.

С. Хамчиев

«Деяния Зелимхана безумны»

В целом после Кавказской войны совместная жизнь чеченцев и русских скорее напоминала худой мир, чем добрую ссору, хотя правительство, а затем и Государственная Дума постоянно обсуждали на своих заседаниях дела о массовых разбоях на Северном Кавказе, производимых так называемыми абреками. Этот особый тип людей выработался на Кавказе на основе обычая кровомщения. Абреками становились люди, принявшие обет долгой мести и отчуждения от общества вследствие какого-нибудь сильного горя, обиды, позора или несчастья. Но нигде абречество не принимало такого удручающего характера, как у чеченцев. Впоследствии мюридизм, несколько подчинивший свободное проявление воли общественной пользе, значительно ослабил обычай

кровомщения, а вместе с тем и абречество, но окончательно уничтожить его не мог. Абреки нередко составляли небольшие отряды, перенося всю силу своей ненависти на русских. В Чечне с абречеством 60-х гг. XIX в. связано имя Атабая, одного из мюридов Шамиля. За ним идет целая плеяда последователей, которую венчает фигура Зелимхана (Харачоевского), начало деятельности которого совпало с Русско-японской войной и последовавшей за ней революцией 1905 г. Эпопея Зелимхана – самого знаменитого разбойника предреволюционной поры – приобрела черты маленькой войны. После налета на Кизляр в апреле 1910 г. против «народного мстителя» были двинуты войсковые части. За поимку Зелимхана власти обещали 10000 рублей, к которым прибавились еще 8000, собранные самими чеченцами Веденского округа, которые были недовольны «национально-освободительной» деятельностью своего соплеменника.

Кавказское общество и Зелимхан

Кавказское абречество традиционно получало самые противоречивые оценки, как правило, в прямой зависимости от политических пристрастий самих исследователей. В досоветский период абречество рассматривалось исключительно как явление уголовного характера. Само слово «абрек» употребляется как синоним слова «разбойник». Советские историки, особенно раннего советского периода, наоборот, рассматривали абречество как одну из форм классовой борьбы, а потому считали его положительным явлением. Позднее советские историки были вынуждены признавать наличие серьезных криминальных мотивов в действиях абреков.

Конечно, абречество нельзя сводить к элементарному бандитизму, но и формой политической или классовой борьбы назвать его сложно. Скорее всего, его можно рассматривать только как крайнюю форму индивидуального протеста. Нельзя также говорить об исключительно антироссийской направленности действий абреков. Во-первых, абреки известны задолго до Кавказской войны, во-вторых, объектом нападений абреков служили и их соотечественники. Установление российской колониальной администрации не могло не отразиться на характере абречества. Если раньше абреками становились люди, в силу каких-либо причин вступившие в конфликт с обществом и ставшие изгоями, то теперь в рядах абреков преобладают лица, преследуемые российской администрацией.

Арсенал методов, которыми действовали абреки, был почти целиком заимствован из практики уголовного мира: убийства, вооруженные грабежи,

захват заложников с целью получения выкупа и т. д. Отличительная особенность практики абречества в Чечне заключалась в том, что одним из объектов нападений служила местная администрация. Причем нападения на чиновников в ряде случаев можно рассматривать не как грабеж или месть, а попытку повлиять на характер управления. В районе своего действия абреки пытались превратиться в некую альтернативу существующей власти, что позволяет говорить о присутствии некоей политической направленности в их действиях. Политическая окраска абречества еще больше усиливалась тем обстоятельством, что многие из них состояли в связи с влиятельными общественными деятелями из числа горцев. Примером этого может служить абрек Зелимхан Харачоевский, который пользовался покровительством большой группы шейхов кадырийского тариката, оппозиционно настроенных по отношению к российской власти.

Зелимхан происходил из зажиточной семьи и до 1901 г. не помышлял о судьбе абрека. Он был обвинен в убийстве человека в бытовой ссоре и приговорен к тюремному заключению. Однако он бежал из тюрьмы и решил отомстить людям, которые, по его мнению, оклеветали его. Тем самым Зелимхан окончательно закрыл для себя дорогу к мирной жизни. Переход Зелимхана в абречество совпал с активизацией крестьян-горцев, отказывавшихся подчиняться российским властям. Зелимхан возглавил отряд абреков, которые устроили настоящую охоту на русских офицеров, наиболее громко «прославившихся» во время жестоких карательных операций в чеченских селах. Тем самым Зелимхан завоевал необычайно широкую популярность не только среди обездоленных крестьян, но и либерально настроенной чеченской интеллигенции. Один из известных впоследствии чеченских революционеров А. Шерипов полностью оправдывал действия абреков: «Власть терроризировала мирное население, а абреки терроризировали эту власть…». Несмотря на объявленное российскими властями огромное вознаграждение за поимку Зелимхана, он оставался неуловимым вплоть до 1913 г.

С гибелью Зелимхана абречество не прекратило существования. Более того, деятельность так называемых «политических бандитов» имела место и в первые десятилетия существования Советской власти. В целом же борьба абреков являлась бесперспективной, хотя, с точки зрения национального самосознания чеченского народа, обоснованной. Их деятельность не могла не только поколе-

бать существующую власть, но где-то даже способствовала ее консолидации и ужесточению. Вместе с тем, следует учитывать, что абреки, подобные Зелимхану, всего лишь отвечали террором на террор властей, бесчинствовавших в Чечне в полное нарушение и без того немилосердных для горцев законов Российской империи. Революционные события в России в 1905–1907 гг. оказали на Чечню лишь косвенное влияние. Выступления горского крестьянства носили спорадический характер и не имели действенных связей с русским революционным движением в городах и нефтепромыслах. Не было в Чечне ни сложившегося пролетариата, ни политических партий. Влияние российских политических партий в горских аулах было слабым. Революционное движение в чеченском обществе, в конечном счете, вылилось в абречество и духовную оппозицию крупнейших шейхов.

«Мерседес» для лучшего абрека

Предложение миллиона долларов за выдачу данных о местонахождении Шамиля Басаева практически повторяет действия царских властей, которые предлагали деньги за аналогичные сведения об абреках. Ни одного таким образом так и не поймали.

Абреки громили полицейские участки, похищали богатых людей с целью выкупа, грабили казначейства и товарные поезда, убивали царских чиновников – иными словами, вели себя примерно так же, как современные полевые командиры Чечни. Только у них не было средств спутниковой связи и автоматического оружия, что несколько уменьшало ущерб от их деятельности по сравнению с деяниями Шамиля Басаева.

За самого известного в истории Чечни абрека – Зелимхана Гушмазукаева (Харачоевского) – назначались фантастические по тем временам суммы выкупа, примерно равные в современном понимании миллиону баксов. Чуть меньшие деньги жандармское управление предлагало за других известных абреков – Саламбека Говороджева, Шамсу Зубаирова, Аюба Тамаева и других, действовавших на территории Чечни. Чем выше была сумма, тем более уважаемым оказывался абрек. Его родственники и однотейповцы считали своим долгом и святой обязанностью перед предками предоставить ему кров, еду и помощь. Тем более что абреки в большинстве своем становились весьма состоятельными людьми, содержали охрану и занимались «благотворительностью», обеспечивая себе социальную базу на уровне своего тейпа. А традиционное вайнахское мышление не считает налет на банк, похищение с целью выкупа или убийство

российского чиновника грехом. Скорее наоборот – это доблесть, особенно если акция выполнена с соблюдением всех традиций и формальностей.

Жандармы принялись десятками арестовывать родственников абреков по формальному обвинению в пособничестве. Пятьсот человек харачоевского тейпа были высланы в Сибирь, а оставшиеся подняли бунт. Тогда Зелимхан демонстративно переселился в тейповую пещеру, местонахождение которой российская власть не знала.

Один из кутанщиков (пастухов), находившийся недалеко от харачоевской пещеры, на вопрос, знал ли он о нахождении Зелимхана в пещере, а если знал, то почему не сообщил начальству, ответил: «Знал, но я не служащий человек и не наемный предатель и не обязан давать вам сведений об абреке». Единственный реальный случай предательства связан не с деньгами, а с кровной местью: чаберлоевский наиб Гуданат выдал местонахождение абрека Вары, который был его кровником. Но Гуданат поставил условием свое личное участие в захвате абрека и пристрелил Вару, не дав драгунам взять его живым.

Зелимхан Харачоевский был выслежен и убит жандармами в 1915 г., но дело его живет. Апофеозом его «политической борьбы за права горцев» было ограбление банка в городе Кизляр. «Гордый и благородный абрек» посчитал ниже своего достоинства просто так вот ограбить банк и послал управляющему предупреждение, что совершит нападение ровно в назначенное время. Зелимхан выполнил свое обещание, что больше свидетельствует не о его уме и талантах, а о бездарности жандармского управления Терской области.

Полтора года назад Шамиль Басаев устроил национальный праздник памяти Зелимхана, на котором помимо традиционных скачек предлагалось повторить знаменитый «подвиг» – ограбить кизлярское отделение Сбербанка России, заранее предупредив об этом его управляющего. Победителю «конкурса» Шамиль обещал подарить «Мерседес». . .

Помимо этнографического антуража у идеи «миллион за Басаева» есть неприятный политический нюанс. Теперь Аслан Масхадов уж точно не сможет реализовать свои президентские полномочия и, арестовав, например, Шамиля, выдать его Москве. После этого ему будут плевать в лицо.

Евгений Крутиков

Сабля Зелимхана

Вы спрашивали, как сабля Зелимхана из Харачоя попала в Салги (Салги

– один из крупнейших башенных комплексов Горной Ингушетии)? Вернемся немного к истории тех лет. И снова звучит рассказ грустный и волнующий. У 85-летнего Абдул-Гапура прекрасная память и, вспоминая события тех далеких лет, он заново переживает их, как будто все было только вчера.

«Не было человека в горах, кто не знал знаменитого абрека. Царь посылал целые армии на его поимку, но безрезультатно. Погубило его предательство алчных и трусливых людей.

Мой отец Билан воевал на стороне Советской власти. В годы Гражданской войны он командовал красной сотней. Как-то, отбивая город Орджоникидзе от бичераховцев, отряд, которым он командовал, занял дом одного белогвардейского офицера – Кибирова. Сабля Зелимхана висела на стене и якобы была преподнесена ему в подарок за это подлое убийство. Кибиров, спасая свою шкуру, бежал, забыв обо всем на свете, в том числе и о драгоценном подарке. И она досталась отцу за заслуги, как военный трофей, и с тех пор бережно хранилась в нашей семье».

«Когда нас высылали, сабля красовалась на боку гарцевавшего перед нами на коне Михаила Сизова. По возвращении из ссылки я рассказал обо всем, что знал об этой сабле Тугану Мальсагову, который тогда собирал материалы для ингушского краеведческого музея. Рассказ взволновал его. Туган Мальсагов начал активные поиски пропавшей реликвии. Куда он только не обращался с просьбой оказать содействие в поисках знаменитой сабли, но все безрезультатно».

Эти рассказы двух уважаемых представителей рода Салгхой – Тахира Дзаурова и Абул-Гапура Эльджаркиева – лишь крупица истории об ингушах, о потомках Маго. И это часть того, что сохранила память старика Гапура. Но мы намерены продолжить этот рассказ и надеемся на помощь читателей. Будем признательны всем, кто предоставит редакции какие-либо исторические материалы на эту тему.

Извлечение из статьи «Чечня в первой русской буржуазно-демократической

революции 1905–1907 гг.» (История Чечни в XIX–XX веках. Глава X). Сердало. № 63, (10004) среда, 23 апреля 2008 года. Извлечение из статьи

«Потомки Маго»
(М. Дзаурова, Б. Цицкиев). http://www.ingush.ru/serdalo72_3.asp

Голос ЧИ. 26 сентября 1990

История одной фотографии

Мое знакомство с именитым жителем г. Грозный состоялось еще в 1993 г., когда, работая в Национальном архиве республики в отделе информации и публикации, я занималась сбором документов о годах восстановления бывшей ЧИАССР. Кто, как не бывший заместитель председателя Совмина ЧИАССР С.-А. Атиев, мог мне помочь в этом вопросе? Помимо воспоминаний о трагических годах ссылки и не менее проблемном периоде возрождения родной республики мы с Сайд-Ахмадом говорили вообще об истории нашего края и о наших соотечественниках.

Меди и Энисат Зелимхановы

Мне вспоминается эпизод, когда Атиев, демонстрируя фотографии прошлых лет из семейного альбома, показал мне фотокарточку и спросил: «Скажи, Асет, кто, по-твоему, этот человек?». Вопрос меня несколько озадачил, поскольку на фотографии был изображен мой бывший преподаватель в ЧИГУ, известный чеченский писатель Н.Д. Музаев. Я, конечно, быстро угадала, хотя снимок был сделан в его молодые годы. На что Атиев чуть ли не с азартом воскликнул: «Ну, уж этого человека ты точно не назовешь!». Но и тут я без труда угадала, что на фотоснимке в центре рядом с моим нынешним собеседником сидит не кто иной, как сын легендарного абрека Зелимхана из Харачоя – Умар-Али Зелимханов. Мой правильный ответ не только сильно удивил Сайд-Ахмада. (Я думаю, Сайд-Ахмад заподозрил, что я уже «знакома» с этими снимками, и он был прав). По поводу этой фотографии Атиев рассказал такую историю.

В 40-е гг. Сайд-Ахмад Атиев был очень дружен с сыном Зелимхана – Умар-Али Зелимхановым. Оба, работая в правоохранительной системе, часто сталкивались с явным беззаконием в отношении представителей чеченской национальности. Фабрикуя доносы и устраивая провокации, органы НКВД зачастую задерживали безвинных людей.

В тот осенний день Атиев занимался бумагами у себя в кабинете в доме, именуемом «Домом Абубакара» (впоследствии – здание бывшего «чеченского» гастронома по ул. Ленина). Сайд-Ахмад курировал Ачхой-Мартановскую

прокуратуру. Внезапно распахнулась дверь, в кабинет быстрым шагом вошел Зелимханов. Сайд-Ахмад заметил, что товарищ его бледен и чем-то озабочен. Не успели они перекинуться приветствием, как на лестничной площадке застучали кованые сапоги, и у порога возникли три фигуры энкевэдешников с винтовками наперевес. На вопрос Атиева, что происходит, старший из ворвавшихся в помещение доложил, что только что в подъезде этого здания неизвестный в форме отбил у конвоира заключенного, оглушил солдата, а сам скрылся здесь, в здании. Возмущенный Сайд-Ахмад воскликнул: «С какой стати вы ищете преступника в моем кабинете?». Растерянные сотрудники НКВД извинились и покинули кабинет.

Все это время Зелимханов сидел спиной к посетителям. После их ухода, с улыбкой развернувшись к Атиеву, Умара-Али признался, что виновник побега «абрека» – он, Зелимханов... Атиев опешил. Умар-Али объяснил свой безрассудный поступок: ретивые чекисты для получения должности и рангов хватают безграмотных чеченцев. Стряпают на них дела, под пытками заставляют «признаться» в антисоветской, шпионской деятельности. Вот и этот очередной бедолага, которому не повезло, попал им в лапы. Увидев разбитое лицо задержанного, он не утерпел... Все произошло в доли секунды: столкнувшись на лестничной площадке с конвойным, Зелимханов рванул винтовку на себя и оглушил чекиста, всунул в руки онемевшего чеченца деньги, что у него нашлись, и шепнул: «Беги!».

Сайд-Ахмад не стал выговаривать другу: слишком хорошо они оба знали, что значит навлечь гнев НКВД, особенно, если учесть, что Атиев и Зелимханов – чеченцы. Поступок Умар-Али был не только крайне рискован, а сродни безумству. «Самое страшное – быть невольным свидетелем произвола, не имея возможности помочь человеку, – вспоминал Сайд-Ахмад уже в 90-е г., – и то, что безвинные жертвы сталинского режима, чекистского «молоха» в документах по сегодняшний день значатся как бандиты. Этими сфабрикованными делами из архивов бывшего НКВД манипулируют сталинские подпевалы. А это грозит новым витком репрессий в отношении чеченского народа».

Асет Абубакарова.
«Вести республики». № 115, 14 августа 2007

Автографу – сорок лет

75-летняя Энисат Зелимханова – родная дочь воспетого народной молвой абрека Зелимхана, живущая в Ведено, познакомила меня с некоторыми документами из семейного архива. Взгляд задержался на письме, датированном ав-

густом 1936 г. Обычные тетрадные листки в клеточку, испещренные аккуратным почерком. И хотя бумага уже изрядно пожелтела, но чернила еще не выцвели, и текст читался совершенно свободно.

Остановила же меня подпись: «Крупнов Е.И.». Неужели он – Евгений Игнатьевич Крупнов? Да, он самый! Вот и обратный адрес: «Москва, Красная площадь, Государственный исторический музей».

Ученый-археолог с мировым именем внес немалый вклад в создание истории чечено-ингушского народа. Его капитальный труд «Древняя история Северного Кавказа» был удостоен высшей оценки – Ленинской премии. Евгению Игнатьевичу принадлежит и посмертно изданная Академией наук СССР книга «Средневековая Ингушетия», вышедшая в 70-х гг.

Вглядываюсь в письмо, написанное Крупновым более четырех десятилетий назад. Адресовано оно брату Энисат, младшему сыну Зелимхана, Умару-Али, который впоследствии, в апреле 1947 г., погиб как чекист на боевом посту. Но тогда, в 36-м, Умар-Али был ответственным секретарем Веденского райисполкома и в этой должности, судя по письму, помогал экспедиции Крупнова. Евгений Игнатьевич пишет (приводим выдержки):

«Уважаемый Умар-Али! Вчера только вернулся из Махач-Калы. Свою работу в Дагестане экспедиция закончила так же успешно, как и в Чечне... Весь наш материал представляет из себя исключительно бытовые вещи: костюмы, домашняя утварь, орудия труда и т. д. Работали мы исключительно в Буйнакском и Гунибском районах. Сделали множество фотоснимков. Мы особо помним Ваше участие в нашей работе и, имея возможность, я считаю обязательным еще и еще раз выразить Вам свою признательность. Интересно, не поступили ли к Вам какие-либо сведения о нужных нам предметах. Не сочтите за труд черкнуть нам в Москву о том, что есть. Быть может, и сами выберетесь в Москву осенью, как предполагали. Было бы приятно встретиться в Москве. Шлю Вам свой привет и лучшие пожелания. Уважающий Вас Е. Крупнов».

Это письмо я показал одному из учеников Е.И. Крупнова, профессору Чечено-Ингушского госуниверситета В.Б. Виноградову, и попросил прокомментировать. Виталий Борисович сказал следующее: «Написано письмо в то далекое уже время, когда Евгений Игнатьевич еще не имел громких титулов как ученый-археолог. Речь здесь идет об этнографических вещах. Это указывает на широту интересов складывавшегося археолога-кавказоведа первой величины. Письмо также примечательно тем, что характеризует сам принцип работы Крупнова – непременно в тесном контакте с населением, в общении с людьми. Этому принципу Евгений Игнатьевич, как мы теперь знаем, оставался верен

всегда, всю жизнь. Помню, в 1956 г., когда я совсем юным попал в экспедицию Крупнова, то не мог не видеть, как дорожил Евгений Игнатьевич живыми, непосредственными связями с местными жителями. Эту замечательную его традицию стремимся развивать и мы, его преемники, во всей нашей археологической деятельности.

Тот факт, что Евгений Игнатьевич Крупнов, имя которого ныне глубоко чтит археологическая наука, обращался лично к Умару-Али, представляет для нас, жителей горной республики, определенный интерес, письмо свидетельствует о большом уважении ученого к сыну легендарного Зелимхана.

Г. Насонов.
«Грозненский рабочий». 1976

Верность долгу

Много ярких страниц вписали чекисты, защищая завоевания Октября. В славном ряду чекистов имя нашего земляка Зелимханова Умара-Али Зелимхановича. Родился Зелимханов в сел. Мелхиста, в Нагорной Ингушетии.

В 1904 г., из-за преследования Зелимхана (отца Умар-Али), семья покидает сел. Харачой, а в 1911 г. попала в плен к царским войскам и была сослана в Сибирь.

В 1913 г. отец Умар-Али был убит, семья в феврале 1917 г. переезжает на постоянное местожительство в сел. Ведено.

В 1919 г. умирает мать Умара-Али, а в 1925 г. в сел. Махкеты погибает старший брат. Умар-Али, оставшись без родных, воспитывался в детском доме в г. Ростов-на-Дону, там же работал на заводе «Жесть-восток» слесарем, с 1929 г. – студент рабочего факультета.

С 1934 по 1936 г. Умар-Али работает ответственным секретарем Веденского райисполкома, с 1930 по 1938 г. – зав. райздравом, с 1938 по 1941 г. – председателем республиканского комитета Медсантруд в г. Грозный. В 1943 г. Зелимханов отозван на работу в органы МГБ Дагестанской АССР, в течение 3 лет был начальником райотделения МГБ ДАССР. У.-А. Зелимханов являлся членом Пленума и бюро РК ВКП(б).

В апреле 1947 г. У-А. Зелимханов погиб при исполнении служебных обязанностей.

«Колхозная жизнь». № 151, 19 декабря 1967

СЕМЬЯ ЗЕЛИМХАНА

Дочери Зелимхана

Эти две пожилые женщины прожили долгую, полную испытаний и трудностей жизнь. Нелегкая их судьба была предопределена от рождения. Они росли дочерьми абрека. Того самого абрека Зелимхана Харачоевского, чье имя вошло в легенду.

Старшая из сестер, Меди, появилась на свет в 1895 г., младшая, Энисат, – в 1901. Они были единственными из детей Зелимхана, дожившими до наших дней. Обе, конечно же, хорошо помнили своего знаменитого отца. Их дом в Ведено – место паломничества историков, писателей, журналистов.

...Зелимхан. Об этом необыкновенном человеке написаны книги, сложены песни. Он являл собой образец мужества, смелости, удали. Его имя наводило ужас и страх на притеснителей. Он был необычайно ловок и вынослив, великолепно владел оружием. Но Зелимхан был великодушен и добр. Он никогда и ни при каких обстоятельствах не поступал нечестно. Превыше всего для него была честь.

Вся его жизнь – борьба. Но борьба не как самоцель. Он не родился абреком. Он мечтал жить в мире, работать на земле, растить детей. Но вокруг творилось столько несправедливости, столько зла! И однажды взявшись за оружие, он так и не расстался с ним до последнего своего часа. Он помогал обездоленным. Он беспощадно дрался за свободу.

Суровая жизнь абрека не ожесточила сердце Зелимхана. Меди и Энисат знали его как нежного и заботливого родителя. Семья была его опорой, надежным тылом.

Дочери вспоминали: в те редкие моменты, когда Зелимхану удавалось побывать у родного очага, их дом наполнялся счастьем. Они рассказывали, что отец очень страдал от того, что из-за него семья испытывала лишения, подвергалась опасностям. Но жена и дети безгранично любили мужа и отца, готовы были ради него на любые трудности.

О Зелимхане еще не все сказано. Будут написаны новые книги, сняты фильмы. До последнего времени была чудесная возможность слушать рассказы о легендарном Зелимхане из уст хорошо помнивших своего отца дочерей. Теперь, к сожалению, такой возможности нет. 13 сентября этого года умерла старшая дочь Меди, а неделю спустя – младшая Энисат. Эти две скромные женщины прожили трудную, но достойную жизнь. Достойную памяти своего знаменитого отца.

Умар-Али и его кровники

После гибели своего легендарного отца сын Абрека Зелимхана, Умар-Али Зелимханов, преследовал одну единственную цель – отомстить за смерть отца. С помощью Гацаева Бетир-Султана, сподвижника Зелимхана, маленьким Умаром-Али предатель был застрелен. Но оставались и те, кто непосредственно участвовал в операции, а именно всадники Дагестанского батальона.

В советский период семья Зелимхана находилась в ладах с властью, и по этой причине Умару-Али удалось напроситься на работу в Хасав-Юртовский отдел НКВД, в котором он смог из архивов узнать обо всех, кто участвовал в этой операции. Ни один из оставшихся в живых не умер свой смертью.

Позже он вернулся в Ведено, где и был ранен в ходе переговоров с абреком, который просил его договориться с властями о своей судьбе после его сдачи в плен. Этот человек совершил подлость: выстрелил в Умара-Али и смертельно ранил его. Однако, совершив это злодеяние, он даже не успел выбежать из дома – 13-летний племянник Умара-Али успел его застрелить.

В больнице Умару-Али удалили почку. В палате, в предсмертном состоянии, он заявил, что сыну абрека Зелимхана не пристало принимать смерть лежа («Обарг Зелимхан кIант вижина Iаш леш товш вац»). Умар-Али приказал родственнику одеть его, надеть на него оружие и посадить в кресло. Он умер, сидя лицом к лицу, повторяя, что «нет бога кроме Аллаха».

http://www.vedeno.ru/forum/index.php?showtopic=575

Гергарчу хIусамехь цхьаьнакхетар

Умар-Али Зелимханов

Вайн махкахь гIараваьлла вевзаш стаг хилла обарг Зеламха. Зеламхин йоI ю Энист. Дукха хан йоццуш сайца дешархой цхьаьна а болуш, иза йолчохь хилира со. Энистаца цхьаьнакхета доьлхуш тхан коьрта Iалашо яра Зеламхах долу тхайн хаарш алсамдахар, иза вехаш хиллачу хенахь вайн халкъана юкъахь кхолладелла долу социально-политически дахар кIорггера довзар.

Юьхьарлаьцна Iалашо дика кхочуш хилира тхан, чIогIа хазахеташ тIеийцира тхо Энеста. Тхо Харачуьра дуй хиъча, ша къена хилар диц а делла, берхIитта шо кхаьчна йолуш санна, хьийзара иза. Бераша цуьнан нехан цIераш яьхча, Энеста уьш шен де-дай бу, элира. «Уьш сан гергара нах бу. Шу цу нехан гергарчу хIусаме кхаьчна». Цо дехха хаттарш дира, хьал-де хаа лууш. Цо дечу къаме-

лехь хаалуш дара йоккхачу стеган берех чIогIа дог лозуш хилар. Шен дахарехь цунна гинчу халонаша аьгначу цуьнан юьхьа тIе хьаьжча а гуш дара, цуьнан деган ойлано кху заманахь дехачу берашна цкъа а шечух тера дахар хуьлуьйтур доцийла, шен ницкъ а кхочуш. Цуьнан къамеле ладоьгIча а хаара, цунна вайн берийн дахаран кхане ирсе хила лууш хилар. Тхо дерриге а шен хIусам чу макхаьчнехь, гуобаькхина охьаховшийра цо тхо. ТIаккха долийра цо Зеламхах лаьцна долу шен къамел.

– Ша обарг волучу хенахь маса шо долуш стаг вара Зеламха? – аьлла, Энисте шен хаттар дира Зулихас. «Иза обарг волучу хенахь жима стаг вара Зеламха. ГIеметтахIоьттина стаг вара ала мегар долуш. Амма цхьа хIума бакъ ду, цу заманахь, тахана санна, стаг вина шо билгалдоккхуш дацара». «Баба, довзийтахьа тхуна Зеламхин юьхь-сибат, дийцахьа цуьнан куьцах, дегIах, амалех», – аьлла, дийхира Маликас. «Дера, сан бераш, книжки тIехь чIогIа Iаьржачу аматехь диллина цуьнан сурт. Бакъду, иза иштта Iаьржа-м вацара. ЦIен йогуш беснеш а йолуш, буьрса девлла даккхий мекхаш а, цIоцкъамаш а долуш вара сан да. Ша пхьоьхана воьдуш, гуттара а кечлой араволура иза. ТIе гIовтал а юхий, юкъах шаьлта а йоьхкий. Доьзалехь чIогIа кIеда-мерза вара Зеламха. ХIинца санна дагадогIу суна, иза лулахойн кегий бераш хьоьстуш арахь хиъна Iийна хилар. Делахь а, массарел а товш а, куц долуш а вара сан деваша Солтмурд. Иза вайнехан ловзарга дIакхаьчча, цунна тIехь соцура аьлла хета суна цигарчу берриге а мехкарийн бIаьрг...

– Зеламха обарг валаран бахьана хIун дара те? – аьлла, хаттар дира Энисате Йиситас. Доккха са а даьккхина, жимма соцунгIа а хилла, Энисата-бабас долийра цу хьокъехь долу шен дийцар: «Дера бара, сан бераш, Хушалин хазачу йоьIан хан кхаьчна самабаьлла безам. Харачохь ловзаргахь гинера вовшашна Солтамурд а, Зезаг а. Массо а жимачу стагана билгалъяьлла хаза йоI яра Зезаг, ткъа кегийчу нахана юкъахь мехкарша къастийнарг Солтмурд а вара. Бакъду, Зезаг аса бехке ца лору Солтмурде, ша дIайига аьлла, шен дагара хаийтарна, хIунда аьлча шен дас Хушалас шена ца везачу стаге маре дIалуш яра иза. КIентан а, йоьIан а деган лаамаш кхочушхилира, амма уьш беха ца хилира: харцоно сиха хьаьшира цаьршиннан безам. Тхан хIусамна тIе эхь догIучу агIор дIайигира харцо юьхьарлаьцна арабевллачу наха Зезаг. Цул совнаха, бехк боцуш Iедало бехке а бина, лаьцна дIавигира тхан да Зеламха а, цуьнан да Гушмазукъа а, цуьнан вешин ши кIант а. Ткьа лан елирий сан дехошка, бехк боцуш, тIееана юьхьIаьржо?» – ойланашка яхара Энист. «Кхайкхаза еанчу харцоно ваькхира сан да Зеламха обарг. Цу хенахь а дара олуш вайн дайн кицанехь: «Тешнабехк бинчух боьду». Иштта тIаьхье а хилира-кха цу гIуллакхан. Цундела халкъо сий дина сан дехойн. Сан хьехар ду шуна, сан бераш, шаьш дуьненахь мел деха,

беккъа цIена цхьаьна нийсонан некъ дIакхехьалаш! Хьанал къинхьегам безар, баккхийчеран сий-ларам бар, бакъонехьа кьийсам латтор, харцдерг ца дийцар – иштта уьш ду вайнехан гIиллакхаш. Уьш ларделаш шайн дахарехь».

– Баба, хьуна хала-м хир ду дийца хьайн ден дIакхалхарх лаьцна. Ткъа муха, мича бахьанашца нисделира иза кхалхар? – аьлла, хаьттира Хедижата. «ХIун дийр ду ткъа?! Массо а адам дала дезаш ду-кха цхьацца шена кхоьллинчу бахьанех. Бакъду, сан ден валар чIогIа дагахьбаллам болуш нисделира-кха, цу хенахьлера ямартло, тешнабехк, харцо бахьана долуш. Шелахь, шен гергара стаг волчохь, хIусамдас шена тетгина пайда хир бу моьттуш, кIело нисйира-кха Iедална. Буьйсанна и стаг волчохь Iаш волчу хенахь Зеламхас цкъа а, шозза а аьлла хилла цуьнга: «Ма реза вац-кха со тховса хьуна, хьо хIинццалц санна, ма вац. Оцу арахь гIовгIанаш йийраш муьлш бу те? И жIаьлеш хIунда лета те?» – аьлла. Амма хIусамдас доцца жоп луш хилла: «Цигахь дерг хIумма а дац, паргIат хила». Карзахдаьллачу даго, хетарехь, синтем байина хилла Зеламхин. ЦIа чуьра сиха араиккхина иза. НеIарал ара воллушехь тхов тIера чу топ тоьхна аьтту белш лазийна цуьнан. Амма цу минотехь Зеламхина ялийтинчу тоьпо сиха чуваийтина тховтIераниг. ТIаккха катоьхна бешарчу гIадмийн такхорана тIевахана иза. Амма кертана гуобаькхина дIахIиттинчу паччахьан салташа тIеетта йолийна кхунна тоьпаш. Буьйса тIех Iаьрж а хиларна ваьлла хир вара Зеламха, царех дукхахйолу шокъалеш шена ца кхеташ. Шен гIевланга гIодмийн цIов а биллина, шен вертан тIам юьхьа тIе а тесна, ша-шена еса а доьшуш, садалар нисделла цуьнан. Цу буьйсанна цунна тIебаха ца баьхьаш, сахиллалц цунна тIе тоьпаш етташ Iийна салтий. ШолгIачу дийнахь тхан хIусаме баьхкира паччахьан эпсарш, тхоьга тоьшалла дайта: шаьш вийнарг Зеламха ву я вац хаархьама. Цара вийначу Зеламхе хьовса со а, сан йоккхахйолу йиша Мединт а, тхан нана Бици а дахара цига. Дукха халкъ дара цигахь дIахIоьттина Iаш. Цу халкъана юккьехь Iуьллуш тхан Зеламха а вара. Со а, сан йиша а чIогIа йилхира, амма тхан ненан бIаьргех хин тIадам а ца белира. Цуьнан дог чIагIделлера, Зеламхина бина тешнабехк лан ца луш. Цунна хаьара – цигахь хилла долчу мискачу, кIечу нохчийн халкъан дахар Зеламхин дахарца доьзна дуйла, замано иза шен кепара дIасалуьстур дуйла, бакъонан лар йоцуш иза дуьсур доцийла. Ткъа иза иштта хила а хилира».

Зеламхин ши йоI Мединт а, Энист а

Дикка ладийгIира оха Энисатан дийцаре. Цуьнан дийцаре ладугIуш, тхуна ма-дарра девзира паччахьан Iедало вайн къомехь латтийна Iазап, цу Iедалан

ямартло. ХIара дийцар чекхдоккхуш, тхуна Энисатана доккха баркалла ала лаьа, цуьнан дахарехь ирс-аьтто хуьлийла лаьа. Иштта лаамаш бу Энисатан хIусам а, цуьнан доьзал а лоруш болчу Харачуьрчу юккъерчу школан дешархойн а, хьехархойн а.

Л. Гайсултанов. Харачуьрчу юккъерчу школан 6-чу классан куьйгалхо.
«Колхозан дахар». 13 апреля 1990

Зелимханова Меди ю къамел деш; дешархоша доккха баркалла аларца дагалецаме совгIат до цунна

Школехь цхьаьнакхетар

Декабрь беттан хьалхарчу деношкахь тхаьш нохчийн гIараваьлла волчу яздархочун Мамакаев Мохьмадан «Зеламха» роман Iамийначул тIаьхьа, ненан меттан а, литературан а хьехархо а, тхан классан куьйгалхо а йолчу Гудаева Фатима Эртихановнас вовшахтохарца а, 10-чу ший а классан дешархойн дехарца а тхо школехь цхьаьнакхийтира Зеламхин йоIаца Зелимханова Медица. Иштта чу цхьаьнакхетаршкахь дуьххьара хилла яцара Меди Зелимхановна. Кест-кеста дешархошца, иштта Зеламхин исторех лаьцна хаа луучу муьлххачуьнца а цхьаьна а кхетта, цунах лаьцна а, хIетахьлерчу шайн халчу дахарх а дийца дуккха а дан а ду цуьнан а, цуьнан йишин Гудаева Энисатан а. Ткъа Энисат Зелимхановна жимма могуш йоцуш хиларна, кхуза ша еанера Меди.

Боккхачу тидамца ладугIу дешархоша Зелимханова Медис шен дех Зеламхех лаьцна дуьйцучуьнга

Цхьаьнакхетар хилале хьалха хIораннан а дуккха а гулделлера цу тамашийначу хиламашца йоьзна истори йолчу зудчуьнга дан хаттарш; баккхийчара доьзалшкахь дуьйцуш а, «Зеламха» роман а, цунах лаьцна кхидолу цхьацца зорбанехь арадевлла исторически дийцарш а; кхиерш йоьшуш а дуккха а дара билггала оцу историца зIе йолуш, и шаьш кхоьллина болчу адамашка хатта. Ша ханна йоккха елахь а, хIумма а дицдина я шеца цхьаьнакхеттачу тхан хаттаршна жоьпаш далар хало лоруш яцара Меди Зелимхановна. Цо боккхачу тидамца а, исторически нийса а

дуьйцура паччахьан хьадалчаша Енисейски Губерне Сибрех дахийтинчу хенахь шаьш хьегначу халонех, шайна динчу гІоьнах лаьцна.

– Цу хенахь, тхо санна, политически ссылке бахкийтина дуккха а революционераш бара цигахь, – бохуш дуьйцу шен дагалецамашкахь Зелимханова Медис.

– ДогцІена, эшначохь вовшашна гІо деш, лаккхара адамалла йолуш бара уьш. Суна цкъа а диц ца ло церан цхьаннан Карташевн доьзало тхуна дина гІо. Йоза-дешар, оьрсийн мотт ца хууш долу тхо, шайн Іуналле эцна, тхан шолгІа нана-йиша хилла дІахІоьттира хІетахь Карташева Валентина Михайловна. Ермаковск юьртахь совцийна, цигара дІасадовла йиш йоцуш дара тхо хІетахь. Тхуна оьшург тІейохьура, дехьа-сехьа хуьлуш долу керланаш довзуьйтура цо. Цул совнаха, цІахь бисинчу гергарчаьрга кехаташ яздора, цигара схьадаьхкинарш доьшура, тхуна йоза-дешар, оьрсийн мотт Іамабора. Цкъа а дицлур доцуш дагахь дисина суна цо тхуна дина гІо, цуьнан оьзда, дика амалш, гІиллакх, адамалла.

Дуккха а хаттарш дира дешархоша церан ненах, дех лаьцна, цара хьегначу халонех лаьцна. Шайн ненан амалех доккхачу дозаллица а, хаза а дийцира Медис: цуьнан къонахалла, догдикалла, къинхетам доза доцуш хилла хилар гойтура шен къамелехь.

Шена хуьлу хало ца лоьруш, дерригенна а тІехь Зеламхин йоккха гІоьнча хилла церан нана Бици.

– Адамийн амалшца йогІуш кІеда амал йолуш, муьлххачара а езаш тІеоьцуш, уьйр-безам лело хууш яра тхан нана, – бохуш дуьйцу Зелимхановас.

– Цундела цунна атта хуьлура адамашца гергарло таса, керла адамаш довза. Цкъа а ца хезара цуьнгара халонех лаьцна тийжамаш бар. Паччахьан Іедалан къизаллин бала ца ловш, бакъонехьа къийсар коьрта некъ хаьржина волчу шен майрачун хало-атто, цуьнан дахар декъа кийча яра тхан нана.

Цул тІаьхьа шайн доьзалан ден Зеламхин хьокъехь яздина долу дуккха а документаш а, газетан материалаш а, исторически суьрташ а гайтира тхуна Меди Зелимхановнас. ХІора а дош пайден, чІогІа чулацам болуш дара Меди Зелимхановнин къамел. Дуккха а керланиг, пайденига хиира тхуна цу дийнахь а Зеламхех а, цуьнан доьзалх а лаьцна. Доккха совгІат дара тхуна цуьнца цхьаьнакхетар. Тхоьца цхьаьнакхетаре иза ярна оха массара а доккха баркалла а элира цунна.

Веданарчу № 1 йолчу юккъерчу школан 10-чу классийн дешархой.
«Колхозан дахар». № 6 (5069), 13 января 1989

ПОТОМКИ АБРЕКА

Твои потомки, Зелимхан!

И бабушка, укладывая спать,
рассказывает мне о Зелимхане...

Умар Яричев

Одним из счастливых обладателей 200-томной «Библиотеки всемирной литературы» – гордости любого советского книголюба – стал житель Ведено Хасан Гудаев. Нам поначалу не удалось застать его дома. Приветливая мать Хасана Энисат, увидев, что гости чуть замешкались на пороге, приободрила: «Входите, входите!».

Было отчего замешкаться: горное селение, дом над обрывом, под которым по широкому каменистому ложу петляет Хулхулау, а здесь, в комнатах, – современная мебель, телевизор, телефон и эти манящие, в разноцветных обложках тома на застекленных полках. Чем не городская квартира с явными приметами нашего века! Невольно вспомнились строки народной поэтессы Чечено-Ингушетии Раисы Ахматовой:

Чтоб удивиться веку своему.
Не надо бы попасть в средневековье.
Тогда с какой тоской, с какой любовью
Тянулась бы я к веку своему.

Но даже не в столь далекое средневековье, а и в годы царизма горское жилище представляло собой жалкую дымную саклю с убогой утварью, сами же обитатели его были нищи и бесправны. Тяжкий гнет и произвол царских властей вкупе с местной знатью сполна испытал на себе и отец гостеприимной горянки – Зелимхан, который был вынужден оставить жизнь мирного селянина и взяться за оружие, став абреком.

Да, Энисат – родная дочь, ее сын Хасан – внук знаменитого кавказского абрека, народного заступника, о подвигах которого знала вся Российская империя и о котором сложено столько героических сказаний и песен! Уже в советское время, в

20-е гг., вышла документальная повесть осетина Дзахо Гатуева «Зелимхан», тепло принятая А.М. Горьким. По этой повести был поставлен художественный фильм одноименного названия, обошедший советские и зарубежные экраны. К образу легендарного абрека также обращался видный чеченский писатель Магомет Мамакаев, опубликовавший в 1971 г. роман «Зелимхан».

Зелимхан не дожил до Великой Октябрьской социалистической революции всего лишь четыре года, погибнув в схватке со своими преследователями. Дожили дети, из которых, кроме Энисат, здравствует ныне его старшая дочь Меди. А оба сына пали за дело народной власти на боевом посту: старший Магомед в 1925 г. при подавлении кулацкого мятежа в Махкетах, чекист Умар-Али – в апреле 1947 г. от бандитской пули. Энисат почтительно открывает голубой, обитый железными полосками сундук с фамильными реликвиями. На стол ложатся фотоснимки, газетные и журнальные публикации, книги. Среди них – лейтенантские погоны Умара-Али.

– Вот... храню с тех пор, как брат погиб в этом же доме от подлого выстрела, – произносит Энисат. – А это его документы, письма… Одно из писем, присланное в Ведено из Пятигорска, датировано февралем 1937 г.

«Здравствуй, горный орел, друг мой Умар-Али! Прошло три месяца, как я покинул твою родину. И лишь сегодня вечером, накануне славной 19-й годовщины Красной армии, выдалась свободная минута, чтобы написать тебе. О твоей родине, о Ведено и его окрестностях у меня остались самые хорошие впечатления... Передо мной лежит газетная вырезка «Сын Зелимхана». Это биографический очерк о тебе... Хочу тебе посоветовать: учись, учись обязательно, пока позволяет время, работай над тем, чтобы стать большим человеком. Ты должен оставить хороший след на земле. Твой отец достоин того, чтобы его единственный сын (оставшийся один) стал большим человеком в социалистическом обществе. Твой друг (командир бывшего оперотряда) В. Пурмаль».

В письме, к сожалению, не названа газета, и мы пока не знаем содержания очерка об Умаре-Али, но горным орлом его величали по праву: смелостью и отвагой он был весь в отца. Энисат вспомнила, например, такой эпизод из жизни брата. В юности он работал слесарем на Ростовском заводе «Жесть-восток», был рабфаковцем. Однажды Умар-Али с товарищами наблюдал бурное весеннее половодье на Дону, река очищалась от последних льдин. И вдруг Умар-Али с истинно орлиной зоркостью заметил в водовороте беспомощный взмах руки тонущего. На миг показалась голова девушки. Умар-Али, не раздумывая, сбросил лишнюю одежду и кинулся бесстрашно в ледяную воду. С неимоверными усилиями удалось ему вытащить девушку на берег. Здесь ей оказали помощь, и она выжила. Для родителей

девушки горец стал за родного сына.

Умар-Али, как видно, не забывал совета: учиться, расширять свой кругозор. Вот его послужной список по 1947 г. – год, когда перестало биться его сердце: ответственный секретарь Веденского райисполкома, заведующий райздравотделом, председатель республиканского комитета «Медсантруд», руководитель веденских чекистов.

Несомненно, он мог бы стать «большим человеком в социалистическом обществе», не оборвись его жизнь так рано... Медленно поднимает голову Энисат. Глаза ее встречаются с твердым решительным взглядом человека в военной форме, смотрящего сейчас с фотопортрета на стене. Умар-Али… Родной брат... А на другом портрете – немолодой черноусый мужчина в черкеске. Мужественное, закаленное невзгодами лицо. Это Зелимхан. Отец, чья трагическая судьба – вечная на сердце зарубка.

После революции Энисат вышла замуж за Бакара Гудаева, активно боровшегося за окончательное торжество народной власти. Бакар Садыкович – участник Стодневных боев в Грозном, бывший ревкомовец. Занимал ряд ответственных постов. Сейчас персональный пенсионер. Все три сына Энисат и Бакара, пройдя комсомольскую школу, стали коммунистами. Докка много лет заведует райсобесом. Рамзан – управляющий Веденским объединением «Сельхозтехника», он член бюро РК КПСС. А «завзятый книжник» Хасан – старший бухгалтер «Общепита». Есть еще дочери. Хавра – воспитательница детского сада и Коку – домохозяйка. У Меди трое детей: Барон – товаровед райпо, Харон заведует в школе-интернате складом, а дочь Кулсум – торговый работник.

Вот такие обычные, но очень необходимые на селе профессии имеют внуки Зелимхана. Правнуков же «милостью царской» у абрека почти втрое больше – двадцать один. Дошкольники, школьники, студенты. Молодая поросль, перед которой множество заманчивых путей-дорог: выбирай на вкус! И каждая ведет к творческому, созидательному труду на благо советской Отчизны.

– Разве мог наш отец даже мечтать о таком будущем своих детей, внуков правнуков! – говорит Энисат.

– При царе мы разве жили? Мучились, – свидетельствует Меди, которой под 80 лет. – Абреческая судьба отца была несчастьем всей нашей семьи. Только после Великого Октября обрели мы все права, зажили свободно и счастливо.

Истинно так: ведь потомки «абрека абреков» живут в иное, лучезарное время – под солнцем Советской Конституции!

Георгий НАСОНОВ, корреспондент ТАСС.
Специально для «Комсомольского племени». 12 сентября 1978

Памяти Зелимхана

С утра моросил мелкий дождь, и потому была тревога: а состоятся ли первые республиканские скачки, посвященные памяти национального героя Чечено-Ингушетии Зелимхана Харачоевского? Однако в республиканском ФОК «Урожай» нас заверили, что к 11 часам дня погода прояснится.

– Это наше первое дело. Не может быть, чтобы погода нас подвела в таком святом, благородном деле, – успокаивал себя главный судья В. Щелчков.

А когда мы подъехали на ипподром Чечено-Ингушской государственной заводской конюшни, мы убедились в том, что скачки состоятся. На грузовых машинах подвозили лошадей. К началу скачек их набралось уже за 60 голов. Несмотря на неудобства и некоторый дискомфорт (отсутствие трибун, буфета и т. д.), зрителей было немало, и они нетерпеливо ждали большого открытия этого большого праздника.

Участники скачек состязались в пяти дистанциях. На первых двух дистанциях – 1200 метров и 1800 метров – «счастье» улыбнулось Камалу Исаеву. Справедливости ради следует заметить, если старт на 1200 метров был бы дан правильно, то первое место заняла бы Полина Тараречкина (она заняла третье место). На 2400 метров первым пришел на своем скакуне Асланбек Израилов, на 3200 метров первым был его товарищ по команде А. Молочаев. Все зрители ждали заезд на самую длинную дистанцию – 5000 метров. Но вряд ли кто мог предположить, что первым финиширует на своем лихом скакуне школьник из села Бердикель Грозненского района Умар Ахмадов (ему и достался главный денежный приз).

Особенно массовыми были команды Веденского и Грозненского районов. Призы и награды победителям вручали племянник Зелимхана Харачоевского – Абу-Солт Исраилов и его внук Рамзан Гудаев.

P. S. *Республиканский ФОК «Урожай» (председатель Чингиз Зубайраев) задумал возродить конный спорт в республике, и редакция газеты «Республика» готова всячески содействовать в этом благородном начинании.*

Висхан Давлетукаев.
«Республика». 23 мая 1991

Зеламхийн сийнна говраш хаххар

КIирандийнахь 19-чу майхь, Iуьйранна хьалхехьо дуьйна гуллуш адамаш дара ипподроман майдана. КIеззиг деанчу догIано кIорга хатт ца баькхира – адамех а, хохку йолчу говрех а къинхетам бира Iаламо. Тергаман ангалин чардакхна тIехь мохо ловзош къоман байракх яра берзан суьртаца. Гуобаькхина къилбаседехьа дIа яхъелла Iуьллучу майданан говраш гIонйолу масех метр аса, жимма бацах дIацIанъеш, самсаяькхина гора. Наггахь цу тIехула йолайолуьйтуш говр а хаалора. ХIора беречунна а дика хаьа шен говрах дерг. Цхьайолу говр кIеззиг хьацар даькхина хилча, дика яхало гонна. Воажаерг шен некъах йолийтар дезаш а хуьлу. Доцца аьлча, адамийн санна, тайп-тайпана ю-кх говрийн амалш а. ХIаъ, хIора беречунна дика хаьа шен динан амал.

Массеран а бIаьрг тIехIоьттина «1-ра Май» колхозан хиларан мухIар тоьхначу, яйчу тачанкина, аьлча а, цунна йоьжначу сирачу бекъана. «Деллахь, ма хаза хьайба, ма хаза болар долуш говр ю-кх иза!» – цецбуьйлу сан хьеший чIишкархо Идалов Сайд-Мохьмад а, Муса а, Ризванов Iимран а, бердкIелхо Музаев Мохьмад а, кхиберш а. Юххе кхаьчча, хиэза йолало цу тIехь вайнехан жимачу стага кехат-пондарца лоькху «Шемалан илли» а, цуьнца нисъеш кхечо туху вота а. Шен кура корта хелхабуьйлучу шина коган голашна юккъе букар буьхкуш, чаболан йортахь цхьа шатайпа исбаьхьа сурт хIиттадо говро.

Делкъахан хуьлуш схьагулло гонна хахка кечйина говраш-дой, динабереш. МаьI-маьIерчу район-ашкара, ярташкара баьхкина уьш. Бакъдолчу къоман дезачу дийнан Харачойн Зеламхин сийнна говраш хахка кечам бан. И кечам хиллачул тIаьхьа, оцу мехалчу гIуллакхан Iалашо а, иза

вовшахтохарехь дакъалаьцна организацеш а, адамаш а довзуьйту кхузахь. Къамелаш до яздархочо Ахмадов Мусас а, Республикан спорткомитетан председателя Бадалов Руслана а, Харачойн Зеламхин йоьIан кIанта Гудаев Рамзана а, кхечара а.

Локхуш болчу кехат-пондаран, тухуш йолчу вотанан шовкъехь хелхаюьйлу говраш-дой схьахIиттайо береша, хахкаран гуо бо лалун билгало еш, некъана пурх жир йоьхкинчу дозане. Шайн догIмийн, син сихаллица хаа а ло, ган а го говраша тайна хьалхара дIа элпан куьцара Iуьллучу гонехь шаьш чехкаллин хьуьнар къовса дезаш хилар. Цуьнан хьалхе яккха, да юьхькIайчу хIотто лааро собар кхачийна говрийн. Цхьана зилехь совца собар ца тоьу царна. Дошлойн буйнара архаш йохуш, лаьттачохь дIалелха.

ХIинца некъ маьрша бити говраша. Юьйлинчуьра хецаелла пружинаш санна, хецало уьш. Йора догIмаш тIаьхь-тIаьхьа дахло говрийн, экханна тIаьхьа даьхначу эрийн санна. Дала хьуьнар ло шуна! ТIаьхьа хьуьйсу нах – къена а, къона а. Иах хьовха, шайн гергарчаьрца баьхкина тобанехь зударий а, мехкарий а бу хьовсуш. КIайчу духарца оьрсийн йоI а яра исбаьхьачу Iаьржачу говрахь. Даррехь

озабезам бора зударша-мехкарша йоIехьа: йоI хьалхаялахьара!

Суна дагадеънарг дара аьлларг. Аса забарца элира: «ЙоI-м хьалхаериг хир яра, говр ю-кх и хьалхалла езарг. Амма динан бере динал а тIах-аьлла хила везаш ву. Жима ю и йоI. Хуур ду-кха кхин цхьа-ши шо даьлча, цуьнан бекъа а, иза а кхиъна яьлча».

ХIаъ, нохчийн къонахаша гIиллакх лелош хилла. Говраш хахкарехь, топ нийсатохар къовсарехь тоьллачунна йоI кхайкхийна я накъостех цхьаъ юьхьIаьржа хIутту волчу сохьтехь, иза цунах хьалхаваккхархьама, даррехь болчу шен кхиамна вухаволуш хилла хьуьнар дерг. Ала дашна, къайлах шен дин бухаузуш а, йоьгIначу гIакхна тоьпан хIоъ шега нийса ца тохалучуха агIор хьажош а.

Хьалхаяла ирс ца хилира йоьIан. Массо а цхьана дийнахь кхочийла дац тола-

ме. Доккха ловзар деш, тIах-аьлла кегийнах, мехкарий хелхабуьйлуш, массеран а самукъадолуш дара говраш хахкаран деза де. Дуьххьара, амма тIаьххьара доцург ХIора баттахь хир ду, боху, и де даздар. Дала беркате, барте дойла и!

1200 метр йохалле говраш хахкарехь хьалхе яьккхира Грозненски районан «1-ра Май» колхозерчу Исаев Камала. Дика гайтам бара цуьнан 1800 метрана говраш хахкарехь а. 2400 метран йохалла юьхьарлаьцна а дакъалоцуш хиллачу 70 стагах тоьлларг уггар къона БердкIелара Ахмадов Iумар вара шен башхачу говраца.

Д. Кагерманов. В. Юнцевичан суьрташ.
«Даймохк». 24 мая 1991

Харачойн Зеламхин тIаьхье

Со вуно жима волчу хенахь тхан нененанас уггаре хьалха суна дуьйцуш хезначу туьйранашна юкъахь дара обарг Зеламхин хьокъехь долу туьйра. Цкъа а диц ца ло иза Iаламат вазвеш, хестош, мискачу, къечу нахехьа гIо дохуш, церан паргIатонехьа, паччахьан хьаькамашний, меттигерчу мехкадайшний, къинхьегаман нехан хьацарх бехаш хиллачарний дуьхьал къийсам латтош хилла бохуш вийцар.

Кхин масех шо даьлча, 20-чу шерашкахь суна дуьххьара гина кинофильм яра Зеламхин хьокъехь дуьйцуш. Иштта веара сан кхетаме обарг Зеламха. ТIаьхьо аса дуккха а литература йийшира цуьнан хьокъехь. Суна хиира, иза бакъонца мила хилла. Харачойн Зеламха кхиболу обаргаш санна волу обарг ца хилла. Хууш ду оцу муьрехь обаргашна юкъахь дуккха а талорхой, ма-дарра аьлча, бандиташ а хилла хилар. Иштачарах ца хилла Харачойн Зеламха.

Паччахьан Iедалан векалший, меттигерчу хьаькамаший, шайхаш, молланаш ду шаьш бохуш, нехан цIий муьйлуш леллачу Iеламнахий нохчийн къехошкахь далло Iазап, латто харцо кхин лан ницкъ а ца кхаьчна, шен доьзал, вина юрт дIа а тесна, обарг ваьллачу Зеламхас цкъа а, цхьа а бохам беш ца хилла къечу, хьаналчу нахана. Амма цо къахетамза бекхам беш хилла къехошна зен, зулам динчу нахана.

Дуккха а шерашкахь къийсам латтийна цо паччахьан деспотизмана, колониальни зуламашна, къехошкахь латточу балина дуьхьал. Зеламха революционер ца хилла, амма цуьнан боккха цабезам бара паччахье, цуьнан хьаькамашка, цара кегийчу къаьмнашца йолчу юкъаметтигашкахь ницкъаш барца дIахьош йолчу политике. Харачойн Зеламхас царна дуьхьал къийсам латтабора дуьххьалдIа шена хуучу кепашца, терроризман гIуллакхех, цхьаццанна бекхам барх пайда а оьцуш. Иза цхьаъ волу къийсамхо вара, нагахь цо лелош долчу гIуллакхашкахь Iедалан законаша бехкедеш долу хIуманаш хиллехь а, амма иза обарг-зуламхо, талорхо

ца хилла, хилла бохуш паччахьан хьаькамаша шуьйра дIакхайкхош хиллехь а, ткъа бакъонца халкъан къийсамча-цхьалхахо хилла.

Паччахьан заманахь цхьана адаме ца лабаллал дукха къиза ницкъаш бина Зеламхина, набахти чохь валлийна, цуьнан доьзална, набахти чохь баллош а, Сибире бохуьйтуш а лерарш дина. Амма къар ца велла паччахьан Iедалан хьадалчашка, къехошкахьа гIо дохуш цо латтийначу къийсамах вуха ца ваккхавелла.

Сийлахь-йоккхачу Октябрьски социалистически революцис гуттаренна а хIаллакбина дIабаьккхира паччахьан дIахIоттам, Россехь хIоттийра керла социалистически юкъаралла, къинхьегамхойн караделира пачхьалкхан урхалла.

Хьалха хала а, къиза а хилла Зеламхин а, цуьнан халкъан а кхоллам, хIинца кхин а сирла, ирсе, паргIат дахар ду нохчийн. Мел воккхавийр вара Зеламха таханлера Нохчийчоь, шен махкахой гича!

Советан Iедал вайн махкахь хIоьттинчу хьалхарчу шерашкахь Зеламхех лаьцна повесть язйира хIиричо Гатуев Дзахос, цуьнан буха тIехь «Восток-кино» цIе йолчу киностудис лакхахь аса хьахийна кино а яьккхира... Ала дашна, Д. Гатуевн «Зеламха» цIе йолчу книгин хьакъ болу мах а хадийра: иза дика тIе а ийцира сийлахьволкхачу оьрсийн пролетарски яздархочо Максим Горькийс. Харачойн Зеламхин дахаран, къийсаман хьокъехь дуьйцуш, къехойн гIо лоцуш хиллачу турпалхочун башха васт, цуьнан инзаре хала кхоллам гойтуш йолу роман язйира тIаьхьо нохчийн гоьваьллачу яздархочо Мамакаев Мохьмада.

Зеламхин доьзалера цуьнан гергара нах тахана а бу вайн республикан уггаре а хазачу районех цхьаъ йолчу Веданан районехь, районни центрехь – Веданахь – бехаш. Цуьнан воккхахволчу кIанта Мохьмада жигара дакъалецира граждански тIамехь, гIуллакх дира ЦIечу Эскарехь, 1925-чу шарахь МахкатIехь иккхина кулакийн гIаттам бохо ваханчохь вийна иза. ШолгIачу кIентан Iумар-Iелин дахар иштта хилира: 20-чу шерашкахь фабрично-заводски школа чекхъяьккхинчул тIаьхьа Ростов

гIалахь «Жесть-восток» заводехь болх бира, тIаккха рабфакехь дийшира, парте велира, цул тIаьхьа жоьпаллин белхаш бира цо. ТIаккха нохчийн тешаме кIант партис чекистийн балха хьажийра. Шен дахаран тIаьххьарчу шерашкахь Веданан районехь ОГПУ-н (НКВД-н) начальникан болх бира цо. Массанхьа а Iумар-Iелас ша гайтира бакъонца волу коммунист. Даймехкан тешаме патриот, лаккхара дикаллаш йолуш волу хьанал стаг санна, 1947-чу шарахь бандитийн карах чевнаш а хилла велира иза.

Тахана а дийна ю Зеламхин ши йоI: Меда а, Энисат а. Оцу, хIинца мелла а къеналле йирзинчу шина зудчо боккхачу безамца лардо шайн дех, вежарех, шайн берриге а доьзалах лаьцна дуьйцуш долу дерриге а документаш: суьрташ, книгаш, газетийн статьяш, бедарш, совгIаташ, Iумар-Iелин эпсаран погонаш... Суна дало лаьа дуккха а документашна юкъарчу шина кехата тIера дешнаш. Махкахь гоьваьлла воккха Iилманча хиллачу кавказоведо Е.И. Крупновс 1936-чу шеран 29-чу августехь Зеламхин кIанте яздира: «Сан хьоме доттагIа, Iумар-Iела! Суна цкъа а дицлур дац аша шайн башхачу ламанан юьртахь со даггара тIеэцар, сайна дина хьошалла. Хьан даймехкан, хьан Веданан хьокъехь уггаре а дика ойланаш йисина сан даг чохь».

Хьалха оперотрядан командир хиллачу В. Пурмала 1937-чу шеран февралехь яздинчу кехата тIехь ду хIара могIанаш: «Маршалла ду хьоьга, ламанан аьрзу, сан доттагIа Iумар-Iела! Кхо бутт баьлла со шу долчуьра дIавахана, амма цкъа а шу ца дицло суна... Бехк ма билла хIинццалц ца яздарна. Суна хьалха ю «Зеламхин кIант» аьлла, газето (газетан цIе ца яьккхина – Б. Ч.) зорбатоьхна, хьан хьокъехь йолу биографически очерк». Дахарехь, къийсамехь хила а хилла Iумар-Iела шен да санна, ламанан аьрзу.

Зеламхин йоI Энисат революци хиллачул тIаьхьа маре яхара Советан Iедалехьа къийсамхо а, Грозни гIалахь хиллачу бIедийнан тIемийн дакъалацархо а хиллачу Гудаев Бакаре. ХIинца иза персональни пенсионер ву. Ирсе доьзал кхиъна церан: кIант – коммунист Гудаев Рамзан – жоьпаллин белхахо ву, шолгIа кIант Докка болх беш ву райсобесехь, кхоалгIа кIант Хьасан коьрта бухгалтер ву; цхьа йоI Хьавраъ берийн бешахь кхетош-кхиорхо, ткъа важа – Кхокха – хIусамнана ю. Цу тIе тоха деза Энисатийн, Бакаран берийн бераш 21 хилар.

Со хилла Энисатан, Бакаран цIахь. Уггар хазачу меттехь, Хулхуло хин бердайистехь динчу, стоьмийн бешана юккъехь долчу цIеношчохь дехаш ду и шиъ, шайн берийн бераш а хьоьстуш. Церан чохь ду деза кузаш, мебель, телевизор, телефон, кхийолу йийбар. Зеламхин вукху йоьIан Мединцуьнан кхаа беран дахар а нисделла иштта ирсе.

– Советан Iедал ца хиллехьара, цо гIайгIа ца бинехьара, Сибарех мацалла делла хир дара тхо, – бохуш дуьйцу Зеламхин шина йоIа. – Ткъа хIинца хьовсал тхан, тхан берийн, берийн берийн а ирсечу дахаре. Тхох хьега мегар ду муьлхха а стаг. Цкъа гина делара хIара дахар тхан дена, ма дукха сатийсинера цо ишттачу дахаре, ма тешара иза хIара дахар тIекхочург хиларх.

Зеламхас шега сатийсина нийсонан зама, къен а, хьал долуш берш а боцуш, харцо йоцуш, адамаша адамаш дацор, ницкъ болчара гIорасиз болчарна ницкъ бар доцуш йолу паргIат зама ю таханлерниг. Иза ю Советан Iедалан зама. ХIинца шаьш дехаш хиларх дозалла до Зеламхин тIаьхьенах болчара массара а.

Грозный–Ведана (18-чу мартехь арадаьллачу «Ленинан некъ» газета тIера)
«Колхозан дахар». 22 марта 1979

БИБЛИОТЕКА
(избранное)

ЭПИСТОЛЯРИЙ

Письма Зелимхана

Безграмотный Зелимхан писал много. Он вовсе не был грамотен по-русски. Немного по-арабски. Перед тем, как совершить акт возмездия, Зелимхан старался предупредить, дать возможность отвратить наказание. Писал Зелимхан Добровольскому и приходил к нему сам. Писал Г̇алаеву, Данагуеву, Вербицкому, Моргания, Дудникову, а также Каралову... Почти всем... Писал почти сам: диктовал своим «письмоводителям» Бетыр-Султану и Бачиюртовскому Гаккай-мулле.

Письма, хранившиеся у Бетыр-Султана, отобраны во время обыска начальником особого отдела какой-то дивизии. Письма Вербицкому, Каралову, Дудникову исчезли так же, как и письма Михееву. Здесь представлена лишь та часть писем, которая так или иначе сохранилась и дошла до наших дней. Представлены в этом разделе также и письма, которые в той или иной форме касаются личности самого Зелимхана. Письмо председателю Государственной Думы в свое время было опубликовано в октябрьском «Голосе Правды». Автором думского письма был чеченский интеллигент и нефтепромышленник. Как интеллигенту и промышленнику, националистически конкурировавшему с великодержавным капитализмом, ему необходимо было индивидуализировать Зелимхана: дать его в качестве единичной жертвы сатрапствующей администрации.

Письмо Зелимхана полковнику Галаеву

Бисмилла аррахман аррахим!

Начинаю от всемогущего Аллаха после должной части полковнику! Я думаю, что из головы твоей утекло масло, раз ты думаешь, что царский закон может делать все, что угодно. Не стыдно тебе обвинять совершенно невинных? На каком основании наказываешь ты этих детей? Ведь народу известно, что сделанное в Ведено, сделал я. Знаешь это и ты.

Эй, вы, начальствующие и судьи! Эй, правосудие! Вы неправильно решаете дела. Почему вы неправильно судите, почему вы осуждаете невинных детей? Вы же не можете подняться на крыльях к небу и не можете также влезть в землю. Или же вы постоянно будете находиться в крепости, решая дела так неправильно, зная это хорошо, зная сами так же, как я. Куда вы денетесь? Вы никуда не денетесь, пока я жив. Разве вы не знаете меня? Вы знаете меня. Я, Зелимхан, решающий народные дела. Виновных убиваю, невинных – оставляю. Я вам говорю, чтобы не нарушали вы законы. Я вас прошу не нарушать их. А вы нарушаете их на основании ложных показаний. Ничуть вы не лучше женщин – мужчины. И о таких неправильных решениях вы после будете жалеть.

Я от Гурченко требовал деньги еще четыре года назад. Он все время обещал дать, а сам объявил об этом начальству. Я предупреждал его, что, если он не уплатит требуемых денег, будет убит. В ночь убийства я ходил к нему опять просить денег. Делал это в присутствии его семьи. И, когда он отказался от уплаты, я его убил. Не из бедных же он, были же у него деньги и другое имущество. Возьмите всю казну государственную и войска, преследуйте меня – и все равно не найдете меня. Волла-ги! Билла-ги! Я подчиняться вам не буду. Когда вам понадобится схватить меня – я буду от вас далеко; когда же вы мне понадобитесь – будете вы очень близко ко мне.

Эй, начальствующие! Я вас считаю очень низкими. Смотрите на меня: я нашел казаков и женщин, когда они ходили в горы, – и я их не тронул. Я взял у них только гармонь, чтобы немного повеселиться, а потом вернул ее им. Шерипа Субиева я в тот же день немного задержал, заподозрив его в неверности мне, а вы за это арестовали его. Но больше ни в чем он не виноват. Вы нехорошие люди! Вы недостойные люди! Не радуйтесь, не гордитесь за взятую вами неправду и за утверждение таковой. Хотя вы теперь радуетесь, но после будете плакать несомненно.

Эй, полковник! Я тебя прошу ради создавшего нас бога и ради возвысившего тебя – не открывай вражды между мной и народом. Ты должен стараться,

чтобы женщины и дети не плакали и не рыдали. Они же плачут и проклинают меня. Говорят: «Хоть бы убили его и чтобы он был уничтожен богом!». Так они проклинают меня. Они не виноваты. Ты же не должен сомневаться, что если будешь обижать арестованных, то ко мне будет вражда. А мы до сих пор жили хорошо: кто мне сделает добро, тому отплачу тем же; кто мне сделает дурное и злое, тому отвечу тоже тем же.

Эй, полковник! Если ты хочешь узнать, кто был со мной, когда убили Гурченко, то были: я – Зелимхан, мой отец Гушмазуко, Давлет-Мурза хоевский, Иса хоркороевский и Кума и Гуду из Белготоя. Это дело сделали мы. Наших лошадей держал, когда мы входили в дом к Гурченко, чеченец-ауловец Гуна. Знай это, эй, пристав! Я знаю и слышу, что ты делаешь. Идешь за Гела и Дуду. Посмотри же, что я с ними сделаю. Если я их оставлю, то вини меня; если же я это не оставлю, то не вини меня. Знай это! Милость Аллаха и Аллах пусть сохранят того, кто будет читать это. Читающего прошу прочесть, ради Аллаха, не преувеличивая и не преуменьшая.

(Приложены: именная печать Зелимхана и печать Андреевского сельского управления)

Второе письмо Зелимхана полковнику Галаеву

Полковник Галаев! Пишу тебе последнее мое письмо, которое я с помощью Аллаха, безусловно, исполню. Это будет скоро. Мнение мое такое: ты, кажется, знаешь, что я сделал с Добровольским, с таким же полковником, как ты; что мое привлекает сердце в необходимость сделать с тобой за незаконные действия твои и из-за меня заключенных людей, которые совсем невинны. Я тебе говорю, чтобы ты освободил всех заключенных, о вине которых ты не слыхал и в которых не видел ничего правдивого.

За неисполнение этого с тобой, гяуром, что будет, смотри на другой странице. Я Добровольскому говорил так же, как и тебе, гяур. Но ты меня тоже не понимаешь. Я тебе дам запомнить себя. Губить людей незаконными действиями из-за себя я не позволю тебе, гяур. Раз я говорю «не позволю», значит правда. Если я, Зелимхан Гушмазукаев, буду жив, я ж заставлю тебя, как собаку, гадить в доме и сидеть в доме с женой. Трус ты! В конце концов, проститутка, – убью тебя, как собаку. Пусть ты будешь между тысячами, я смогу узнать тебя. Ты, кажется, думаешь, что я уеду в Турцию. Нет, этого не будет с моей стороны, чтобы люди не обложили меня позором бегства. Не кончив с тобой, я на шаг дальше не уйду.

Слушаю я о твоих делах, и ты мне кажешься не полковником, а шлюхой. Освободи же людей невинных, и я с тобой ничего иметь не буду. Если же не послушаешь, то будь уверен, что жизнь твою покончу или увезу в живых казнить тебя.

Зелимхан Гушмазукаев
(Приложены три печати)

Записка к Мусе Куни

Любимому моему гостю, Мусе Куни, мой салам!

Я от верных людей слышал, что ваш Дада, сын Аббаса Хубарова, дал слово начальству убить меня за большие деньги, и начальство дало ему берданку. Прошу вас дать мне знать, за что он меня хочет убить. Если ему нужно имущество и много серебра, я ему дам больше, чем они. Но если ему не нужно имущества, то пусть от меня держит себя подальше. Это лучше всякого богатства для него в этом мире.

Зелимхан

Отрывок из письма Данагуеву

(текст слегка отредактирован)

Теперь сообщаю вам, что я убивал начальство за то, что они незаконно сослали моих бедных людей в Сибирь. Сейчас находится моих бедных людей в Сибири 9 человек.

Потом в бытность начальником Грозненского округа полковника Попова, в Грозном был бунт, и за гордость свою начальство и войска убивали там бедных людей. Но я тогда, узнав в чем дело, собрал свою шайку и ограбил поезд из Кади-юрта. Я убивал русских людей из поезда из-за мести.

Потом был командирован какой-то полковник Вербицкий для поимки меня, как вы теперь. Вербицкий начал по Терской области свои неправильные действия. Первым долгом Вербицкий напал со своими людьми на открытый базар в селении Гудермес и убивал там на базаре бедных людей. Но высшее начальство на неправильные действия Вербицкого смотрело хорошо и оставило его как хорошего.Таких страшный действий, какие сделал Вербицкий за один час, я 10 лет будучи абреком и то не сделал. Вербицкий убивал бедных. Чего стоят его действия в селении Цорх Назрановского округа. Тогда я с собой взял свою шайку и приготовился напасть на Кизляр ради отмщения Вербицкому, потому что он был атаманом Кизлярского отдела. Я дал Вербицкому перед тем знать, что я еду на Кизляр.

Прошение Зелимхана на имя Председателя Государственной Думы

Прошение Зелимхана на имя Председателя
Государственной Думы Его Высокопревосходительству.
Господину Председателю Государственной Думы.
Чеченского абрека Зелимхана Гушмазукаева

Прошение

Так как в настоящее время в Государственной Думе идет запрос о грабежах и разбоях на Кавказе, то депутатам небезынтересно будет познакомиться с причинами, заставившими меня, одного из самых известных абреков Терской и Дагестанской областей, сделаться абреком. Все рассказывать не стоит – это займет слишком много вашего драгоценного времени. Я ограничусь, как сказал, указанием обстоятельств, при которых я ушел в абреки, и, кроме того, расскажу о двух своих наиболее крупных преступлениях: первое – убийство подполковника Добровольского, старшего помощника начальника Грозненского округа в 1906 году, и второе – убийство полковника Галаева, начальника Веденского округа, летом минувшего 1908 года. Чтобы гг. депутаты имели хоть какое-нибудь представление о драме моей жизни, я должен упомянуть в коротких словах о месте моего рождения и о своей семье. Родом я из чеченского селения Харачой Веденского округа Терской области.

В то время, о котором идет рассказ (1901 г.), семья наша состояла из старика-отца, меня и двух братьев, из которых один был уже взрослый юноша, а другой совсем еще ребенок; кроме того, был у нас еще и столетний дед. Жили мы богато.

Все, что бывает у зажиточного горца, мы имели: крупный и мелкий рогатый скот, несколько лошадей, мельницу, правда, татарскую, но все же она нам давала приличный доход, и имели мы еще богатейшую пасеку, в которой насчитывалось несколько сот ульев. Добра своего было достаточно, чужого мы не искали. Но случилось несчастье. Произошла у нас ссора с односельчанами из-за невесты моего брата. В драке был убит мой родственник.

Теперь надо отомстить кровникам за смерть родственника, выполнить святую для каждого чеченца обязанность. Зная хорошо, что по русским законам кровомщение не допускается и меня за убийство человека, хотя бы кровника, будут судить со всей строгостью законов, я совершил акт кровомщения втайне, ночью, накануне рамазана месяца, и без соучастников. Все в ауле вздохнули свободно, – канлы должны были окончиться, и между сторонами состояться

полное примирение. Но стали производить дознание. Начальник участка капитан Х., ныне благополучно управляющий одним из округов Терской области, показал, что он застал нашего врага живым и последний будто бы указал как на виновников своей смерти на меня, на моего отца и двух братьев.

Таким образом, было найдено юридическое основание для того, чтобы нас обвинить. Суд нас четверых присудил в арестантское отделение. На запрос палаты, каким образом покойный ночью мог узнать, кто в него стрелял, тот же начальник участка Х. ответил, что была светлая лунная ночь, и лица были хорошо замечены умершим. Это была со стороны Х. явная ложь и пристрастное отношение к делу. Во-первых, как всему народу, ему было известно, что мой отец и два двоюродных брата ни в чем не виноваты, а во-вторых, накануне рамазана месяца луна не светит. Люди говорят, что ему дали взятку наши враги, и я вполне этому верю.

Один из моих братьев умер в тюрьме, а другой умер впоследствии в ссылке. Я бежал из Грозненской тюрьмы с единственной целью отомстить виновнику всех несчастий нашей семьи, капитану Х., но он нашелся. Узнав о том, что я на свободе, он прислал ко мне человека, который сказал, что капитан Х. сознает свою ошибку, очень раскаивается и просит у меня прощения и кроме того обещает меня не преследовать никогда. Я поверил его раскаянию и простил ему. Из последующей деятельности этого человека выяснилось, что он очень далек от раскаяния и просто перехитрил меня, перейдя на службу в другое место. Таким образом, из мирного жителя селения Харачой я превратился в абрека Зелимхана из Харачоя, но не такого еще знаменитого, как сейчас.

Теперь я вам, ваше превосходительство, расскажу, за что я убил подполковника Добровольского. В то время Добровольский был старшим помощником начальника Веденского округа и жил постоянно в Ведено. Естественно, на нем лежала обязанность меня преследовать; но как он это делал! Прежде всего ставил в Харачое экзекуции, затем всячески давил моих родственников и лиц, имевших, по его мнению, или вернее, по мнению доносивших, какое-нибудь отношение ко мне. Мой старый отец, уже вернувшийся домой, отбыв свой срок наказания, и в особенности брат – самый тихий и добродушный из харачоевцев – подверглись со стороны Добровольского всевозможным гонениям, аресту на продолжительное время под тем или иным предлогом, штрафам и пр. мелочам, пересказать которые я сейчас не сумею, но которые тем не менее жизнь делают тягостною, а иногда и невыносимою.

Я ходил на свободе, и никто меня не беспокоил – ни казачьи резервы, ни

милиционеры. Наконец, случилось крупное столкновение и вот по какому случаю. Добровольский ехал из Ведено в Грозный, а мой брат Солтмурад ему навстречу. Подполковник остановил тройку и приказал переводчику брата обыскать и отобрать у него оружие. На большой дороге не было до тех пор принято останавливать и обыскивать проезжающих. Очевидно, для Солтмурада сделали исключение. Брат сказал, что оружие его азиатского образца и выдать его он не может, так как повсюду его преследуют кровники. Добровольский привстал на тройке с винтовкой в руке. Солтмурад ударил по лошади и ускакал, начальник пустил ему вдогонку несколько пуль, не знаю, с какой целью – напугать или попасть в него. Приехав в Грозный, Добровольский пожаловался начальнику округа, что брат Зелимхана оказал ему вооруженное сопротивление и т. д. Разумеется, при этом умолчал о том, что сам он стрелял в моего брата. Солтмурад, боявшись жить дома, скрылся и по моему совету вступил с Добровольским в переговоры через некоторых лиц, обещая выдать оружие и кроме того уплатить штраф в том размере, который укажет Добровольский, однако с тем условием, чтобы Солтмурад остался жить дома. Но Добровольский и слышать не хотел ни о чем, грозил сгноить брата в тюрьме, повесить, а по моему адресу разразился скверными словами. Тогда мой брат ушел из дома и стал бродить один по горам, боясь присоединением ко мне навсегда опорочить себя и тем лишиться возможности вернуться к мирной жизни. А скитаясь один, он надеялся на то, что либо начальник смилостивится, либо на его место назначат другого, более доброго.

Но надеждам брата не суждено было осуществиться, – его поймали в Дагестанской области (при этом он не оказал ни малейшего сопротивления) и посадили в Петровскую тюрьму. Там он пробыл около года и бежал прямо ко мне. С этого момента он сделался уже настоящим абреком. Отец мой еще раньше брата присоединился ко мне, предпочитая жизнь абрека тюремному заключению, которое должно было длиться до тех пор, пока меня не убьют или не поймают. За то, что он заставил сделаться абреком моего отца и брата, обругал меня скверными словами, Добровольский поплатился своей жизнью. Далее я вам расскажу, ваше превосходительство, за что я убил полковника Галаева. Вскоре после смерти Добровольского Веденский округ был объявлен самостоятельным в административном отношении, и нам прислали начальника округа именно Галаева. Этот оказался человек деятельный и энергичный, он сразу выслал из Веденского округа 500 человек, якобы за воровство, которые вернулись все уже в качестве абреков и наводнили весь Веденский округ.

Но потом полковнику пришлось объявить им всеобщую амнистию, и они вернулись в свои дома, стали заниматься тем, что делали раньше до появления

Галаева. Впрочем, это к делу не относится, а я это сказал как факт, характеризующий этого администратора. Меры его, направленные против меня, а также против отца и брата, выражались в том, что он приблизил к себе нашего противника Элсанова из Харачоя и стал по его указанию сажать в тюрьму и высылать наших родственников и друзей, а иногда лиц, совершенно не имевших к нам никакого отношения. Я ему предлагал письменно оставить всех этих ни в чем не повинных лиц в покое, а преследовать меня всеми способами, какие он может изобрести: полицией, подкупом, отравлением, чем только не хочет. Но Галаев находил самым правильным избранный им путь поимки меня с товарищами. Очевидно, борьба с мирными людьми гораздо легче, чем с абреками. Некоторые сосланные им лица находятся в северных губерниях России. Быть может, они и умерли. Среди них, например, два моих двоюродных брата по женской линии и два зятя тоже из другой фамилии, чем я. Затем посаженные Галаевым в тюрьму до сих пор еще сидят там.

Хозяйства как сосланных, так и заключенных совершенно разорились, жены и дети их живут подаянием добрых людей да тем, что я иногда уделю им из своего добра после удачного набега. Окончательно убедившись, что Галаев твердо держится своей системы, что он будет ссылать и арестовывать все новые и новые лица и что разоренные семейства станут молить бога о моей гибели, я решил с ним покончить. Решение свое я выполнил летом истекшего 1908 года.

Все, что изложено в этом прошении, безусловно, правда, ибо я стою вне зависимости от кого бы и от чего бы то ни было, и лгать мне нет никакой нужды. Голова моя, как говорят, оценена в 8 тысяч рублей, конечно, деньги эти собраны с населения. Отец и брат мой убиты чеченцами во время пленения мной овцевода Месяцева 31 августа 1908 года, и теперь я одиноко скитаюсь по горам и лесам, ожидая с часа на час возмездия за свои и чужие грехи. Я знаю, дело мое кончено, вернуться к мирной жизни мне невозможно, пощады и милости тоже я не жду ни от кого. Но для меня было бы большим нравственным удовлетворением, если бы народные представители знали, что я не родился абреком, не родились ими также мой отец и брат и другие товарищи.

Большинство из них избирают такую долю вследствие несправедливого отношения властей или под влиянием какой-нибудь иной обиды или несчастного стечения обстоятельств. Раз кто стал на этот путь, то он подвигается по нему все глубже в дебри, откуда нет возврата, ибо, спасаясь от преследователей, приходится убивать, а чтобы кормиться и одеваться, приходится грабить. А в особенности тому, кто должен поддерживать семейства, отцы которых в ссылке или в заключении.

Все изложенное покорнейше прошу, ваше превосходительство, довести до сведения Думы. Если же вы не найдете возможным, чтобы мое прошение было предметом внимания народных представителей, то покорнейше прошу вас отдать его в какой-нибудь орган печати, быть может, найдутся такие, которые пожелают его напечатать. К сему прилагаю свою именную печать и казенную печать Андреевского сельского правления Хасав-Юртовского округа. Администрация Терской и Дагестанской областей знает, что всякое письмо, снабженное этими знаками, идет от меня.

Зелимхан Гушмазукаев
15 января 1909 г. Терская обл.

Письмо Зелимхана полковнику

Перевод с письма, полученного начальником Веденского округа по почте 22-го августа 1911 года

От Зелимхана – Полковнику

Вы послушайте – идет бумага от меня к Вам с правдою. В ней до сих пор не соврал и в будущем тоже не совру, если Бог даст. Вы после узнаете, если Бог даст, что я из правдивых. Я прислушиваюсь до сих пор к тому, что вы делаете со дня Вашего прибытия начальником к нам. Вы на справедливой почве Государственного Закона поступаете или нет? Я Вас спрашиваю. Я нахожу, что Вы действуете не по закону. К тем, кто делает все по закону, к тому ничего не имею. К такому начальнику отношусь по-хорошему и люблю, уважаю и считаю близким родственником. К тем, кто поступает не по закону (начальник или другие служащие), я имею суд и сам их сужу.

Сейчас и Вы, и те, кто Вам доносит, не мусульмане, Вы люди, которые мусульманскую религию не признают. И Вы, и эти люди уничтожили закон и Государя. Вы не поправляете государственное дело.

Вы послушайте, эй полковник, за какую вину вы арестовали маленькую партию харачоевцев? Вы думаете, что я был в Харачое, или думаете, что я ночевал в Харачое? Еще думаете, что я пользуюсь их пищей. Во время перестрелки в Харачое днем я находился на Андийских горах, а ночью была перестрелка. Трое, которых я задержал, – первый элистанжинец Джабраил, второй Муса Закаев, Юсуп Татакаев, Минца Шалинец. Вы спросите их, где я находился в тот день. Когда я задержал Джабраила и его товарищей, я спросил Джабраила, где находится команда. Джабраил мне ответил, что команда находится на черном Ламе и кушает барашки.

Мною был послан Джабраил к ним в команду, чтобы сказал им: пусть придут ко мне, чтобы убить меня. Не пришли они ко мне. Я узнал, что они меня не разыскивают. Узнал, что они Чермойские барашки ищут. Почему бы Вам не узнать, что не меня они разыскивают, а гоняются за едой. До своей смерти буду ходить. Эй, полковник, у меня нет жизни, мы все погибли. О чем же мне думать? Зачем мне терпеть и приискивать Вам худое.

Вы узнаете, что я все, что в моих силах сделаю, если Господь повелит, что не в силах, то останется. Если закон есть, то войдите в положение арестованных,

верните их домой и смотрите на них милостивыми глазами. Если в законе этого нет, то не прошу этого.

Если я пойду на дурное дело против вас и других, то я Вас найду даже там, где Вы не думаете. Как я убивал других, так убил бы и Вас. Все начальство, бывшее против закона, уже в земле. Те из начальства, кто был справедлив, жили себе спокойно и свободно. И Вы, может быть, пойдете туда, куда ушли противники закона, если это будет Господу Богу угодно. Вы узнаете, что я сильный и что и Вас, и слободу уничтожу, если захочу и будет это угодно Господу Богу. Может я и не имею много сил, но на это имею. И Вы это после узнаете.

Письмо Поромону

Поромон! Наслышался я про твое богатство, но не верил слуху. Когда был у Вас в станице, то сам удостоверился, что ты богат. Значит, для тебя ничего не будет значить выручить меня пятью тысячами рублей. Я объявляю и требую от тебя, чтобы ты выложил 1 июля пять тысяч рублей в указанном мною месте. Есть у вас под Щедриным на берегу Терека старый дом, так в этом-то домике в восходном углу срой ямку и положи требуемые мною деньги, да так, чтобы не было заметно посторонним людям, чтобы в случае не поплатится тебе своей шкурой. Если я приду и найду не исполненным мое приказание, то ожидай меня к себе в дом в неуказанное время. И ты будешь взят в доме своем мною, тогда ты вместо пяти тысяч рублей заплатишь пятьдесят тысяч.

Не удивляйся, что называю тебя по имени, узнал я о тебе от взятого мною в прошлый раз в живых тавричанина.

Я – Зелимхан.

(Поромон – богач из ст. Щедринская. Деньги Зелимхан получил)

Официальное заявление абрека Зелимхана

Отредактированный текст

Его превосходительству Господину Наместнику Кавказа

Официальное заявление

Мне стало известно из газеты «Терек», что Исмаил находится под стражею за преступление, т. е. поранение помощника начальника станции Эльхотово Влк. ж. д., заявляя о том, что преступление отвечает не... а собственно, через ограбление кассы, но не удалось.

Теперь же я принимаю свои тщательные меры. Они таковы: или же в прах уничтожу все Кавказское Начальство, или что-нибудь другое. Но все-таки. Вашу м... решил, что, пока не выпустят невиновного человека, отомщу всем начальникам е…, как за семью мою, так равно и за того невинного человека. Надеюсь доказать это, пока не освободят их из-под стражи.

1912 год марта 7 дня
Зелимхан М.П.
ЦАУ Грузии. Фонд 2. Арх. № 1072, лист 95
С подлинным верно /роспись/
Печать

Письмо Зелимхана кадию

Отредактированный текст

Эй, Абас! Вы прочитайте эту бумагу хорошенько, ничего не утаив. Если Вы прочтете не точно – вскорости об этом узнаю. Большую беду причиню тогда. Вам обоим было бы лучше не устанавливать приговора о том, что можно меня убить и уничтожить. Впоследствии, может быть, заплачете и будете раскаиваться.

Если бы Вы жили по шариату, то вы не были бы кадием среди русских. В твоей книге есть о том, кого можно убивать и уничтожать? В этой книге, говорится о том, что можно убить меня? Вы в ней нашли о том, что утром и вечером можно беседовать с начальником?

Я понимаю шариат, а Вы совсем против него. На свете кроме тебя и твоего брата есть много грамотных, чтобы выносить шариатское решение. Божусь, тот, кто за неправду и пошел против меня, не будет радоваться. Тот, кто отрежет мой путь и теперь не выиграет, если это будет Богу угодно. Если по шариату и нужно казнить кого-нибудь, так первого тебя следовало убить, меня второго. Береги свой язык. Чего не знаешь, того не говори. Пока погибаешь. Остерегайся. Вашим утверждением о том, что можно меня убить по шариату, смерть моя не приблизится. Не продлится она и если скажешь о том, что нельзя меня убивать. Не говори о том, что тебя не касается.

С арабского на чеченский язык переводил
Веденский окружной кадий Абас Аутахаджиев /подпись/
С чеченского на русский язык переводил переводчик
Веденского городского словесного суда /подпись/
Копия верна

Другие письма

Письмо на имя Б. Гацаева из библиотеки им. Ленина

К № 756/п Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В.И. ЛЕНИНА
Москва. Г– 19 , ул. Калинина 3. № 23/1018 «23» февраля 1958 г.
Телефон коммутатор КО-05-80

ЧИАССР. Веденский район с. Дышни-Ведено
Бетырсултану Гацаеву

Уважаемый товарищ!

В ответ на Ваше письмо сообщаем, что заказ на фотокопию портрета Б. Гацаева передан нами в бюро обслуживания нашей библиотеки, откуда материал будет выслан Вам наложенным платежом. Срок выполнения заказов – месяц. При просмотре книги Д. Гатуева «Зелимхан» (Ростов-Дон-Краснодар, 1928) мы установили следующие интересующие Вас упоминания:

«...Зелимхан писал много... Писал почти сам: диктовал своим письмоводителям Бетырсултану и Батиюртовскому Гаккай Мулле. Письма, хранившиеся у Бетырсултана, отобраны во время обыска начальником особого отдела, какой-то дивизии...» /стр. 174/

«...Зелимхан... к Батырсултану приехал, потому что письмо написать надо... Не прислал Шавелов денег. И Зелимхан к Бетырсултану приехал, чтобы Бетырсултан опять письмо написал...

И опять Шавелов не прислал денег. Тогда Зелимхан к Джемалдину пришел, сказал, чтобы Джабраил волов впряг: «В Грозный поедем». Тогда Бетырсултан на коня сел и тоже в Грозный поехал. В городе он коня к дереву привязал. На бульваре, который межой был для станицы. А сам в сторону отошел. Грохот Зелимхан уже позади себя слышал. Жалко, что мало дали мне студенты бомб. Хорошо стреляет. Сильнее чем пушка стреляет. Народ к городскому входу бежал, Джамалдин и Бетырсултан на волах в город въехали. Хорошая бомба была. Я на базаре ее так слышал, будто около меня она выстрелила. Если бы мы образованные были, какие бомбы мы делали бы. Все они придумывают. Уо, Бетырсултан!.. Ты верно говоришь. Недаром, Джемалдин, я в тюрьме сидел и грамоту знаю немного... Остановись, скачут за Зелимханом. Ярмо надо быкам поправить...» /стр. 150–151/

Зав. отделом справочно-библиографической и информационной работы /Багрова/

Гл. библиограф /Ваидзе/

Письмо А. Ахаева в Союз писателей ЧИАССР

Город Грозный
Союз писателей
редактору журнала
«Орга» – «Аргун»
тов. Шайхиеву
Алвади Хасмагомедовичу

Уважаемый редактор!

Высылаю Вам небольшой очерк о славном сыне Чечено-Ингушского народа, чекисте Умаре-Али, унаследовавшего лучшие черты характера своего отца – легендарного Зелимхана, известного далеко за пределами Кавказа, а также своего народа, из глубин которого сам вынес: твердость воли, необычайную храбрость и мужество, отчаянную смелость, решительность, безграничную любовь к своему народу, жгучую ненависть к его врагам.

Питаю надежду, что найдете в Вашем журнале место для прилагаемого очерка. Прежде чем написать очерк /это отрывок из повести, которую я пишу/, я побывал в Ведено, Харачое, Шали и в др. местах, связанных с жизнью и работой Умара-Али, Зелимхана, на их могилах. В доме, где случилась трагедия, беседовал с дочерьми Зелимхана – Меди и Энисат, с племянниками Умара-Али, с бывшими его друзьями.

Умар-Али, с которым я был лично знаком, навечно остался в сердцах всех чекистов Дагестана, а его образ – в фото и подлинных документах в музее КГБ Даг. АССР. В книге «Чекисты Дагестана» /ДАГГИЗ,1987 г./ напечатан очерк об Умаре-Али. А образ отца Умара-Али Зелимхана постоянно живет в сердцах всего дагестанского народа. С давних времен среди кумыков имеет распространение песня, посвященная Зелимхану. Она издана в Дагестане. Высылаю оригинал и подстрочный перевод этой песни. Может быть, найдете возможным связать ее с моим очерком об Умар-Али и напечатать вместе.

С большим уважением А. Ахаев.
почетный сотрудник КГБ СССР, полковник в отставке.
24 февраля 1989 г., г. Махачкала

Письмо В. Пурмаля Умару-Али Зелимханову

Здравствуй, горный орел, друг мой Умар-Али! Прошло уже три месяца, как я покинул твою родину. И лишь сегодня вечером, накануне славной 19-й годовщины Красной армии, выдалась свободная минута, чтобы написать тебе. О твоей родине, о Ведено и его окрестностях у меня остались самые хорошие впечатления...

Передо мной лежит газетная вырезка «Сын Зелимхана». Это биографический очерк о тебе... Хочу тебе посоветовать: учись, учись обязательно, пока позволяет время, работай над тем, чтобы стать большим человеком. Ты должен оставить хороший след на земле. Твой отец достоин того, чтобы его единственный сын (оставшийся один) стал большим человеком в социалистическом обществе. Твой друг (командир бывшего оперотряда) В. Пурмаль.

Февраль 1937 г.
Пятигорск

Письмо Е.И. Крупнова Умару-Али Зелимханову

Уважаемый Умар-Али! Вчера только вернулся из Махач-Калы. Свою работу в Дагестане экспедиция закончила так же успешно, как и в Чечне... Весь наш материал... представляет из себя исключительно бытовые вещи: костюмы, домашняя утварь, орудия труда и т. д. Работали мы исключительно в Буйнакском и Гунибском районах. Сделали множество фотоснимков. Мы особо помним Ваше участие в нашей работе и, имея возможность, я считаю обязательным еще и еще раз выразить Вам свою признательность.

Интересно, не поступили ли к Вам какие-либо сведения о нужных нам предметах... Не сочтите за труд черкнуть нам в Москву о том, что есть. Быть может, и сами выберетесь в Москву осенью, как предполагали. Было бы приятно встретиться в Москве. Шлю Вам свой привет и лучшие пожелания. Уважающий Вас Е.И. Крупнов.

Москва, Красная площадь. Государственный исторический музей (1936 год)

Примечане. В 36-м Умар-Али был ответственным секретарем Веденского райисполкома и в этой должности, судя по письму, помогал экспедиции Крупнова.

Е.И. Крупнов – ученый-археолог с мировым именем – внес немалый вклад в создание истории чечено-ингушского народа. Его капитальный ТРУД «Древняя история Северного Кавказа» был удостоен высшей оценки – Ленинской премии. Евгению Игнатьевичу принадлежит и посмертно изданная Академией наук СССР книга «Средневековая Ингушетия», вышедшая в 70-х гг.

Письмо дочерям абрека Зелимхана из республиканского музея

НОХЧ-ГІАЛГІАЙН АССР-н КУЛЬТУРАН МИНИСТЕРСТВО.
РЕСПУБЛИКАНСКИ КРАЕВЕДЧЕСКИ МУЗЕЙ
НОХЧ-ГІАЛГІАЙ АССР КУЛЬТУРА МИНИСТЕРСТВО.
РЕСПУБЛИКА КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ ЧИАССР.
РЕСПУБЛИКАНСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

г. Грозный,
Пролетарская, 54.
исх. №102
23 февраля 1983

Уважаемые Меди и Энисат Зелимхановны!

Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей благодарит Вас за переданные музею документальные материалы, рассказывающие о Ваших братьях и достойных сыновьях легендарного Зелимхана – Магомете и Умар-Али, отдавших свои молодые жизни в борьбе с врагами советской власти. Они займут достойное место в экспозициях и выставках музея.

По Вашей просьбе мы изготовили 10 фотокопий тех документов, которые можно было переснять, с остальных из-за плохой сохранности подлинников копии не получаются. Всего передано в фонды музея 23 музейных единицы. Еще раз благодарим за передачу материалов, желаем Вам крепкого здоровья, счастья всем членам семьи.

Поздравляем Вас с наступающим Международным Женским праздником 8 Марта! Всего доброго Вам!

Директор Чечено-Ингушского
республиканского краеведческого музея Ф.И. Кудусова

Зав. дореволюционным отделом З.А. Гудаева

Письмо дочерям абрека Зелимхана из музея

НОХЧ-ГІАЛГІАЙН АССР-Н КУЛЬТУРАН МИНИСТЕРСТВО
РЕСПУБЛИКАНСКИ КРАЕВЕДЧЕСКИ МУЗЕЙ
НОХЧ-ГІАЛГІАЙ АССР КУЛЬТУРА МИНИСТЕРСТВО
РЕСПУБЛИКА КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ ЧИАССР
РЕСПУБЛИКАНСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

г. Грозный.
Пролетарская. 54
6 октября 1978 г.
На № 303

Глубокоуважаемые Муслимат Зелимхановна и Энисат Зелимхановна!

Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей убедительно просит Вас помочь нам. Нами получено письмо из Еревана от гражданина Хачатряна, который разыскивает следы своего дяди Тер-Минасова Шамиля Аракеловича. Тер-Минасов, якобы, был в отряде Вашего отца Зелимхана, выполнял его ответственные поручения с 1905 года. Он принял мусульманство и изменил фамилию и имя, которые его родственникам остались неизвестными. В 1940 году он был еще жив. Один из родственников увидел его на рынке г. Грозного, но тот не захотел с ним говорить.

У нас в музее нет никаких материалов, проливающих свет на вышеуказанное обстоятельство. Если Вы что-либо помните об этом человеке, напишите нам, пожалуйста, чтобы мы могли ответить автору письма. Как Вы живете? Здоровы ли? Будем Вам очень благодарны за ответ.

С уважением к Вам
Директор Чечено-Ингушского
краеведческого музея Куду-
сова Ф.

Письмо Г. Насонова на имя Энисат

Уважаемая Энисат!

Возвращаю два письма к Умар-Али. Прилагаю три газеты с материалом «Твои потомки, Зелимхан!». Одна газета Вам с Хасаном, остальные Рамзану и Доке. На память.

Передайте мой привет Рамзану, с которым мы встречались. И Меди – с нею позже виделись прошлой осенью. Для Меди тоже прилагаю газету – четвертую. Всего доброго!

Г. Насонов
12.09.78. Грозный

Письмо Начальнику Веденского РО НКВД ЧИАССР тов. Конькову

Народный комиссариат
госбезопасности ЧИАССР
11 февраля 1944 г.
№ 160-а/80
г. Грозный

Объявите ст. уполномоченному вверенного Вам райотделения НКГБ Зелимханову Умар-Али Зелимхановичу о том, что приказом народного комиссара Союза ССР № 150 от 28 января 1944 г. ему присвоено специальное звание «младший лейтенант Государственной Безопасности».

Зам. наркома Госбезопасности ЧИАССР
Капитан Государственной Безопасности Ибрагимов

Копия верна: Нач. Веденского РО НКВД ЧИАССР
ст. лейтенант Госбезопасности Коньков /
Подпись/

Письмо Х. Ошаева на имя Гайрбекова М.Г.

Председателю оргкомитета по ЧИАССР
тов. Гайрбекову М.Г.

В Киргизии, Фрунзенской области, Калининском районе ст. Карабалты проживают две дочери, внуки и племянники Зелимхана Гушмазукаева, которые ранее проживали в Ведено и имеют там собственные дома, в настоящее время никем не занятые.

Принимая во внимание заслуги их братьев – Зелимхановых Магомета, убитого при исполнении служебных обязанностей в 1922 году возле сел. Махкеты, и второго Умара-Али, убитого бандой в 1946 году, просим выслать им разрешение приезда в родные места.

Нам, сотрудникам института, интересно ознакомление с их большим личным архивом, заключающегося в письмах, газетах и фотоснимках, хранящихся у дочери Зелимхана.

Х.Д. Ошаев (подпись)
С.Ч. Эльмурзаев (подпись)

25.08.57 г.

КНИГИ
(краткая библиография)

Гатуев Д. «Зелимхан» – роман известного осетинского писателя Д. Гатуева об абреке Зелимхане.

Мамакаев М. «Зелимхан» – роман классика чеченской литературы Магомета Мамакаева об абреке Зелимхане Харачоевском.

Гешаев М. «Зелимхан» – биографический очерк об абреке Зелимхане из книги Мусы Гешаева «Знаменитые чеченцы».

Разбои на Кавказе – очерк «Зелимхан Терский» из книги «Разбои на Кавказе» (Электропечатня С. Казарова. Владикавказ,1913).

Айдамиров А. «Буря» – из «Собрания сочинений» известного чеченского писателя А. Айдамирова в 6 томах. (Т. 3. Грозный, 2004. Перевод с чеченского А. Айдамирова).

Ботяков Ю. «Абречество в фокусе конфликта личности» – первое монографическое исследование феномена абречества. В книге рассматривается широкий круг проблем, в том числе посвященных этническому своеобразию этикета, формам противостояния личности и общества.

Восстание Чечни и Дагестана в 1877–1878 гг., Зелимхан – исторический очерк, сборник сведений о кавказских горцах.

Кусов Г. «Последние дни Зелимхана» – документально-приключенческая повесть об абреке Зелимхане Харачоевском.

Костерин А. По Чечне: (Путевые наброски). В 60–70 гг. А.Е. Костерин являлся одним из лидеров движения за реабилитацию репрессированных народов. Автор рассказов «По Чечне» и «Асир-Абрек: чеченская песня». Часть его архива без регистрации хранится на Лубянке, часть – в бывшем Музее революции.

Кавказские силуэты – книга посвящена кавказской истории и охватывает период с Библейских времен до начала XX в. В нее вошли 53 портрета исторических лиц, оставивших свой след в судьбе горного края.

Бердяев С. Чечня и разбойник Зелимхан (Париж, 1932) – материалом для книги послужили воспоминания автора о пребывании в Чечне, куда он был командирован после окончания Русско-японской войны. В книге описывается

административное устройство Чечни, ее природа, быт, нравы, и т. д., а также, в связи с этим приводится биография знаменитого чеченского разбойника Зелимхана и описываются его деяния.

Ботяков Ю.М. Абреки на Кавказе. Социокультурный аспект явления (СПб, 2004) – первое монографическое исследование феномена абречества. В книге рассматривается широкий круг проблем, в том числе посвященных этническому своеобразию этикета, формам противостояния личности и общества и др.

Преданья грозного Кавказа – в Пятигорске, в Северо-Кавказском издательстве «МИЛ», вышла в свет книга главного хранителя музея Николая Васильевича Маркелова. Персонажи его очерков – это всегда крупные исторические лица, оставившие свой след в нашей памяти, будь то грозный «проконсул Кавказа» А.П. Ермолов, легендарный имам Чечни и Дагестана Шамиль или же череда наших писателей и поэтов, некогда прошедших сквозь адское пламя бесконечных сражений Кавказской войны. В новой книге Николай Васильевич посвятил очерк и знаменитому чеченскому абреку Зелимхану.

Поговорим о бурных днях Кавказа – книга посвящена кавказской истории, в основном – драматическим военным событиям XIX в., отразившимся в произведениях русской классической литературы. Читателей ждет встреча с чередой прославленных русских полководцев – М.И. Платовым, А.П. Ермоловым, А.А. Вельяминовым. Раскрыты забытые или малоизвестные страницы кавказских биографий Д.В. Давыдова, М.Ю. Лермонтова, С.А. Есенина. Книга содержит много интересных сведений о представителях горских народов, таких, как кабардинский князь Измаил Атажуков, имам Шамиль, художник Петр Захаров-Чеченец, абрек Зелимхан и др.

Бакаров М. Воспоминания об абреке Зелимхане. «Обарг Зеламхех дагалецамаш» («Воспоминания об абреке Зелимхане») (Грозный, 1990).

ПРОЗА
(избранное)

Давлет Гиреев

Встреча в Дарьяльском ущелье

Давлет Гиреев живет и работает в Северной Осетии. В этом году в издательстве «ИР» выйдет его книга «Рассказы литературоведа». Она построена на архивных материалах и документах. В свое время автору посчастливилось работать в крупнейших книгохранилищах Москвы, Ленинграда, Краснодара и других городов страны. Там появился замысел «Рассказов литературоведа» – произведения, в котором Д. Гиреев поведал множество забавных и увлекательных историй, почерпнутых из документов, сообщений газет и журналов XIX в. Причем поведал так, что с его книгой интересно будет познакомиться не только литературоведам, но и широкому кругу читателей. В «Грозненском рабочем» уже был опубликован один рассказ из готовящегося сборника о встрече Радищева с атаманом разбойников. Сегодня мы знакомим читателей с еще одним его рассказом.

Если вам доведется просматривать русские газеты, которые выходили в начале нынешнего века, то обратите внимание на статьи о Зелимхане. Их было очень много. Знаменитый абрек из Чечни волновал умы и сердца обывателей. Еще бы! Вот он на глазах пораженной публики ограбил банк в Кизляре и скрылся. Спустя некоторое время похитил известного богача Месяцева, во Владикавказе забрал содержимое ювелирного магазина на центральной улице и ускакал в горы. Затем переоделся священником, приехал на бал к видному чиновнику Терской области и выведал все, что его интересовало.

Статей с описанием, как ловили Зелимхана, еще больше. И все под крупными заголовками: «Последние часы абрека», «Зелимхан в ловушке», «Конец разбойника»... Почитаем. Оказывается, вот в чем дело: карательный отряд окружил Зелимхана, который засел на неприступной скале. Через несколько часов он будет схвачен... Но проходит день, другой, наконец, небольшая заметка: каратели предприняли штурм скалы. Зелимхан, закутавшись в бурку, прыгнул в бурный поток. Все кинулись его ловить. Поймали, но лишь... бурку. Ее владелец исчез бесследно. А сообщений об убийстве Зелимхана не перечесть. Они появлялись чуть ли не каждый месяц. И читатели к ним привыкли. Когда же в последних числах сентября 1913 г. с Кавказа пришло известие о гибели знаменитого абрека, читатели недоумевали: верить ли ему или нет? Зато буржуазная пресса не

скупилась на трескучие статьи о «подвигах» кавказских карателей. И вдруг в этом мрачном хоре прозвучал иной голос – сильный и освежающий. Он раздался со страниц газеты «Отклики Кавказа». Откройте номер за 8 октября. Вам сразу бросится в глаза заголовок: «Убит герой». Вот несколько строк из этой статьи.

«...Не верится, что убит Зелимхан. Мы видим в нем героя. В свое время он отказался идти в военные министры к персидскому шаху, сказав: «Не хочу против народа». Он любил свободу, был храбр, благороден... Он шел к жене и детям, когда его убили... Те, кто ловил его, – черные люди. Они останутся безвестными. О них ни сказок не расскажут, ни песен о них не споют. А о Зелимхане будет сложена поэма, может быть, опера. Пушкин и Лермонтов восхищались такими героями... И не хочется верить смерти Зелимхана!..». Под статьей подпись «А. Макеев». Да, это был умный, честный и смелый журналист-большевик. В 1918 г. он трагически погиб от рук белогвардейцев, но его мысль о том, что Зелимхана не забудут и воспоют в произведениях искусства, оказалась пророческой. Уже много написано, спето и рассказано о справедливом мстителе Зелимхане. А сколько еще будет!

Вот я и вспомнил легенду, которую слышал от одного известного осетинского поэта, а ему в свое время ее поведал старый учитель. Откуда она пришла к учителю – бог весть! Да это и не так важно, интересно другое – легенда родилась и жила в Осетии. Ее передавали из уст в уста. И еще – она не противоречит фактам биографии действующих лиц. Это могло произойти с ними в сентябре 1910 г.

У Зелимхана с подполковником Вербицким стали складываться особые отношения с того самого дня, как последний получил под свое командование карательный отряд. Боевая задача отряда была сформулирована предельно кратко: живым или мертвым взять абрека Зелимхана. Вербицкий при каждом удобном случае живописал друзьям, как он изловит «каналью Зелимхана» и в клетке доставит во Владикавказ. Эта болтовня мало трогала Зелимхана, а вот листовка, которую издал подполковник, заставила насторожиться. В ней обещали 10 тысяч рублей и участок земли тому, кто доставит голову абрека. Далее, вопреки логике, в листовке говорилось, что Зелимхан «мелкий разбойник и трус», «который боится встречи с ним», подполковником Вербицким, и его «доблестными воинами». Такое забыть, а тем более простить невозможно. В грудь Зелимхана будто уголь горящий вложили. Он обжигал душу и не давал покоя ни днем, ни ночью. К тому же еще событие: Зелимхану доставили письмо от Вербицкого.

«Если ты мужчина и носишь штаны, а не женские шаровары, – писал под-

полковник, – то примешь мой вызов на личный поединок. Приезжай, как и я приеду, один к месту боя. Честно сразимся...». Зелимхан избрал для поединка поляну возле аула Ведено, приехал туда в назначенное время, но его встретила рота солдат. Только ловкость и сила, смекалка и отличное знание местности помогли Зелимхану спастись. «О Великий Аллах! – в тот же вечер гневно воскликнул Зелимхан и поднял руки к небу. – Разве такие собаки могут ходить по земле?» Судьба Вербицкого была предрешена. С этого дня враги ходили между жизнью и смертью. Об этом можно рассказать очень много, но вот что произошло однажды.

Из Владикавказа прискакал к Зелимхану надежный человек и сказал: «Через два дня Вербицкий выезжает в Тифлис». Зелимхан даже привстал от возбуждения. «Вот как... Это твердо? От кого узнал?» – «Вчера наш Али видел, как адъютант для него брал билет на машину, которая сама по дороге бегает». Встреча с заклятым врагом в горах обещала полный успех. Зелимхан сделал нужные распоряжения, отобрал десяток верных людей и в тот же вечер уехал горными тропинками в ущелье, по которому с ревом несется Терек и вьется Военно-Грузинская дорога...

С весны этого года, когда происходили события этого рассказа, пассажирское движение между Тифлисом и Владикавказом оживилось – было введено регулярное движение автомобилей. Новинка сразу пришлась по вкусу путешественникам. Правда, восьмиместные машины «Бенц» безжалостно трясли, издавали необычайное зловонье и дымили, но все-таки их преимущество перед экипажами было явным. В то сентябрьское утро пассажиры на станции появились рано. Сначала в Тифлис проводили тяжелую почту и пассажирский экипаж, а уж потом начали готовить в рейс автомобиль. Раньше всех у машины засуетились две девицы в пестрых платьях с пелеринами. Им помогал какой-то иностранец в клетчатом пиджаке и соломенной шляпе. Он все время повторял: «Господин шофер, я ошень прошу сохранять наш кафер. Это веши циркус. Они имеют большой цена...».

Молодой грузин, агент винной фирмы, тут же раскрыв объемный чемодан, охотно демонстрировал образцы своего предприятия. Грузный священник и его дородная супруга хлопотали вокруг огромных дорожных узлов. На извозчике приехала молодая дама, изящно одетая, с маленьким белым пуделем. Наконец, сундуки, узлы, коробки, чемоданы были уложены, над открытой машиной развернули брезентовый тент, пассажиры расселись по местам и только тут обратили внимание, что одно место свободно. Как раз в это время послышался

цокот подков, и, резко осадив лошадей, извозчик остановился у самой машины. Из экипажа легко вышел мужчина в дорожном плаще и шляпе-котелке темного цвета. В одной руке он держал тяжелую вишневую палку с серебряным набалдашником, в другой – серые перчатки. На вид ему было лет около сорока, лицо бритое, глаза голубые, волосы русые. Высокий, представительный, он держался естественно просто, но с достоинством. Бросив общий поклон, мужчина занял свое место в машине, а шофер уложил его чемодан в багажник. Путешествие началось.

Проехали одну, затем вторую почтовую станцию, ущелье сдвинулось, стало узким, дорога поползла круто вверх. С одной стороны далеко внизу шумел поток, с другой – стена скал упиралась в самое небо. Мотор надрывался, машина едва двигалась. Пассажиры сидели, перепуганные в ожидании чего-то, что должно произойти. И предчувствие их не обмануло. Всадники Зелимхана перехватили машину в Дарьяле, там, где Терек принимает в свои объятия небольшую речушку, вытекавшую из бокового ущелья. Прозвучало несколько выстрелов, и у каменного завала на дороге шофер остановился. Пассажиры обомлели. Абреки окружили машину, держа винтовки наизготовку. «Выходи!» – крикнул один из них.

Первым на дорогу вывалился полный священник. Дрожащей рукой он достал золотые часы, кошелек, какие-то бумаги, молча протянул все это ближайшему всаднику. Тот усмехнулся, плетью отвел его руку и громко сказал: «Ваше золото и деньги нам не нужны. Спрячьте. Нам нужно другое». Услышав это, дама с щенком ахнула и повалилась в обморок. Щенок упал на дорогу, завизжал и кинулся куда глаза глядят. Две пестрые девицы подошли к всаднику и наперебой посыпали: «Господин Зелимхан, это же неблагородно обижать женщин». «Я не Зелимхан. Я Аюб Тамаев», – ответил всадник и, не обращая внимания на то, что пленники разноголосо пытались что-то доказать, поехал в боковое ущелье, откуда вытекала маленькая речушка. Шагов через сто, на повороте, за скалой, пассажиры увидели догорающий костер, а вокруг него на бурках сидели горцы. Один из них поднялся. Это был человек выше среднего роста, худощавый, в каракулевой шапке, в темно-серой черкеске, с кинжалом на поясе. Его продолговатое оливковое лицо с большими черными глазами, черной как смоль бородой было сурово-аскетическим. Он окинул беглым взглядом пленников, потом поднял глаза и, глядя куда-то в даль на вершины гор, заговорил. Голос его звучал резко. «Подполковник Вербицкий, я Зелимхан. Мы могли вас всех перестрелять в машине, но не сделали этого. Вы хотели в честном бою драться

со мной. Вот вам кинжал. Не прячьтесь за женщин. Выходите, защищайтесь».

Первым пришел в себя грузин. «Клянусь великим Аллахом, я не Вербицкий. Я Вано Чохелли из Самтреди...». Но Зелимхан, не взглянув на него, махнул рукой. Тогда вперед вышел иностранец в клетчатом пиджаке и соломенной шляпе. «Господин Зелимхан, перед вами Лео Буш из Берлина. Моя работа – циркус. Я мировой фокусник. Вот мои ассистенты», – и он кивнул в сторону девиц. Затем мгновенно в его руке откуда-то появилось яйцо. Он подбросил его, накрыл платком, и оно стало превращаться в цветные ленты, которые фокусник, казалось, тянет прямо из ладони. Это произошло также неожиданно и выглядело так комично, что многие заулыбались. Лицо Зелимхана по-прежнему оставалось сурово-спокойным. И вот опять, словно откуда-то сверху, сползло оцепенение. Оно закрыло всех. Потом, придя в себя, пленники повернулись в сторону мужчины, на котором был дорожный плащ, шляпа и котелок. Он стоял немного в стороне, положив обе руки на гребень своей вишневой палки. На его широком светлом лице было выражение удивления и любопытства, а на губах – чуть приметная улыбка. Наконец, он повел глазами, казалось, частицей светло-голубого неба, протянувшегося узкой полоской над ущельем, сделал паузу и развел руками. «Мне тоже придется разочаровать знаменитого Зелимхана. К подполковнику, которого он хочет видеть, я не имею никакого отношения». Умный и наблюдательный Зелимхан еще в те самые минуты, когда Аюб Тамаев привел пленников, с первого взгляда усомнился, есть ли среди них Вербицкий. Правда, в лицо подполковника он не знал, но сразу почувствовал, что перед ним – люди сугубо гражданские. Однако делать было нечего, и все пошло своим чередом. «Кто же ты такой?» – и Зелимхан испытующе уставил свой взгляд на незнакомца.

«Имя мое вам ничего не скажет. Я Федор Шаляпин...» – помолчал и добавил: «Певец и артист театра. К сожалению, паспорта при мне нет. Он остался в машине». Зелимхан сделал шаг вперед и все так же спокойно, подбирая каждое слово, сказал: «Когда я увидел, как ты кладешь руки на эту палку, то понял, что ты не подполковник. Офицер с палкой не ходит… А вот имя Шаляпина я знаю. Слышал, когда сидел в тюрьме, в Грозном. Со мной в камере был один хороший русский человек. Он рассказывал о Степане Разине, о Горьком и о Шаляпине. Пел песни о Волге. У нас в народе песни тоже любят, а певцов уважают и берегут…». Подумал, провел ладонью по бороде и вновь, словно опуская на плечи собеседнику что-то очень тяжелое, уставился в глаза Шаляпину. Потом раздумчиво сказал: «Певцу паспорт не нужен. С ним его песня. Она от бога, а паспорт придумали люди. Иди сюда. Если ты певец, мы тебя не обидим. Садись, пой…».

Зелимхан набросил на большой камень бурку и сделал знак рукой, приглашая Шаляпина. Шаляпин тоже присел, поставил палку между колен и на серебряный гребень положил обе руки. Поглядел вокруг, послушал, как высоко в небе клекочут орлы, а рядом мягко по камням шуршит ручей, затем вполголоса запел:

Хас-Булат удалой,
Бедна сакля твоя.
Золотою казной
Я осыплю тебя...

Оживился, и голос его стал звучать шире:

Дам коня, дам кинжал,
Дам винтовку свою,
А за это за все
Ты отдай мне жену...

Дальше песня зазвучала драматично. В голосе певца появились те неизъяснимо тоскующие ноты, в которых очень точно и сильно была выражена трагедия обманутого чувства. Певец сделал паузу, а потом лишь передал ответ мужа-бедняка. В нем чувство человеческого достоинства поднялось, точно на крыльях орла, высоко над землей и утвердилось, как нечто вечное и непобедимое. Именно так понимал Шаляпин смысл всей песни о Хас-Булате, и ответ бедняка с огромным напряжением:

Береги, князь, казну
И владей ею сам,
А неверну жену
Тебе даром отдам.
Ты сходи, посмотри
На невесту свою –
Она в спальне своей
Спит с кинжалом в груди.

И вдруг, будто чья-то сильная рука все оборвала. Голос затих, замер горный поток, умолкли орлы в высоте, а люди затаили дыхание. Несколько секунд все слушали тишину. И вот откуда-то из глубины груди певца зазвучала тоскующая мелодия финала:

Я глаза ей закрыл,
Утопая в слезах.

Поцелуй мой застыл
У нее на устах.

Может быть, впервые за всю большую жизнь Шаляпина-певца у него была такая аудитория. Сюда, в глухое ущелье Кавказа, случай привел совсем разных людей, но эти неповторимые минуты вдруг стерли то, что разделяло их. Великое искусство Шаляпина поглотило всех: девушек из цирка и фокусника из Берлина, коммерсанта из Тифлиса и простых горцев, которые силами социального зла были превращены в абреков. Каждый забыл, где он и что его ожидает. Все житейское, обыденное куда-то ушло, растаяло, приняло бесформенные очертания. И остался только певец с его огромным миром человеческих страданий и страстей. Но вот последний звук песни, обгоняя робкий говор ручья, покатился по ущелью, эхом отозвался на ближней вершине и замер где-то за крутыми скалами...

Все молчали. Зелимхан встал и, придерживая щенка в подоле черной бурки, сделал два-три шага в сторону. Долго смотрел на дальний ледник, где искрилось полуденное солнце. Затем обернулся к Шаляпину, улыбнулся, отчего его суровое лицо приняло наивно-детское выражение, и негромко сказал: «В тюрьме русский не обманул меня. Ты хорошо поешь. О Хас-Булате у нас тоже песня есть... Сегодня мы ошиблись – хотели черного ворона поймать, а схватили соловья. Так и крылья можно поломать. А тебе надо свободно летать, песни петь людям хорошие о счастье. Его у них нет. Вот и я дорогого гостя не могу принять, как положено. Прощай, а нас прости...».

Обескураженные путешественники сказали абрекам что-то невнятное, похожее на благодарность, и заторопились к машине. Они все еще не могли прийти в себя и понять кому обязаны своим спасением. «Послушай, друг, подожди...» Шаляпин остановился. Припадая на правую ногу, Зелимхан подошел к нему. «Ты, Федор, пел, а я вспомнил свою жену, детей. У меня даже глаза резать стало. Нехорошо, если с мужчиной бывает такое. Поедешь к своим, не говори, что видел, как Зелимхан от песни чуть не заплакал. Плохие люди не поймут, подумают: Зелимхан тряпкой стал. Прошу, не рассказывай об этом».

И он, пожимая руку Шаляпина, еще раз заглянул в его голубоватые, как ледник, но теплые глаза. В них было волнение и добро души. «Нет, никогда никому не скажу. Я тебя понимаю...» – порывисто ответил Шаляпин. Впервые в жизни он получил такую награду за свое искусство. После этого они расстались навсегда. Шаляпин выполнил свое обещание, которое дал абреку. О своей встрече в горах он никогда никому не рассказывал до смерти знаменитого горца.

З. Абдулаев

Новь казачьей станицы

(отрывок)

Дорога на правый берег проходила мимо наших палаток по отлогому каменистому склону, а дальше уже был брод. Здесь Асса разливалась шире и была не так стремительна.

По утрам нас поднимали бодрые голоса станичников, отправляющихся на полевые работы. Слышались звонкие песни казачек. Мы выходили из палаток и полной грудью вдыхали утреннюю свежесть, любуясь видом Кавказских гор с их полыхающими в солнечных лучах белоснежными вершинами!

...Рабочий день начался, как обычно. Зарокотали экскаваторы, загудели бульдозеры. Поползли скреперы, загребая кучи земли и камня... Синими искрами вспыхнули огни сварки. Окрестность наполнилась музыкой труда. Мы работали, не считаясь со временем, потому что станице очень нужен был мост. Но наступали сумерки, и напряжение трудового дня сменялось часами отдыха. Выкупавшись в потеплевших за день водах Ассы, мы «вечеряли». Затем, как всегда, собрались перед сторожкой, у самого въезда на будущий мост, послушать очередной рассказ дедушки Волкова.

Еще одна быль о Зелимхане

– Все беды человеческие, думаю я, – начал дедушка, – от несправедливости идут. Должно поэтому ни храбрость, ни красота не приживаются в людской памяти так прочно, как справедливость. Вы, верно, слыхали – абрек такой был, Зелимханом звался. Действовал здесь, в наших краях, на чиновников и господофицеров царских страх наводил. Куда более полвека минуло, а и ныне его народ добром поминает, потому что к подневольному люду приверженность имел и справедливость, защищал очень даже отчаянно, даром, что темным неучем, горцем был... Много больших чинов нашли смерть от меткой пули Зелимхана, но никто не упомнит случая, когда бы Зелимхан убил простого солдата или казака. Поговаривали, что винтовка у этого чеченца колдовская, а сам он – заговорен от пули. Власти считали удальца разбойником и злодеем. Помню, не однажды воззвания от самого наместника царя зачитывали на майданах, обещали немалые деньги и награды за выдачу Зелимхана властям. Помню, молебен служили попы на поимку «басурмана и врага престола». Ан, были и такие, казаки, которые молились исподтишка за здравие и благополучие иноверца... Об одном доподд-

линно известном мне случае я и расскажу вам, – закончил свое выступление старый казак и неторопливо полез в карман за неизменным своим кисетом.

Свернув цигарку, он несколько раз смачно затянулся и начал:

– Однажды в лесу, близ этих самых мест, два казака-бедняка распахивали полянку под кукурузу, повесив на сук ружьишки. Патронташ в те времена казак не снимал: он всегда служил ему поясом. Вдруг из-за чинар выскочили два чеченца с огромными кинжалами. Один из них назвался Зелимханом, и этого достаточно было, чтобы пахари словно окаменели. Чеченцы забрали казачьи ружья, отпрягли лошадок, ускакали на них в лес.

Проклиная Зелимхана, поплелись казаки в станицу. Едва выбрались на лесную дорожку, как снова наткнулись – что за напасть такая – на верхового чеченца! Плечистый, с тонкой талией, весь обвешанный оружием – и пистоль, и кинжал, и винтовка... Всадник остановил коня. В глазах строгость светится. Лошаденка неказиста, а шаг упругий. «Здорово, казаки!» – говорит верховой. «Бывай здоров, джигит», – ответствует сумрачно старший казак. «Зачем злой такой? Дети голодные дома? Или атаман обидел?» – спрашивает чеченец. – «Землю мы тут распахать хотели. По нужде по бедности, с кумом, значит...» – стал рассказывать старший, но молодой не выдержал, и в сердцах перебил станичника: «Зелимхан ваш проклятый налетел как коршун, ружья забрал и лошадок последних! Погибели нет на супостата!» – «Зелимхан? Говори, куда он скакал?!» – вздыбил коня всадник. «Двое их было, в лес подались, ищи теперь...» – «Ждите меня здесь!» – крикнул верховой и погнал коня в лесную чащобу.

Станичники переглянулись. «Слава тебе господи, – перекрестился старший, – кажись пронесло. Самим-то ноги унесть бы...» В этот момент раздался выстрел. Затем другой. Казаки метнулись в орешник, притаились. «Неужто постреляет антихрист? – сорвалось у старшего. – Эх ма...а. Доля наша бедняцкая. На богатеев силы тратим, пред атаманами гнемся, попам кланяемся, а все одно своей смертью помираем...».

«Тише, слышь, топот? Никак чеченцы возвернулись, нас шукают!» – прошептал второй казак. Раздвигая перед собой кусты, прямо на них двигался верховой. «Эй, казаки, выходи. Не бойся! Я Зелимхана привел и лошадей тоже привел...». Глядь, у самой дороги стоят перепуганные насмерть грабители. Один, бледный как упокойник, держит в поводу казачьих лошадок, в другой – ружьишки. На поясах пустые ножны. Оба кинжала всадник, видно, отобрал. «Который из них Зелимхан?» – спрашивает, не слезая с коня, незнакомец. Казаки нехотя показали на высокого бритоголового парня. Всадник неторопливо до-

стал из-за голенища плеть, высоко поднял ее и щелкнул по голове долговязого с такой силой, что тот едва удержался на ногах, уцепившись за ствол дерева. Кровь полилась по лицу.

От такого поворота казаки опешили, растерялись. Слыхано ли дело, на их глазах бьют знаменитого Зелимхана, одно имя которого кидало в дрожь чиновников и атаманов! И каким же героем должен быть человек, поднявший на него плеть! А этот герой гневно ругал второго грабителя и даже не обращал внимания на побитого. Потом всем вместе велел идти к недопаханному полю. «Хочу казака и чеченца в одной борозде видеть», – сказал незнакомец».

Дедушка Волков умолк, а затем, глубоко вздохнув, продолжал: «Такие, как Зелимхан, наперед знали, что не сладят они с царской державой, кончат жизнь под пулями или в петле, но за правду бились храбро и смерти не страшились...».

Дедушка Волков внезапно пристально вгляделся в сумерки ночи. На том берегу Ассы показалась фигура человека, по-видимому, искавшего брод. «Левее бери-ии! Ле-ве-е-е!» – крикнул кто-то из наших. Путник остановился на миг, прислушался и осторожно вошел в воду. Когда он вышел на наш берег, Тимофей Степанович спросил: «Куда путь держишь на ночь глядя, земляк?».

Незнакомец швырнул на камни сапоги, осторожно снял с плеча ковровую сумку, опустил ее к ногам, затем весело ответил: «В станицу Орджоникидзевскую, к брату. Сын у него родился». – «Ишь ты, племянник, значит. Сам-то, вижу, не казак будешь?» – «Я чеченец из Ачхоя, – ответил путник. Потом нагнулся к сумке, в руках его блеснула бутыль. – Ей-богу, это мы должны выпить за здоровье Руслана здесь!». Из палатки принесли стакан, яблоки на закуску. Первому подали старику. Старик выпил стоя.

«Пусть Руслан вырастет сильным, красивым и добрым человеком!» Неожиданно из-за палаток подкатила автомашина. Наш шофер Володя, грузин по национальности, решил отвезти ночного гостя в станицу. Тот не знал, как и благодарить. Володя увез незнакомца. Приятный переполох улегся. Как бы очнувшись от нахлынувших дум, дедушка Волков заговорил:

«Много, ребятушки, чужих стран я исколесил, народы разные повидал. Хучь грамоты большой не постиг, а жизнь научила понимать, что к чему... По стариковской совести скажу вам: нигде такой душевности и красивой простоты, как у наших, советских, не встречал. Вот племянник родился у человека... Тот бросает все, пешком спешит за сорок верст, в ночь, в темень, потому хочет самолично приветить новорожденное дитя... А совсем сторонний человек, смахнув усталость, везет незнакомого в ночь-полночь, и платы не спрашивает! Не-ет, такое не встретишь в чужедальних странах». И старик вернулся к прерванному

рассказу.

«Работают, значит, казаки с теми двумя грабителями на пашне, дело у них спорится. А каждого холодный пот прошибает: слыхано ли дело – казак и чеченец в одной борозде. Всяк своего бога боится за такое единение. А тот, который вступился за казаков, тем временем раскрутил бурку, лежит на ней, улыбается. Словом, – доволен. Оружие, однако, держит наготове… Конь не стреножен, пасется на травке, далеко не уходит от хозяина. Видать, обученный.

Распахали пахари почти всю полянку, когда плечистый их кликнул. Подошли казаки и чеченцы. «Слушайте меня, кунаки, – говорит, поднимаясь с земли, незнакомый чеченец. – Мое дело – сел на коня и уехал. Вам здесь жить, вам и ладить меж собой. Запомните мое слово. Вы – русские и чеченцы – сейчас пролили пот на одной пашне и ничего дурного не случилось, а вы думали, небо упадет. Так я говорю?». – «Что там запираться, думали поначалу», – признался старший из казаков. «Валлах, правда», – подтвердил грабитель, который Зелимханом прежде назвался.

«Слушайте дальше, – говорит заступник, кивая головой на двух парней. – Эти несчастные поступили так, как поступили бы при случае вы с ними. Один из них звался Зелимханом. Но Зелимхан никогда не косил глаза на добро человека, живущего своим трудом. Самозванец наказан мной. Будем считать – вы квиты». Сказав это, незнакомец, вскочил на коня, что-то сердито буркнул чеченцам. Потом обратился к казакам, доставая из-за пазухи толстый бумажник: «Эти деньги украдены у вас хитрыми людьми по законам царя. Я добыл их в Кизлярском банке по своим законам. Какой способ лучше, рассудит Аллах... Вот вам, казаки, двести рублей. Поделите их по справедливости сами». Потом обратился к чеченцам: «Вы – неудачники. Я вам даю по сто рублей на семью, но покупаю ваши души для добра. Я – Зелимхан».

Казаки и чеченцы ахнули, побледнели, растерянно сжимая в руках ассигнации. «А теперь расходитесь. Вы меня не видели, я вас не встречал!» – Всадник рванул коня с места, не оглядываясь, скрылся в лесу. «Да хранит тебя господь», – вымолвил один из казаков и перекрестил ту сторону, куда удалился всадник. Что-то сказали друг другу чеченцы, зацокали языками и протянули руки казакам для пожатия...».

Закончив рассказ, дедушка Волков еще долго неподвижно сидел, прислушиваясь то ли к своим мыслям, то ли к ночным шорохам. От реки повеяло зябким ветерком... Серебристые блики луны вздрагивали на гребнях волн, которые катились и катились, подгоняя друг друга.

А. Ацалаев

Лошадь Зелимхана

Было это в конце сентября 1980 года, когда я работал в 4-й городской больнице. Я спешил, опаздывая на прием в поликлинику. В хирургическом отделении в тот день было много операций и пришлось задержаться. Когда я поднялся на второй этаж, около моего кабинета было много людей. Извинившись, я хотел войти в хирургический кабинет, но вдруг мое внимание привлекла скромно сидевшая в углу около двери коридора старенькая женщина. Сгорбившись на стуле, она тихо нянчила свою больную руку. Я подошел, поздоровался и представился, старушка поднялась мне навстречу. «Что случилось бабушка?» – «Упала я, сынок, во дворе и порезала руку стеклом. Только что меня скорая привезла. Спасибо им!» – «Пойдемте в кабинет!» «Нет, люди здесь раньше подошли, неудобно».

Я с трудом уговорил ее войти в кабинет. Тут же мы заполнили карту, чтобы не посылать ее в регистратуру. Оказывается, она была долгожительницей – ей 93 года. Старушка была сильно угнетена: кто-то в очереди сказал, что в ее возрасте раны не заживают. Мы быстро отвели ее в операционную и под местным обезболиванием зашили рану. Когда сказал ей, что через неделю снимем швы и рана заживет, старушка очень обрадовалась. Она долго всех нас благодарила. Проводив до двери, я попросил ее приходить на перевязку в одно и то же время, чтобы не ждать. Даже при кратком знакомстве было ясно, что у нее для такого возраста прекрасная память, она активна, жива в общении, довольно быстро ходит.

Так, старушка часто приходила к нам, но никогда не входила в кабинет, пока не выйдет кто-нибудь и не заведет ее. Как-то, когда было мало больных, я спросил ее, помнит ли она стодневные бои в Грозном. Она не только помнила, но и, оказывается, помогала красным бойцам, а ее младший брат был участником этих боев.

Однажды, когда в последний раз пришла она ко мне на прием, она вдруг сказала: «А, знаете ли, доктор, каким справедливым и добрым был Зелимхан?». «Вы имеете в виду знаменитого абрека?» – удивился я. «Да, я лично была с ним знакома, и не будь его, мы с матерью и младшим братом, наверное, умерли бы с голоду. Я попросил ее рассказать об этом. И вот о чем она мне поведала:

«Я родом из станицы Воздвиженская, родилась в 1887 году в семье бедного казака Емельяна Коломейца. Отец мой погиб в Русско-японскую войну 1904

года. У матери нас было двое: я и младший брат, которому, когда погиб отец, было только 4 года. Чтобы как-то прожить, мы с матерью батрачили у богатых казаков. Случай этот произошел в конце мая 1911 года. У нас был маленький клочок земли за станицей, но пахать было не на чем. Все станичники давно закончили весенний сев, только мы с матерью остались. После долгих просьб сосед одолжил на один день старую клячу и никому не нужный, весь покореженный плуг. В поле кроме нас никого не было. К обеду мы почти ничего и не вспахали – лошадь еле передвигала ноги, а потом пошатнулась и упала в борозду. Мы пытались ее поднять, но она не вставала. От бессилия мать заплакала. Я тоже зарыдала.

Не помню сколько прошло времени, но вдали у дороги в сторону от нас ехал всадник в бурке с приводной лошадью. Вскоре он подъехал к нам и поздоровался. Он сидел на стройном карем коне. Из-за бурки выглядывала винтовка, весь подтянутый с задумчивым и внимательным взглядом. Рядом с его конем стояла высокая серая лошадь, перебирая ногами. Он поманил меня пальцем, передал повод серого коня и сказал: «Бери на здоровье!». Мать испугалась, запричитала: «В станице нас обвинят в воровстве, и пристав посадит в кутузку». Зелимхан, а это был он, сказал: «Передай, матушка, старшине, что тебе коня подарил сам Зелимхан, и горе ему и приставу, если они посмеют вас тронуть! Зелимхан своих кунаков в обиду не дает». А затем, подъехав к матери, высыпал ей на руки монеты, говоря: «Бери, тебе нужней!».

Вечером, благополучно закончив пахоту, мы с матерью возвращались в станицу с двумя конями. Только мы пришли домой, прибежал казачий старшина и сразу уцепился за коня: «Где взяли, чей конь?». Мать рассказала, что лошадь им подарил знаменитый абрек Зелимхан и точь-в-точь передала слова абрека. Староста заюлил, раскланялся, униженно просил не говорить Зелимхану ничего плохого о нем. Вскоре вся станица приходила смотреть подарок Зелимхана. После этого случая начальство нас не беспокоило, жизнь у нас пошла лучше. Конь оказался сильным и работящим. Зелимхан знал, что такое тяжелый крестьянский труд, знал долю бедняка и поэтому любил и ценил бедных людей. Он был добрый человек!».

Так закончила свой рассказ наша пациентка. Мы долго сидели молча, осенний день догорал, на глазах у старушки появились слезы, она тихо вздыхала, думая о своем. Тепло с нами попрощавшись, она ушла. После этого случая я ее, к сожалению, больше не видел. Тогда у меня и в мыслях не было написать об этом. А теперь меня надоумил товарищ, которому я рассказал об этом исто-

рическом факте.

М.У. Бакаров

Воспоминания об абреке Зелимхане

(отрывок)

Зелимхан

Это было в апреле 1940 года. Шли школьные каникулы, и я отпросился у отца в гости к Шерипову Зоврбеку в Грозный. Он жил возле республиканского краеведческого музея. Чтобы развлечь, Зоврбек в свободный день повел меня туда. В музее мне больше всего понравились портрет Зелимхана в полный рост, на коне, смотрящего в бинокль; лежащее под портретом военное снаряжение, уздечка, переметные сумы, подковы, которые отмечали его путь и многие другие вещи.

После этого прошло около двадцати лет – годы Великой Отечественной войны, годы несправедливого выселения чеченцев с родной земли, в течение которых я не мог вновь попасть в музей.

Вскоре после возвращения на родину и восстановления Чечено-Ингушской республики я снова пошел в музей. Однако там не было ни виденного мной портрета Зелимхана, ни его вещей. Отвечая на мой вопрос, работник музея сказал, что портрет Зелимхана и другие экспонаты были вывезены отсюда. Как бы то там ни было, но когда я в 1960 году снова пошел туда и спросил у завхоза, он ответил, что все вещи привезены из Грузии и хранятся на складе и что вопрос об их установке в музее еще не решен.

После этого мне очень захотелось узнать, кем же был Зелимхан, по какой причине и после восстановления республики его история замалчивается. В те годы я узнал, как почитали Зелимхана в нашей республике до 1944 года, до ее разрушения. Я узнал о том, что существовали колхоз в Шалинском районе и улица в Гудермесе, носившие имя Зелимхана, что про него был снят фильм, по радио звучали народные песни о нем: «Не забудут Зелимхана чечено-ингушские парни, не забудутся, Зелимхан, твои дела!».

Когда я расспрашивал об этом героическом человеке, от некоторых слышал: «Оставь ты Зелимхана, зачем тебе этот преступник?».

В то время (в 1961 г.) я спросил своего 75-летнего отца Бакарова Усмана, как же мне найти правду, ведь кое-кто называет Зелимхана преступником. Он сказал мне, что мы поедем на хутор Октябрьский к более чем столетнему ста-

рику, хорошо знавшему Зелимхана и который расскажет только правду. Кроме того, добавил отец, этот Саид просидел три года за то, что принимал Зелимхана и его семью.

В праздничные дни мая того же 1961 г. мы с отцом и махкетинцем Чолтаевым Магомедом поехали в гости к Гумхаджиеву Саиду.

Старик плохо видел, мало двигался, но зато его хозяйка, крепкая старушка, была в добром здравии. После приветствий мой отец заговорил:

– Саид, говорят, что ты с семьей из-за Зелимхана провел три года в Сибири. О Зелимхане говорят, что это был неповторимый борец за свободу, другие называют его преступником. Я знаю, что ты говоришь только правду. Расскажи, что ты о нем знаешь.

Тогда Саид начал свой рассказ: «Это было во время зимних холодов. Зелимхану оставалось жить на свете только три года. Вечером я ухаживал за конем и быком, когда раздался крик:

– Саид, выйди во двор!

Я увидел двух лошадей и всадника. По пару, как туман поднимавшемуся над лошадьми, я понял, что всадник приехал не случайно. Открыв ворота и выйдя на улицу, я узнал Али, сына Заки из Харачоя. На мой вопрос: «Ты по делу?» – он ответил:

– Нет, меня прислали. Сегодня уже третий день, как Зелимхан сидит в горной пещере, окруженной тройным кольцом. Нет человека, который отважился бы подойти к ней. Царский генерал арестовал харачойских старшин. Среди них Абдулхажи, сын Киби, Зайпулла, сын Гонуки, хаджи Атабай, сын Алхаса и другие. А еще генерал узнал, что Зелимхан никому не доверяет так, как тебе. Поэтому, если ты не поедешь со мной в генеральскую крепость, тебя все равно поведут силой.

Я рассердился и сказал:

– Пусть онемеет язык у того, кто меня выдал!

Не заходя больше в дом, я сразу, прямо в рабочей одежде поехал в горы на приведенном всадником коне.

Когда, растолкав солдат, я подошел к генералу, сидевшему возле большого костра на окрашенной в темно-коричневый цвет бурке, он встал, протянул мне руку и начал говорить через стоявшего рядом переводчика:

– Я узнал, что находящийся у меня в кармане враг государя Зелимхан, кроме тебя, никому из харачоевцев не верит. Пойди сейчас в эту пещеру и расскажи

ему про здешнюю обстановку; посмотри на тройное окружение пещеры и на те две бочки с нефтью (они готовились напустить в пещеру дым), вот у нас здесь отряд из тысячи человек, и я получил известия о том, что сегодня подойдет еще столько же. Когда все это расскажешь, предложи, чтобы этот твой знакомый выходил из пещеры, а то мы его разнесем на куски.

Ответить ему на это было нечего, но, чтобы односельчане поняли, что я догадался об их предательстве, я сказал генералу:

– И Зелимхан, и эти стоящие вокруг мои односельчане знают, что я не предам, даже если меня сравняют с камнями ущелий. Меня выдали либо для своего благополучия, либо для твоего блага. Ничего не поделаешь, я готов.

Сказав «Иди!», он толкнул меня в спину, но вдруг остановил нас и приказал переводчику вернуться.

– Пойди проведи его и покажи ему всю нашу силу, – с этим и отправил нас генерал.

Переводчик, показывая мне войско и его приготовления, от себя добавил:

– Они, как лису, задушат его дымом и вытащат оттуда. Скажи ему, что лучше выйти живым, – это зависит от тебя.

С криком «Зелимхан! Зелимхан!» – я с неохотой вошел в пещеру.

– Стой! Ты кто? – раздался оттуда голос.

– Это я, Саид, сын Гумахаджи, – отозвался я.

– Заходи, заходи, – он вышел мне навстречу, убрав лежавший поперек дороги сноп осоки, и обрадованно провел меня в глубь пещеры. Там лежали сушеный курдюк, краюшка хлеба, немного воды в черепке, боевое снаряжение, черная бурка и деревянное полено вместо подушки. Зелимхан сказал, что я самый желанный гость и спросил, с чем я пришел.

– Да, Зелимхан, я принес такие радостные вести, что радостнее и не придумаешь. Сейчас пещера окружена тройным кольцом. Генерал говорит, что это кольцо он держит уже три дня. Меня подослали как самого доверенного, самого близкого к тебе человека. Перед пещерой стоят двое саней соломы и две бочки нефти. Кроме того, три человека из твоих врагов держат оружие наготове. Сегодня должен подоспеть еще один тысячный отряд солдат.

Зелимхан очень спокойно расспрашивал меня обо всем. В конце спросил, вырос ли Абаз и здоров ли он, здорова ли хозяйка. Можно было подумать, что я пришел к нему в гости. Я очень удивился этому железному спокойствию в таком сложном положении.

– Саид, – сказал он мне, – посоветуй мне, как поступить.

Я предложил Зелимхану выйти вместе со мной к ним. Он коротко ответил:

– Знаешь что, скажи этому генералу, пусть ко мне в пещеру принесут бумагу из Тифлиса с подписью и печатью верховного наместника. До прихода бумаги я буду оставаться здесь, а когда придет – выйду. Там должно быть дано обязательство выпустить из царского застенка людей, попавших туда из-за меня и моих товарищей. Кроме того, они должны привезти Указ об уравнивании прав богатых и бедных. Вот тогда и я, и мои товарищи готовы сделать то, что они скажут.

Когда это было передано генералу, он вышел из себя, приказал мне немедленно вернуться назад и сказать Зелимхану, которого он поймает, что он у него в кармане, или этот каменный обрыв взлетит на воздух.

Было очень хорошо видно, что в случае поимки Зелимхана живым, генерал стал бы большим начальником, и он очень надеялся на это. Кроме того, у него в мыслях были деньги, которые обещало государство за живого Зелимхана.

Я снова нехотя возвратился в пещеру. Сильно смягчая слова генерала, я сказал Зелимхану, что ему обещали дать лет пять, что его оставят в живых, что никакой силы к нему применяться не будет.

– А бумагу он даст? – спросил Зелимхан.

Когда я сказал, что не даст, но что генерал дает нам слово, Зелимхан отрезал:

– Этих слов мы много слышали, Саид, они все похожи на слово, которое голодный волк дает барану. Дальше можешь не говорить.

Потом Зелимхан засмеялся и сказал:

– Саид, знаешь что, скажи генералу, что даже если он приведет сюда всю царскую армию, он меня не поймает и пусть меня остерегается. Я трижды предупреждал офицера, который гонялся за мной до него: не трогай людей, много не болтай, а то убью. Он не послушался и пришлось его убить. Еще раз меня окружат – убью этого генерала.

Я снова обратился к Зелимхану с предложением:

– У меня и моих родственников найдется больше тысячи баранов, больше ста коров. Мы продадим их и сделаем так, чтобы тебе дали малый срок.

– Хорошо, Саид, – сказал он. – Ты будешь доволен, если я, не давая убить себя, уйду, сотворив утреннюю молитву, по пограничной зоне между нами и макажойцами? Выходя, я выстрелю два раза из кремневого ружья. Генералу известен этот звук. После него он не будет долго морозить этих всех людей и отпустит их. И еще. Виноват я или нет, но если там среди моих врагов находится Хаджи, то передай ему мои слова: «Хаджи, ты видишь этот день?». А с

генералом я поговорю у него дома или постараюсь встретиться с ним на дороге, ведущей в Грузию.

Я его спросил, почему он так уверен, что ему удастся выполнить все это.

– Саид, как ты знаешь, я не шейх, – сказал Зелимхан, – вчера ночью, уверенный, что никто не знает, где я, пришел сюда и, сильно уставший, заснул. В сонном тумане передо мной возник мой отец Гушмазуко и сказал: «Сын, ты знаешь, что ты окружен? Ты не растерялся?». Мгновенно просыпаюсь, бегу к выходу из пещеры и четырежды стреляю из ружья. Против меня начался бой. Тут я понял: если теперь мое время подошло – делать нечего. Но раз уж умирать, то это надо делать достойно, иначе нашим детям будет стыдно перед людьми, – успокаивал меня Зелимхан.

– Зелимхан, я знаю, что после смерти отца и двух братьев, гибели лучших друзей ты всегда ускользаешь от нескольких отрядов, окружающих тебя. Но когда-нибудь ты попадешь в такое положение, как сейчас в пещере? – спросил я.

– В ночь, когда я, много ночей не спавший, проделал ход под стеной тюрьмы и бежал; в ночь, когда я остался в окруженном селе над Сунжей; в день, когда были убиты отец, братья, друзья; когда семью увозили из Ингушских гор, говоря, что ведут убивать; я не столько расстраивался, сколько тогда, когда в один день, проходя через Малхистойский лес, я не выполнил просьбу встретившейся мне по дороге плачущей женщины, – рассказывал он. – Попросив разрешения у товарищей, я быстро отправился в путь в Ингушетию проведать семью и встретил идущую под холодным ветром молодую женщину, которая плакала. Извинившись, она попросила, чтобы я попробовал отобрать ее малыша у спускавшихся по склону двух мужчин. Спуститься на лошади было невозможно, и я, отдав женщине поводья моего коня, пошел вниз по следам, видневшимся на снегу. На небольшой поляне я нагнал их. На мои слова отдать ребенка, один из них зло отозвался: «А тебе какое дело?». Когда я рассказал им о просьбе женщины, они остались безразличны. Я три раза повторил мою просьбу именем Аллаха. После этого я, с божьего позволения, сказал, что убью их обоих, если они не положат ребенка. Оба отнеслись к моим просьбам презрительно и я не поверил своим глазам, когда один из них подбросил ребенка вверх, как мяч, а другой разрубил его пополам. Потом они пустились наутек, но я обоих уложил на месте. Ничего и никогда меня не потрясло в жизни, как вид половинок ребенка, завернутого в полы бешмета в тот день, Саид, – закончил свой рассказ Зелимхан, отвечая на мой вопрос.

Зная о холоде и о том, что к костру подпускаются только офицеры, я не

торопился выходить из пещеры…

Зелимхан, что бы он ни собирался делать, не торопил меня. За разговорами минула полночь и Зелимхан сказал:

– Саид, спасибо за то, что проведал меня, будь свободен, а я немного отдохну. Если генерал спросит, почему ты так задержался, скажешь, что я тебя не выпускал.

Я простился с Зелимханом и, признаюсь честно, не решился передать генералу угрозы Зелимхана.

– Живым он не сдастся, – сказал я генералу.

До рассвета оставалось немного и все мы дрожали от холода. Я вспомнил о поручении Зелимхана относительно Хаджи. Подойдя к нему, я передал эти слова: «Хаджи, ты видишь этот день?». На что тот сказал: «Пойдем, ребята, это конец. Аллах тебе в помощь, Зелимхан», и ушел, уводя своих товарищей.

Перед рассветом около пещеры дважды громыхнула кремневка, ответные залпы солдат с грохотом покатились по склонам. Тут же из пещеры вывалился человек, и, натыкаясь на камни, покатился вниз по склону. Сполохи выстрелов осветили это.

– Ура-а! Бей! – завопил генерал.

Когда все стихло, генерал кинулся посмотреть на убитого абрека, но ему стало плохо и его понесли солдаты. Оказывается, солдаты палили по бурке Зелимхана, надетой на деревянный чурбан. Такой поворот дела успокоил многих привлеченных, видно было и удовлетворение солдат.

Вскоре привели в чувство генерала. Он громко, по-бабьи зарыдал, что было вполне понятно. Ведь торопимый наместником, он уже дал три телеграммы во Владикавказ, Тифлис и Петербург о том, что Зелимхан у него в руках. Теперь со всей ясностью предстали перед ним и понижение в чине, и последующая месть Зелихана. Правда, несмотря на ясные следы абрека, аварец-офицер Муртаз-Али и полковник Вербицкий по следам не пошли.

Меня обвинили в пособничестве Зелимхану и с семьей навсегда выслали в Сибирь. Однако, через три года после смерти Зелимхана нас вернули домой.

…Помолчав, Саид продолжил:

– Но высылка в Сибирь и перенесенные тяготы не главное. Главным тогда было понимание правительством того, что его попытки оправдать нарушения приставов и старшин из местных будут встречать сопротивление Зелимхана, пока он жив. Я в этом уверен. Я хорошо помню один случай. На базаре в Грозном на женщин и стариков, торговавших всякой снедью, по приказу одного генерала

был наведен пулемет (я покажу вам, как они подыхают!) и убито семнадцать человек. А вскоре поезд, на котором ехал этот генерал в Кизляр, был остановлен Зелимханом, и ровно семнадцать офицеров во главе с тем генералом остались лежать у железнодорожного полотна. Кроме того, я еще помню, как после побега Зелимхана из тюрьмы, уменьшилось насилие властей.

– Скажи, Саид, а Зелимхан выделялся в юности среди своих ровесников? – спросил мой отец Усман.

– Это был очень воспитанный и вежливый юноша. В селе и малый, и старый говорили: «Что сказал Зелимхан, то справедливо». Ни с кем у него не было никаких недоразумений, пока не зависящие от него обстоятельства не привели его на путь абрека. Но подумай, все успехи Зелимхана на этом пути – подтверждение его правоты. Но глубокая вера человека не защитила его от людского коварства… – закончил Саид.

Это был первый из его рассказов о Зелимхане, записанных мной. Но еще многое рассказал нам Саид о делах и жизни Зелимхана.

Перевод О. Ясевича

Отрывок из предисловия к сборнику А. Шерипова «О чеченских народных песнях»

До покорения Чечни абреки были какими-то «байроническими» типами: не ужившись с людьми своего круга, они разрывали с ними и продолжали презирать и ненавидеть вообще всех людей – и в этом вопросе абреки были последовательными «интернационалистами», т. е. они не щадили ни своих, ни чужих...

Народ боялся их, но зато и ненавидел – и абрек-отшельник старого времени чаще всего делался жертвой народной ненависти... Но, когда на Кавказ явились русские завоеватели, вся страшная злоба абреков была перенесена на незваных пришельцев; и потому во время войны они явились предводителями чеченских отрядов... Но особенную окраску абречество приняло после окончательного утверждения русской власти на Кавказе. Несоответствие русского суда и обычного права горцев, преступная администрация Кавказа и общая политика притеснения заставляли многие сильные личности из чеченцев (и вообще из кавказцев) становиться на нелегальное положение, а то и просто изгоняли их из списков порядочного общества. Их продолжали преследовать, и для успешности борьбы с вредным элементом «ввели систему круговой поруки».

От этого возмутительного акта страдали уже лица, имевшие несчастье быть родными или даже просто односельчанами «преступника»... Это создавало новые кадры озлобленных людей, решившихся на все... И вот начиналась месть начальству: абреки убивали административных лиц, грабили почту, казначейства и другие правительственные учреждения... А власть еще пуще налегала на мирное население: штрафы, экзекуции, высылка в Сибирь, виселица и т. д.

Власть терроризировала местное население, а абреки терроризировали эту власть... И, конечно, народ смотрел на абреков как на борцов против притеснений и зверств власти... Простых воров и разбойников чеченцы зовут презрительным словом – «воришка» и т. д. Но «абрек» стало почетным именем – и этим именем народ награждал не всякого. Наиболее отважные и удачливые из абреков так поражали психологию чеченцев, что они считали их продолжателями дела Шамиля и мюридов.

В одно время ходили даже слухи, что Зелимхан объявит себя имамом и изгонит царскую власть... Да и как же иначе мог смотреть народ на абреков после, например, таких фактов? В 1911 г. Зелимхан был окружен в одной пещере ротой пехотного полка, казачьей командой, двумя сотнями пластунов, милицией и т. д. – с пулеметами и орудиями. Все пути к отступлению были отрезаны. К Зелимхану послали парламентера для переговоров о сдаче. И вот посланному Зелимхан, который оказался один, ответил:

«Пусть ко мне явится тот, кому я нужен, и покажет мне бумагу от самого царя о том, что все штрафы, наложенные на невинных людей, будут сняты и, кроме того, будут освобождены из ссылки все задержанные из-за меня!».

Конечно, такой бумаги Зелимхану не дали – и он каким-то загадочным путем исчез из пещеры... Наконец был еще один ингушский абрек Сосламбек – сподвижник Зелимхана. Ему было объявлено, что если он не сдастся, то разгромят его аул и вообще те места, где он находил себе приют. Тогда Сосламбек прислал свою жену к одному общественному деятелю (А. Ч.) с просьбой добиться у начальства единственной милости: если он, Сосламбек, добровольно явится, то расстрелять его, а не вешать, ибо это выше его сил. А. Ч. переговорил с генералом Флейшером и другими властями, и те дали слово, что они только расстреляют Сосламбека. Об этом сообщили Сосламбеку.

Тогда тот в полном вооружении явился к властям и отдал себя в их распоряжение... Правда, генерал Флейшер и К° не сдержали своего слова и повесили Сосламбека, но пусть читатель сам посудит, как должна была подействовать вся его трагическая жизнь на воспаленное воображение народа, жадно ловившего

всякий порыв к свободе, всякую жертву во имя народного блага... Вот этот-то характер политического протеста и борьбы с властью придавал абрекам в глазах народа ореол национальных героев, что в свою очередь отразилось и в песнях...

(Печатается по тексту книги «Из чеченских песен». В переводе А. Шерипова. Владикавказ, 1918. Стр. 1–4)

Хамзат Саракаев

Прозрение

– Воды!.. Воды!.. Быстрей, быстрей! – торопил себя Зелимхан. Он стремительно несся к желобу родничка. И вдруг остановился, как вкопанный, он не сможет выполнить последнюю просьбу умирающего!.. Ему не во что набрать воды. На миг растерялся. Но вслед за тем ловко стал отстегивать петли ноговицы и, сорвав с ноги чувяк, подставил его под холодную струю родника. Когда он подбежал к раненому, тот, раскинув руки, тяжело дышал. Рот его был слегка приоткрыт.

– Слава богу, жив! – проговорил Зелимхан. Наклонившись, осторожно приподнял голову мальчика, и, со словами «бисмиллахи рохмани рахим!» влил ему тонкую струйку воды.

Застонав, тот пошевелил губами, и, придя в себя, приоткрыл глаза. Он жадно глотал. Вода стекала по щекам. Ее прохлада освежала.

«Какая вкусная... какая приятная, оказывается, бывает вода!» – пронеслось в затуманенном сознании умирающего.

– Спа... си.. бо! – прошептал он. – Теперь, поверни... меня... куда следует...

– Сейчас... сейчас. Потерпи немного... Но поверь мне... мы не знали, что с этим гяуром будешь ты... Свидетель бог, что мы не намеренно это сделали... Если можешь, прости меня... нас!..

– Знаю... Знаю... Зелим... хан... – прошептал мальчик. – Пусть бог... простит... тебя... как и... я! – Он постарался улыбнуться. – Не надо так... убиваться... Я все... понимаю... – он застонал и закрыл глаза.

Почти одновременно подошли к Зелимхану Гушмазуко, Солтмурад и гельдыгеноевец.

– Ну, что?.. Как дела?.. Где этот гяур Добровольский?.. Покажи мне его труп? – заскрежетал зубами старый Гушмазуко.

– Дела плохи, Гуша... вот, смотри... Позор нас постиг, – кивнул Зелимхан

на раненого. – Мальчика... ребенка убили мы...

– Да это же Алауддин! – вскрикнул Солтмурад, бросаясь к лежащему.

– Какой еще Алауддин? – старик наклонился, разглядывая лицо умирающего.

– Сын Сапая...

– Сапая?.. Неужто Бакараевых! – меняясь в лице, переспросил Гушмазуко.

– Да, его...

– Это я его... Моя вина... – простонал гельдыгеноевец. – От моего выстрела он умирает!.. Но откуда я знал, что с тем кабаном может быть этот мальчик!.. А-а-а. Теперь я понимаю, зачем он взял его с собой: хотел им прикрыться от возможной встречи с нами!.. О негодяй! Знал, что делает!.. Ярраб-ин я Аллах!.. За что мне этот позор? За что, о Аллах!

– Помоги мне повернуть его лицом на юг, – глянул Зелимхан на отца снизу вверх. Он сидел на корточках, пытаясь бережно приподнять мальчика. Вчетвером они осторожно повернули раненого на правый бок. Алауддин все еще находился в беспамятстве.

Солтмурад вырвал торчащую из-за пазухи у гельдыгеноевца папаху подполковника и подложил ее под голову Алауддина. Зелимхан одобрительно кивнул брату.

– Надо Ясин прочитать, – произнес Гушмазуко, нащупал рукой нагрудный карман бешмета и достал небольшую книжицу. Перелистав несколько страниц, исписанных арабской вязью, нашел нужную. – Вы идите охраняйте дорогу, пока я не закончу. – Он глянул на сыновей и гелдыгеноевца. Те понимающе кивнули, еще раз бросили взгляд на умирающего и отошли.

– Я Аллах! Что я тебе сделал, чтобы ты навлек на меня такой позор?!.. – все сокрушался гельдыгеноевец.

– Случившемуся возврата нет... Теперь уже поздно... Свидетель бог, что мы это сделали не преднамеренно, – вздохнул Зелимхан. – Даже мальчик понял это... По-моему, и родственники его должны понять: у нас не было никакого злого умысла против них... Сегодня же, как только стемнеет, мы должны быть у них, объяснить, как и почему это получилось...

– Да ты что? Ума лишился? Сам хочешь влезть волку в пасть?! – удивленно уставился на Зелимхана гельдыгеноевец.

– А ты что? Забыл обычай отцов? Или считаешь родственников этого несчастного мальчика ниже себя? – меняясь в лице, круто повернулся к нему харачоевец.

– Позор навлекли мы на свою голову! Но разве мы рабы, чтобы от страха

забыть законы наших предков! Или ты родственников этого ребенка считаешь рабскими натурами? Пусть они мне голову снесут сегодня же, но я буду у них... Я не понимаю тебя, – уже тихо и устало продолжал Зелимхан. – Не понимаю, что у тебя на сердце... Вот тебе все равно, кого обидеть, кого ограбить, лишь бы нажиться... Неужели ради этого, ради наживы вышел ты на этот проклятый богом и людьми путь?! Тогда ты сделал это зря, сидел бы дома да занимался хозяйством...

– Да что это ты говоришь?! – с обидой глянул на него гельдыгеноевец. – Просто, вот это... случившееся... – он осекся, заметив, с какой быстротой его тезка, меняясь в лице, сорвал с плеча винтовку. Быстрее сердцем, нежели разумом, почуяв что-то недоброе, гельдыгеноевец, а за ним и Солтмурад схватились за оружие, поворачиваясь в ту сторону, куда был обращен взгляд Зелимхана.

– Погодите, не стреляйте! – скомандовал он, направляясь в сторону брошенной тройки. Гельдыгеноевец с Солтмурадом, как по команде, двинулись следом. Там, под фаэтоном, кто-то шевельнулся. «Неужели ранили еще и кучера?.. Но ведь было всего три выстрела... Может, с перепугу? Да, так оно и есть», – размышлял Зелимхан, приближаясь к коляске.

– Эй, ты! Ну-ка, вылезай оттуда! – крикнул харачоевец, закидывая винтовку за плечо. Он знал кучера Добровольского. Это был житель Дышни-Ведено Халид – человек безобидный, весельчак и шутник.

– Эй, Халид! Вылезай, тебе говорят!

– А ты... а вы со мной ничего не сделаете? – путаясь в словах, лепетал он, склонив голову на бок. Из под фаэтона глянуло на них кривоносое лицо веденца. Увидев его испуганную, смешную физиономию, друзья невольно засмеялись.

– Вот чудак!.. Ну, сказали тебе, ничего не сделаем. Кому ты нужен? Богат ты что ли, чтобы тебя обижать? Вылезай...

– Поклянитесь!

– Ну, клянемся богом, не обидим, – вновь засмеялись друзья.

– Тогда другое дело.

Халид вылез из-под фаэтона, стряхнул со своего бешмета и шаровар пыль и травинки, по очереди оглядел всех троих.

– Теперь из-за вас работы я, конечно, лишусь... Пойдут допросы, вызовы... Подумают, это я сообщил, когда мы должны были ехать... Это и так ясно... – Он помолчал и вдруг пронзительно закричал:

– Почему, гяуры, вместе с этим кабаном, которого я возил, убили вы и этих двух невинных людей?! Что они-то вам сделали? Один, совсем еще мальчик! А что сделал вам этот несчастный? – указал он на лежащего в неестественной

позе писаря Нечитаева. – Он же был добр, как ребенок!.. Лучше бы вы этого кровопийцу (чтобы отец его со свиньями лежал!), сельского старшину нашего, Вадуда убрали... И бог, и люди спасибо вам сказали бы... Эх, вы-ы! Бога вы не боитесь!

– Довольно, Халид... Мы и сами не знаем, что делать... Сами не рады... Откуда мы знали, кто с вами едет... Мы полагали, что один из них пристав Чернов... Позор на наши головы. Особенно смерть этого несчастного мальчика. Мальчик ранен смертельно... Ждать больше нельзя. Его родные должны узнать о случившемся. Ты должен сообщить отцу и родным этого ребенка. Распрягай одну из лошадей и скачи. Богом просим тебя: помоги нам хоть в этом деле. Но расскажи, как все это получилось. Скачи, Халид, сообщи! И вот тебе за труды! – Зелимхан протянул веденцу деньги.

– Что ты, что? – испуганно запричитал он. – Разве после вот такого дела можно брать деньги?.. Положи обратно в карман. Не ради своего удовольствия служил я у этого гяура. Семью-то кормить надо... Ладно, я поеду. Вот взгляну только на мальчика... Такой веселый и вежливый был парнишка!.. И бедного Нечитаева...

– Мы сами побеспокоимся о них, а ты, ради Аллаха, не медли!

Глянув на мальчика, покачав головой, Халид вернулся к дожидавшимся его абрекам. Они помогли ему развернуть тройку, распрягли одну из пристежных лошадей. Солтмурад, как младший, помог ему взобраться на рослого коня.

– Дай бог тебе счастливого пути! – пожелал Зелимхан. – Скачи, как можешь, а мы до прибытия родственников, посторожим их где-нибудь в укромном месте.

– Да поможет вам Аллах! – произнес Халид, в последний раз взглянув на мрачные лица абреков. – Н-но, волчья сыть! – стеганул он коня и с места галопом поскакал назад в крепость...

Абреки еще минуту стояли молча. Затем Нечитаева отнесли на траву, под тень развесистой груши, росшей на пологом склоне, чуть поодаль от дороги.

– Пойди, принеси из фаэтона ковер... – накрыть его надо, – попросил Зелимхан брата. – Бедняга, – обратился он к непреднамеренной жертве, – ты-то, почему оказался здесь в этот злосчастный день? – Зелимхан выпрямил руки и ноги слегка скорчившегося Нечитаева. – Прости и ты нас... У нас и в мыслях не было обидеть тебя. Видно, так уж суждено было тебе, – вздохнул он. Гельдыгеноевец, помогавший ему, недовольно сопел, хоть и не решался вслух высказать свои мысли по поводу случившегося. «Ну зачем надо самим сообщать об этом родственникам убитых, – думал он. – Убрали бы еще и этого кривоносого Халида, и ни единая душа не узнала бы, что это наших рук дело... А то самим

себя выдавать!.. А теперь объясняй, оправдывайся... А ты уверен, – мысленно обращался он к Зелимхану, – что они поверят тебе? Поверят, что ты убил этого мальчишку непреднамеренно?..».

– Теперь надо эту повозку убрать с дороги, – прервал его мысли Зелимхан, – а то заняла всю дорогу, проезд загородила. Пойдемте скорей, кто-нибудь может, подъехать.

– А теперь нужно следить за дорогой, – сказал он, когда справился с коляской.

– Ты, – обратился он к брату, – влезь на ту чинару и наблюдай за дорогой, ведущей из города. А ты, Зелимхан, – повернулся он к гельдыгеноевцу, – если тебе не трудно, вон оттуда, – показал он за поворот дороги, – постереги, пожалуйста, дорогу из Ведено. Если кого заметите, свистните... Только не мешкайте...

Гельдыгеноевец и Солтмурад разошлись... Раненый тяжело и прерывисто дышал. Изо рта выступала кровавая пена. Не прерывая молитвы, Гушмазуко сорвал росший рядом лист лопуха и вытер им кровь на щеке мальчика.

Едва слышно подойдя к ним, Зелимхан наклонился над раненым. «Бедняга! – покачал головой. – Тебе ли умирать?! Тяжкий непростительный грех мы совершили!.. Когда кончится все это?.. Придет ли день, когда нам не придется совершать подобное?.. Неужели это навсегда, до самой нашей смерти?! Зачем нам надо было все это сегодня? Я же просил тебя в молитвах отвести мою руку от неправедной мести! Я Аллах! Неужели ты глух к нашим молитвам, к нашим мольбам?.. Неужели они не доходят до тебя? Неужели ты не видишь несчастье, горе, беды, которые выпали на долю бедного, обездоленного человека?! – Зелимхан невольно поднял глаза к небу. – Неужели тебе безразличны наши страдания, о Аллах?!».

По чистому голубому небу плыли куда-то в даль легкие облака. Все дышало миром и покоем. Несоответствие этого покоя и буря, клокотавшая в его груди, на миг спутала его мысли... Какая-то мутная, серая пелена застилала сознание. Глубоко вздохнув, он тряхнул головой.

«Нет!.. Так долго продолжаться не может, не должно!.. Нельзя так вслепую убивать. Мы же совершили настоящее злодейство!.. Не разобравшись, кто и что... Это я во всем виноват! По-иному надо было избавиться от этого изверга. Я виноват!.. Я!..» – сжав кулаки, он заскрежетал зубами так, что этот скрежет услышал Гушмазуко, читавший Ясин. Не прерывая молитвы, старик удивленно вскинул брови и посмотрел на побледневшего сына. Заметив его взгляд, Зелимхан отвернулся и отошел в сторону.

«Ну, хорошо, убрали эту свинью, а вместо нее пришлют другую. Другой начальник может оказаться хуже прежнего. Тогда убрать и его? А вместо него

пришлют нового... Так где же выход? Ведь всех же не перебьешь... Надо действовать по-иному. Но как? Что надо делать? Как избавиться от всей этой грязи, от этого ярма, от несправедливости и зла?.. Как?!».

Он сел на валун, обхватил голову руками. Нестерпимая боль теснила ему грудь...

К. Казиев, Т.Г. Ахмедзияутдинов

Из книги «Чиркей»

Операцией по поимке Зелимхана руководил офицер царской армии Зайнутдин Доногуев из Чиркея. Но Зелимхан был неуловим, каждый раз уходил из окружения и наносил неожиданные удары там, где его не ждали. Однажды Зелимхан убил начальника Назрановского округа, ранил самого Доногуева и двух его всадников. Но Зайнутдину удалось найти в чеченских лесах тайное пристанище абрека, захватить его жену, сестру и сына. В прошлом Зелимхан и Зайнутдин были знакомы, абрек просил чиркейца не преследовать его и предупреждал, что в противном случае он ему отомстит, искалечит на всю жизнь. И, действительно, когда Зайнутдин с пленными домочадцами Зелимхана шел по лесу, он подстрелил Доногуева, навсегда искалечив ему ноги. После этого Зайнутдин мог появляться на улице только в инвалидной коляске.

Доногуев просил Магомеда Чиркеевского (поэта) сочинить стихотворение о его борьбе с Зелимханом. Поэт не мог отказать земляку и написал популярное до сих пор среди аварцев стихотворение. В нем автор, не оскорбляя самолюбие обеих сторон, хвалил Зелимхана и Зайнутдина.

Однажды ночью кто-то постучал в дом поэта в Ботаюрте. Он открыл дверь – перед ним стоял Зелимхан. Угрожая пистолетом, он предупредил Магомеда, чтобы тот больше не слагал стихов о его противниках. Местный кадий объяснил Зелимхану, что он старался быть объективным, выразил симпатии Зелимхану и напомнил случай, когда Зайнутдин и абрек договорились о поединке между собой без свидетелей, Зелимхан на этот поединок не явился, видимо, испугавшись засады.

Спустя время, в результате предательства кунака, преследователям удалось найти и убить Зелимхана. Магомед написал по этому поводу второе стихотворение. На этот раз, словом не обмолвившись об удаче полицейских, автор восхвалял Зелимхана и выражал сомнение в его гибели.

(Записал А. Ахаев. 10.01.89)

Обарган йийсархо

(дийцар)

Иза хилира 1910-чу шеран сентябрехь... Подполковника Вербицкийс таIзарш даран шен отряде приказ делира: дийна я велла схьалаца обарг Зеламха, яьшки чохь Владикавказе а кхачаве. Цо хьалхахIоттийра: обарган корта беанчунна итт эзар сом ахча а, лаьттан участок а лург хиллар хоуьйтуш йолу листовкаш гIалахь дукха адамаш хуьлучу меттигашкахь хьалаохкар. Царна тIехь кхи дIа бохуш дара, Зеламха шена, подполковникана, дуьхьалнисваларх кхоьруш волу «курхалча а, кIилло а» хилар...». Дукха хан ялале Зеламхе Вербицкийгара кехат деара: «Нагахь санна хьо боьрша а велахь, ахьа лелош ерг зударийн а йоцуш, божарийн хеча а елахь, тIаккха дуьхь-дуьхьал а хIоьттина лата веза вайша. Со а санна, хьуо цхьаъ вола лата йиллинчу метте. Хьанал летар ву вайшиъ».

Оьздачу обарга лата меттиг билгалъяьккира – Ведана эвлана юххехь йолу майда. Иза цига веара билгалйинчу хенахь... кIелонна тIе а нисвелира иза. Каде, ницкъ болуш, хьекъал долуш, меттиг дика евзаш хиларо гIо дира майрачу обаргана кIелхьаравала. Оцу дийнахь дуьйна Вербицкийн кхоллам хьалххе къастийна, билгалбина бара...

Цкъа Владикавказера Зеламха волчу веара геланча: «Ши де даьлча Вербицкий Тифлисе воьдуш ву!» – «Дика кхаъ бу! Ма дика кхаъ бу иза... Иза муха хиира хьуна?».

Адъютанта цунна ийцира новкъа ша лелаш йолчу маше тIехь ваха билет. Зеламхас къастийра тешаме итт накъост, оццу суьйранна лаьмнийн гIашлойн некъашкахула иза дIавахара гIовгIанца Терк-хи охьадогIучу а, хьийзаш ТIеман-Грузински некъ дIабоьдучу а Iин чу...

Владикавказски разгонни станци. Дуккха а итт шераш дара хIора Iуьйранна пачхьалкхан почта а, пассажирашца цхьаьна экипаж а кхузара дIа Тифлисе яха новкъа юьйлу. Кхуза Гуьржехара кхочура некъашдархой, кхузара дIа цIерпоштан некъа тIехула Россин ерриге а маьIигашка кхиндIа а дIабахьархьама. БIаьста цу новкъа дIасалелар алсамделира – юкъадалийра Тифлисаний, Владикавказаний юккъехь шен-шен хенахь автомобилаш дIасалелар.

Хьалххе, сентябрьски Iуьйранна, маьлхан хьалхара зIаьнарш ло тIехь долчу лаьмнийн баххьашна тIе юьйшшушехь, ткъа арара фонараш дIа а яйина, дворникаш сих ца луш некьашка девзиг хьакха буьйлалушшехь, разгонни станцехь гучудевлира адамаш. Цкъа хьалха Тифлисе новкъаяьккхира еза почта а, пассажирски карета а, ткъа цул тIаьхьа каде кегийнах автомобиль новкъа ялийта кечъян буьйлабелира. Массарел а хьалха машен юххехь дIасахьийза йолаелира

къорза кучамаш юьйхина йолу ши йоI. Царна гIо деш вара еакIов йолу пиджак тIеюьйхина а, чертан куй тиллина а волу цхьа кхечу махкара стаг. Цо юх-юха бохура: «Господин шофер, со Берлинера Лео Буш ву, аса чIогIа доьху тхан кофр Iалашъяр. И циркан хIуманаш боккхачу механ ю... Ткъа мехкарий сан ассистенташ бу».

Къона гуьржи, чагIаран фирман агент, кхуззахь йоккха чамда схьа а йиллина, боккхачу лаамца шайн предприятин образецаш гойтуш вара. Доккха дегI долу мозгIар а, иштта доккха дегI долу цуьнан зуда а каралоцучу даккхийчу тIоьрмигашна юххехь цхьаъ деш бара.

ТIаьххьара а тIорказаш, ларчаш, гIутакхаш, чамданаш дIа а нисйина, царна тIехула брезент тесира, машен тIехула даржийра гата, пассажираш шайн меттигашкахь дика дIанисбелира, кхузахь билгалделира цхьа меттиг паргIат хилар. МозгIаран зуда текъамаш бан йолаелира: «Ва, дела, хIинца хьежа деза-кх!».

ТIехь къорза кучамаш йолу мехкарий вовшашка хьаьвсира: «Хаза дац эрна хан йойуш юкъаралла Iаяр! Эхь ца хета царна!». Ур-атталла йист, ца хуьлуш Iаш йолчу, карахь кIеза долчу зудчуьнга а са ца тохаделира: «ДIадаха деза».

Ткъа мозгIара, киснара схьадаьккхина дашочу сахьта тIе а хьаьжна, элира:

– Са ма гатде, господаш, 7 сахьт дала хIинца а ши минот ю... – Оцу хенахь цхьана сонера гучуелира шарбан. Хьалха Iачо машен юххехь цIеххьана совцийра говраш. Экипаж тIера вайн охьавоьссира новкъа волуш юху плаш тIехь йолу а, шляпа-«котелок» тиллина волу а боьрша стаг. Цуьнан цхьана буйнахь яра дато чхьонкар йолу боллан дечиган еза гIаж, ткъа вукху буйнахь – мокха каранаш. ТIехьаьжча, цуьнан шовзткъа шо ду эр дара, цIенна юьхь-маж яьшна, сийна баккхий бIаьргаш, хьаьрса месаш йолуш вара иза. Лекхачу дегIахь волу иза лела хууш, хаза куц долуш вара. Маршалла хоттуш массаьрга а корта а таIийна, вевзаш воцу стаг машен тIе хиира. Мехкарий вовшашка шабар-шибар дан буьйлабелира: «Аса боху хьоьга иза и ву...» Некъбар дIадоладелира.

Де малх хьаьжна а, довха а дара, машен сихха дIайоьдура. ТIулган новкъахь башха дIаса ца веттара. Владикавказ дIайоллушехь, некъ Iин чу бирзира. Цхьанхьа генна лахахь гIовгIа еш дара кIайн чопа йоху хи. Мотор вуон гIовгIа еш а, ледара дIаузуш а яра ирхонах хьалайолучу хенахь. Пассажираш исбаьхьа хазачу, акхачу Iаламах цецбуьйлуш, бист ца хуьлуш Iара. ЦIеххьана карахь кIеза долчу зудчуьнга мохь белира: «Вай, мила ву иза!». Боккхачу тIулган берда тIехула схьалилхира дошлой. Герз делира. ТIулгаш эгна некъ дIабуькъначохь шофера сацийра машен. Обаргаша гуо лецира машенна. Iаьржа мекхаш долчу цхьана хазачу стага приказ делира: «Охьадисса!».

Массарел а хьалха охьавоьссира мозгIар. Дегочу куьйгаца цо киснара схьадаьккхира сахьт а, бумаьштиг а, цхьа кехаташ а. Iаьржа мекхаш дерг велавелира: «Хьан деши а, ахча а тхуна оьшуш дац».

Иза а хезна, карахь кIеза долу зуда доккха са а даьккхина, кхераелла, кхетамчуьра яьлла охьаюьйжира. КIеза новкъа охьа а доьжна, цIийзаш, дIадедира. Кхераелла зуда меттаялочу хенахь ши йоI дошлочунна тIе а яхана, вовшийн юкъах а йохуш, лен йолаелира: «Господин Зеламха, иза оьзда ма дац! Шун бакъо яц! Оха арз дийр ду!». Хазачу дошлочо белшаш саттийра: «Со Зеламха вац. Сан цIе Тамаев Аюб ю». Цо шедан мукъ хьажийра мозгIарна а, цуьнан зудчунна а тIе: «Шу кхузахь Iе. Ткъа вуьш суна тIаьхьахIитта».

БIе гIулч гена бевлча, бердана тIехьа, йийсархошна гира латийна цIе. Цунна гонаха вертанаш тIехь Iаш бара ламанхой. Ирахь лаьтташ лекхо, элдара дегI долу, холхозан куй тиллина а, Iаьржа-мокха гIовтал юьйхина а, юкъах йихкина шаьлта йолу а цхьа стаг бен вацара. Iаьржа баккхий бIаьргаш а, кIора санна Iаьржа маж а йолу цуьнан ехо юьхь буьрса яра. Иза хьожуш чекхвелира массо а йийсархошка, тIаьххьара а цуьнан буьрса хьажар сецира шляпа тиллина волчу боьршачу стагана тIехь: «Подполковник Вербицкий, со Зеламха ву. Шу массо а машен тIехь тоьпаш йиттина дайа йиш яра тхан, амма оха иза ца дира. Хьаналчу тIамехь сох лата лууш вара хьо. ХIара шаьлта ю хьуна. Зударшна тIехьа ма лечкъа. Схьа а валий, лата...»

Боьршачу стага вела а велла, куьйгаш дIасатесира: «ГIараваьлла волчу Зеламхина вас ца йича ца волу со. Цунна ган лууш волчу подполковникаца цхьа а хIума догIуш вац со». «Ткъа мила ву хьо!» – оьгIазвахара Зеламха. «Сан цIаро хьуна хIумма а гIоле йийр яц. Со Федор Шаляпин... иллиалархо а, артист а Федор Шаляпин ву».

Мехкарий меттахбевлира. Анета тамаша барца шен доттагIчуьнга элира: «Аса ца элира хьоьга! ЭхI, ма тамашийна цхьаьнакхетар ду! Хьажахьа, Зеламха а, Шаляпин а...

Обарга, хьалхахьа цхьа гIулч а яьккхина, паргIат элира: «Шаляпинан цIе суна евзаш ю. Цунах лаьцна суна хезнера со Грознехь набахти чохь воллучу хенахь. Соьца вара оьрсийн цхьа дика стаг. Цо дуккха а дийцира Шаляпинах лаьцна а, Степан Разинах лаьцна а, Горькийх лаьцна а. Волгех лаьцна иллеш олура цо. Тхан халкъалахь а иштта дукха деза иллеш, ткъа иллиалархой лара а лору, Iалаш а бо. Нагахь санна хьо иллиалархо велахь, оха хьуна халахетар дийр дац. Охьахаа, илли ала...».

Обарга, боккхачу чхар тIе карта а тесна, куьг ластийна, Шаляпине гайтира

иза. Говрахь тIевеара дошло, карахь вортан тIера лаьцна цIийзаш кIеза а долуш. Иза Зеламхига дIакховдийра цо: «Жима делахь а, вуон лоцуш ду хIара. ДIаэцал доттагIа».

Вела а велла, Зеламхас чIогIа лерина кIезана тIехьарчийра шен гIовталан тIам, цул тIаьхьа дIайовш йолчу цIера юххе хиира иза. Шаляпин а иштта охьахиира, лаккха стиглахь гIовгIа еш долчу аьрзунашка цхьана минотехь ла а доьгIна, аз лагIдина илли ала волавелира иза. Цуьнан зуда езаелла, эла цуьнан зудчух дуккха деши дала гIерташ хиллачу хьуьнаречу беречух, къечу, курачу кьонахалла йолчу Хазбулатах лаьцна шира илли дара иза. Шаляпинан аз шуьйра, паргIат декаш дара. Цуьнгахь цкъа хезира дахарал а еза йолу ира, кхочушхилаза йолу ойла, нагахь санна дерриге а эшош йолу и ойла стеган коьрте еача, иза кийча ву шен корта баккхийтина а, амма ша дан дагалаьцначуьнга кхача; тIаккха иза чIогIа сингаттаме долура, сихха дIаоьхучу деношкахь буха хIума ца дуьсуш ешна дIаяьлла къоналла дагалоьцуш; тIаккха иза гIайгIанашка долура, цуьнан аз лаьмнашна юккъехула дIаоьхура шийлачу хин гIовгIанах а, яьгна йолуш йолу цIеран хелхарх а дIауьйш.

Зеламха ладугIуш вара, иллиалархочун юьхьа тIера бIаьрг дIа ца боккхуш. Иза верриге а хьалхахьа дIакхевдина вара, цхьа а дош тIех ца тилийта гIертара иза. Цул тIаьхьа цуьнан корта некха тIе охьабеара, гIараваьлла волчу обарга куьйгаца дIакъевлира шен хьаж а, бIаьргаш а. ТIаьххьара а сецира иллин чаккхенан аз. ЛадугIуш берш тийна лаьтташ бара. Массо а бист ца хуьлуш тийна лаьттара, Зеламха хьалагIаьттира, иза вехха лаьттира делкъенга баьлла малх шена тIехь къегачу генарчу шане хьоьжуш. Цул тIаьхьа Шаляпинехьа а вирзина, цо меллаша элира: «Набахти чохь оьрсичо со Iехийна ца хилла. Ахьа илли дика олу. ЭхI, ма дика олу ахьа иза! Тахана тхоьгара жимма гIалат даьлла. Тхо Iаьржа къиг лаца гIерташ дара, ткъа схьалаьцнарг йиш локху олхазар ду... Адамашна ирсан хьокъехь иллеш бахархьама, паргIат лела декхарийлахь ву хьо. И ирс тхан доцуш ду. Сан а яц веза хьаша эца ма-веззара тIеэца таро. Iодика йойла хьан, некъ дика хуьлда хьан, ткъа тхуна къинтIеравала...».

Хиллачух кхеташ боцу цецбевлла некъахой машен тIе баха сихбелира. Зеламхас цхьана минотана сацийра Шаляпин: «ДоттагIа, собардехьа... Ахьа, Федор, илли элира, ткъа суна дагаеара сайн зуда а, бераш а. Сан ур-атталла бIаьргаш а Iийжа дуьйладелла. Боьрша стаг иштта догкIеда хилар дика дац. Шайнаш болчу вахча, илли аьлча, Зеламха воьлхуш хьайна гина ма алалахь. Вуон адамаш кхетар дац, сох кIилло хилла моьттур ду царна. Доьху аса ца дийцар». Iодика еш, Шаляпинан жимма сийно болчу бIаьргашна чу хьаьжира

иза. «ХIахIа, цкъа а цхьаьнгга а эр дац аса. Тешалахь сох», – дог меттахдаларца жоп делира иллиалархочо.

Зеламхин совгIат

(дийцар)

Иза дара 1983-чу шеран сентябрь бутт бовш. ХIетахь Грозный гIалин № 4 йолчу больницехь хирурган болх беш вара со. Пациенташ тIеэца тIаьхьа ца виса гIерташ, сихачу боларехь вогIура со тхешан поликлинике. Амма оцу дийнахь хирургически отделенехь вуьштачул а дукхах операцеш еш хиларна, гIеххьачул хьевала-м дийзира.

Эххар а, шолгIачу гIатта тIе хьалаваьлча, дуккха а адамаш гира сайн кабинетана хьалха гулделла. Бехкцабиллар а дехна, чоьхьавала воьллачу сан шашах тидам тIебахара цу сени чуьрчу сонехь гIийла Iачу, оьздачу битамехь йолчу цхьана йоккхачу стагана. ГIанта тIе букар а яхана, жима бер санна, шен цомгуш куьг «хьоьстуш» Iаш яра иза. ТIаккха тIе а вахана, могуш-пергIат а хаьттина, аса суо вовзийтича, суна дуьхьал дегI нисдеш хьала айаелира важа. «Баба, хIун ду хилларг? – хаьттира аса. «УьйтIахь охьа а кхетта, ангалица куьг хадийнакх аса, сан кIант». – жоп хезира. – ХIинцца ду-кх со сихачу гIоьнан машенахь кхуза схьаялийна. Дуьненан баркалла хуьлда царна!» – «Ялол соьца кабинета!» – «Собардер аса, сол хьалха баьхкинарш а бу дуккха а. БегIийла ца хета...».

Аса ша йиттане а ца юьтийла хиъча, ца яьлла кабинета чу еара иза. Кхуззахь карти тIехь оьшуш доллу йоза дира аса, иза регистратуре дIа ца хьежорхьама. Цу тIе, хене яхана къано а хиллера иза, дезткъе кхоъ шо а долуш. ТIаьхьо махаъара, чIогIа дог доьхна а хиллера и сан йоккхастаг: мухха делахь а, цхьамма-м, рогIехь Iаш долуш, даррехь къадийна хиллера-кха стаг воккха мел хили а, цуьнан чов хена-заманчохь атта йоьрзуш цахилар... Оха сихха операци ечу чу а йигина, шех иштта олуш долу, лазор ца хаадолуьйтуш болу маха а тоьхна, дIатийгира бабин чов. Иза юьхьа тIехь доза доццуш серлаелира, кхин цхьа кIира даьлча, мехийн тайш дIа а дохур ду, чов дIа а йоьрзур ю, аса аьлча, тхуна массарна а юх-юха баркаллаш кхайкхош а яьллира. НеIаре кхаччалц дIа а кхетийна, аса дийхира, кхидIа йолчу хенахь а рогIе хьоьжуш еха ца Iархьама, чов керл-керла дIаехкийтарна даима а цхьана хеннахь ягIахьара аьлла.

Ур-атталла оцу довзаран йоццачу хенахь а бIаьрла хааделира иза хIума тIехдика дагахь лаьтташ хилар. Къамелана а тIера яра, болар а дара, шен хене хьаьжча, баккъалла а каде. Иштта, тхо долчу кест-кеста йогIура и йоккхастаг, амма цкъа а чоьхьа ер яцара, жимий-воккхий чохь мел ву а, я цхьамма чу ца

ялаяхь а. Мухха а, цомгушнаш кIезгах нисбеллачу дийнахь, аса ларамаза хаьттира цуьнга, Грознехь хилла бIедийнан тIемаш дагабогIий хьуна, аьлла. Дага-м муххале а догIура, ур-атталла, цIечу бIаьхошна гIо дина а хиллера, ткъа, жимахволу ваша оццу тIемийн дакъалацархо хилла а волуш.

Эххар а, со волчу тIаьххьара еана йолуш, цу къаночо цIеххьана элира: «Ткъа хаьий хьуна, лор, Зеламха мел нийсо езаш а, догдика а стаг хилла?». – «ЦIарна а цIеяхана хилла волу обарг вуй ахьа вуьйцург?» – цецвелира со. «Ву-те. Суна билггал вевзаш хилла ву иза, и ца хиллехьара сой, наний, сан жимахволу ваший, схьахетарехь, мацалла делла а хир дара.

ТIаккха, оцу хьокъехь дийцахьара аьлла, дехар дира аса. ХIинца аса далон долу дийцар а ду-кх цуьнгара хезнарг: «ЦIера Воздвиженскера ю со, йина 1837-чу шарахь къехочун-гIалгIазкхичун Емельян Коломейцан доьзалехь. Сан да хIаллакьхилира 1904-чу шарахь оьрсийн-японхойн тIамехь. Нанна хьалха тхо шиъ дисира: со а, диъ шо бен кхачаза волу жима ваша а. Мухха а хене довлархьама хьалдолчу гIалгIазкхашна хьалха ялхолла лело дийзира. ХIинца со дийца йоллург ду 1911-чу шеран май бутт бовш хилларг. Станицал арахьа, урчакхна тIе хьовззол ала йиш йолуш, лаьттан цхьа жима дакъа дара тхан, амма цу тIехь охуна дан а таро яцара. Меттигерчу бахархоша-м тоххарехь чекхдаьккхинера бIаьстенан хIу дIадер, дуьххьалдIа сой, наний йисинера-кха эшамехь. ТIаьххьара а, дуккхаза а дехарш динчул тIаьхьа, лулахочо тхойшинга елира Iаспар-говр а, дIакхосса бен пайдехь йоцу гота а. Тхойшиъ бен кхин цхьа а вацара аренгахь. Делкъахан хиллалц йолчу юкъана, иштта ала йиш елахь, куьйган кераюккъал меттиг а яцара-кха оха аьхнарг. Халла бен ког меттах ца боккхура Iаспаро, тIаьххьара а ласта а лестина, хорша чу охьаюьйжира иза.

ХьалагIатто а мел гIиртира тхо, амма гIуллакх ца хуьлура. ДегIера ницкъ а кхачийна, елхарчу яхара сан нана. Цунна тIаьххье со а. Мел хан юкъаюьйлира хаац, амма некъан геналлехь гучувелира юххе тесна ялош говр а йолуш, тIехь верта а долуш волу цхьа бере. Сихха, хаьккина тIе а веана, тхоьга маршалла хаьттира цо. ДоIах басахь йолчу говрахь Iара иза, вертанна кIелара схьагуш яра топ. Ша-м чIарх-аьлла а, ойлане, лерина хьежар долуш а вара. Цуьнан динна юххехь лаьттара тоьллачу дегIахь сира говр. ПIелган эшарехь тIе а кхайкхина, сирачу говран архаш схьа а кховдош, дошлочо элира: «ДIалацал, диканна лелайойла аша хIара!». Кхераеллачу сан нанас, «бур-бур» даран хьесапехь хазийра: «Къола дина, аьлла бехк хьаьрчар бу тхох станицехь, тIаккха пурстоьпо чудухкур ду». Зеламхас, иза хила а хиллера иза, элира: «Сан йиша, лакхарчуьнга дIахаийта ахьа, хьуна хIара совгIат динарг Зеламха ша вара, алий,

тIаккха декъаза ву-кх хьуна иза а, пурстоп а шух куьг Iоттахь! Шен хьешашна халахетар дар могуьйтур долуш ма вац Зеламха». ТIаккха, нанна гергахьо тIе а веана, цуьнан куьйгашка аьчкан ахча охьа а духкуш, дерзийра: «ДIаэца, хьуна алсамха оьшуш ма ду хIара!».

ГIоза-маьрша охуна чекх а даьккхина, суьйренца ненаца цхьаьна станице юхайирзира тхойшиъ, юххе лаьцна ши говр а ялош.Чукхаьчна минот а яьллийте аьлла йолчу юкъана, дукха кадечу боларехь веана схьа а кхаьчна, оцу сохьта говран коча вахара станицера тхьамда. «Стенгара яьлла, хьенан ю хIара?». Нанас ма-дарра дийцира тхоьца нисделларг: цIеяххана вевзаш волчу обарга Зеламхас и говр совгIатана ялархлаьцна, хIора дош а лерина лардарца дIа а туьйхира цо даийтина долу кост. ТIаккха цIеххьана масмалик хилла хийцавелира тхьамда, корта беттара, Зеламхига шех лаьцна хIумма а вуониг цаалар доьхуш. Кестта ерриге а станица ала йиш йолуш, хьаьжна чекхъелира обарган совгIате.

ХIетахь дуьйна хьаькамаша цхьана а хIуманна тIехь кхин гIело яр доцуш, тоьлашха дIадахара тхан дахар. Ницкъ болуш а, балхана хьуьнаре а яра и говр. Зеламхина дика бевзаш хиллера ахархочун хала къинхьегам а, къехочунна кхочу миска дакъа а. Цундела уьш дукха а безара, церан лерам а бора Зеламхас. Догдика стаг вара иза!». Оцу тIехь дерзийра шен дийцар тхан пациенткас. ГIеххьачул Iийра тхо тийналлехь, шен тIаьххьарчу серлонца сегара и гуьйренан суьйре, горга бIаьрхиш ледара йоккхачу стеган хебаречу юьхьа тIехь, лохха синош а дохуш, шен цхьацца ойланаш йора цо.

Даггарчу довхачу дешнашца тхан Iодика а йина, дIаяхара иза. Цул тIаьхьа, мел халахеташ делахь а, суна кхин гина а яц. ХIетахь-м суна дагахь а ма дацарий айса и къамел дийцаран кепе доккхург хилар. Ткъа хIинца оцунна сан ойла самаяьккхниарг ву оцу исторически бакъдолчух лаьцна аса шена дийцина волу сан цхьа дика накъост...

Гочдинарг А. Алиев

Хь. Гапураев

Iаьржа верта

Зеламха – адам-легенда. Цуьнгахь дара вайн къоман уггар дика гIиллакхаш, амалш: майралла, доьналла, лаьмнашка а, шен халкъе а ондда безам, тешам, лаккхара патриотизм, интернационализм. Оцу майрачу нохчочун гIуллакхех хаара генна Россел арахьа, цунах дохура иллеш, тайп-тайпана легендаш. Вайн

дегнашна хьоме йолу и цIе даима а ехар ю. Тахана дIадоьдуш ду оцу къонах-чун турпаллин дахарх лаьцна кино яккхарна ахча гулдар. Бакъду, Эрмалойн республикехь цхьацца бохамаш хилла хиларна, ма-хетта дика дIа ца доьду и гIуллакх. Амма шен къоман культурах баккъала а дозалла дечо кисана диллина ахча даларан хьокъехь квитанци. Со теша, таро йоцуш висинчо а и дийриг хиларх. Диц ма делаш: счетан номер 700498 ю.

Зеламхин дахарера масех эпизод йийца лаьа суна. Там бу уьш кино юкъа яха а. ХIунда аьлча, цу хьокъехь аса дийцина цхьана зорбанан изданехь. Цул сов, дукха хан йоццуш со шеца цхьаьнакхетча, фильман режиссера Татаев Ильяса а дош делла Зеламхин уггар тоьлла амалш экранехь гайта.

Цкъа обарган доттагIа а, йозанча а волчу АтагIарчу Тамаев Аюба хаьттинера Зеламхига: «Хьуна муха хиира хьуо догмайра, кхерам хIун ю ца хууш хилар?».

Обаргийн баьчча ойлане ваьлла. Цкъа ца дийца дог хилла. Юха а, Аюб шех нийса кхетар вуйла а хиъна, дийцина: «Хьуна ма хаийца сан деда Бахо Шемилан наиб хиллий. Ткъа сан дас Гушмазукъас 1871-чу шарахь Къоьзан-Iома тIе веанчу паччахьан Александр II-чун гIарола 7 вийна хилла. Иза Iедалца йолу тхан юкъаметтиг вуно хьалха телхина хилар ду. Цундела и шиъ а обарг вара. Юьртахь Iара, Iедал догIу аьлча, юьртах волура. Цул сов, царна тIехь нехан цIий а дара. Цундела чIирхошца йолу юкъаметтиг а ларъян езаш хуьлура. Ткъа сан, сайн 14 шо долуш дуьйна, Iедалх а, чIирхойх а ларвала дезна.

Цкъа цхьана гуьйренан Iаьржачу буса Веданара Харача вогIура со. Суна хаьара, сайна тIаьхьабевлла чIирхой буйла а. БIаьрга Iоьттина пIелг гур боцчу бодашкахь цIеххьана цхьа кIеда хIума нисъелира сан кога кIел. Хьун Iадош ирча мохь белира буьйсанан тийналлехь. Сан ког буха ца болуш, тIетаьIира. Иза йижина Iуьллуш йолу пхьагал хиллера, со дукха тата доцуш варна сама ца яьллера иза. Эццахь хиира суна сайн дог кхералуш доцийла». И саннарг кхин дIа а дуьйцур ду аса шуна. 1901-чу шарахь набахтера ведда Зеламха Харачахь ларвеш вара. Кхолха гуо лаьцнера юьртана. Юьртарчу старшинас синкъерам бинера паччахьан эпсаршна. Дууш, молуш буьйса юкъал тIехъелира.

Зудабераша дийхира, шаьш дIадахийтахьа, хIинца хан а яьллера, аьлла. Амма бехначу эпсаршна нохчех хелхабовла лаьара. Эвхьаза забарш йийраш а бара. Боьхна хьийзара мехкарий. Царна кхача орца дацара, Зеламхина гур лаьцна бара. Оццу хенахь, Iаьндийн ломара охьа богIучу новкъа Харача вогIура цхьа къонах. ГIаролехь лаьтта салтий цецбевлла хьуьйсура цуьнга: когашIуьйра, юькъа яьлла маж, тIехь тиша бедарш. «Мила ву хьо? ХIун гIуллакх ду хьан Харачахь?» – хаьттира эпсаро. «Со юьртара бежаIу ву, сатоссуш бажа дIалоллур

аьлла, вогIура со-м», – жоп делира, оьрсийн мотт кег а беш.

Изза элира цо кхин а шина гонах волуш а. Эххар старшинан хьеший оьцучу цIа чу кхечира иза. «Ассалам Iалайкум, хIай кура кIентий! Пондар-вотано наб ян а ца витина, бажа дIалоллу хан кхаччалц сайн хелхарца шун самукъадаккха аса, аьлла, чу ма веа со-м», – элира цо. БежIуьнера салам цхьаммо схьа ца ийцира. Дууш, молуш, еха лоха стол хьалха а йиллина Iаш болу эпсарш бийлабелира, цуьнан дешнаш шайна гочдича. Дукха хан ялале халхаваькккхира хьаша. Даьндарг санна, хьаьвзира иза кога буьхьар хIоьттина. Шекбевлира чохь берш, иштта тIах-аьлла бежаIу хуьлийла а дацара. Оццу хенахь четара тапча схьа а яькккхина, «бIов-бIов» аьлла шозза йожа а еш, халхар чекхдаькккхира. «Господин бежаIу! Оцу тапчин кехаташ дуй хьан?» – хаьттира хьешех цхьамма. «Ду дера, кехаташ доцу тапча а эцна, кхолха гуо лаьцначу юьрта ван мила ваьхьа?» – жоп делира цо. «Схьагайтал и хьайн кехаташ!». Кху делан минотехь-м гойтур дара, аьлла, карара тапча аьрру куьйга а лаьцна, чета кхевдина «Браунинг» схьа а яькккхина, элира: «Оцу тапчин кехат – хIара тапча ду. Шуна ма-гарра, со Зеламха ву. ХIокху чохь меттахваьллачух аса и алкханча чекхъяллал Iуьрг оькккуьйтур дуйла хаалаш. ХIара цIа обаргаша гуо лаьцна ду. Арабовлитал кху чуьра мехкарий!». Зударий, мехкарий ара бевлча: «Нийсса эхасохьтехь кху чуьра шух араваьлларг Далла дуьхьал гIур вуйла хаалаш, жIаьлеш», – аьлла, ара а ваьлла, дIавахара Зеламха. Иза иштта вара. Цундела аьлла илланчас а: «Iаьржа верта, Iаьржа буьйса – Зеламха».

Кхин цхьаъ а дуьйцур ду аса. Илецки каторге дIабигна шен гергарнаш мичахь бу ца хуучу Зеламхас лоьхура Грознерчу набахтин начальникаца цхьаьнакхетар. Эххар а цунна хиира Грозни гIопан комендант а, набахтин хьаькам а ресторанехь сарахь сакъера вовшахкхеташ хилар. Аса дечу хьесапашца, и ресторан хIинца «Детский мир» туька йолчу ширачу цIа чохь хилла. Комендант а, набахтин хьаькам а чучча вахана, дагара дуьйцуш Iаш, дуьхьалъоьзна пан-бархат дIаса а тоттуш, чоьхьавелира тIехь верта долу ламаро. Иза шинна а вевзира. «Шу дохий ма хьовза, дукха дакъаза а ма довла. Со сайн са дадийна лелаш вац», – олуш, вертан ши тIам схьа а биллина, ши тапчий, жима бомбий гайтира цо. ТIаккха тIетуьйхира: «Со къамел дан веана ву, шуьшиъ вен веана вац».

ГIопан хьаькамаш боьхнера. Даа а, мала а хьалха теттира цара хьешана. Амма кхо уьш дIа а теттина, тIе кIац хIоьттина йолчу фужера чуьра морса а мелла, ша деанарг охьадиллира. Шена оьшург хиъначул тIаьхьа, жимма хьиэвелира, дика цIий а еш еттина москал яа дагадеана. Эццахь гал а велира. Ларамаза чухьажавеллачу жандармерин хьаькамна гира шек дIа а воцуш, москалан гIогI

а дууш, велакъежаш Іаш волу Зеламха. Бехк ма биллалаш, аьлла, вуха а ваьлла, зала чохь вайра жандарм. Зеламхин, шеца волу шиъ кхера а вина, ара вала дийзира. Сихха говра а кхоссавелла, Соьлжан тІайх вала дагахь дІахахкавелира. Амма тІайн дехьа юьххьехь латийнчу фонарашна уллохь пулемет схьаерзош бохку салтий а гина, шен дин ма-боггІура Соьлжи чу тесира цо. Маьхьарий девлира: «ТІетоха, ма валийта, Зеламха!».

ШолгІачу дийнахь делккъалц теллира Соьлжан гІад – бердаш. Амма обарг ца карийра.

Иштта вара Зеламха. Дукха ду цо ша обарг леллачу 25 шарахь лелийнарш. ХІаъ, 25 шарахь. Автор гал ца ваьлла, галваьлларг вайн историн майраллин агІонаш нийсса ах яцйинарг ву. Цхьана статья тІехь таро яц дерриге а дийца. Кхин а дика хир ду вай, хаза, цхьа барт болуш, ахча вовшах а тоьхна, кино яккхийтича. ТІаккха вайна юха а гур ву догмайра нохчо, юха а дехар ду вешан дайн дахарца – майраллех, доьналлех, дозаллех дуьзна долчу. Ма-дарра аьлча, вайна хааза дисина хІинца а дукха хІуманаш ду.

Д. Ахмадов

Зеламха ловзарге кхачар

(Хилларш а, лелларш а. Адамаша дуьйцу)

Лекхачу ламанан юьртахь – Шуьйтахь – ехаш хилла цхьа йоІ, шен нийсархойх хазаллица, гІиллакхаца, оьздачу тайпанца, къоначу вежарица къаьсташ. Мичча меттехь – Нохчмахкахь – ловзар хилча, цунна тІаьхьа иза ловзарга йига йоуьйтуш хилла кечйина пайто: гондІа бІо болуш, локхуш пондар а, тухуш вота а йолуш, кхуьссуш герз а долуш юссуш хилла иза ловзарга. Къеггина кхетта малх а болуш, цхьана хазчу Іуьйренца исбаьхьа кечйина пайто кхаьчна йоІ ехачу хІусаме. И пайто яйтинарг хилла шен хьолаца, таронаша, олаллица Нохчмахкахь гІараваьлла волу хьолахо Тапа Чермоев.

Пайто арахь лаьтта дукха хан яцара, ловзарга йига йоІ ара йоккхуш. Цуьнан юьхьсибате леррина хьаьжча, кхуоламе марха гора йоьІан хазачу бІаьргаш чохь, кІарула-Іаьржа чІаба наггахь хьокхучу мохо ловзайора, Іаьржа бІаьргаш лаьтта хьежош, хетачу иэхьо бос лепош, дашочу варкъаца кхелина гІабали куьйга лоьцуш, пайто тІе хиира йоІ. ХьаргІа санна Іаьржачу говраш тІехь, гондІа бІо болуш, локхучу пондарца, тухучу вотанца кхечира замой Теркайистерчу ловзарга. Ловзаргахь инарла хиъна Тапа Чермоев вара, шена гондІа эскаран бІо а болуш. Кхаьршиннан юкъаметтиг хууш бара цу ловзаргахь болу дукхахберш. Оццул кІорге баьлла бара цаьршиннан безам, иштта хІара шиъ вовшахкхетар дуьххьара а дацара.

Ловзар юккъе даьллачу хенахь кху ловзарга йоьссира туьйранашкахь буьйцучу мехкарех, инзаре хазачу куьцехь хIирийн къоман цхьа хьаша. Ловзарга баьхкина болу кегийнах цуьнга хьаьжначохь бисинера: инарлин бIаьрго а лаьцнера йоьIан хазалла. Ккузахь ша догдоху йоI йицйина, оццул гена баьлла болу шаьшшиннан безам а биццбина, хIирийн йоIаца сакъера волавелира Тапа Чермоев. И хааделла, стиглахь ю те ша я лаьттахь ю те ша, я хIара лекха лаьмнаш дIашарлуш ду те я сийна стигал тIекхеташ ю те, бохуш, ойланаш еш, лаьтта хьоьжу Iаьржа ши бIаьрг хьалахьажо йиш йоцуш, юьхьIаьржа хIоьттина Iара Чермоевс хьалха сакъоьруш хилла йоI.

Делкъал хан хилла иза, тIетаьIIина дIадоьдуш ловзар а долуш. Цхьа йоI йоцург самукъадаьлла бу берриш а. Эццахь расхачу динахь, сийна ши бIаьрг а болуш, тIедуьйхина чергазийн Iаьржа верта, яьлла морса Iаьржа маж-мекх, тIеюьйхина беркъа бедар а йолуш, цхьа бере ма ккаьчна кху ловзарга. Хьошаллин хан чекхъяьлла, халхаран бал баккха юккъе ваьккхина и бере. Шена бинчу тешнабехко Iадийна лаьттачу йоIа Деле дехна, ша цуьнца халхаялар нисдахьара, аьлла. Халхаран болан цхьа гуо а баьхьна, шолгIа гуо боккхуш волчу беречо, йоIана хьалха бохь а боьгIна, шеца халхаяла кхайкхина. Цхьа гуо а баьхьна, шолгIачу гонехь лере тIаьIна, хьеше йистхилла йоI, тахана санна юьхьIаьржа хIоьттина де дацара шен, шена вошалла а, накъосталла а дахьара ахьа, нагахь хьайгахь герз делахь, инарлина уллохь герз кхоссахьара, аьлла. ЙоIана хилла цатам гуш волу бере халхаран бал боккхуш инарлина улло

кхаьчча, цIеххьана вертана бухара герз дийла доладелла, инарлина хьалха ченан кIур а гIаттош. Инарлина гондIара бIо тохабелла: инзаре тамашийна хIума дара паччахьан метта волчу инарлин когашкахь герз кхосса вахьар. Хьалаиккхинчу инарлас ловзар сацийна. Куьйгаш герза тIе дохкуш, юха схьадохуш хьийзара иза. ТIаьххьара а къамеле ваьлла Тапа Чермоев.

«Деллахьа, цхьа Іовдал ламанхо, цхьана ломан чIоьжара схьаваьлла бежаIу хир вукха хьо, ша ца вевзаш кхоьссина хир ду-кха ахьа и герз сан когашкахь. ХIара нах тешаш а болуш, ша коча хеча а хьарчийна, дIахьажор ву хьо». Тапас, тIаьххьара аьлла дешнаш шен лере кхаьчча, беречун дог вертана бухахь тохалуш санна хийтира, цуьнан бIаьргаш майраллица пергIат хьоьжура, цуьнан Іаьржа верта шорлуш, белшаш стамлуш хаалора.

«Ахьа вуьйцу Іовдал ламанхо лаьмнийн чIоьжара схьаваьлла обарг, харачойн Зеламха ву-кха!», – аьлла, шен Іаьржачу, дехачу вертан га дIатесира Зеламхас, вертана бухара гучаделира уггаре а тоьлла герз. Зеламха цIе яьккхича, эскаран бIо ша болчуьра юхабелира. Іаь лекъча санна, вистхилар доьхна Іара инарла а. «Лаьмнийн некъаш хедачохь вовшахкхетар нислур ду вайн», – аьлла, шен Іаьржачу расхачу дина яйн шед хьакхош, ламанан аьрзу санна, чергазийн Іаьржа верта мохо ловзош, лома тIехьа дIавайра обарг Зеламха.

ПРЕДАНИЯ О ЗЕЛИМХАНЕ

Харачоевский Зелимхан

Зелимхан происходил из селения Харачой. Он стал абреком, потому что не мог терпеть притеснений царских начальников. От преследований Зелимхану пришлось уйти из Чечни в горы Ингушетии. Там он остановился у своего друга Довты в ауле Нелх. С Зелимханом было около шестидесяти абреков. В Ингушетии они скрывались шесть-семь лет. Царские начальники собрали из многих аулов по шесть человек своих людей для поиска Зелимхана. Из этих людей получилось целое войско, которое должно было пленить Зелимхана и передать его царю. Дознавшись, что Зелимхана и его сподвижников поддерживают жители аулов Кек и Нелх, они решили, что, если договориться с ними, то им удастся поймать абреков. Пришло войско в горы и сумело пленить семью Зелимхана. Офицер, бывший во главе этого войска, спросил людей:

– Какая из горных дорог самая опасная?

– А почему ты спрашиваешь? – поинтересовались люди.

– А потому, – ответил офицер, – что хочу показать Зелимхану, что я не боюсь его!

– Если так, то самая опасная дорога идет по Ассинскому ущелью; именно там Зелимхан сядет в засаду, ибо он намерен вызволить свою семью, – сказали люди.

«Только по этой дороге я и поведу войско», – решил офицер.

Зелимхан со своими абреками задумал освободить свою семью. Он послал Барахоева Магомета к своему другу Парагульгову Эльмурзе, попросив передать ему: «Дай нам патронов, если не дашь, мы не сможем сразиться с царским войском». Эльмурза прислал много патронов. Утром войско двинулось по ущелью. Прошло оно километров десять. Зелимхан и его воины открыли огонь. Первым выстрелил Зелимхан. Его дочь узнала звук ружья своего отца и от радости пустилась в пляс. Тогда офицер пустил коня вскачь, но меткая пуля Зелимхана попала ему в лоб, и офицер тут же погиб.

Предводитель абреков

Зелимхан из селения Харачой и другой Зелимхан из селения Гельдыген вместе с другими абреками собрались, чтобы взять царский банк. В походе на привале один из абреков предложил избрать тамаду – предводителя отряда, кото-

рый руководил бы ими всеми в предстоящем деле. Зелимхан из Гельдыгена был крупного сложения и казался человеком храбрым. Все склонились к тому, чтобы предводителем отряда сделали его. Лишь один Зелимхан из Харачоя ничего не сказал. Тогда все поинтересовались: почему он отмалчивается. Абрек ответил:

– Сейчас нам трудно определить, кто из нас наиболее храбр и искусен в бою. Давайте доедем до места и тогда решим, кому быть нашим тамадой, а кому нет. – Доехал отряд до банка, а там стояла большая царская охрана. Увидев ее, Зелимхан из Гельдыгена струсил и сказал: «На этот раз у нас ничего не выйдет. Нам надо быстрее уходить отсюда».

Зелимхан же из Харачоя сказал: «Если я когда-нибудь отправлялся в поход, то, струсив, никогда не возвращался обратно. Кто со мною, – вперед! Или погибнем, или победим!». Зелимхан из Харачоя и многие другие отчаянные абреки взяли банк и деньги поделили между бедными людьми. В этом деле поняли абреки, что тамаду надо сначала испытать в деле, а потом избирать.

Зелимхан и бедный мальчик

Ехал Зелимхан мимо играющих сельских ребят. Среди них абрек заметил одного мальчика, одетого весьма бедно. Подозвал его к себе Зелимхан и спросил: «У тебя есть родители?». – «Да, есть у меня родители», – ответил мальчик. – «А если есть, то почему ты столь бедно одет?» – «Нам не на что купить одежду». – «Ладно, – сказал абрек, – а как тебя успокаивают родители, когда ты попросишь их купить себе одежду?» – «Родители хитрят, говоря, что за деньгами они послали петуха, и, когда он придет, тогда и купят мне одежонку».

Подхватил абрек мальчика и посадил его сзади себя. Узнав от него, где живут его родители, Зелимхан направил коня к их дому. Поприветствовав родителей мальчика, абрек спросил их, что они обычно обещают мальчику, когда он просит купить себе что-нибудь из одежды. «Мы говорим, что за деньгами пошел петух, и, когда он их принесет, справим ему обновку», – ответили родители. – «Правильно! – воскликнул Зелимхан. – Посланный вами петух вернулся и передал мне деньги».

Достал Зелимхан деньги и отдал их родителям мальчика, наказав купить ему хорошую одежду, семье – корову и справить обновку в доме.

О Зелимхане

Храбрый сердцем Зелимхан ненавидел царя Николая и богачей, живших трудом простых людей, которых Зелимхан очень любил и жалел. Абрек не мог взирать безучастно, как люди, стоящие у власти, притесняют слабых. Не по своей воле Зелимхан стал абреком. Двоюродный брат его Солтмурад полюбил девушку Зезаг, дочь Хошуллы. Девушку Зезаг полюбил и сын сельского старшины. Он, чтобы она не досталась Солтмураду, похитил ее. Между семьей похитителей и родом Зелимхана произошла вражда из-за этого, и Зелимхану пришлось уйти в абреки. Он враждовал с крупными чиновниками и офицерами. Был он высокого роста и имел большие черные усы.

Как-то некий бедный старик запряг своего единственного быка и поехал в лес за дровами. В то время было и много грабителей. Некоторые из них выдавали себя за знаменитого абрека, позорили его имя, отбирая у людей коней, быков и разные женские украшения. Так вот, навстречу старику, который ехал в лес, вышел некий мужчина. Он назвал себя Зелимханом и потребовал отдать ему быка.

Поверив, что перед ним Зелимхан, старик отдал быка, а сам понуро поплелся домой. Старику встретился еще один мужчина, который поздоровался с ним и пожелал ему доброго пути. Старик ответил на приветствие. После взаимных расспросов старик рассказал, что у него Зелимхан отобрал быка, чем принес ему большое несчастье. «Что?! – удивился мужчина. – Как он себя назвал?». – «Он назвал себя Зелимханом», – ответил старик. – «В какую сторону он ушел?» – спросил мужчина.

Старик указал, и мужчина погнал коня вслед за грабителем. Догнал он его и избил так, что тот долго не мог подняться. Мужчина пригнал быка к старику и сказал ему: «Зелимхан – это я. Иди своей дорогой и никого не бойся».

Зелимхан и его отец Гушмазуко сидели в тюрьме в крепости Ведено. Зелимхан решил сделать в стене тюрьмы дыру и бежать. Прорыл он ее, но затем стал думать про себя: «Если я и мой отец выйдем через одну эту дыру, то найдутся люди, которые скажут, что Зелимхан вышел из той же дыры, что и его отец». Тогда, рассказывают, Зелимхан прорыл еще одну дыру, и они бежали из тюрьмы. Зелимхан был не только мужественным, но и умным, умевшим дорожить своей честью.

Абрек Сулумбек

Жил, говорят, в селении Сагопши храбрый человек по имени Сулумбек Горовожев. Рассказывают, что он был другом абрека Зелимхана из Харачоя. Раз брат Сулумбека решил украсть у некоего бедного человека быков. Ночь была темная. Хозяин увидел, что его быков уводят и выстрелил вслед похитителю. Пуля попала точно в цель, и брат Сулумбека был убит. Сулумбек не раз устраивал кровнику засады, чтобы отомстить за брата. Не одну ночь потерял он, ища момента, чтобы поквитаться с кровником. В одну из таких ночей Сулумбек караулил его под мостом близ селения Сагопши. Среди ночи Сулумбек услышал приближающегося к мосту всадника. Приведя в готовность свое оружие, Сулумбек вышел из-под моста. Пропустил он всадника и поехал за ним.

Прошло некоторое время, и Сулумбек крикнул всаднику: «Я Сулумбек Горовожев. Приготовь свое оружие, я собираюсь отомстить за своего брата». Всадник ехал не оборачиваясь, словно ничего и не слышал. Сулумбек вновь прокричал ему то же самое, но всадник не оглянулся и на этот раз. В третий раз обратился к нему Сулумбек. Тогда всадник спешился, бросил наземь ружье, кинжал, пистолет и сказал: «Ты прав, Сулумбек, это я убил твоего брата. Знай же: здесь нет никакой моей вины. Я не убивал его подло, из корысти», – и кровник рассказал все, как было. «Теперь же, – добавил он, – объявляю тебя безвинным за свою кровь, совершай свою месть. Надоело мне скрываться от тебя, постоянно ты сидел на меня в засаде».

Тогда Сулумбек понял, как все произошло. Будучи настоящим мужчиной, он сказал: «С сегодняшнего дня живи спокойно и ничего не бойся, никто не посмеет тебе что-либо сказать. Ты ни в чем не виноват».

На второй день во двор Сулумбека пригнали много скота, коней. Это был откуп за кровную месть. Сулумбек быстро созвал родственников, соседей и объявил, что простил кровь своего брата. Затем он сказал: «Человеческую кровь не продают за деньги, скот. Я простил кровь не для того, чтобы получить плату. Гоните обратно скот и коней».

Так он простил безвинного человека, и люди были благодарны ему за это. Но однажды на сельском сходе, на котором был и Сулумбек, некий плохой человек укорил Сулумбека: «Ты не мужчина, – сказал он. – На тебе лежит позор. Почему ты не мстишь за кровь своего брата?».

Понял Сулумбек, чего добивается этот человек, и сказал: «Знал я, что обязательно найдется какой-нибудь укоритель. Не думай, что твои слова разозлят меня и я пойду убивать безвинного человека. Мое слово нерушимо. Если ты

добивался только этого, то твои потуги напрасны».

Бывшие на сходе люди прокляли человека, вздумавшего упрекнуть Сулумбека. Он же никогда не изменял своему слову, то же самое делали и его родственники. Поступок Сулумбека явился хорошим примером для многих людей.

Зелимхан, Эски и Ноха

Была осень 1901 г. Пасмурным вечером во дворе у Газалапа Адузаева была вечеринка. Во двор въехали Гушмазуко и Зелимхан. Гостей поприветствовали и усадили под навесом.

Веселье шло своим ходом, вдруг неразлучные друзья Эски Вацанаев и Ноха Газиев встали и попросили прощения за то, что они должны удалиться на какое-то время. Друзья через Хулхулау направились к крепости, поднялись на стену и затаились. Подождали часовых, набросились на них, столкнули их лбами и отобрали винтовки. Вернулись на вечеринку и продолжили веселье. Вечеринка закончилась, абреки стали прощаться. Друзья подошли к ним и сказали: «Ваши ружья не подходят абрекам. Пока вы веселились, мы достали вам пятизарядные». Так завязалась между ними дружба.

Спустя какое-то время Ноха был арестован, а его друг Эски был расстрелян за налет с отрядом Зелимхана на Кизлярский банк. Когда на голову Эски во время расстрела надевали мешок, он отказался его надеть. В полдень пришло сообщение из Владикавказа об отмене расстрела, но Эски был уже расстрелян. Зелимхан пришел к матери Эски и выразил соболезнование: «Не плачь, нана, если я не убью Галаева, то через неделю приду и надену твой платок». С помощью сообщников Зелимхану удалось отправить нач. округа на тот свет.

http://www.vedeno.ru/forum/index.php?showtopic=192

Признание кровника Зелимхана

К телу Зелимхана на опознание привели его давнего кровника Хаджи из Харачоя. На вопрос, действительно ли это Зелимхан, он ответил: «Ва-м вара хIара, ишта вала кхоам болуш къонах вара-кха хIара» (Да, к сожалению это он. Однако скажу, что такой конах-герой, как он, был достоин лучшей участи). И Хаджи заплакал.

Рассказывают, что незадолго до кончины Зелимхан был отравлен, поэтому

враги смогли застать его больным на хуторе.

Зелимхан и Тапа Чермоев

Как-то вечером Зелимхан шел по городу и оказался рядом с домом Тапы Чермоева. Он услышал лезгинку и решил зайти в дом, где, как потом оказалось, проходило пиршество – Тапа Чермоев принимал гостей. Когда Зелимхан вошел в дом, его никто не узнал, а он присел в неприметном углу. Во время очередной пляски одного из гостей Чермоев достал свой наган и нажал на спусковой курок, но пистолет дал осечку. В тот же момент Зелимхан, вытащив свой пистолет, несколько раз выстрелил в воздух.

Позже, когда танец закончился, Тапа подошел к Зелимхану и спросил: «У тебя есть разрешение на этот пистолет?». – «Есть, вот оно, – сказал Зелимхан и показал другой пистолет. – А вот разрешение на второй, а вот на третий...».

Таким образом Зелимхан показал пять различных «стволов». После этого Зелимхан добавил: «Я не пытался тебя унизить или оскорбить, скорее наоборот, хотел поддержать, так как твой пистолет не выстрелил». Тапа Чермоев извинился перед гостем и попросил его занять почетное место, на что абрек ответил: «Пусть лучше сядут женщины, я постою».

Еще рассказывают

Где-то в селе проходил синкъерам (вечеринка). Там, говорят, был и Тапа, весь окруженный всеобщим вниманием. Рассказывают, что когда танцевала одна девушка, Тапа вытащил пистолет и выстрелил несколько раз под ноги девушки. Оскорбленная и обиженная девушка отошла, а после такого случая, перед Тапой никто не решался ее пригласить на танец. Она стояла в стороне и никто на нее не обращал внимания.

Говорят, от обиды у девушки потекли слезы. Но тут подошел Зелимхан. Девушка, оказывается, чуть ранее через тамаду из женщин отправила абреку послание с просьбой пригласить ее на танец, объяснив при этом свою просьбу тем, что в этой комнате с ней никто не осмеливается танцевать.

Рассказывают, что Зелимхан ее пригласил, долго и азартно танцевал с ней. В танце абрек подошел к Тапе, выхватил пистолет и выпустил пули у его ног. По рассказам очевидцев, пытаясь выслужиться перед влиятельным человеком, некоторые из присутствующих попытались вступиться за честь Тапы. Зелим-

хан на это ответил: «Здесь мы ничего выяснять не будем. Те, кто ко мне имеет какие-то претензии, смогут обсудить свои проблемы в назначенном месте и в обозначенное время. Я буду там вас ждать». Он назвал место и время, но рассказывают, что на встречу никто так и не явился.

P.S. *Вообще-то Тапа Чермоев не мог не знать Зелимхана, Тапа его поддерживал и помогал. Сестра Зелимхана (Хайкалха) была замужем за Гацой Дашуевым, который являлся двоюродным братом Чермоева.*

Лошадь кровного врага

Рассказывают, что как-то раз Джамалди – кровный враг Зелимхана, который в романе М. Мамакаева показан как Говда, возвращался домой с Чермой-Лама и встал на молитву. Тут подошел Зелимхан. Умный старик не отрывался от молитвы, зная, что Зелимхан в этом случае его не тронет. Абреку вскоре надоело ждать, пока старик закончит молитву, которая очень затянулась. Он взял его коня и ушел, а по чеченским обычаям позволить отнять коня или оружие – несмываемый позор.

Когда Джамалди проходил пешком через село Элистанжи, у него спросили с издевкой: «Почему ты идешь пешком, а на твоем коне Зелимхан проехал?». Старик незамедлительно ответил: «Зелимхану нужна была лошадь, я ему ее одолжил, – и добавил, – хIумма а ца товш-м вацара сан йишин кIант цу говрахь». (Старик Зелимхана назвал сыном сестры – «йишин кIант» – не случайно», мать Зелимхана была из Чермоевского тейпа, из этого тейпа был и Джамалди). Узнав об этом, Зелимхан от души посмеялся и, публично извинившись, вернул лошадь старику.

Еще рассказывают... За Зелимханом была погоня. В ходе погони Зелимхан упал с высоты. При падении лошадь Зелимхана получила серьезное повреждение спины и упала замертво. Те, кто гонялся за Зелимханом, остановились от него неподалеку. Они стали за ним наблюдать. Зелимхан спокойно снял с

лошади седло, и, перекинув его через плечо, молча и не торопясь ушел, даже не обращая внимания на своих преследователей, которые стояли завороженными и даже не смели сдвинуться с места.

Подарок от Зелимхана

Не могу сказать, что эта история интересная и захватывающая, но, тем не менее, она про Зелимхана.

Как-то я гостил в Гойтах у своего родственника – Сагариева Шапы. Мы сидели за столом, пили чай и беседовали на различные темы. Слово за слово мы завели разговор и об обарге Зеламхе. Шапа, посмотрев на меня, как смотрит миллионер на простака, сказал: «Ты знаешь, а у меня есть подарок от Зелимхана!».

Сказать, что он меня заинтересовал, это значит, ничего не сказать! «Неси сюда!» – скомандовал я, и через несколько минут родственник принес маленький сверток, завернутый в платочек. Раскрыв сверток я увидел... обыкновенную морскую ракушку. Вначале я подумал, что Шапа надо мной подшучивает, но он рассказал мне историю, связанную с этим подарком. Его дед или прадед (точно не помню) Ибрагим-хаджи был одним из мусульманских алимов Чечни того времени, и обарг его нередко навещал. Как-то, приехав к нему в Гойты, Зелимхан во дворе увидел играющих в «лянгу» детей Ибрагима-хаджи. Абрек, шутя, подкинул пару раз ногой лянгу и, уже заходя в дом, подарил ребятам диковинку для тех времен – морскую ракушку. Эту ракушку они бережно сохранили, передавая ее своим детям и внукам. Так она сохранилась и лежит дома у Сагариева Шапы – правнука Ибрагима-хаджи!

Лже-Зелимхан

Рассказывают, что объявился в горах один подлец, который выдавал себя за Зелимхана и, пользуясь его громким именем, отнимал у бедняков скот и прочее добро. Абрек узнал об этом и отыскал лже-Зелимхана. «Кто ты?» – спросил его абрек. «Я Зелимхан из Харачоя!» – грозно прорычал грабитель, даже не подозревая, кто перед ним.

Зелимхан, говорят, абсолютно спокойно вытащил кинжал из ножен, отрезал грабителю ухо и ответил: «Отныне люди будут знать, что одноухий Зелимхан не тот Зелимхан, а с двумя ушами и есть настоящий Зелимхан из Харачоя».

ПОЭЗИЯ
(избранное)

Зелимхан

Над зеленой долиной
Дрожит ручеек на весу.
Дует ласковый ветер
В кудрявом Веденском лесу.
И на этом ветру
Шелестит, словно зыбкий ковыль,
Еле слышная песня,
Седая абрекская быль.

О, рассказ о героях,
Что в те отгоревшие дни
Умирали в лесах
За свободу родимой Чечни!
Мнится, жизнь их была
Даже этой листве дорога,
Их природа сама
Укрывала от взора врага.
И лепечет ручей,
Вьется ветер в зеленой тени.
Зелимхану слагают
Хвалебную песню они:
– Зелимхан Харачойский!
Привет тебе, славный джигит!
Пусть народная память
Вовеки твой сон сторожит!
О свободе народной
Звенел твой бесстрашный кинжал,
Бедноту, Зелимхан,
Ты своею семьей называл.
Ты детей и жену
Предоставил заботам судьбы,
Бросил дом

И пришел
В этот лес для великой борьбы.
Здесь играли метели,
Взвивая серебряный прах,
По ночам завывали
Голодные звери в горах.
За народное дело
Ты бился, народный герой,
Этот путь для тебя
Был родней,
Чем семья и покой.
Став абреком,
Себя
Ты великим лишеньям обрек,
По суровым горам
Ты оленем блуждал, одинок,
Ты свой слух напрягал:
Не таится ли враг за спиной?
По-орлиному взор твой
Сверлил этот сумрак лесной.
Ты не спал по ночам:
Не таится ли недруг в тени?
Но тебя охраняла
Природа родимой Чечни.
Если голод томил,
Ты был рад, ежевику найдя,
Если мучила жажда,
Ты рад был и капле дождя.
Было небо само
Одеялом твоим голубым,
А родная земля –
Незастеленным ложем твоим.
Ты подругу имел
Закаленную шашку свою,
Ты имел побратима –
Кинжал, выручавший в бою.

Ты бродил, одинок,
По хребту истощенной страны
И выслушивал
Жалобы
Сонной лесной тишины.
А когда утомлен
Тяжким грузом неслыханных дел,
Ты к жилищам людей,
Словно раненый сокол, слетел, –
Вкруг тебя зашумело,
Страшась твоих глаз,
Воронье –
И свершило к полуночи
Черное дело свое.
Царь был счастлив:
Ты умер!
Но слава твоя не умрет, –
Не забудет тебя
Твой свободный чеченский народ!

1934
Автор неизвестен

М. Гешаев

Прыжок в вечность

Когда над горами сгущался туман
И был камнепад небывалый,
В Харачое родился абрек Зелимхан,
Гроза всей России немалой.

Волчица щенилась под песню ветров,
И рыскал злой барс по обвалам,
Мужал Зелимхан, у горящих костров
Месть в сердце его закипала.

И четверти века хватило ему,

Чтоб в шоке держать всю державу,
И был он грозою ужасной тому,
Кто делал на горцев облаву.

Не раз Государственной Думе пришлось
Решать, что же делать с смутьяном,
И столько бессонных ночей не спалось
Царю при живом Зелимхане.

Но молнией горе блеснуло в горах –
В тюрьму их с отцом посадили,
Больших унижений настала пора,
И род весь его очернили.

Хлебнув горечь жизни, он бурею взмыл
И выбрал дорогу абрека,
И пыл его сердца уже не остыл
На вздыбленном стремени века.

«Отец! Мы не будем здесь долго сидеть,
Мы стены тюрьмы подкопаем».
И вот уж разносится радостно весть:
Абрек на свободе гуляет.

Кровавая бойня на рынке Чечни,
И слухи о ней забродили.
Тем зверством все были поражены,
Где двадцать семь горцев убили...

Наутро друзей Зелимхан всех собрал,
Состав пассажирский он встретил,
Одетых в мундиры лишь с поезда снял
И двадцать семь пулей пометил.

Хвастливый Вербицкий, смеясь, говорил:
«Абрек у меня уж в кармане!».
Но вот он записку его получил:

«Сегодня я буду в Кизляре!

Я деньги из банка хочу унести,
Меня там лишь встретить ты можешь,
И если ты хочешь мундир свой спасти,
Ты встречей себе же поможешь!».

Вино на балу все рекою лилось,
Но гром прогремел стозвонный,
Ограблен в Кизляре, действительно, банк,
С подполковника сняли погоны.

Семья Зелимхана под арест взята,
Абрек посылает прошенье,
Услышав отказ, принужден Зелимхан
Готовить такое же мщенье.

Он сына полковника прячет в залог,
Вернуть лишь в обмен обещает,
Напуган полковник поступком его,
Семью всю назад возвращает.

И помнит погоню над Сунжею мост,
Кольцо вражьей силы все уже,
И встал на коне Зелимхан во весь рост,
И прыгнул с моста прямо в Сунжу.

Враги лютовали в бессилии зла,
Когда ускользнул он бесследно,
И слава его все росла и росла
От каждой нелегкой победы.

Больного абрека, в пещере зажав,
В тройное кольцо окружили,
И тысячи пуль понеслись, завизжав,
Из солдатских винтовок служивых.

А он метким выстрелом бил по врагам,

Не дав подойти им к пещере,
И только рассвет над землей задрожал,
Глазам никто не поверил.

Казалось, – конец! Убит Землимхан!
И цепи рванули победно,
В черкеске... бревно лежало. Обман!
Ушел Зелимхан незаметно.

И помнит история случай один,
С Шаляпиным встречу героя,
Певец своим пением так угодил,
До слез Зелимхана расстроил.

Для власти он значился «не человек»,
Абреком, разбойником звали,
Но разве от песни заплачет абрек?
А слезы текли, не кончались.

...Не ведал герой, что больного его
Предаст близкий друг в своем доме,
И он в окруженьи заклятых врагов
В час смертный о смерти не вспомнил.

Предателю пулю в сердце послав,
Он песней врагов своих встретил,
Не знал он, что смерть его рядом была;
Но смелостью он ей ответил.

Как призрак кровавый, он падал, вставал,
Врагов своим видом пугая,
И ужас, и страх на всех нагонял,
Град пуль во врагов посылая.

Молитву шептали неслышно уста,
Абрек умирал смертью храбрых,
Как будто с царизмом бороться устал

И в нем не нашел своей правды.

Лежит фотография прошлых дней
(Как редкость, весь мир облетела),
Где сотни солдат, офицеров на ней
Стоят над расстрелянным телом.

Тут каждый стремился засняться скорей
С убитым абреком в знак чести...
Багровый диск солнца сквозь тучи горел,
И ветер нес горькие вести:

«Убит Зелимхан, наш любимый герой!
Скорбите, чеченцы, скорбите!».
А он, худощавый и очень простой,
Был страшен врагам и убитый.

Нет мужеству горцев предела. В борьбе
И даже один в поле воин,
Когда в твоем сердце дыханье любви,
Ты жизни великой достоин.

Нам долгие годы твердили одно,
Что он был бандит и отступник.
Кем право на это такое дано?
Для нас Зелимхан был заступник.

Гордитесь, вайнахи, ведь каждый народ
Хотел бы иметь Зелимхана,
Отец – своим сыном продолжить свой род,
Народ – своего великана.

И каждой сестре бы хотелось иметь
Отважного брата такого,
И брату совсем не пришлось бы краснеть
За брата, джигита лихого.

Как жаль, что в то трудное время тревог,

Когда он вершил свое дело,
Народ защитить Зелимхана не смог,
А он защищал его смело.

Никто не забудет героя Чечни,
Он вписан строкою в столетья.
Останутся в песнях те грозные дни,
В легендах – прыжок тот в бессмертье.

Л. Ясаев

Абреку Зелимхану

Мир смотрит взглядом тухлым и трусливым.
А правда – там, где сила и где власть.
Все кажется уже неоспоримым,
И мыслям уже некуда упасть.

Но в полный рост во имя человека
С молитвой поднимается один...
Не путайте все с именем абрека,
Как с чистой жизнью блажь и героин.

А. Нучаев

Разлука со всем

(Из народных песен о Зелимхане)

Гушмузако покинув, с которым
Замыслами делился,
Исмаила покинув, с которым
Горестями делился,
Солтамурада покинув, с которым
Трудностями делился,
Зелимхан одиноким остался,
Подобно отважному,
Птенцов потерявшему соколу;
Зелимхан одиноким остался,

Подобно отставшему
От стаи волку поджарому;
Зелимхан одиноким остался,
Подобно покинутой
Детьми-малолетками матери.
Зелимхан, смелый сердцем, вместо
Друзей чинар нашел.
И беседы с друзьями вместо
Звериный рев нашел.
Шумной аульной сходки вместо
Глухую ночь нашел.

Одеяла теплого вместо
Небесный свод нашел.
И постели мягкой вместо
Кусок земли нашел.
Жажду росой утоляя,
Голод листвой утоляя,
Он по горным обрывам скитался,
По кремнистым скалам скитался,
По заоблачным склонам скитался,
Возле гнезд соколиных скитался.
Бедняки аула тогда,
Любившие Зелимхана,
Написав бумагу тогда,
Подкинули Зелимхану.
Он по ровным тропам шел,
По крутым нагорьям шел,
В темное ущелье зашел,
Белую бумагу нашел,
Белую бумагу прочел:
«Твое, Зелимхан, сердце наше!
Да минет несчастье тебя!
Ждут не дождутся враги наши,
Как бы скорей изловить тебя.
Отчаялись враги наши

Тебя получить – Зелимхана!
Задумали враги наши
Семью полонить Зелимхана!
Семью скорее ты уведи,
В соседство к соколу уведи,
На пики горные уведи,
Тропой гранитною уведи,
Путем заоблачным уведи!..»
Соколу смелому подобно,
Покидающему горы,
Светлому роднику подобно,
Оставляющему щебень,
На коне чистокровном мчался
Зелимхан из Харачоя.
Только в глухую полночь домчался
Зелимхан до Харачоя,
Коновязь увидав родную,
Привязал к ней коня Зелимхан.
Саклю свою увидав родную,
По крыльцу взлетел Зелимхан,
Пальцем тихонько в дверь родную
Смелый постучал Зелимхан.
И семью свою родную
Наконец увидал Зелимхан.
Как волчата, завидев его,
Заскулили ребята его,
Будто мать их с охоты пришла,
Завизжали волчата его.
«Вместе с тобою радость пришла!–
Зелимхану сказала жена, –
Горные вершины когда
Серый туман окутывал,
В крепости Ведено когда
Били тревожно в колокол,
Мы тебя вспоминали тогда,
Лили слезы горючие.

В руки врагов, отец Зелимхан,
Не сдавайся, жалея нас.
Просим тебя, отец Зелимхан,
Посещай ты пореже нас.
Ты наведывайся к нам
В год по разу, по одному.
Ты в начале месяца нам
По одному посылай письму.
Не ложись, отец Зелимхан,
Спать не должен ты в доме нашем.
Берегись, отец Зелимхан,
Ты врагам попадешься нашим.
Есть предатели, Зелимхан,
Даже в родном ауле нашем!..».
«Поскорей собирайтесь вы! –
Сказал Зелимхан из Харачоя, –
В трудный путь собирайтесь вы.
Уйдем из родного Харачоя.
К вершинам гранитным я вас поведу,
К обрывам кремнистым я вас поведу,
К Шаламовским склонам я вас поведу!».
Вскочила любимая Зелимхана,
А сердце стеснилось в груди ее.
Проворно собралась жена Зелимхана,
А слезы бежали из глаз ее.
И малые дети Зелимхана
Проворно собрались в эту ночь.
И бедная семья Зелимхана
Покинула родину в эту ночь.
Словно вор свою добычу,
Зелимхан их по склонам повел.
Он свою дорогую добычу
По Шаламовским склонам повел.

М. Катышева

Камни

Эти камни дышат стариной.
В каждом спит легенда или быль,
Омывает их Аргун седой
И седая покрывает пыль.
Встали над могилами абреков
Эти камни у дорог Чечни,
Башнями воинственного века
Поднялись в ущельях гор они.
Здесь прошли мюриды газавата,
Помнит эта древняя земля:
Где застынет кровь Хаджи-Мурата,
Ляжет путь имама Шамиля.
Здесь хранится память Зелимхана:
Пуль следы видны в уступах скал,
Мудрые аяты из Корана
Здесь старик-чеченец высекал.
Камни помнят время грозовое,
Но травой и мхами поросли,
И черты угрюмого покоя
На морщины мрачные легли.
Из развалин прошлое глядит,
Новый мир безмолвием встречая.
Только слышно, как песок шуршит,
Да Аргун шумит не умолкая.

Песня о Зелимхане

Вот не раз уж выплывал
Месяц золотой,
Давно свой пояс не снимал
Чеченец молодой.
Кто народу зло несет,
Кто народ не любит,
От свинца тот не уйдет,
Зелимхан погубит.

Богачей он не любил,
Бедных уважал.
С банка деньги уносил,
Горцам раздавал.
Горы были дом его,
Постелью была трава.
Был он смелый человек –
Горец Зелимхан.
И не раз вступал он в бой,
Не раз он побеждал,
Но однажды ночью злой
В лапы им попал.
Он погиб как лев в борьбе,
Умер как герой!
Вечно будет жить герой –
Горец Зелимхан!

1977

Автор неизвестен

Чечня

Спаси, Аллах, от ярости Чечню,
Спаси ее, Всевышний, от гордыни,
Не дай ты ей, не позволяй, прошу,
От войн и от террора с мира сгинуть.
Спаси, Аллах, чеченцев от идей,
Далеких от понятия ислама.
Молю, Аллах, избавь их от людей,
Что оскверняют светлый стих Корана.
Спаси, Всевышний, горы от убийц,
Что превратили в кладбище долины…
Смотри, стоят, слезясь от кровопийц,
В безмолвии седые исполины.
Не нужен ей ни турок, ни араб –
Чужих культур непрошенные гости.
Не нужен ей Бен Ладен и Хаттаб –

Псевдопророки или псевдогорцы.
Верни ты ей героев и борцов:
Мюрида Байсангура из Беноя,
Верни ей Шейх-Мансура из Алдов,
Абрека Зелимхана с Харачоя…
Наполни скалы звоном горных рек,
Поля наполни золотом пшеницы.
Пускай утихнут грохоты ракет,
Закроются пускай войны страницы.
Пускай уйдет и стихнет правый гнев
Тех, кто лишился брата, сына, мамы…
Не умножай, Всевышний, смерть и месть,
Умножь терпенье кротких и упрямых.
Пусть расцветет из пламени она,
Вся райским садом нахская отчизна,
Пусть обретет спокойствие Чечня
И будут жить чеченцы ради жизни!

С. Хасимиков

Гибель абрека

В ту ночь перед смертью гостил он в Шалях.
Хозяин ехидной улыбкою встретил
Усталого гостя, скрывая свой страх,
Который абрек не заметил.

За ужином громко чавкал предатель,
Посуду роняя, супругу бранил,
Чтобы не было слышно подхода карателей,
Которых заранее он оповестил.

Собака залаяла очень свирепо,
Хозяин – Эльмурза – спешит за порог…
Измена! И вспыхнуло сердце абрека,
А пальцы взвели машинально курок.

«Сдавайся, смельчак! Ведь дом окружен…

Тебе не уйти! Западня заперта…».
В открытую дверь скатился «волчком»,
Смертельный огонь приняв на себя…

Кровавый рассвет окутан туманом.
У трупа охрана стоит в двух шагах.
Так умер абрек, поверив обману,
А гяур-изменник проклят в Шалях.

1991

Х. Хаджимуратов

Зелимхан

Вот снова диск солнца встает из-под гор,
И золотом Землю покрыл его взор;
В улыбке счастливой расплылся мир весь,
Вмиг все оживает по воле небес.
И волнами хлещет о каменный брег
Аргун, убыстряя размеренный бег,
А горы окутались в снежный саван…
Как утро встречаешь, скажи, Зелимхан?!
О, вот снова день настает…
Что он нынче мне пришлет?!
Вся жизнь из бессонных ночей –
Давно не смыкаю очей!
Под гнетом неверных народ увидал,
Как биться за Волю пример ты подал.
Средь звезд ты Свободы всех ярче светил,
Величию Веры ты жизнь посвятил!
Ты был легендарным Свободы борец,
И мыслей, и дел благородных творец,
Любимец народа – не высший ли сан?!
Ты был, есть и будешь, абрек Зелимхан!
О, вот снова день настает…
Что он нынче мне пришлет?!
Вся жизнь из бессонных ночей –

Давно не смыкаю очей!
Сколь лет бороздил ты все горы Чечни,
Хоть рыскала следом смерть, прячась в тени,
Но горы, и те тебе верность храня,
Тебя укрывали до смертного дня!
О многом сумели б они рассказать,
Коль Бог им позволил молчанье прервать.
Ведь ты столько весен и столько же зим
В горах этих камни грел телом своим.
О, вот снова день настает…
Что он нынче мне пришлет?!
Вся жизнь из бессонных ночей –
Давно не смыкаю очей!
И долго охотился враг за тобой;
Твой каждый миг жизни был битвой с судьбой,
Но ведь пред изменой известно всем то,
Бессилен раб жалкий, и даже святой.
Вот ты окружен и теперь не уйти,
Хоть враг и не смеет к тебе подойти.
Ты ранен, час пробил пред Богом предстать,
И суру Корана уж шепчут уста.
О, вот снова день настает…
Что он нынче мне пришлет?!
Вся жизнь из бессонных ночей –
Давно не смыкаю очей!

1980

Д. Кагерманов

Харачойн Зеламха

(Ширачу иллин мукъамехь)

Сосакхо бен бечу ламанан тархашкахь,
Ламанах хьерчачу юькъачу мархашкахь,
Гила борз угIучу цу аьрцнийн хьаннашкахь,
Берд бууш гIергIачу Органан Iаннашкахь,

Буьйсанаш идош ву Харачойн Зеламха.
Мацалла ша дуург гІа-патар ва долуш,
Хьогалла молу хи бецан тхи ва долуш,
КІел буьллу кІеда мотт декъа латта ва долуш,
ТІетосу шен юргІа Іаьржа верта ва долуш,
Баланаш идош ву Харачойн Зеламха.
Лаьхьано нох даккхар а хезаш ду лергаш,
Зингатан болар ган а сирла бу бІаьргаш,
Лар хуьйцуш сел говза ю цу динан бергаш,
Эпсарш буьтуш хьекхо шайн къиза цергаш,
Са идош лелаш ву Харачойн Зеламха.
Цу лоьман маьхьаро дог майра ва дохуш,
Лечанан шакаро дегІ тІема ва дохуш,
Зарзаран декарша ойлане ва вохуш,
Сатийна ладогІа къора берд ва лоьхуш,
Хьегамехь лелаш ву Харачойн Зеламха.
Турмалца хьоьжу и, шайн пхьоьха дІахІуттуш,
Юьртахой суьйренца хийисте ва хІуьттуш,
ДІаяхна шен жималла ойлано луьттуш,
Шен хьоме нийсарой бІаьра хьалха ва хІуьттуш,
Аренаш идош ву Харачойн Зеламха.
Дех, вежарех хадарх, стогаллех ца вухуш,
Тешаме доттагІий шена герга боьхуш,
Къонахийн сий лардан царна некъ а хьоьхуш,
Тешнабехк бан бевлларш тІаьхьара бохуш,
Са меттахь леташ ву Харачойн Зеламха.
Доьзалца чуверза мерза тем ва боцуш,
Йиш-вешех хьегарна уьш дага ва лоьцуш,
ГІело ян гІоьртинчун чІир дера ва оьцуш,
Ламазна хІуттуш бен герз дІа ца хоьцуш,
Аренаш идош ву Харачойн Зеламха.
Шен коьртах, доьналлех и эпсарш ва хьегош,
Чин даздан сихбелларш Іожалле ва эгош,
Буьрсачу шен цІаро и инарлаш бегош,
Седарчех бутт санна, шен юрт яртех къегош,
Къийсамехь къарлуш вац Харачойн Зеламха.

Чал дера шен герзаш дегIаца ва къуьйлуш,
Дийнах буьйса тарйина, хьеха чу вуьйлуш,
Буьйсанах де дина, хьехара ва вуьйлуш,
Аренаш идош ву, доттагIий тIегулбеш,
ГIизлар-гIала вуьйлуш Харачойн Зеламха.
Цамгаро лаьцна дегI йийсарх ца духкуш,
Кхиэл хиларх дог тешна шен гIазот доьхкуш,
Герз нийса детташ ву, мостагIийн гуо лоьхкуш,
ХIей, гавурш! – бохуш, гонах декъий дохкуш,
ТIамна кIел сецна ву Харачойн Зеламха.
Халачу чевнашна узарш а ца дохуш,
Узарийн меттана «Я АллахI» а бохуш,
ЧIир екха Кибиров тоьпа кIел ва лоьхуш,
Ша къилбе нисвелла, дагахь Ясин ва доьшуш,
Эрний, эшший ца велла Харачойн Зеламха.
Турпал верг, воцург а цкъа волу вайха,
Ца вуьсу дуьне сов диънарг и аьхна.
Хьайн оьмар яхъян ахь ямарт некъ ца лехна,
Чекхвели хьо цунах лаьмнаш цецдаьхна,
Вицлур вац халкъана Харачойн Зеламха.

Л. Яхьяев

Харачойн Зеламхех лаьцна илли

Шийла дарц хьовзийча, мацалло дарйина,
Ижонна арайолу гила борз санна,
Заманан харцоно кура дог Iовжина,
Лела ма велира Харачойн Зеламха.

1

Суьйренца малх бузуш, маса дин кечбина,
Чал дера ва герзаш шен юкъах дихкина,
ТIам-Iаьржа и верта шена тIе кхоьллина,
Веше лен велира Харачойн Зеламха:
«Хьо лелий валахьа, хьомсара сан ваша,
Цу лаьмнийн чIаж декош буьрсачу маьхьарца

Нускална орцаха цIоькъа-лом долийца.
Кхана малх кхетале бертаза и хьаша
Хьан дола ца ялахь, вай нахал довлийца,
«Ваша вешин – пхьу берзан» – аьлла вайн дайша.
ДIабузу дашо малх чубуьзна балале,
Схьакхета дато бутт нур хеца кхиале,
Мохо ва ядийна куьйса кол ва санна,
Юьртах ма иккхира барт болу ши ваша.

* * *

Ма даха вай кIентий, дош-даше ва даьлла,
Зударша хастийча, къонахий ду, аьлла!
Кхайкхина валийнарг баьрче ва хаийна,
Кхайкхаза веанарг когашкахь сацийна,
Хьомсарчу кIантана нускал ва далийна,
Той дан ша вуьйлира, бах, и кура эла.

2

Хьун луьста ва йолчу генна дIа ва буьйлуш,
Шен жима оьзда дегI гаьннаш тIе ва къуьйлуш,
Цу хьаннийн Iин цоьсту къоркхокха ва санна,
ГIабалин тIам ловзош, шен дайчу боларца
Ловзарна пиллаг хьокху нохчийчун йоIа.
Шен маса ва тIемаш дIаса ва даржийна,
Стигла ша ма-делли – стиглаца ва къуьйсуш,
Махе ша ма-делли – махана кур туьйсуш,
Кхокханна ва теба ша леча ва санна,
Халхаран кIеж туьйсу цу ненан ва йоIа.
ДIатийна юрт Iадош пондаран аз дека,
ГIелвелла вотанча хьацарна къега!
Воккхачу стеган куьйгаш мекхаш тIе кхийда,
Шипонна кIелхьара Iаьржа бIаьрг къеда!

* * *

Ма лолда вай, кIентий, хетариг ца хилла,
Зуда маре ва яхна, хьекъалах тилла.
Iуьйранна долийна той суьйренга даьлча,

Суьйренга даьлла той буьйса юккъе даьлча,
Маларо, набаро нах ийзо ва боьлча,
Шийла мохь белира, бах, сов цIийна чуьра!..

3

Хьо Iаьржа ва буьйса, хьо берзан ва буьйса,
Цкъа наггахь мархашхула беттан нур къеда,
Инзаре тийна-таьIна хьун лаьтта буьрса,
Адаман хIуо кхетта цхьа акхаро едда!
Хи кIорга ва долчу маса ва хьийзош,
Хи чехка дуьйлучу динан бергаш ва ловзош,
Чал дерачу герзашна куьг уллохь ва сецош,
Хьомсарчу езарна эхь тIера даькхина,
ЦIехьа ма вирзира и майра ши ваша!
Гора-яI, Зеламха, техкийна хьо ага
Ма деса ца хилла, ма эрна ца хилла,
Яхь йоцчу кIантал а сий дайна йоI тоьлла,
Цкъа туьро вадийнарг гIожах а ма ведда.

* * *

Кочачу ва йоIах лета ва везара,
И хьоьстуш ловзаеш лело ма езара!
Нахана ва хьалха юьхьIаьржа хIоттийна,
Куралла яькхина чуьра зуда ядийна,
Хинйолчу тIаьхьенна а тIехтохам ва битна,
ГIийла ма хаийра вежарша и эла.

4

Тайпана шайн мел верг кхайкхина валийна,
Тайпана мел воцург кхайкхаза веана,
Паччахьан и эпсар тхьамда ва хаьржина,
Ара ма елира хьоладайн арданга.
Ижунна ва теба къена борз ва санна,
Юрт яккхал и герзаш улло ва дехкина,
Гонаха бIаьрг бетташ, доьду са лахдина,
КIелонна хиира яхь яйна и тоба.

Тийначу суьйренца, бузучу малхаца
ЦIестан ва кIудалш пхьарсах ва тийсина
Дезачу духаршца, курачу дегнашца
Пхьоьхана хин йисте мехкарий хIиттина.
Ца моьттуш – хIун ду те? – цIеххьана топ ели,
Зеламхин цу вешин мерза са ма дели!

* * *

Ма хуьлда вай, кIентий, яхь яйна ва гIера,
Нахаца ва стешха, зудчуьнца – дера!
Ма буьрса еца хьо, ма лекха еца хьо,
ТIулгаца йоьттина ва къиза набахти.
Зеламха веца со, маьрша стаг веца со.
Воьрзур вац къарвелла Iаьржачу лахьте!

5

Гуро ша ва лаьцна цIоькъа-лом ва санна,
Болатан буржалаш оьгIазе декадеш,
Чубахьа ва кхача неIаре лестабеш,
Дарвелла хьийзара Харачойн Зеламха:
«Ма вала дакъаза хIай, воккха паччахьа,
Цхьана къоман хьайн нах а бахкабо ахьа,
Махкана ва динарг ца дисна ва хьуна,
Ткъа махко ва динарг декхаза хаьа суна!».
Буьйсанна хан яьлча, пен буха аьхкина,
Шен кийрахь кхехка дог кера ва къевлина,
Сема ла ва доьгIуш, доьIу са лахдина,
Шен сирла ва бIаьргаш гонаха хьажийна,
Боданехь цхьанна-ма вела а къежна,
Набахтера ведира Харачойн Зеламха.

* * *

Зуда ва лоьхучунна зуда ва нислойла,
ПаргIато езачунна паргIато гойла!
Зезагаша къарзийна, олхазарша Iадийна,
Самукъне шовданаш аренца даржийна,

Іаламо бІаьрг боьллуш набарха гІаьттина,
Хаза ю Нохчийчоь бІаьстенан юьхьанца.

6

Чекх сагун тулгІенаш тІеттІа ва керчаш,
Цу тІулгийн чхарашна оьгІазе пе бетташ,
Текхаргах хьаьрчина, геннара чІуг етташ,
Ломара схьадолу и шийла Хулхула.
Берд лекха хаьржина, тІулгаца йоьттина,
Яккхийчу тоьпашца, салташца чІагІйина,
Еа а маьІехьа сема ха хІоттийна,
Паччахьан гІап лаьтта Хулхулан бердаца.
Тийначу Іуьйренца, гІоттучу малхаца,
Ша махе ваьлла Іара паччахьан эпсар,
Курачу дагаца, лепачу герзашца,
Ца вешаш ма дара цуьнан майра Іер.
ЦІеххьана, – орца дала! – геннара герз дуьйжи,
Йис кхетта гІа санна, эпсар а ма вуьйжи!

* * *

Дехийла вай, кІентий, стоггаллех ца духуш,
Мерзаниг даарца, езариг юхуш!
Эхь ма ду, бехк ма бу паччахьан эскарна,
Цхьа акха нохчочо полковник вийна
Обарган корта богІу эпсарна чІирна,
Бохуш лен велира и кура инарла.

7

«ЛадогІа ахь соьга, Харачойн Зеламха,
Берриге махкана хьан цІе ма евза.
Хан-меттиг йиллина герзаца цхьалха
Суна хьо лата дуьхьал вала ма веза!».
Суьйренца божлара дин арабаькхина,
Терс-маймал дуткъа тур шен юкъах дихкина,
Поп бойна гуьйриг тІе дай леча ва санна,

Ша дина хиира Харачойн Зеламха.
Йиллинчу ва метте вахана дIакхаьчча,
Шена гуо лаца теба салтий а гича:
«Гора-яI, ямарта паччахьан хьо кIеза,
Ца хилла дешан да, ца хилла къонаха,
Ахь йинчу кIелонна вац хьуна со реза», –
Аьлла ша ма вайра Харачойн Зеламха.

* * *

Къийса ва луучун къийса кадолийла,
Эхь дайна вехачун аьтто ма болийла,
ЛадогIа ва соьга, паччахьан ва эпсар
ГIизларчу цу банке со вогIу хьуна,
Хуьлда хьоьца ва герзаш, хуьлда ва эскар,
Къонаха хьуо велахь дуьхьал вала суна.

8

Цу Теркан бердашна куьйра санна тебаш,
Эрз луьста нисбелча, садаIа сецаш.
Герзаша кхелина, дойш тIехь ва техкаш,
КIентийн тоба йоьдура Теркаца хьала.
Делкъанна хан яьлча, малхо ва еттина,
Киртоьхна ва цIенош бошмаша хьулдина,
Наггахь бен стаг ца гуш, гIелъелла дIатийна,
Маьрша ма Iуьллура и маьрша ГIизлара.
Дезачу духаршца куралла ва сетташ,
Ахчанан ва таппаш киснара схьагIерташ,
Вовшашна кIеда-мерза бела ва къежаш,
Купецаш хьийзара цу йоккхачу банкехь.
Вададай – хIун хилла? – ченан кIур ма бели,
ГIизлара банк яхьа Зеламха чувелира!

* * *

Ма лолда вай, кIентий, тешам а ва байна,
Харцо тIехIоьттинчохь стогалла яйна!
Базаран ва майда го лаьцна хадийна,
Шодмашца, тоьпашца нах кIажа гулбина,

Стаг верг а, зуда а а къиза ва хьовзийна,
Ирча де хIоттийра паччахьан салташа.

9

ГIо оьшуш, гIо доьхуш и шийла кхаъ кхаьчча,
Синметта топ кхетта цIоькъа-лом ва санна,
Тешаме накъостий тIаьхьа ва хIиттийна,
Орцах ма велира майрачийн и баьчча.
Хьаннашца, тогIешца, кхехкачу догIмашца,
ГIебартойн маса дойш чехадеш шодмашца,
Говран ког ловзазчу акхачу некъашца,
Кхоьссина йогIура и кIентийн ва тоба.
Аренаш ва цоьстуш, махаца ва къуьйсуш,
Хала са ва доьIуш, стигла кIур ва туьйсуш,
Йоккхачу гIалара цIерпошта схьагIертара.
Шийла мохь ва тухуш арахь и сецира,
Купецаш, эпсарш тIера ва биссийна,
ЧIир екха велира Харачойн Зеламха.
Ма лела вай, кIентий, ардангах къаьстина
Бохаман Iуьйренна доьхка а даьстина.
«Стигал вала тIемаш маса деза хьуна,
Уьш дац хьан, Зеламха, каравола суна.
Лаьттах ваха мIараш ира еза хьуна,
Уьш яц хьан, Зеламха, кIелависа суна!».

10

«Тешаме топ ю сан маса ва тIемаш,
Ларлолахь хьо цунах, паччахьан инарла!
Дитт дуткъа тур ду сан ира ва мIараш,
И луьра ду хьуна, паччахьан инарла!
Хьаннашца дукха ю акхаройн тобанаш
Цхьана берзан кайолу уьш хьалха лахка.
Дукха ю паччахьан цу салтийн гIеранаш.
Со царна борз еца, уьш хьалхара хахка...».
Яккхийчу тоьпашца цу хьаннийн Iин декош,

Сийначу молханца ламанан бохь чехош,
Хьоькхучу маьхьарша экаме лерг Іадош,
Гуолаьцна хаийра Харачойн Зеламха.
Инзаре ваьллачохь инарла ма виси,
Зеламха лечкъачохь хІуо а ца диси...

* * *

Ма лолда вай, кІентий, дог кура де доцуш,
Еза коч юьхийна, элашна доцуш!..
Зеламхин геланчаша ярташ ва сийсайо,
Майрачу къонахийн тобанаш гІиттайо.
Дукха ва Іиллина нох мекха ма доьлла,
Іиллинчу ва барзал сема пхьагал тоьлла.

11

Хьоладайн реманаш хьалха ва лаьххина,
ГІебартойн маса дойш тІаьхьа ва хаьххина,
Паччахьан ва эпсарш гІопара ва бохуш,
Гулделла ва даьхни гІийлачарна доькъуш,
Ахчанан ва таппаш нисйина йоькъуш,
МостагІийн гІеранаш хьалхара идаеш,
Айкхавала ваьхьанарг жоьпе ва ийзавеш,
Мискачу нахана шаьш орцах ва буьйлуш,
Ямарта волчунна шийла даш туьйлуш,
Доьзална ницкъ бийриг тоьпаца сецавеш,
Юьртана вуо динарг юьхьдуьхьал вожавеш,
Аренаш ва цоьстуш нийсонца гІаьттина,
Яхь йолчу ва кІентийн тоба ма лелара.

* * *

Сий дайна дІавер вац сий долу къонаха
Иллешца хеставеш вуьйцур ву и наха.
Ламанца ткъес детташ стигланаш тІейоьлху,
Буьйсанна хан яьлла эвла Іуьллу тийна.
Хьуьн чуьра бен боьхна берзан кІеза доьлху,
ГІаларт ду и гуш дерг я адам ду дийна?..

12

Іаьржачу вертанах къу санна хьаьрчийна,
ТІадийна ва башлакх бІаьргаш тІе ийзаеш,
Кийрара дилхан дог балано Іийжадеш,
Зеламха тебара шен юьрта лечкъина.
Кешнашна тІекхаьчча, ладоьгІуш сеца и,
ЦІеххьана мохь бели – карахь топ къевли цо.
Сирлачу бІаьргашна гонаха стаг ца ги.
Бодашкахь тІам тоьхна олхазар гІаьтти...
Гуьйренан ва буьйса, хьо тІуьна ва буьйса,
ДІо-о генна, корехь летта богуш го къуьда,
Стигланаш тІекъекъа оьгІазе, ва буьрса,
Юкъал тІех зама яьлла буьйса дІауьду...
Меллаша кор туьйхи – цІеннана сема ю,
Зеламха чу вели, чохь бовха кхача бу.

* * *

ХІун хир ду сел мерза цІийнан кхерч боцург,
Дуьххьара ког боккху хьомсара бер доцург?!
Борз гІийла стенна угІу гу лакха яьлла?
Ардангах къаьстина и бІарзъелла лела.
Маьрша стаг хІунда лела обарг а ваьлла?
Паччахьан харцонна и керчаварг цІийла!

13

Лахенца хьовзийча, лакхенга вуьйлуш,
Лакхенга шело тоьхча, лахене вуьссуш,
Малх кхетта де хилча, аренаш ва цоьстуш,
Кхоьлина де хилча хьун луьста ва лоьхуш,
Мацалла гІа дууш, хьогалла тхи муьйлуш,
И Іаьржа ва латта вуьжу мотт ва хоьржуш,
Попан шийла орамаш гІовла ва йолуш,
Аренца мох баьлча, шелонна ийзалуш,
Ламанца догІа деача, вашийна хуьлуш,

Хьуьн чуьра акхарошца баннаш ва къуьйсуш,
ГІа-бецах тешам байна, гонаха хьоьжуш,
Кхерч маьрша ва болчу акхаройх хьоьгуш,
Хьомсарчу доьзална дилхан дог доьлхуш,
Ша ваьлла лелара Харачойн Зеламха.

* * *

Ма даха вай, кІентий, харцонна кІелдисна,
Стогалла яйина, кІиллочун цІе йисна.
Дависа хьан дела, малх кхета ва дуьне,
Хетариг ва хилла хьо-м дуург ца хилла.
Цкъа мерза кхойкху ахь винарг санна шуьне,
Юха къаьхьа хуьлу хьо дестечун сила!

14

Буьйсанна хан яьлча, кхолха гуо ва лаьцна,
Мотт хаьдда висаро вахана мотт тоьхна,
Сийдоццу кІиллонна ахча а ва тесна,
Харцонна елира ямарта и тоба.
Юьйлучу тоьпаша йоккха юрт Іадийна,
Іожаллин кІеж хьийза мостагІашна юкъа,
Лелхачу цІераша беттан нур гІелдина,
Цкъа тоьлла мохь болу, юха иза лекъа!
«Хьо бІаьрза ма хьийза кийрара дилхан дог,
Цкъа ваха кхоьллинарг валаза ца ваьлла,
Хийла ахь куралла ловзийна динан ког,
Хийла хьо къовсамехь тоьлла юхадаьлла!».
Бух хаьдда поп санна, шийла даш ва кхетта,
Вуьйжира сийлахь кІант Харачойн Зеламха!..

* * *

Ма тола вай, кІентий, тешнабехк ва бина,
ТІаьхьено бехк буьллу эхь долу дина!

АБРЕЧЕСКИЕ ПЕСНИ

В конце XIX – начале XX в. появляются абреческие песни. Герои этих песен – абреки – заступники народа. Борьба абреков носила стихийный характер, они выступали в одиночку или небольшими группами. Большой популярностью пользовались песни о бесстрашном чеченском абреке Зелимхане: «Песня о Зелимхане», «Нападение Зелимхана на Кизляр», «Горы высокие» и др. В более поздних песнях чеченцев и ингушей проводится уже идея не одиночной борьбы с врагами, а совместной, как, например, в песне «К птице».

К. Кулиев

Песни горцев

Горцы Кавказа всегда ценили слово. «Хорошее слово стоит скакуна», говорят, сказано ими. Они не любят бросать слово на ветер. Оно дорого им, как хлеб и соль, что добывались в горах с большим трудом.

...Тяжелые условия жизни, невыносимый гнет со стороны местных феодалов и царских чиновников, социальная несправедливость породили в горах Кавказа то явление, которое в народе называют абречеством. Не вынося унижений и издевательств, храбрые и сильные люди покидали свои очаги, уходили в леса, не видя и не находя другого пути борьбы со своими мучителями. Это были благородные мстители. Их не надо путать с обыкновенными разбойниками и грабителями. Абречество явление социальное. Абреки были заступниками бедных и грозой богачей, князей и чиновников. Царские власти вели с абречеством беспощадную борьбу: кого удавалось поймать, посылали в Сибирь на каторгу. Самым известным абреком в горах был чеченец Зелимхан. Известен и карачаевец Канамат. О них горцы пели прекрасные песни, которые дошли и до нас.

...Абреки были людьми свободы, борцами за нее. Горцы Кавказа, у которых всеми способами старались отнять свободу, не могли не отдавать лучшие порывы души свободным и отважным рыцарям гор. Об этом поется в карачаево-балкарской «Песне о Канамате».

Благородный и храбрый защитник бедных Канамат с несколькими товарищами семь лет находился в Черном, как сказано в песне, лесу, «ночью выл волком, а днем лаял собакой». Канамата с друзьями выдал властям один его старый знакомый, и все они были убиты в отчаянной схватке с отрядом, окружившим их. Песня о них трагична и мужественна. Ее поэтическую мощь едва ли можно

передать в переводе на другой язык. Поэзия подлинной жизнью живет только на том языке, на котором она создается. А потому и песню о Канамате очень трудно перевести, каким бы замечательным поэтом, каким бы крупным мастером ни являлся переводчик. Запись «Песни о Канамате», по которой осуществлен перевод на русский язык, во многом не совпадает с тем замечательным вариантом, который запомнился мне с мальчишеских лет, когда мне посчастливилось слушать лучших народных певцов-сказителей, давно ушедших из жизни. Я не могу не процитировать то место, где один из товарищей Канамата Касбот рассказывает сон по дороге в аул, не ведая, что знакомый аульчанин предаст и погубит их. Вот их разговор в том виде, как его исполняли крупнейшие исполнители фольклора:

– Ой, Канамат, я хотел бы рассказать
Тебе один сон,
Если ты не станешь меня ругать.
– Расскажи, Касбот, расскажи,
Зачем я стану тебя ругать?
– Ой, Канамат, двор людей, куда мы идем,
Был залит красной кровью,
А сокол, похожий на тебя,
Лежал мертвым в том дворе.
Такой сон мне приснился этой ночью.
– Ой, негодный Касбот, ты, кажется, струсил,
Сновиденья – это отбросы сна,
А тот, кто верит им, – негодный из людей!
Если бы вдруг я
Горе излил,
Если бы на луг я
Слезу обронил,
Знаю, печаль моя землю сожгла бы,
И на равнине трава не росла бы.
Если бы в песне
Я горе излил,
В реку бы если слезу обронил,
То от соленой слезы и от горя
Сразу река превратилась бы в море.
Там, где скитаюсь я,
Нету еды,
Там, где скрываюсь я,

Нету воды.
Я пробавляюсь дубовой листвою,
Пью-напиваюсь росою скупою.

Мы ведем речь, повторяю, о народных мстителях, о заступниках бедных и обездоленных. Мы имеем в виду тех, «кто на князей точил кинжал», как сказано в песне о Канамате. Справедливость, свобода, мужество и бесстрашие – вот что являлось религией настоящих абреков. Сила народных песен, их огромное значение заключается еще и в том, что в них отражены все стороны жизни народа, они остаются правдивейшим выражением человеческой души, всех ее переживаний. Горцам Кавказа в течение многих веков приходилось отстаивать свою землю, родные очаги и жизнь детей от посягательства бесчисленных захватчиков. Горский крестьянин всегда оставался воином, его в любой час мог призвать к бою огонь тревоги, зажженный на вершине горы. Были времена, когда в аулах могил оказывалось больше живых жителей.

Свидетелями той суровой жизни, наряду с произведениями фольклора, остались крепости и башни в горах, так часто встречающиеся, а еще надгробья из горного камня у дорог. В старину героев хоронили там, где они погибали. Любопытна одна деталь. Мне не раз приходилось видеть два памятника у дороги, стоящие рядом. Один из них обычно был повыше другого, и на нем изображалась голова мужчины, а на другом памятнике головы не было. Люди знали, что рядом лежат мужчина с женщиной, муж с женой. Многие из таких надмогильных камней у дорог сохранились до наших дней.

Хевсурская песня о Зелимхане

Прежде чем завершить тему чеченской пассионарности, которую я затрагиваю в своей статье «Русско-чеченская война…» (см. предыдущий выпуск «Нохчи Майд»), решил прокомментировать хевсурскую песню о Зелимхане, опубликованную в 15-м выпуске этого сайта. Это очень наглядный и красочный пример, один из материальных фактов того, что, завоевав Кавказ, царской России не удалось покорить чеченцев и остудить их пассионарность.

Я не берусь описывать эстетические достоинства этой фольклорной песни, они бесспорны. Достаточно сказать, что она с самого начала способна взбудоражить воображение слушателя с таким эффектом, как будто его окатили ледяной водой: «Поют двое мужчин и женщина. Начинает пение мужчина, подражая грубому вою волка. Женщина речитативом под вой спрашивает: «Слышишь

ли, как на перевале гром гремит?».

В начале песни описывается состояние погоды, которое образно передает состояние мира кавказских горцев и, в частности, быт хевсурской семьи, характеризируя эмоциональное состояние горцев:

«Мелкие брызги дождя сковывают снежинку с снежинкой так, что и тур не пройдет по этому покрову и потеряет тропу, а бедный хевсур, прижавшись к скале, пережидает бурю. Нет, ты не видишь и не слышишь ничего. Там, внизу, под шум Арагвы, катящей свои чистые воды, сидят семьи вокруг очага, и не трогает их буря, не пугает их снег; есть у них запас дров на крыше, задан корм овцам и коровам, и слышится лишь шум сбиваемого душистого масла да шипит в котле сало с ячменной мукой…».

Но не весь Кавказ застыл после многолетних свирепствований врага в унизительном довольстве малым. Во враждебную непогоду уверенно ступает по перевалу тот, кого простые горцы считают духом: «Но кто же это там, на перевале, идет от галгаев? Не боясь бури и снега, он смело ставит ногу, куда нужно, точно видит под снеговой коркой тропу. Он ставит ногу над самой пропастью, не боясь поскользнуться. Кто этот человек? Не дух ли он?».

Зелимхан – герой-одиночка, который встал на защиту своей оккупированной страны и воодушевляет своим героическим примером храбрецов соседних народов: «Но смерть не берет Зелимхана, так как Бог бережет его до той минуты, когда он отомстит за каждого своего погибшего родича всем виноватым, так как Бог не оставляет не отомщенным ни одного зла, ни одной слезы, причиненных невинным».

Но судьба героя трагична: «Он хотел бы умереть от тоски по семье, которую русское начальство отправило, не пожалев малюток-детей, на край земли, где собираются люди лишь после смерти». Его остерегаются, потому что того, кто даст приют абреку, ждут жестокие репрессии со стороны империи: «…Он воет потому, что нет у него крова, нет семьи, нет очага. Никто не ждет его прихода. Никто не провожает его в дорогу, и не печет ему лепешек с салом на долгий путь. Он дом свой носит у себя за плечами. Он приходит тогда, когда его не ждут, и уходит, когда солнце не успевает позолотить снеговых вершин перевала».

Но все же Зелимхан пользуется уважением и самоотверженной поддержкой тех горцев, которые сами не смеют бросить открытый вызов огромной кровавой империи. Они видят в нем того, кто посмел начать открытую вооруженную борьбу, на которую у них пока не хватает сил и смелости: «А знаешь ли кто он? Он тот, кого и большое начальство, и последний стражник одинаково

боятся. Ищут его, но не хотят этой встречи; ловят его, но пугаются наложить на него цепи. Он – Зелимхан».

Из книги К. Кулиева «Поэт всегда с людьми». М., 1986.
Извлечение из статьи «Пламя загорается от искры» Вахи Сурхо
http://www.nmayd.com/archives/15-06-2006.shtml

Зелимхан

У Зелимхана верховые появились, говорят.
Славу смелым побратимам обещают, говорят.
В камышах ночной порой остановились, говорят.
И ногайкой в нетерпенье потрясают, говорят.
У кого лихие кони приезжайте, говорят.
У кого остро оружье, к нам ступайте, говорят.
На траву, как дома, бурку постилайте, говорят.
Вольный ужин с братской саблей разделяйте, говорят.
Горяча ты, пуля, несущая смерть с собой,
Но не ты ли была моей верной рабой?
Тяжела земля, покрывшая навек меня,
Но не тебя ли я топтал копытами коня?
Холодна ты, смерть, над белым лицом моим,
Но не я ли был всю жизнь господином твоим?
Высохнет земля над могилой моей,
И меня ты забудешь, моя родная мать,
Прорастет могила кладбищенской травой,
И перестанут сестры обо мне вспоминать.
И слезы высохнут у любимой жены,
И по дальним тропам разъедутся друзья.
Только ты будешь помнить обо мне, мой сын,
Пока не ляжешь рядом мертвым, как и я...
На плечах оружья звук,
Эй, как лев насторожен,
Едет Зелимхан, говорят…

Песня о Зелимхане

(подстрочный перевод с кумыкского)

С Бисмилой я слагаю слова
О Зелимхане говорю.
Твой отец отдал тебя в школу,
Чтобы умел читать, писать,
От государей жалованье получать.
Учился ты, не уставая,
Чтобы без званья не возвращаться домой.
Но Зелимхану жалованья не дали.
Когда он спросил: «Почему так?»,
Тот генерал не внял его просьбе.
«Этого врага убью я и уйду в горы».
Вытащил ты оружие из кобуры,
И стал обречен на абречество.
Стреляя до последнего патрона,
Ты стал врагом государства.
Горой стал ты перед его войском,
Твое имя заставило государя вздрогнуть.
Со всех сторон он послал на тебя милицию.
Если войска идут, ты бьешься с ними,
Надеешься лишь на одного Аллаха.
Ты написал письмо полковнику.
Не берет тебя пуля врага.
Не смеют войска окружить тебя.
Пусть будет благословенна мать, родившая тебя.
Ты погнал войска в лощину.
Молодые люди связали себя с милицией,
А главари стараются чины получить.
За одну ночь ты объезжаешь губернию.
Говорить ты умеешь на многих языках,
Ты и дружбе знал цену, как и вражде,
Чтобы басурманы не истребляли друг друга.
А Зелимхана поймали и выдали.
Докладывают генералу, что не могут ловить.

[1] Параул – один из древних кумыкских аулов Дагестана.

Нельзя предавать героев.
Того, кто предает его,
Пусть Азраил возьмет его душу не спрашивая.
Пока живы такие молодые парни, как Зелимхан,
Эти враги разве будут спокойны?
Ты спешно раны свои перевязал.
С генералом разговаривал, будто священник /поп/,
Генералы руки подавали, приняв за священника.
Ты напал на крепость Кизляр.
Этим ты убил сотника наповал.
Эти сотники рассказывают о тебе
И от тебя отходят ранеными.
Сын параульского [1] муталима
Посвятил эти строки Зелимхану.
Я думаю о делах Зелимхана,
Я – Саифалим – говорю эти слова.

Перевод А. Ахаева.
Корректировка Камала Абукова

Народная песня о Зелимхане

Во время бури на плоскости, пробираясь в ущелье,
Во время снега в горах, пробираясь на плоскость,
Родным братом считая винтовку,
Как лев, который собирает зверей для спасения львят,
Любимую свою семью в большом лесу в горах собрал и остановился для ночлега.

Харачой Зелимхан.
С доносом поехал один человек,
Подробно доложил в большом суде большому начальнику:
«Если это правда, я положу на твои плечи офицерские погоны;
Если это неправда, сниму твою круглую голову».
Не для службы начали звонить городские церкви – для тревоги,
Собрали врагов Аллаха бесчисленное множество

на церковной площади.

Уа-да-дай, я-да-дай, да-дай-я, да-дай.
Уа-да-дай, я-да-дай-и-и-и...

Сыграв в медную зурну, по три человека их выстроив,
По узкой дороге вели их в черный лес.
Прежде чем показалось желтое солнце,
Прежде чем скрылись последние звезды,
В то время, как утренняя серая заря появляется,
Тремя рядами был окружен Харачой Зелимхан.
«Чтобы скрыться в черной земле – как тебе тверда эта земля...
Чтобы подняться на небо – как тебе высоко небо...
Теперь ты за учкуром моих штанов и не уйдешь от меня», –
Сказал царский генерал.

Уа-да-дай, я-да-дай, да-дай-я, да-дай...
Уа-да-дай, я-да-дай-и-и-и...

– Удивляюсь я тому, что, имея русское образование,
Сделал тебя, такого глупого, генералом московский царь...
Много я видел таких кабанов, как вы,
Неужели вы не видели такого храброго волка, как я...
Много кабанов, гуляющих в лесу,
Один только волк разбивает их целое стадо, –
Сказав так, начал стрелять из винтовки Зелимхан.
Положил он на месте пулей,
Как охотник оленя, одного офицера полка.
Начали бежать враги Зелимхана,
Получив несколько ран, ушел в это время Зелимхан,
Сказав своим, чтобы не беспокоились,
Что снова появится к ним до рассвета.

Уа-да-дай, я-да-дай, да-дай, я, да-дай.
Уа-да-дай, я-да-дай-и-и-и...

Чтоб провести день, он остановился в камышах,
Вечером сел на коня и поехал
Искать своими глазами отряды солдат,
Как старую арбу, разбивать своими руками разъезжающую царскую почту.
Так начал ездить Харачой Зелимхан.

Уа-да-дай, я-да-дай, да-дай-я, да-дай...
Уа-да-дай я-да-дай-и-и-и...

(Записана в Чечен-ауле Д. Курумовым от певца Сайда Мунаева)

Хевсурская песня о Зелимхане

Поют двое мужчин и женщина. Начинает пение мужчина, подражая грубому вою волка.

Женщина речитативом под вой спрашивает:

Слышишь ли, как на перевале гром гремит? Видишь ли, как из лохматых туч кто-то Большой и Сильный сыплет пригоршнями снег пополам с дождем, а вихри сердитые подхватывают белые хлопья и заметают тропу на перевале? Мелкие брызги дождя сковывают снежинку с снежинкой так, что и тур не пройдет по этому покрову и потеряет тропу, а бедный хевсур, прижавшись к скале, пережидает бурю. Нет, ты не видишь и не слышишь ничего.

Там, внизу, под шум Арагвы, катящей свои чистые воды, сидят семьи вокруг очага и не трогает их буря, не пугает их снег; есть у них запас дров на крыше, задан корм овцам и коровам, и слышится лишь шум сбиваемого душистого масла, да шипит в котле сало с ячменной мукой…

Вступает третий голос

Но кто же это там, на перевале, идет от галгаев? Не боясь бури и снега, он смело ставит ногу, куда нужно, точно видит под снеговой коркой тропу. Он ставит ногу над самой пропастью, не боясь поскользнуться. Кто этот человек? Не дух ли он? Его голос покрывает собой и вой ветра, и шум Арагвы. Он воет как сотня волков в холодную зиму. А знаешь ли почему он воет и в вое его сильно просачиваются тоска и печаль, что плачут камни у скал?..

Первый и второй голоса вместе:

…Он воет потому, что нет у него крова, нет семьи, нет очага. Никто не ждет его прихода. Никто не провожает его в дорогу, и не печет ему лепешек с салом на долгий путь. Он дом свой носит у себя за плечами. Он приходит тогда, когда его не ждут, и уходит, когда солнце не успевает позолотить снеговых вершин перевала. Куда он уходит, и когда возвратится – не может никто угадать.

А знаешь ли кто он? Он тот, кого и большое начальство, и последний стражник одинаково боятся. Ищут его, но не хотят этой встречи; ловят его, но пугаются наложить на него цепи. Он – Зелимхан. Его знают все: и жадные малхитинцы, и беспокойные нохчо, и вечные обидчики хевсур – галгаи; знают его и русские солдаты и офицеры, живущие за тремя большими реками там, где нет чистой воды, где нет ни гор, ни яркого солнца, а всегда дует ветер с песком и снегом.

Воет же он от того, что нет ему смерти. Он хотел бы умереть от тоски по семье, которую русское начальство отправило, не пожалев малюток-детей, на край земли, где собираются люди лишь после смерти. Но смерть не берет Зелимхана, так как Бог бережет его до той минуты, когда он отомстит за каждого своего погибшего родича всем виноватым, так как Бог не оставляет не отомщенным ни одного зла, ни одной слезы, причиненных невинным. И так как он, Зелимхан, настоящий мужчина, только тогда он найдет себе покой и смерть, когда кровью покроет кровь. До совершения же воли Бога, сама смерть боится Зелимхана, и не трогает его до той минуты. Он ищет смерти, но сам носит ее за плечами, в дуле своей винтовки. О, бедный Зелимхан»

(Записки Терского Общества любителей казачьей старины.
Май 1914 г. Стр. 90–91)

Чеченская песня о Зелимхане

Уа-лай-ла я-ла-лай.
Уа-лай-ла я-ла-лай.
Уа-лай-ла я-ла-лай.
Его мягкою постелью была черная земля...
Подушка его – чинаровые корни...
Одеяло его – голубое небо...
От голода ел чинаровый лист...

От жажды пил росу...
Когда туман спускался на плоскость – уходил в горы...
Когда туман в горах – уходил на плоскость...
По ущелью шел волчьим скоком...
На вершинах слушал голоса ущелий и долин...
Родной его брат – винтовка...
Бросил вызов своей судьбе...
Придавил его ногой...
И вышел на борьбу чеченский Зелимхан...
Взял Зелимхан свою семью
И засел на черных вершинах.
Один кляузник пошел в крепость
И бросил свой длинный язык к порогу полковника:
«Марша-аль, начальник округа,
Не спите в эту страшную ночь!
Храбрый Зелимхан, который бьет начальство и купцов,
Горный орел – Зелимхан
Остановился на горных вершинах».
Чтоб отсох длинный язык кляузника!
Когда проклятый кляузник высунул свой длинный язык,
Зазвенела медная труба и медный барабан...
Как ток на базу окружают голодные вороны,
Так был окружен гордый Зелимхан.
Три железных ряда окружили вершину.
И послал полковник Зелимхану такие слова:
«Сдавайся живым – будет здорова голова,
Я возьму тебя с вершины, как ястреб курицу...
Ты в моем кармане, ты под моей подошвой...».
Отвечал ему гордый Зелимхан:
«Живым не сдаюсь – больше одной смерти не бывает...
А ты полковник, береги свои подметки...
А когда ложишься спать, смотри под подушку;
Нет ли там Зелимхана».
Стал бить полковник по горе из пушек и пулеметов...
Когда же от пороха пошел туман по ущелью,
От запаха серы стали ржать и задыхаться кони,

Закричал с вершины гордый Зелимхан:
«Дэлль мостугай!..[1] послушай меня,
Много есть в лесу кабанов, что роют носом землю,
А их разгоняет один волчонок...
Меня для вас тоже хватит...».
И опять гремели пушки, ржали кони в пороховом тумане,
А гордый Зелимхан сидел один на вершине и пел песни...
А с первым криком муллы, с вечерним намазом
Взял Зелимхан свою семью под бурку и винтовку – брата своего.
Подавляя свою судьбу, ушел гордый Зелимхан.

(Записана А. Костериным)

Зеламха ГIизларех латаран илли

I

Схьакхеттачу малхана
IиндагI ва доцуш,
ТIедогIучу догIанна
Гоъ тхьовса[2] ва йоцуш,
Малхана йогучу
Бос Iаьржачу цу регIахь
Дагабуьйлуш ма севци
И нохчийн ва кIентий.
ЦIестан гIутакх ва долуш
Куьзганах ва йина,
Эрмалойн пхьераша
Вовшашка кхийдийна,
Тбилисехь кечйина
Бос сийна и турмал,
Куьйга номер хьовзийна,
Шина бIаьрга хьажийна,
Вистхили ма боху Харачойн Зеламха:
«ЛадогIа, ойла е,

Шен нийса накъостий,
Шен бIаьрго схьалаьцнарг
Ша дуьйцур ва шуьга,
Куьйса эрз буьйлучу
ГIебартойн цу арахь
И цIокъа ва рема
Ежаш го ва шена,
Вай йора дой лоьхку
И Теркан ва гечош,
Цу Терко гIум туьйсуш,
Ширлуш го ва шена,
Цементиц къийлина,
Силамца хьаьхина,
Хьолахоша йиллина
ГIизларан кIайн гIала
Ша дийна йисина,
Дой кхаьрдаш ма юьсу», –
Олуш, хьалха ма велир
Харачойн Зеламха,
Шаьш боьлхуш ма кхечир
ГIизларан кIайн гIала.
Де дууш ма севци
Цу гIалин ва йисте.
ГIушлакхе де долуш
Вистхили ма боху Харачойн Зеламха:
«ЛадогIа, хIай нохчий,
ОьгIазе ша хилча,
Бехк ма билла шена:
ТIетосу ва юргIа
И стигла ва йолуш,
КIел буьллу кIеда мотт
Iаьржа латта ва долуш,
Мацалла ша дууш

[1] Делан мостагIий (чеч.) – божьи враги; ругательство, в основном в адрес иноверцев.
[2] Вижа.

Попан гІа ва долуш,
Хьогалла ва молуш
Бецан тхи ва долуш,
Ша лелаш ма ву-кха
ХІара дуьне дадийна,
ТІаккха кІеззиг
Везавей ша-м,
Бехк ма билла шена.
Шу доха ма доха,
Ша хьалха ву шуна,
Ша вухур вацар-кха,
Шу тІаьхьа ду шена».
«Мартанхойн кура кІентий
Хьайна тІехІиттабеш,
Сирдинчу [1] цІенкъи тІе
Базар стол хІиттаеш,
Шишанийн ва баххьаш
Ва Іункар хІиттадеш,
И деза ва маларш
Кхийдочу цу хенахь
Дог меттахь хьо хилча
Тамаш бац, Іела,
Олуш, цхьаъ вистхилча,
Цул тІаьхьа хан ялале
ХІара дика ва кІентий
Дойшна тІехевшина,
Шаьш боьлхуш ма кхечир
ГІизларан гІали чу...
ГІаларчу банкина
ТІелети ма боху
Дуьненахь а сий долу
Харачойн Зеламха.
ЦІен деши схьаэцна,
Паччахьан зорбанан
КІайн ахча схьаэцна,
ХІорш бохкучу заман чохь,

Орца ма даьккхира
ГIизларан гIали чохь.
ТIаккха тIе ва гуллуш,
Накъостий дIахIиттир.
Вистхили ма боху
Харачойн Зеламха:
«Дой тоьлла ва дераш
Уллохила, ва кIентий,
Ва тIамна каденига
Хьалхавала ва шена.
Дог меттахь ва вериг
ТIаьхьасаца ва шена,
Ва кийрахь даш доллу
И буто даьндаргаш
Аша чехка йийлийта
Тоьпан бархI сона», –
Олуш, хьалха ма велир
Харачойн Зеламха.
И стомма хьаькамаш
Шаьш лечкъабевлира.
Ва лекха эпсараш
Шаьш ида бевлира.
Урамийн ва некъаш
Кхарна хецна дитира,
Лакхара ва аьрцнаш
ПаргIат ма девли;
Баьхкина ма кхечи
Бос Iаьржачу цу регIа.
Де дууш ма севци
Де делкъенга ва долуш...

II

Сиэттачу поштанна
Йора дой ва доьжна,

[1] Басар хьаькхначу.

Шен хьолан локхалла,
Шен деган куралла
Купецийн юткъа шок
Шен матта ва лоькхуш,
ВогIуш тIекхечир бах
Хьал долу Товрачан...
И лаьцна ма саций,
КIайн йийсар ва дина,
ТIаккха лен велир, тов,
Харачойн Зеламха:
«Сиха къаста, ва кIентий,
Шен тобанах боцурш,
Ша ваха воллу-кха
Дакъазалла ядийна,
Шун ирс хуьлда-кха,
Шу марша Iолда-кха», –
Олуш, вола ма вели,
Шен тоба къастийна,
Суьйренца ма кхечир
Цу Яьссел дехьара,
Цу Бенойн цу варша
Харачойн Зеламха.

III

И тиша хьошалла,
Алапа стамделча,
Доьхна ма хиллера
Цу Бенойн БоргIанин,
Эпсар чин кхайкхийна,
Тешамза даьллера.
Гучувели ма боху
И Бенойн БоргIани,
Цуьнга вистхили бах
Харачойн Зеламха:
«Ирзехь экха санна
Нацкъара вуьйлу хьо,

Хьайн дагна хьайн дериг
Ахь генара дийцалахь».
ТІаккха вистхили, тов,
И бенойн БоргІани:
«Цу торгехь юхку
Алаша ва санна,
Шаьш лахайоккхуш
Хьан цІе язйича,
Хьоьга безам ва бахана,
БІаьрг бетташ ма ву ша».
ТІаккха вистхили бах
Харачойн Зеламха:
«Ца къегор хьо кІанта
И къорза пагонаш,
Ца дуур хьо кІанта
И стомма алапа», –
Олуш, тІевирзича
Харачойн Зеламха,
ТІехьашха леци бах
Тешнабехк ва бина.
ТІаккха вистхили бах
Харачойн Зеламха
Шен жимчу ва веше:
«Тешнабехкаца
Ша лаьцна сацийна,
Вошалла дуй теша,
Шен жима хьо ваша?
Ша дагахь воллур ву-кх,
Дуьнен чохь мел веха,
Ледарло ма елахь,
Шен жима ва ваша».
ТІаккха вистхили бах
ХІара жима ва ваша:
«Ша кхоссар йо цунна,
Хьо вухахилалахь», –
Олуш, тоьхна вожий бах,

И Бенойн БоргIани.
Iаьржачу орцано
Буьйда даш ва детташ,
Аьтто боцчу ва тIамна
Дан амал ва доцуш,
Шен аьтто буьйхир бах
Харачойн Зеламхин...
Вешеха хадийна,
Шен деха къастийна,
Ша цхьалха висир, тов,
Харачойн Зеламха.
ТIаккха узам беш секи, тов,
Харачойн Зеламха:
«Ма дала дакъаза,
Хьо маьлхан кIайн дуьне,
Хьо дуьсур ма хилла,
Цабохург ва хилла,
Хьо дуьсур ва хилла,
Цамоьттург ва хилла.
Цу серийн тускарехь
Накхармоз ва санна,
Дууш мерза ма дара хьо,
Малх кхета хьо дуьне,
Кийрахь стим баьттIа
ДоIаха ва санна,
Хьо къахьлург хилла-кха,
Кийрахь дог дохарна...».

Обарг Варин илли

Хьогалла ца вала бецан тхи муьйлуш,
Мацалла ца вала попан гIа дууш,
Набарна буьллу мотт Iаьржа латта ва долуш,
ТIетосуш долу юргIа сийна стигал ва йолуш,

[1] Кхаж (диал.)

Шен къамел дар акхарошца ва долуш,
Пхоьхана валар пепнашца ва долуш,
Малхбалехьара малхбузе кхаччалц ша волавелчи,
ДегІ дижол меттиг тешаме йоцуш,
Обарг ма велар, ва обарг Вара.
«Шийтта шо дІаделі ша обарг лела, са цІена шен гила»,
Аьлла, вист ма хилира и обарг Вара.
Малхбузен зІаьнарш хьуьна хотешка йирзинчу хенахь,
Шелонна акхарой цІийзачу хенахь,
Шелонна и пепнийн баххьаш лелхачу хенахь
Букар дарц ма хьовзийра Вара Іачу цу ломан хьеха.
«Ма бала дакъаза, са цІена шен гила,
Схьадийца ца хаарх, дІааьлларг хаар-кха хьуна.
Ва йогІур юй техьа кхул йоьхна суьйре
Коьртахь куй болчу яхь йолчу кІантана,
Ян амал дарий техьа?» – аьлла, вистхилира
Ва обарг Вара шен дикачу дине.
«Цхьа дика кІант ву бахар-кха
Йоккхачу АтагІахь Бошин Іума бохуш,
Бошин Іума ва волчу хьошалгІа
ДагІа деза ва вайша, са цІена шен гила» –
Аьлла, вистхилира обарг Вара шен дикачу дине.
Бохь боччу попан тІе дайн куьйра санна,
Ша кхерсташ ва ваьлла шен дикачу дина,
Ша хьаьвзаш вахара и обарг Вара
Цу Іумин ва гІопа.
Лилхана шедан къаш [1] шишан корах етташ,
Мохь бетта ма велира обарг Вара цу Бошин Іуме,
Ша ара ма велира Бошин Іума.
«Ассалам Іалайкум, хІай Бошин Іума,
Малхбалехьара малхбузе кхаччалц ша волавелчи,
ДегІ дижол меттиг тешаме ца хилла,
Хьо волчу вогІу ша.
Нохчий шахьаршкахь тешаме ву бохуш,
Хьо вуьйцуш хезнера шена», –
Аьлла, вист ма хилира обарг Вара цу Бошин Іуме.

«Тешаме ву хьуна хІара Бошин Іума,
Іаьржа латта ва санна.
Хьо охьавоссахьа лекхачу динара.
Даа ду хьуна боьрдаха дилха,
Мала ду вайшинна гІалин малар», –
Аьлла, вист ма хилира Бошин Іума цу обарг Варе.
Обарг Вара динара воссийна,
Цуьнан дин паргІатбаькхина,
И шиъ хьаьвзаш ма вахара
Хьешана динчу цу дуьхьал оти чу.
Баган цу стоьл тІехь хьеначу даарца,
Оьздачу маларца
Сакъера хиира барт тайна ши накъост.
Хан-зама яьллачу цу хенахь,
Варина бутту кад ша алсам ва буттуш,
Шена бутту кад ша лоха ва буттуш,
ХІилланца ма вожийра цу Бошин Іумас ва обарг Вара.
Цу Варин динна юткъа нуьйра тиллина,
Мотт эцна ма вахара Бошин Іума
Чахкархойн инарла ва волчу.
«Ассалам Іалайкум, чахкархойн инарла,
Хьо самавалахьа мерзачу набарах», –
Аьлла, вист ма хилира Бошин Іума чахкархойн инарле.
«Іалайкум ва салам, марша ва хьо делаІ,
ХІай Бошин ва Іума.
Хьо лаа лелий те, хьо тара лелий те?», –
Аьлла вист ма хилира чахкархойн инарла.
«Ша лаа ца лела, ша тара ца лела, чахкархойн инарла,
Эпсаран кулубехь къорза эпсарш ловза ца буьтуш,
ГІалаха къаста мечака [1] ца юьтуш,
Хин цІубдарал башха керстана цІийнах ца Іебаш волу
Обарг Вара ша волчу хІусамехь
Даарх Іабийна, маларах вузийна, воьжна ву хьуна», –
Аьлла, вист ма хилира и Бошин Іума.
Хьешана ва динчу цу дуьхьал оти чохь
Бошин Іума паргІатваькхина:
«Ша воллу хьуна накъостий кечбан», –

Аьлла, ара ма велира чахкархойн инарла.
ГІалин килс тоьхна, орца даькккхина,
Гома зурма лекхна, церан могІа нисбина,
И датон дуьрсташ шен буйнахь къуьйлуш,
Ша хьаьвзаш ма вахара шен ханне божала.
Шен дин чуьра баккха веана ма леци цо
Цхьа жима нохчийн кІант шен ханнийн божалахь.
Хьовзош чу валийра
И нохчийн жима кІант чахкархойн инарлас.
«Ма вала дакъаза, хІай нохчийн жима кІант,
Чахкархойн инарлин дин бига вогІур вацара хьо,
Хьо борза ехкинчу буса вина ца хилча,
Дика кІант вуйла хаьа шена хьо.
Гирдаца дустуш кІайн дети лур ду ша хьуна,
Сахьца дустуш цІен дети лур ду ша хьуна,
Обарг Варина мотт эцна веъна ву хьуна,
Маттах ма лериг, ша волчу Бошин Іума,
Чахкархойн инарлас кІелхьара вала ва боху алахьа обарга

Варе», –
Аьлла, вист ма хилира чахкархойн инарла.
Чехконца вахар-кха и нохчийн жима кІант
Цу Іумин ва гІопа.
Лилхина шедакъаж шишан корах тоьхна,
Мохь бетта велир-кха ва обарга Варе:
«Хьо самавалахьа, обарг Вара, мерзачу набарах», –
Аьлла вистхилира и нохчийн жима кІант?» –
«ХІун бах ахь шега, хІай нохчийн жима кІант», –
Аьлла, вистхилира и обарг Вара.
«Мотт хилла хьуна, обарг Вара,
Хьайн хІусамдегара, цу Бошин Іумера.
КІелхьаравала боху ва хьоьга чахкархойн инарлас», –
Аьлла, вист ма хилира и нохчийн жима кІант.
«Ма вала дакъаза, хІай нохчийн жима кІант,
Малхбалехьа дуьйна малхбузе кхаччалц

[1] Меташка.

Ша волавелчи,
ДегI дижол меттиг тешаме ца хилча,
Ша идош ва дериг цхьа са бен ца хилча,
ТIамна кIел соцу ша, хьо паргIат хилахьа», –
Аьлла, вист ма хилира ва обарг Вара.
ТIамна кIела сецар ва обарг Вара.
КхолгIа гуо ма лецара цу Iумин гIопана.
Куьзгана коре хIоьттина
Къамеле ма велира и Бошин Iума обарге Варига.
«Хьо самавалахьа, ва обарг Вара,
Мотт хилла вайшинна», –
Аьлла, вист ма хилира и Бошин Iума.
«Ма вала дакъаза, хIай Бошин Iума,
Дала мел кхоьллинчел дика кIант ву бохуш,
Дала мел кхоьллинчел тешаме ву бохуш,
Вуьйцуш веца хьо нохчийн ярташкахь.
Са бале лацале, бIаьрга нур кхолале
Хьох сирла бIаьрг тухур бар-кха ша,
Хьо соцуш хилахьа куьзганан корехь», –
Аьлла, вист ма хилира ва обарг Вара.
Ша соцуш ма хилира и Бошин Iума куьзгана корехь.
ДIакхевдина ва мажар схьаэцна,
Дог лоцуш мажар тоьхна,
Букъа тIум ва йоькъуш,
Деган бохь ва оьцуш,
ДегIах чекх ма яькхира
Цу Бошин Iумина бархI сонар ва мажар.
Лор хьажжал йолу чов шен дегIах ца хуьлуш,
ТIамах ма къаьстира ва обарг Вара.
Вада луучунна уьдуш садолийла,
Лата луучунна леташ кайолийла.

А. Садулаев

«Зелимхан»

(драма)

Примечание. Драматическая поэма А. Садулаева «Зелимхан» малоизвестна широкой публике, т. к. ранее нигде не публиковалась. Случайно обнаружена в

архиве Э. Зелимхановой – дочери абрека Зелимхана Харачойского.

В зале гаснет свет. По динамику на весь зал раздается голос.

Голос: «Товарищи чеченцы! В старое время царские генералы принесли чеченскому народу порабощение и цепи, и чеченский народ с неподражаемой храбростью защищал свою свободу от цепей царской власти».

(Георгий Чичерин – дипломат)

На просцениуме автор в горском костюме.

Автор:

Мы чеченцы.
Много-много раз
Головы слетали с наших плеч,
Если призывал нас наш Кавказ
За него нам в землю лечь.

Падали мы звездами в траву,
Прорастали травами во рву.
Дни тянулись длинно, как века,
Как века, спрессованные в дни.
И катили солнце на закат,
Наше солнце на закат – они.
С Севера и Юга, как могли,
Полчищами шли на нас враги.
Падали мы в землю без могил
И кричали Богу: «Помоги…».
И кричали Богу: «Коль ты есть,
Помоги спасти не жизнь, но честь.
Помоги, ведь ты всесилен, Бог».
И тогда чеченцам Бог помог.
Мы тогда ушли под облака.
Коротка там у врагов рука,
И ущелья каменные сжав,
От врагов, друзей, царей, держав,

От войны, бесчестья и от горя
Нас на время скрыли наши горы.
И мы клялись тогда, Чечня, тебе:
Пусть разорвется сердце, но в борьбе,
И мертвыми тобою будем жить,
В горах твоих, в степях твоих кружить,
Чтоб ты не пала звездами в траву,
Полынью горькой не росла во рву.

Открывается занавес.

Горная панорама, широкая долина, серпантином уходит в облака дорога, внизу раскинулся аул, имеющий очертания Харачоя. Освещение раннего утра. К автору подходят еще несколько горцев, поют. Мелодия высокая, торжественная, вторые голоса вторят низко, как в старинных чеченских песнях – илли, мелодия исполняется на дечиг-пондуре [1].

Поют:

– Помнят горы старинные были свои,
Помнят люди героев – героев Чечни.
Зелимхан Харачойский,
Мы помним твой яростный бой.
Зелимхан Харачойский,
Бессмертным стал твой Харачой.

Поющие незаметно уходят. А последние низкие звуки песни «А-а-а-а» еще звучат. Мелодия обрывается.

Склон горы, обработанный участок с молодыми всходами кукурузы. Зелимхан в белой рубашке, с кусочком тряпки на голове, защищающем от солнца, занимается прополкой. Он поет, работая.

Зелимхан:

– Если день мой с солнцем начат,
То счастливым будет вечер.
Хлебороб я – это значит –
Труд мой нужен, труд мой вечен.
Эй, Земля, прошу я очень,

Больше хлеба мне роди.
Впереди желтеет осень,
Песни, свадьбы впереди...

Останавливается, вытирает пот рукой.

Уф-ф, как жарко мне!
Мир налит по края горячим солнцем.
Мне до обеда надо бы успеть...

Вдали слышна песня. Зелимхан прислушивается, удивляется:

– Ты посмотри, и кто так звонко
Здесь, в Харачое нашем, может петь?
Ага, сейчас он выйдет из-за скал.

Слышен крик.

Зелимхан:

– Эгей, я здесь. Кто там меня зовет?

Гедал:

– Да это я, сосед Гедал.
Кто здесь тебя еще найдет.
Ты разве не признал меня?

Зелимхан:

– Признал, признал.
Так в чем же дело? Говори, Гедал.

Гедал:

– Тебе, скажу, везет.
Иди в аул, сосед,
Там радость тебя ждет,

[1] Дечиг-пондур – чеченский национальный музыкальный инструмент.

Как солнца свет.

Зелимхан *(улыбаясь)*:

– Какая радость, что молчишь?

Гедал *(тоже лукаво улыбаясь)*:

– Награды стоит весть.
Чем, друг мой, наградишь?

Зелимхан *(серьезно)*:

– Всем тем, что в сакле моей бедной есть.

Гедал:

– Ну-ну, сосед, я просто пошутил,
И мне совсем награда не нужна.
А новость вот тебе – твоя жена
Такого вот мужчину родила!

Зелимхан *(восхищенно)*:

– Дай обниму тебя, сосед Гедал,
За эту новость ничего не жаль!
Вот это да!

Воткнув мотыгу торчком, Зелимхан пускается в пляс вокруг нее. Гедал стоит рядом, смеется, хлопает в ладоши.

Зелимхан:

– Я твой должник, сосед, за новость, и такую,
Готов я в пляске земли исходить.
Так счастлив я, так я, мой друг, ликую.

Гедал:

– Ну, а теперь пора мне уходить.
Паши, да вспоминай соседа,
Что так найти тебя старался.

Уж время близится к обеду,
А я к земле и не прикасался.

Гедал скрывается за скалой. Зелимхан продолжает работу, напевая утреннюю песню:

– Если день мой с солнцем начат,
Значит, добрым будет вечер.
Хлебороб я...

Внезапно из-за скалы появляется человек. Внешний вид его говорит о богатстве, жадности и тщеславии.

Сугаид:

– Пусть будет твой удачен труд.

Зелимхан:

– Благодарю я, Сугаид.
Пусть и тебя удачи ждут.
Аллах тебя пусть наградит.

Сугаид *(недовольно)*:

– Аллах, Аллах... Скажи мне лучше,
Когда вернешь за землю долг?

Зелимхан:

– Но здесь совсем не этот случай,
Тут что-то не возьму я в толк.
Ведь долг за прошлый год я осенью отдал.

Сугаид:

– Отдал? Да вот не все отдал, что брал.
Ты должен мне еще зерна.
Ты столько должен мне... не счесть.
(Лезет в карман за бумажкой).
Тут все записано сполна.

Бумага помнит...

Зелимхан:

– Все ль, как есть?
Но бедняку с богатым спорить –
Водой кувшин дырявый наполнять,
Он все равно не будет полным.
Ну все же, Сугаид, могу тебя понять.
Согласен я и это уплатить.
Богатый нынче урожай родит земля.

Сугаид:

– До осени повременить?
Нет, не согласен я.
И если ты свой долг мне не уплатишь,
Я буйволов на поле загоню
И потравлю твои посевы.
Кровавыми слезами ты
За гордость непомерную свою…

Зелимхан:

– Побойся Бога...
Да людей хотя бы постыдись!

Сугаид:

– Ты нищий, не тебе меня стыдить.
И род у вас такой – спесивый, как пред равными.
А чем гордитесь вы – штанами рваными?
(Показывает на заплаты на одежде Зелимхана)
Нет, заплати мне долг, иначе берегись.
Иначе... страшной будет твоя жизнь.

Зелимхан *(надвигаясь на Сугаида)*:

– А знаешь что, ты только не грози.
Тебе меня угрозой не сразить.
Пускай до неба у тебя рога.

Меня, сосед, тебе не испугать.

Сугаид:

– Ну, погоди! Узнаешь месть мою и силу.

Зелимхан *(опечаленно возвращаясь на свой участок)*:

– Какая все ж его собака нынче укусила?
И что за мир?
Работаешь, как вол,
На поле от зари и до зари,
А осенью – опять и бос, и гол.
Все отобрали эти упыри.
Одних мозолей полные ладони –
И это все, что наше в нашей доле,
Зато вот эти, эти Сугаиды,
За год и палец пальцем не ударят,
У них земля, стада, у нас – обиды,
Пока они округой этой правят...
Так какая же его собака укусила?
Мне помнится, как нана говорила,
Что Зезаг хочет род его отнять.
Как будто Сугаид на вас сердит,
И ждать не будет, долга не простит,
За то, что Зезаг им не уступили,
Когда недавно брата поженили.
Ну что ж, пускай себе грозит.
Я не боюсь его... И не прощу обид.

Снова начинает работать. Издали доносится тревожный голос девочки:

– Отец!..

Зелимхан:

– Я слышу голос дочери своей.
Как он похож на крик беды!

Дочь:

– Отец! Отец! Где ты? Ответь скорей!
Отец! Отец! Скорей в аул иди.
Нависли два крыла беды глухой.

Зелимхан:

– Что там такое, дочь?
Не плачь. Нам боль знакома.
Не бойся, зло мы победим с тобой.

Дочь:

– Там староста аула Сугаид
К нам в дом пришел,
Да с приставом самим.
И все забрал за долг, он говорит,
Что будто мы никак не отдадим.
Забрал корову, деньги и зерно
И говорит, что мало все равно.

Зелимхан:

– Пускай подавится, шайтан проклятый...
А что там за крыло второе у беды?

Дочь:

– Сын старосты, наш враг заклятый
С друзьями...

Зелимхан:

– Что нужно было людям Сугаида?

Дочь:

– Он оскорбил при всех Солтамурада
И отобрал у нас Зезаг,

Потом увез ее, хоть и не рада,
Она сопротивлялась и рвалась назад.

Зелимхан:

– Ах, подлец!
Змея и сын змеи, презренный Сугаид.
Вот она – месть, которой ты посмел грозить.
Ну, погоди... Я сам тебя найду.
(Дочери)
– Иди назад в аул, скажи – сейчас приду.

Девочка уходит, Зелимхан мечется по участку.

Зелимхан:

– Богатство бедняка – его жена,
Но Сугаид, наверное, решил,
Что бедняку не надобна она,
Чтобы бедняк и здесь ограблен был.
Он думает, что вечно будет так –
Одним лишь молоко, другим – лишь кровь.
Но жизнь мужчине для борьбы дана
За землю, за семью и за любовь.
Мы не рабы, чтоб жизнь влачить воловью.
Богатство бедняка – его жена.
За оскорбление они ответят кровью,
Ведь кровь, как слезы, тоже солона.

Быстро одевается и уходит.

Аул, площадь… Многолюдно. В центре старики. Зелимхан, окруженный группой людей, одетых попроще, с одной стороны. Сугаид, окруженный группой людей, одетых побогаче, – с другой. Старики негромко переговариваются:

1-й старик:

– Как разгорелся этот страшный спор...
Послушай-ка, сосед, с тех давних пор

Как я родился в этот мир огромный,
Подобного я что-то не припомню.

2-й старик:

– Ну, значит, ослабела твоя память.
Ты вспомни, сорок лет тому назад
Совершено такое ж было зло.
И ненависти голубое пламя,
Открыв для глаз тропу крутую в ад,
Тогда так много жизней унесло.

1-й старик:

– Да-да, я помню ...Сорок лет назад...
Да, вижу я, не ослабел мой взгляд.
Да, слышу вновь, как в битве пули пели,
Как насмерть раненые там хрипели.

3-й старик:

– Да, вижу я совсем, как наяву,
Сошлись два рода в той кровавой битве,
И старики, и молодые никли...
Прощаясь с жизнью, падали в траву,
Забыв о милосердье и молитве.

1-й старик:

– Два рода бились – оба и погибли.

Шум усиливается, крики, возгласы:

1-й голос:

– Начнем!

2-й голос:

– Начнем же что ли!

Выступает вперед один из стариков. Шум смолкает.

Старик:

– Начнем наш суд.
Пусть скажет пострадавший.

Зелимхан:

– Не надо жалоб. Сердце рвет от боли
Живой, сегодняшней, а не вчерашней.
Не надо жалоб, ждать душа устала.
Пусть спор решат горячие кинжалы.

Общее молчание в ответ, Зелимхан обращается к старикам:

– Но если вы хотите, я готов.
Вы знаете меня и Сугаида...
Вот дом его, а вот мой отчий кров.
Он рядом жил, и тем больней обида.
Соседями мы были до сих пор.
Но оказалось, что сосед мой вор.
Я мирно жить хотел. Но в этом мире есть
Завещанная от отцов
Такая вещь, как честь.
Я мирно жить хотел… Но честь есть честь.
Как много у нее врагов –
Не счесть.

Пусть будет проклят дом,
В котором нет любви,
Пусть будет проклят дом,
В котором нет огня,
Пусть будет путь к нему
В несчастьях и крови.
И этот путь и дом,
Не дай Бог для меня.

Пусть будет проклят дом,
Пропитанный изменой.
Я знаю, ты простишь меня, моя Бици,
Расти детей. Я буду неизменно
Таким, как были деды и отцы.
(Сугаиду)
– Ты думаешь, что, отобрав сноху,
Вы отобрали Зелимхана честь.
Вы отобрали поле и соху.
Но знайте, у меня винтовка есть.
Вовек не принесу бесчестия я роду.
Ну, а теперь начну платить по счету.
Так вот, сосед, ко мне придя во двор,
Сказать по чести, ты пришел, как вор.
Но знаешь сам – чеченцы вора бьют.
Уйди же прочь, тебе нет места тут.

На просцениуме.

Зелимхан:

– Что плачешь ты? Кто так тебя обидел?

Казак:

– На бричке ехал я и никого не видел.
Но появился вдруг разбойник Зелимхан.
Он все отнял, знать позабыл Коран.
Он отобрал моих волов. Как жить?
Ну что я? Вот сейчас домой приду...
Чем мне детей кормить?
Как отвести беду?

Зелимхан:

– Как? Зелимхан? Куда поехал он?

Казак:

– Сюда.

Зелимхан:

– Поехали!
Какой-то страшный сон.

Подсаживает казака. Догоняет телегу, волов, ссаживает казака.

Зелимхан:

– Эй, ты! Остановись! Откуда ты и кто ты? Назовись!

Чеченец:

– Я – Зелимхан. Не стой мне на дороге.

Зелимхан:

– Ты Зелимхан? Ты Зелимхан? О, Боги!
А чьи волы?

Чеченец:

– Тебе какое дело? Я взял. Я буду отвечать.

Зелимхан *(выдергивает винтовку)*:

– Пока ты говоришь так смело.
Но будешь ты еще кричать.
А ну-ка стой! Казак, иди сюда.
Бери телегу и волов, иди домой.
Над ним же грозно встала тень суда.
Иди, а он за все отдаст сполна.
И помни, друг, кому лишь кровь,
Кому лишь молоко.
Жить бедняку, как прежде,
Нелегко.
А ну-ка, побыстрей вперед.
(Полосует чеченца бичом).

Кровь солона, да ты не знал того.
Пускай теперь узнает твой проклятый род,
Пускай узнает все и твой презренный тейп,
И кто здесь Зелимхан,
И кто здесь шейт [1].

Вход в село.

Зелимхан:

– Эй, люди! Что вы здесь заспались?
Или Шали десятый видит сон?
Вы что же безотцовщиной остались?
Откуда взялся этот Зелимхан? Чей он?

Голос из толпы:

– Какой он Зелимхан? Он вор.
А ты кто?

Зелимхан:

– Зелимхан. С тех пор, как мой отец
Мне имя дал,
Я – Зелимхан.
Никем другим не стал.

Голос из толпы:

– Что сделал наш односельчанин?
Мы знаем, он позорно может поступить.
И все же?

Зелимхан:

– Он ограбил. Он ограбил.
Соседа вашего решил он от добра освободить,
От брички, от волов избавил в мгле тумана.
И именем назвался Зелимхана.
А я привел. Привел его сюда.

За кражу имени
Я сам его ударил,
А за разбой
Для вашего суда
В аул сегодня
Я его доставил.
Решайте сами, как вам с вором быть,
Чтобы его позора не носить.

Железнодорожная насыпь. Стоит пыхтящий поезд. Зелимхан выводит шестнадцать заложников-офицеров.

Зелимхан *(старшему по званию)*:

– За что вы посадили нас в тюрьму?
За то, что, чтя законы наших гор,
Своим врагам мы отомстить сумели?
Скажи, за что, я что-то не пойму,
Шестнадцать человек расстреляно с тех пор,
Как к правосудью мы взывать посмели?

Офицер:

– Нет, Зелимхан, ты – вор,
Нет, Зелимхан, все это вздор.

Зелимхан:

– Шестнадцать было их,
Шестнадцать будет вас.
А остальные пусть другим расскажут,
Как дорого вам стоит тот байрам,
Как вас сегодня наш Аллах накажет.
Заложниками стали наши братья.
Но поклялись мы отомстить их смерть,
Чтоб не смогли вы снова надругаться,
Сегодня мы свою свершаем месть!

[1] Шейт (шайтIа) (чеч.) – черт, дьявол.

...Я поезд здесь остановил.
Там, в Грозном, вы шестнадцать нас убили.
А мы ведь не мешали вам, мы жили.
Шестнадцать сыновей не ты ль осиротил?
(К офицеру)
– Ты – офицер, зачем ты к нам пришел?
Зачем? Вернулся бы к себе в Россию.
Коль смерть искал – так ты ее нашел.
И знай, возмездье – грозная стихия!

За Зелимханом встают горцы. Залп.

Зелимхан и группа чеченцев на конях. Берег Терека.

Зелимхан:

– Гей, Махмуды!
Духом что ль ослабли
Или сердцем о ребро споткнулись?
Там, за Тереком казачьи сабли
Ласкою змеиной изогнулись.
Гей, Махмуды!..
Что же, бросим в Терек мы коней.
И поможет в деле нам Аллах.
Что будет там? Там будет все видней.
На этом берегу оставим страх.
Ты помоги нам, ночь, и степь нам помоги,
Полынь, кусты, деревья и овраг...
Мы дрались долго, дрались как могли.
Пока что нас осилил рыжий враг.

И вон он, вон – загаженный Кизляр.
Сквозь перья рас-кудав-тав-ших-ся куриц
Скачи, мой конь и неустан и яр,
Вонзайся в щели этих узких улиц.
И вот он, банк! Борха, к дверям!
А ты, Чинхо, бери мешок, вперед!
Надеюсь, завтра людям я раздам

Все, что для них банк этот уберег!

Трогает коней.

Горный ландшафт. Старик-пастух и Зелимхан, измученный, оборванный.

Зелимхан:

– Ассалам алейкум!

Пастух:

– Ва алейкум ассалам!
Ну, проходи, Чеченский Зелимхан!
Смотри, закат – пожар вселенский...
Народ тебе такое имя дал.
Ты имя заслужил – Чеченский.
Ты знаешь, что ты на хребте,
За ним глубокие долины.
Ты, друг, там жил, когда ты был в беде.
Там, за хребтом, уже тушины.
Ты знаешь, там стоят войска,
Тебе не надо объяснять,
Что будет злая их рука
Тебя давить и убивать.

Зелимхан:

– Старик, решил я в Турцию уйти.
Семья? Жена? Не тронут их.
Закончены мои пути.
Нет у меня уже других.

Пастух:

– Ну что ж, иди... Но я не ждал такого,
Ты знаешь, у чеченцев говорят,
А у народа памятное слово,
Коль в бой пошел, так не смотри назад.

Не ввязывайся в бой, коль неуверен,
Коль до конца бороться не намерен.
Коль не умеешь биться и стрелять,
Иди и к туркам, и к тушинам,
С собой свободу, знай, не взять.
Свобода – здесь оставшимся мужчинам.
Тебе – тропа! Свобода – нам!
Пусть сны о Родине тебя тревожат по ночам.

Зелимхан:

– Ты пристыдил меня, старик.
Вновь слышу я родной родник
И вижу темноту ущелий,
Где стынет страшных скал оскал.
Где путь свой горя и лишений
Навеки я себе избрал.
Я лишь устал. Но я не трус.
Навек с Чечней я остаюсь.

Горная поляна. Пень, на котором сидит Зелимхан. Пишет.

Зелимхан:

– Царь, ты сказал, что мне пора сидеть,
Но ты ведь знаешь, я уже сидел.
Уже я стар. Уж начал я седеть.
В боях с тобой уже я поседел.
(Задумывается)
Считать погибших там, за гранью боли?
Да ведь сейчас нельзя их даже счесть,
Их было миллион... А, может, боле?!
Погибших, не теряя честь.
По всем приметам скоро я умру,
Как волк печальный, но в своем лесу.
Убитый ночью или поутру,
Я жизнь от пуль врагов не унесу.

Свертывает бумагу, встает, тихо напевая первую строку народной песни «Ты, горячая пуля, смерть носишь с собой...», уходит.

На просцениуме группа певцов в горских костюмах. Звучит дечиг-пондур. Мужские голоса поют народную песню:

– Ты, горячая пуля, смерть носишь собой,
Но не ты ли была моей верной рабой?
Земля черная, ты ли покроешь меня,
Не тебя ли топтал я ногами коня?
Холодна ты, о смерть, даже смерть храбреца,
Но я был властелином твоим до конца.

(Пер. А. Фета)

Раннее осеннее утро, поле, копны, вдали полоска гор. Скрываясь за копнами, движется человек. Он ранен, опирается на приклад. Это Зелимхан. Слышны крики преследователей:

1-й голос:

– Сдавайся, Зелимхан, ты не орел,
Тебя не скроют даже облака.

Зелимхан:

– Пусть не орел, но смерть твоя
Еще в моих руках пока.

2-й голос:

– Сдавайся, Зелимхан, не волк ты,
Не сможешь лесом ускакать.

Зелимхан:

– Пускай не волк я, но сегодня
Моя не будет кликать мать.

Снова стреляет. Крики преследователей замолкают. Зелимхан приваливается

спиной к копне. Говорит вслух.

Зелимхан:

– Все кончено. Вещает сердце, кончено,
Недолго ждать мне, видно, до конца.
Я слышу смерть. Костлявых пальцев кончики
Уже коснулись моего лица.
Во сколько ж раз небытие длинней
Кусочка жизни, что судьбой нам дан?
Но ты уже прожил ее. И с ней
Давай покончим счеты, Зелимхан!
Эй, люди! Эй, друзья!
Кого зову – друзей, врагов – зачем?
Друзья остались там, в ущельях узких,
Друзья остались там, в степях бескрайних.
А эти камни что, сияют тускло,
Уж не сердца ли их – вот эти камни?
А здесь враги. Молчат, лежат за копнами,
Слетелось воронье брать с мертвых дань,
Как будто бы уже убит, закопан.
Закопан в землю мертвый Зелимхан.
...Но я клянусь тебе, моя Чечня,
Пусть даже сердце вынут у меня,
И мертвым я тобою буду жить,
В горах твоих, в степях твоих кружить,
Чтоб ты не пала звездами в траву,
Полынью горькой не росла во рву.

Так где ж ты, Смерть,
Я жду тебя, я жду.

На сцене рядом с Зелимханом появляется фигура Смерти. Зелимхан, схватив ружье:

– Кто ты?

Смерть:

– Я – смерть твоя.

Ты звал меня – я Смерть.
Сегодня будут по тебе рыдать.
А ты попробуй только лишь посметь
Мне моего сегодня не отдать.
Ты видишь всюду – и там, и тут
Стволы ружей в руках людей скользят.
Куда ты повернешь – зрачки тех дул
Тебе грозят, тебе, тебе грозят.
Ты не уйдешь, ведь то зрачки мои.
Нацелен каждый в место, где душа.
Но, если хочешь, богу помолись
И к смерти приготовься не спеша.

Зелимхан:

– Где ж твоя воля, храбрый Зелимхан?
Она осталась где-то за плечами,
Где волки воют темными ночами,
Она в извивах троп,
Что я прошел,
Она в качанье веток,
Мной в пути задетых.
Смотри, смотри – там я,
Там молодость далекая моя,
Там начиналась песнь моей борьбы,
Там страшный поворот моей судьбы.

Смерть:

– Там жизнь твоя, бесстрашный Зелимхан?

Зелимхан:

– Она осталась в темноте ущелий,
Где стынет страшных скал оскал, ощерясь,
Где гром обвалов глушит волчий вой,
Где снег, как смерть, над бедной головой.
Она – родник, что я когда-то пил,

И песня та, которую я пел.
И на ее тропинках желтых пыль
И вздох, когда я раненый хрипел.

Смерть:

– Все правильно, но я скажу на это,
Тебе не жаль извивов горных троп,
Тебе не жаль качанья росных веток,
Тебе не жаль непитых родников
И песен, что еще тобой не спеты,
Тебе не жалко жизни, и не петь
Тебе тех песен больше никогда,
И над могилой ветер шелестеть
Полынью горькой будет лишь года.

Зелимхан:

– Ты смеешься, Смерть,
Мне жалко жизнь.
Да и какой храбрец
Не хочет в мире этом светлом жить?
Но час придет, и вдруг понятным станет:
Ты должен умереть, чтоб дальше жили,
Чтоб дальше жили твои дети в мире
И пили б жизнь – сладчайший из даров,
И пили б жизнь – горчайший из даров.
(Помолчав)
Ты думаешь, что я хотел стрелять?
Ты думаешь, я убивать хотел?
Да я бы был согласен нищим стать.
Весь день ходить и собирать куски,
И вечером сидеть в кругу семьи...
Но в мире есть такая вещь, как честь.
Как много у нее врагов – не счесть!
(Повторяет, как в бреду)
Ты думаешь, что я хотел стрелять?
Нет, не хотел. Я знал, как пахнет пашня...
А осенью любил я тяжесть груза

Тяжелой желтой спелой кукурузы...
(Собирается с силами. Голос крепнет)
И я клянусь сейчас, моя Чечня,
Пусть даже вырвут сердце у меня,
И мертвым я тобою буду жить,
В горах твоих, в степях твоих кружить,
Чтоб ты не пала звездами в траву.
Полынью горькой не росла во рву.
(Смерти)
– Ну, а теперь ты, старая, уйди,
Не заслоняй моих врагов собою,
Не стой у жизни больше на пути...
Я – Зелимхан, уйди, готов я к бою!

Стреляет. В ответ гремит залп из-за копен, который высвечивает ярким голубым пламенем фигуру Зелимхана с поднятой вверх винтовкой. Зелимхан высвечен как памятник мужеству и гордости.

А. Костерин

Асир-Абрек

(чеченская песня)

Была ночь. Апрель, а ветер хлестал дождем и снегом, с плачем и стоном, метался по горам, ревел в ущельи, перекликался по вершинам.

В ущельи, темном, мглистом и днем сливались два потока, гулко бились у скал. Ущелье то надрывно вскрикнет от боли, то гневно взвоет, дрожат скалы, с рокотом сыпятся камни...

Слезятся струйками воды стены сакли, обваливается глина, обнажая ребра стен. В щели рвется ветер, струйками ползает по спине.

В широком горле печи жарко тлеют угли, трещат поленья, рассыпая искры. Тянет жаром, багровые блики рдеют на посуде, на лицах, кроваво вспыхивают в глазах.

Полулежа на подушке и войлоке, я слушал, как ревела черная ночь над саклей, прислушивался к гортанным звукам разговора хозяина и его гостя.

Хозяин, молчаливый горец-чеченец, спас меня от добровольцев, укрыл в своем горном хуторе. Знал он по-русски слово «кушать» и несколько ругательств. Сидя на корточках в оборванном бешмете, внимательно слушал гостя.

У гостя, Аслана, тонкое, хищное лицо, нервные, тонкие губы под усами. Движения мягкие, кошачьи, рассчитанно-скупые и ловкие.

По знакомым словам и ругательствам я догадываюсь, что беседа идет о казаках-кадетах, о мужиках-большевиках, о борьбе на плоскости.

Был 19 год. По стране в зареве пожаров хлестали свинец и сталь. Трели и переборы пулеметов, гул орудий, топот миллионов, – металась страна по расхлябанным дорогам при разбитых паровозах, в разбитых вагонах, мимо вокзалов – червивых, вшивых трупов, с выдавленными окнами и дверями...

Был 19 год, на плоскости пылали станицы и аулы, дрожали предгорья от грохота орудий. Под перевалом со снежных вершин слышен гул равнин, топот миллионов.

Свыше пяти тысяч красноармейцев укрылось среди лесов, скал, ущелий. Шли мы по узким тропинкам, что царапаются над пропастью и прыгают через пенистые потоки по зыбким мостам. Ушли под перевал, разбрелись по хуторам и аулам, пасли стада коз и баранты, ковыряли землю и ждали...

Ужин только что кончился. Спать рано. Оставалось слушать, как перекликаются, дрожат и стонут горы, хлещет ветер дождем и снегом...

Скоро месяц, как живу в горах. И за этот месяц только один раз видел русских, которые шумным табором – женщины, дети, красноармейцы – прошли через тихий хуторок, прилипший на скате ущелья за перевал.

За этот месяц я близко познакомился с несложной жизнью горца-чеченца, с его небольшим хозяйством. Я уже знаю молитву, которой учит меня Айша – сестра хозяина, дикая красавица, гибкая, с небольшой грудью, с красными, точно надкусанными губами. Она же учит меня своему языку и уговаривает принять мусульманство. Я ее немного боюсь, когда она близко-задорно склоняется надо мной, звонко засмеется, сверкая зубами и черными глазами. И вместе с тем чувствую, как прирастают ко мне горские замашки, настроения, растет близость между мной и Айшей.

– Что, товарищ, скучаешь? – неожиданно обратился ко мне Аслан. Говорил гость по-русски хорошо, что редко встречается у горцев. Спросил его, учился ли он где.

– Нет, в Сибири пять лет был, в ссылке...

– За что же вас туда угнали?

– За Зелимхана... Знаете Зелимхана?

– Да, слышал... абрек?

У Аслана блеснули глаза, рука затеребила кинжал.

– Да, абрек... Только по-русски это выходит разбойник, вор, нехороший человек, а по-нашему – абрек, который за свободу бьется и умирает...

В глазах Аслана сухой блеск огня. Тонкое, хищное лицо напряженно застыло, вздрагивали губы под усами...

– Большой человек был Зелимхан, сильный и гордый... В 11-м году окружили его в пещере, войска нагнали – роту солдат, три сотни казаков, полицию, пулеметы, орудия. Заняли все пути, все выходы. А Зелимхан в пещере-то один. Прислали к нему солдата: «Сдавайся, Зелимхан, нет тебе выхода»... Посмеялся Зелимхан и отвечает: «Пусть ко мне придет тот, кому я нужен, и покажет бумагу от самого царя, что все штрафы с бедных людей будут сняты, будут освобождены все из ссылки, тогда я сдамся»... Бумаги ему не дали, да и самого в пещере не нашли, – ушел и не видели, куда и как ушел, а через месяц в Хасав-Юрте казначейство ограбил...

Аслан достал кукурузный листок, шамиль-табак и скрутил папиросу.

– Абрек – это большой человек, сильный, – продолжал Аслан. – Был у меня кунак большой, лучше брата родного – ингуш Сосламбек, с Зелимханом ходил. Флейшер-генерал хотел аул разорить, где жил Сосламбек. Тогда Сосламбек послал жену к генералу и сказал: «Если генерал меня не повесит, а расстреляет, то я сам явлюсь»... Повесить – позор большой для абрека... Флейшер обещал не вешать его, а расстрелять. Сосламбек пришел... Генерал – сволочь, его слово, как хвост собачий, – он повесил Сосламбека...

Аслан замолчал, неподвижно уставился на огонь, слушал горные переклики, стон ущелья, хлюпанье дождя у порога. Долго не прерывалась тишина и молчанье сакли. Ласково вспыхивал костер, угли жарко тлели и мигали...

Вдруг с тонких губ Аслана сорвались звуки.

А ветер выл, хлестал дождем и снегом. В ущельи грызлись два потока, перекликались вершины. С шумным шорохом катилась ночь по горам, ущельям, со свистом плясала у сакли...

Вспомнилось, что тревога гуляет на плоскости, вспомнилось, как отступали к горам, густо поливали кровью мерзлую земную корку, а вслед горласто орали орудия, чокали пули... По ночам полнеба охватывало зарево промыслов, опускалась чуткая тишина... Разбитые уходили в горы...

Тишина в сакле, багровое горло печи с треском сыпало искры, бросало жаром и вспыхами по сакле...

– Это песня об Асир-абреке, – тихо сказал Аслан, боясь спугнуть тишину, – хочешь, расскажу...

«Богат Кавказ, красив Кавказ, буйны потоки его. Нет такого солнца в мире, нет такого неба, каким благословил Аллах горы свои.

От моря и до моря лег богатырь Кавказ. Утесы и вершины, седой Казбек гордо смотрят на серые степи России, на бесплодные земли Падишаха...

А в груди Кавказа бесчисленные богатства – золото, серебро, железо. Кровь Кавказа – черная кровь, слезы Кавказа – целебные, лечит ими своих детей.

Как богач гроши, выкидывает он бесценные богатства жадным, ненасытным людям...

А было время – другие были люди. Не те, что теперь живут на теле Кавказа, как паразиты. Другие были люди: они не искали золота, они не рвали грудь Кавказа, не пили его черную кровь.

А были те люди смелы и свободны, как был свободен отец их, Кавказ...

А когда пришли с севера враги, шашкой и пулей встретили их свободные горные соколы. Бурей откликнулся Кавказ, задрожали скалы и утесы, заревели

потоки в ущельях...

Полвека бились. Пали лучшие сыны Кавказа, спаслись гнилые и слабые. Некому стало защищать мятежные горы. Сковал победитель цепями Кавказ, рабами сделал его детей. А дети рабов – еще худшие рабы, и никогда, никогда им не узнать свободной жизни...

Лишь иногда среди рабов блеснет джигит, смелый и свободный, и умрет одинокий в бою с тоской и болью об утерянной свободе.

А после смерти джигита толпа трусливых рабов ликует. Лишь Кавказ тоскует о погибшем джигите и хранит в глубине ущелий и гор песни о погибшей, но могучей душе.

Трусливые, жалкие рабы спокойно слушают эти песни, а потом... потом мирно пашут, сменив шашку буйной свободы на плуг позорного рабства. И тогда Кавказ, как сегодня ночью, стоном стонет, седые горы плачут горячими слезами, черная кровь сочится из ран... Разве не слышишь ты, слушай, как зовет Кавказ: «Сыны могучих отцов! Отчего вы так жадны к грошам моим – к металлу и хлебу – и так презираете мои сокровища, которым нет цены? Отчего вы не берете силу яркой и смелой жизни, любовь к свободе?».

Но... молчат рабские аулы, глухи они к горным призывам...

Оттого грустен Кавказ, суровы и печальны песни его...».

Аслан оборвал рассказ, молча смотрел на огонь. Кроваво вспыхивали глаза. Подбросил дров и глухо, будто с трудом выдавливая слова, продолжал:

«Лишь один Асир никогда не пахал, не сеял и не торговал во всем ауле. Все жили непосильным трудом и, как рабы, хотели только сытости и покоя. Асир же жил ночной добычей за буйным Тереком у сытых станиц. Его мятежная душа искала свободы, тешилась веселой абреческой игрой среди станиц. Не было власти для него, не было закона, ненавидел он рабов и гордых северных победителей...

Однажды на свадьбе увидел Асир красавицу Нанту. Сам не свой стал Асир, и скоро все мысли и чувства были заняты ею одной...

А Нанта? Нанта не любила джигита, и напрасно добивался Асир ее любви. Возил ей шелк и драгоценности, бросал к ногам Нанты и говорил:

– Это не потом и не рабством добыто, а силой. Хочешь докажу тебе мою любовь: требуй невозможного, я или выполню невозможное, или погибну...

Но холодной оставалась Нанта, и безжалостен был ее ответ:

– Дары твои принимаю, чтобы не оскорбить тебя. Ты прекрасен, Асир, но все же я не люблю тебя...

Точно ножом резала Нанта сердце Асира...

Однажды ночью в ауле раздались выстрелы, крики, лай собак. По улицам бежали вооруженные мужчины, скакали всадники. Выскочил и Асир с винтовкой и смешался с толпой, которая слушала жалобно причитавшую старуху: «Увезли, злодеи, увезли дочь мою... Аллах, о-о-о, спаси ее, спаси дочь мою».

Асир не узнал ее в темноте, но старуха вдруг с плачем и проклятьями завыла:

– Нанта, Нанта, кто даст теперь отдых костям моим?..

Тоской сжалось сердце Асира: «Так во-от... сбежала с любимым...».

Бросился домой, вскочил на коня и два дня носился за Тереком у станиц, два дня топил злобу и тоску в крови казаков...

А когда вернулся в аул, узнал радостную новость: Нанту похитили против ее воли. Через верного человека Нанта передавала Асиру, чтобы доказал любовь свою.

Догадался Асир, о чем просила Нанта. Наточил шашку, осмотрел винтовку и выехал из аула. Нанту похитил Ахмат, сын богатой и сильной семьи в соседнем ауле, и сегодня у них свадьба. Недобрым гостем ехал Асир на веселую свадьбу.

Подъехав к дому Ахмата, Асир сдавил бока коня, пригнулся, гикнул и перелетел через плетень во двор. По принятым обычаям, Асир показывал искусство джигитовки, а сам зорко смотрел кругом и скоро увидел Нанту в толпе женщин под прозрачным покрывалом. Переглянулся Асир с Нантой и отъехал от толпы. Резко осадил коня, вздернул на дыбы, гикнул и бросил вперед бешеным прыжком. Толпа разбежалась, раздался выстрел из винтовки Асира. Тогда Нанта бросилась навстречу Асиру. Еще миг – и подомнет ее конь под себя. Но в следующий момент все увидели ее на руках Асира, а сильный и быстрый конь

вновь перелетел через плетень. Только легкое облачко покрывала осталось на плетне. Крики, выстрелы, друзья Ахмата бросились к лошадям, но Асир уже скрылся.

Мчится Асир, крепко прижимает Нанту. Рвет бурку ветер. В груди кровь горячее огня жжет сердце, а тело дрожит в лихорадке. Скачет Асир, шепчет Нанте:

– Нанта, Нанта, скажи, любишь ли ты меня? Скажи, и не надо тогда мне жизни. Хочешь, бросимся сейчас вместе в пропасть? Умрем, Нанта, хочешь?

Безумные слова рвались из разгоряченной груди Асира, а Нанта молчала. И Асир, боясь себя, боясь ответа Нанты, безжалостно гнал коня, своего лучшего друга, который был ему дороже всего на свете.

У порога дома Асира конь весь в пене, тяжело дрожа, упал и сдох. Не видел Асир смерти своего лучшего друга, перед ним стояла Нанта, смущенная, не смея поднять глаза на него.

– Нанта, Нанта, – шептал Асир и крепко сжал ее руки.

– Оставь, – и вырвала девушка свои руки. Потом, смело посмотрела ему в глаза и сказала: – Ты могуч и прекрасен, Асир, но все же я не люблю тебя...

Побледнел Асир, злобная усмешка скривила лицо:

– Любишь ли ты хоть кого-нибудь?

С усилием подавляя смущенье, Нанта ответила:

– Да, люблю, люблю так же сильно, как ты меня... люблю и не могу жить без Кагермана...

– Кагермана-торговца? – закричал Асир.

– Да, его...

Взбешенный, бледный Асир бросился к Нанте, блеснул кинжал. Нанта шагнула навстречу, подставляя грудь под сверкавший клинок. Взглянул Асир в глаза Нанте и задрожала рука, выпал кинжал, со звоном ударился о камень.

– Убей, Асир, – дрожали побелевшие губы Нанты, – убей, ты в праве взять мою жизнь...

Но Асир был уже спокоен. Молча взял Нанту за руку и повел ее к дому Кагермана. Навстречу им вышла старуха-мать Кагермана.

– Вот невеста твоего сына, – сказал Асир, – они любят друг друга, да благословит Аллах их союз. Кагерману же скажи, чтобы избегал встречи со мной. А почему, пусть скажет Нанта...

Сказал и спокойно ушел, ни разу не оборачиваясь.

Прошло пять лет...».

Аслан вновь неожиданно оборвал рассказ и настороженно прислушался. Вздрогнул и хозяин, – прислушивались оба к вою бури за стенами. И почти тотчас же раздался лай собак. Хозяин неслышно встал и открыл дверь. Ворвался в саклю сырой и холодный ветер, глянула черная ночь.

– Миль ву? (Кто там?) – крикнул хозяин.

Из тьмы послышался ответный крик. Хозяин вышел во двор и захлопнул дверь.

– Зайда, – позвал громко жену, – хаволь!.. (Иди сюда).

За дверями заглушенный говор, топот лошади, лай собак.

– Даяль, даяль... – гнал хозяин собаку и скоро вошел в саклю с горцем.

– Марш айль, марш айль...

Зайда и Айша внесли седло и хуржины.

Вновь прибывший был старик, но еще бодрый и по-молодому гибкий и сухой. Аслан освободил ему место у огня. Старик сел, по-своему, любовно, переложил дрова и в нескольких словах ознакомился с хозяином, с его гостями и представил себя, назвав свой аул и семейную фамилию.

На вопрос, обычный ко всякому вновь прибывшему: «Хабар ю?», старик стал быстро рассказывать, то привставая, то садясь и запихивая ноги или руки в жаркое горло печи, то вновь гибко по-молодому поворачиваясь к слушателям. Сидел в нем какой-то непоседливый живчик, не давая покоя его сухожилистому телу.

Аслан коротко передавал мне новости старика. Ехал старик из Ведено. Там ожидают приезда Шейха Имама Чечни и Дагестана Узума-Хаджи. Шейх объявляет священную войну против казаков, призывает всех правоверных под зеленое знамя пророка.

Уже несколько недель идут по горам тревожные слухи о близком восстании горцев. Из аула в аул, из хутора в хутор, по вершинам утесов бежит тревога, зовет к оружию. Шли слухи о приближении Красной армии. Слухи наползали неизвестно откуда, а тревога росла, росло недовольство, дорожали винтовки и патроны...

Вошла Айша. На широком деревянном подносе принесла цицкаль и берем. Широкое платье не скрывало мягких, упругих движений. Бросила на меня задорный блеск глаз и, пряча улыбку, скрылась на женской половине.

Старик подсел к подносу.

– Кушай цицкаль, – обратился ко мне.

– Баркалла, – поблагодарил я, слегка поднявшись.

Старик выполнял горский обряд: угощать младших, заранее ожидая отказа. Попросив о том же Аслана и хозяина и получив такой же отказ, старик стал быстро есть и не переставал рассказывать «хабар».

Плоскостные аулы покорились кадетам, но прячут кукурузу, увозят жен и детей в горы, закупают патроны. Все ждут только приезда Шейха, чтобы пойти на казачьи станицы. Не забыл старик сообщить и последние цены на винтовки и патроны, пожелав торговцам проклятье Магомета.

После ужина старик встал на молитву и быстро зашептал «Бисмилла рахма иль рахим»...

Молча и бесшумно вошла Айша, убрала поднос, приготовила постель. Старик помолился, лег, завернувшись в бурку, и скоро заснул. Ушел спать и хозяин на женскую половину.

Остались мы вдвоем, но Аслан как будто забыл про песню, молча следил, как трещали поленья, слушал дикие горные переклики. Я окликнул его. Он вздрогнул, взглянул на меня и сел поудобней.

«Прошло пять лет. По всей Чечне гремело имя Асира-абрека, отвергшего и бога, и людей. Асира прокляла вся страна, его именем пугали детей.

Асир ненавидел людей-рабов, убивал, жестоко мучил их, никому не давая пощады. Он ругался над святыми заветами адата, осквернял Коран и его истины... Проклял Асир тех, кто, как зверя, травил его, не видя его великой тоски по человеку, мстил им за себя.

А Нанта, слыша ужасы об Асире, задумчиво покачивала головой и вспоминала былые дни...

Нанта имела уже детей и не стало былой красоты. Из девушки, за которую бились лучшие джигиты, превратилась Нанта в заботливую хозяйку и мать. Кагерман был первым богачом в ауле, пользовался почетом, любил жену и детей.

Но, вспоминая прошлые дни, Нанта чувствовала, что есть в них что-то, чего не давали ей ни Кагерман, ни дети, ни богатство, ни все заботы по хозяйству.

Пыталась Нанта забыть и отогнать воспоминания девичьей жизни, но они упорно возвращались, будили желанье изведать иную жизнь, жизнь вне сытого довольства...

Однажды весь аул взволнованно-радостно высыпал на улицы: люди со злобной радостью передавали друг другу, что убийца и вор Асир-абрек ворвался в казачью станицу, где был убит, а тело его выбросили шакалам...

Трусливые шакалы растащили тело абрека, но осталась по нем песня. И будет песня жить до тех пор, пока есть еще сильные люди среди Кавказских ущелий...

Услышала Нанта о смерти Асира и низко склонила голову. Крупные слезы брызнули по лицу...

О чем плакала Нанта – Аллах ведает: темна душа человеческая, еще темней душа женщины...».

Всю ночь ревела буря над горами.

Всю ночь два потока стонали и плакали у скал.

Всю ночь хлестал ветер дождем и снегом, с хохотом и свистом скакал по вершинам, сдувал лавины, снежным вихрем плясал по утесам и ущельям...

РОССИЙСКАЯ ПРЕССА О ЗЕЛИМХАНЕ

«Тропа войны»

Чеченская история повторяется,
но никого ничему не учит.
(Версия Антона Уткина)

Антон Уткин – историк, сценарист, писатель, публицист. Его первый роман «Хоровод» вышел в 1996 г. В 1997 г. этот роман номинировался на премию Букера и вошел в шестерку финалистов. Рассказы А. Уткина вошли в антологию современной российской прозы, выпущенную в 2003 г. издательством «ВАГРИУС» по заказу министерства культуры РФ.

Индейцы сиу говорят: важно не знать историю своего народа, а просто слушать о нем истории. Хотя все без исключения народы, населяющие российские пространства, по своему общественному развитию превзошли индейцев сиу в стремлении к собственной государственности, россияне, бывает, устают от истории. Иногда им хочется последовать совету индейцев и просто послушать истории. К счастью, у нас такие истории есть. К тому же истории эти частенько гораздо поучительнее всякой истории. Помните, наверное, сакраментальное: «Он русский, и это многое объясняет»? Ну вот. В принципе, этот афоризм приложим ко всем народам – только слово русский не забывай заменять. Вот как раз одна из таких историй.

Во время одного из своих бесчисленных гастрольных туров по Северному Кавказу прославленный бас Федор Шаляпин оказался заложником самого знаменитого из чеченских абреков по имени Зелимхан Гушмазукаев. Две знаменитости встретились на большой дороге между Владикавказом и Грозным. Когда абрек узнал, кто попал в его руки, он отложил мысли о выкупе и просто попросил своего пленника спеть. Федор спел, и растроганный до слез Зелимхан отпустил его на все четыре стороны, взяв обещание никогда никому не рассказывать о том, что случилось. «Ты первый человек, – пояснил разбойник артисту, – который видел мои слезы». Можно сказать, что Федор сдержал слово, данное им Зелимхану. Об этом удивительном происшествии Шаляпин поведал только на смертном одре одному из своих присных в 1938 г. К тому времени знаменитый абрек Зелимхан был мертв уже двадцать пять лет, а страна, в которой все это приключилось, несколько раз сменила название.

Кровавый обычай

История Чечни почти не знает абсолютно мирных страниц. Древние предания рисуют бесконечные картины войны чеченцев с кабардинцами и прочими соседями по кавказским горам. В конце XVIII в., во времена Екатерины Второй, чеченский пророк Шейх-Мансур из селения Алды придал боевым действиям против русских размах и масштаб настоящей войны: осаждал Кизляр и Моздок и намеревался идти на Астрахань. На смену ему пришел знаменитый наездник Бей-Булат, попортивший много крови «проконсулу» Кавказа генералу Ермолову, а там подоспело и движение мюридов под предводительством имамов Кази-Муллы, Гамзат-бека и Шамиля, известное нам всем как Кавказская война. И если восстание 1877–1878 гг., разразившееся во время русско-турецкой войны и грозившее перерасти в очередную русско-чеченскую, воспринималось как эхо недавней шамилевской эпопеи, то деятельность так называемых абреков (вроде легендарного Бей-Булата) сводила на нет все усилия царской администрации ввести жизнь в нормальное русло вплоть до самого интернационального октября 1917-го.

Особый тип людей, называемых абреками, выработался на Кавказе на основе обычая кровной мести. Это люди, принявшие на себя обет долгой мести и отчуждения от общества вследствие какого-нибудь сильного горя, обиды, позора или несчастья. Впоследствии мюридизм, несколько подчинивший свободное проявление воли общественной пользе, значительно ослабил обычай кровомщения, а вместе с тем и абречество. Возобновил абречество в Чечне Атабай, один из мюридов Шамиля. После сдачи Шамиля Атабай ушел в партизанщину, но удача недолго его сопровождала: он был схвачен. Однако у него появились многочисленные последователи: Эски, Мехки, Осман, Аюб, Зелимхан Гельдыгенский, Саламбек и, наконец, Зелимхан Харачоевский.

Начало деятельности Зелимхана Гушмазукаева совпало с Русско-японской войной и с последовавшей за ней революцией 1905 г. Впоследствии это наложение очень способствовало созданию вокруг имени Зелимхана ореола борца за народное счастье. О том, какие именно обстоятельства сделали из него противника мирной жизни, Зелимхан рассказал сам в письме к председателю Государственной Думы, отрывок из которого мы приводим ниже. Скажем то, о чем знаменитый абрек умолчал: его инструкция сподвижникам была проста – грабить только состоятельных и только не чеченцев. По мнению Зелимхана, грабить единоверцев было позорно. А вот убивать Зелимхану и его сподвижникам приходилось и чужих, и своих. И сам он сложил голову, выданный кровниками,

в этой странной непрекращавшейся войне, которую, строго говоря, нельзя назвать ни гражданской, ни национально-освободительной.

Око за око

В воскресенье 10 октября 1905 г. на грозненском базаре произошли беспорядки. Торговка поссорилась с чеченцем. Кто-то из толпы был убит. Из казарм вышел Ширванский полк и расстрелял 17 человек. Спустя неделю около станции Кади-Юрт Зелимхан остановил пассажирский поезд, пассажиров ограбил, а 17 из них расстрелял. «Передайте полковнику Попову, – простился он с уцелевшими пассажирами, – что жизни, взятые в Грозном, отомщены». Этот налет окончательно поставил Зелимхана вне закона. На семейном совете было решено переселяться в Турцию. Но для этого нужны были средства, а их не было. Обострившаяся в поисках денег мысль Зелимхана остановилась на богатом овцеводе Архипе Месяцеве. 30 августа 1908 г. Месяцев был похищен в сорока верстах от Хасав-Юрта с требованием выкупа в 15000 рублей. Во время погони, организованной по горячим следам, брат и отец Зелимхана были убиты, и Зелимхан увеличил сумму выкупа до 18000. Передача денег состоялась на станции Слепцовская, куда их привез сын овцевода Проня.

Участь железнодорожного мастера Турченко оказалась куда печальней. За отказ выдать деньги он был убит прямо в собственном доме в Грозном. В ответ начальник округа полковник Галаев арестовал семейства, доводившиеся Зелимхану родственниками по женской линии. Вскоре полковника нашли в веденском парке с дыркой в виске – полковник имел обыкновение прогуливаться по утрам. А спустя несколько дней владикавказский «Терек» сообщил: «Несколько времени назад вр. генерал-губернатором генерал-лейтенантом Михеевым было получено от знаменитого абрека Зелимхана письмо, написанное на арабском языке. Выражая желание сдаться в руки властей, – писала газета, – Зелимхан в письме указывал, что он стал абреком благодаря несправедливости отдельных представителей окружной администрации, потому что видел вокруг себя зло». Вместе с тем он просил генерала Михеева взглянуть на дело беспристрастно и помиловать его. В ответ на это письмо генерал разослал всем начальникам округов области циркуляр, в котором говорилось: «Мне известно и без Зелимхана, что на царскую службу принимаются иногда люди нехорошие, с порочными и противными духу закона наклонностями... Но всякий виновный в нарушении закона преследуется по закону же, а не тем путем, который избрал себе Зелимхан, не путем произвольного насилия и убийства, которые никогда не одобрит ни бог, ни государство, ни человеческая совесть».

18000 рублей

7 марта 1909 г. приказом по Терской области формируется временный охотничий отряд, задачей которому ставилось «возможно спешное искоренение краж, грабежей, разбоев в пределах Хасав-Юртовского, Веденского, Грозненского и Назрановского округов, совершаемых здесь и в сопредельных районах некоторыми порочными лицами из туземцев». Войсковой старшина Вербицкий, назначенный начальником отряда, обратился к населению с воззванием на русском и арабском языках: «Приказом по области я, войсковой старшина Вербицкий, назначен искоренить разбойничество в родном нам крае. Обращаюсь поэтому к чеченскому и ингушскому народам и ко всему туземному населению. Вы – храбрые племена. Слава о вашем мужестве известна по всей земле: ваши деды и отцы храбро боролись за свою независимость, бились вы и под русскими знаменами во славу России. Но за последние годы между вами завелись люди, которые своей нечистой жизнью пачкают, грязными делами позорят вас. Эти отбросы ваших племен все свои силы направили на разбой и воровство, заливая краской стыда ваши честные лица. Имам Шамиль за разбой рубил им головы, а за воровство отсекал им лапы. Правительство наше решило положить конец всем творящимся ими безобразиям. Оно требует, чтобы каждый пахарь, кузнец, пастух и ремесленник, к какому бы племени он ни принадлежал, мог спокойно трудиться на свою и общую пользу. Призываю честных людей сплотиться и перестать якшаться с ворами и разбойниками, изгнав их из своей среды и лишив их свободы святого гостеприимства».

Первым делом временного охотничьего отряда стало побоище на гудермесском базаре, результатом которого стали трое убитых и десять раненых чеченцев. На базаре искали шайку абреков с трехлинейными винтовками и краденым скотом. Зелимхан решил ответить убийством Вербицкого и для этого явился в Грозный. Но на этот раз месть не состоялась – помешал некий чеченский интеллигент, чей авторитет признавал даже Зелимхан. Пока временный охотничий отряд наводил порядок на базарах и в аулах, абреки наводили страх на Владикавказ. Были ограблены мельница Проханова, купец Резаков, склад Кролика, магазин Симонова и часовых дел мастер Шихман. А 8 января 1910 г. шайка Зелимхана появилась на платформе Грозненского вокзала. На следующий день в газете «Отклики Кавказа» появилось скупое сообщение: «Окружив вокзал в два часа ночи, Зелимхан убил проходившего по станции машиниста, ранил двух стражников и, разбив кассу, увез 18 тысяч рублей».

Кизляр

И все-таки самым громким делом Зелимхана по праву считается налет на Кизляр. Местом сбора назначили лощину в лесу за Новыми Атагами. Переезжая железнодорожную линию у Гудермеса, Зелимхан перерезал семафорный провод. Как говорит один из его биографов, «шутки ради». План Зелимхана был стар, как сам Кавказ. Участники нападения нацепили синие погоны казачьего Кизляро-Гребенского полка, в город въезжали по три человека в ряду, имитируя построение регулярной кавалерии. Въехали в город 9 апреля. Встречные военные отдавали Зелимхану честь, разглядев на его плечах погоны с двумя полковничьими просветами. Когда подъехали к казначейству, первым прозрел казначей Копытко. Захлопнув кладовую, он выбросил ключи на улицу. Копытко Зелимхан убил лично. Пока Зелимхан выпрастывал в хурджины новенькую монету, его подельники от души расстреливали посетителей. В этот день Кизляр потерял убитыми 19 и ранеными четырех. Но в целом кизлярский набег в материальном отношении кончился не слишком удачно – 60 абреков унесли всего-то на 5000 рублей меди. Зелимхан ушел, не потеряв ни одного убитого. За бездействие властей Вербицкого и некоторых других должностных лиц предали суду.

После Кизляра канцелярия начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска объявила «во всеобщее сведение, что деньги, собранные населением Веденского округа в сумме 8000 рублей и предназначенные в награду за поимку или уничтожение разбойника Зелимхана Гушмазукаева, до сего времени хранятся полностью в депозитах начальника области, о чем неоднократно объявлялось населению. Несмотря, однако же, на то, что прошло уже более двух лет, а до сего времени не нашлось такого лица, признается необходимым с одобрения наместника Его Императорского Величества на Кавказе вышеназванную сумму в случае поимки или уничтожения Зелимхана Гушмазукаева и его сотоварищей выдать не одному лицу, а всем тем, кто тем или другим способом будет содействовать его поимке или уничтожению, по справедливой оценке их трудов и риска». К указанным восьми тысячам добавлялись еще десять, собранные самими чеченцами, недовольными «национально-освободительной» деятельностью своего соплеменника.

Осенью 1910 г. в Ассиновском ущелье Зелимхан напал на отряд русских войск, захвативших его семью. Несмотря на численный перевес, отряд понес большие потери. Все офицеры были выведены из строя, но семью Зелимхану отбить не удалось. Зелимхан скрылся в Осетии, а его жена и дети были помещены во владикавказскую тюрьму. В ответ Зелимхан пообещал генералу Михееву

захватить его дочь и ее друга, известного борца Шарля Акса.

Занимательная политология

В феврале 1911 г. во Владикавказ из Ростова-на-Дону приехали два студента-анархиста. Встреча с Зелимханом произошла на хуторе под Владикавказом. Анархисты вручили Зелимхану свой красно-черный флаг, печать и заодно показали, как бросать бомбы. С удивлением Зелимхан узнал, что «царь не только чеченцам зло делает», что среди русских тоже есть немало таких, которые недовольны режимом и ради его смены готовы убивать начальство в неограниченном количестве. Зелимхан и анархисты расстались друзьями. На печати, оставленной новыми соратниками, было написано: «Группа кавказских горных террористов-анархистов. Атаман Зелимхан».

Но бомбы и печать, подаренные анархистами, Зелимхан использовал совсем не так, как могли бы ожидать его идейные учителя. Зелимхан написал письмо грозненскому купцу Шавелову, требуя денег. В назначенное число Шавелов денег не прислал. Второе письмо Зелимхана, скрепленное анархистской печатью, также осталось без ответа. Тогда Зелимхан отправился в Грозный и бросил в окно дома Шавелова ту самую анархистскую бомбу, которая предназначалась для «царских сатрапов».

Семь шейхов

11 сентября 1911 г. помощник начальника Гумбетовского участка коллежский регистратор Саадуев составил следующий протокол: «В 2 часа ночи на 16 сентября мною получена записка от делопроизводителя Андийского окружного управления Башкова, что на Андийской пастбищной горе Азал, около 2-й казенной будки от Ботлиха в Ведено, на инженерную комиссию и команду Дагестанского полка напала шайка Зелимхана и ограбила их. Убиты: производитель работ, контролер, ротмистр Дагестанского конного полка, 10 всадников, 1 разбойник и две лошади. Ранены две лошади, вахмистр Дагестанского конного полка, дорожный мастер и два ямщика». Кроме того, в плен попал подполковник Чикалин, сумевший, правда, бежать, когда Зелимхан наткнулся на отряд дагестанской милиции. В руках дагестанцев остался конь Зелимхана и его винтовка, однако сам он ушел, бросившись вниз по крутому склону.

В разгар этих событий в Грозный прибыл помощник наместника по военной части генерал Шатилов. Совещание, устроенное в салон-вагоне генерала, постановило выслать из пределов Чечни семь «наиболее вредных шейхов». В

ночь на 15 октября власти получили известие, что Зелимхан скрывается в ауле Старосунженском, чтобы днем напасть на грозненскую ярмарку. Три роты пехоты, две сотни казаков и 16 добровольцев-дагестанцев окружили аул, но Зелимхану и на этот раз каким-то чудом удалось ускользнуть. Шейхи Сугаип-мулла и Аббас Ауд, обеспокоенные своей участью, обратились к Чечне со следующим воззванием: «Мы, нижеподписавшиеся, извещаем вас, что разбойник Зелимхан Гушмазукаев, происходящий из селения Харачой, очень вредный для всего населения, и действия его совершенно противны шариату и недопустимы. Деяния Зелимхана безумны. Великий всемогущий бог наградит того, кто избавит народ, исстрадавшийся от разбойников».

Одновременно для широкого оповещения населения был распространен список из 23 абреков, уничтоженных самими чеченцами, без какого бы то ни было участия русской администрации. Шейхи обещали властям, что если их оставят в Чечне, то они поймают Зелимхана собственными силами. Однако отряды мюридов, которые они сформировали для выполнения своего обещания и вооруженные за счет казны, не столько ловили Зелимхана, сколько помогали ему скрываться. Генерал Шатилов пришел к выводу, что «если и были случаи выдачи отдельными ингушами или чеченцами абреков, то только тех, которые являлись их кровниками. Но этого, – констатировало совещание, – мало».

В результате шейхи были высланы, отряды расформированы, а реформы земского самоуправления, разрабатывавшиеся кавказским наместником Воронцовым-Дашковым, отложены до более мирных времен. Более того, такое недемократичное учреждение, как Кавказское наместничество, которое собирались упразднить еще в 1907 г., благодаря ратным подвигам Зелимхана и другим родственным факторам, просуществовало до начала Первой мировой войны.

Смерть абрека

Решительное наступление на Зелимхана власти решили больше никому не доверять. 11 декабря местные газеты вышли с передовицами под заголовком: «Зелимхан окружен». «Начальник Веденского округа телеграфирует начальнику области, – сообщалось ниже, – что нашел Зелимхана и окружил в харачоевских горах, где он заперся в пещере. С 8 часов утра идет перестрелка. К вечеру с нашей стороны убиты двое, ранены четверо. Потребованы из Ведено пироксилиновые шашки для взрыва. О дальнейшем сообщим по мере получения сведений».

К этому времени известность Зелимхана далеко перешагнула пределы Кавказа. Пресса всей Российской империи внимательно следила за его кровавыми похождениями. Не было ни одной провинциальной газеты, где бы не смаковались

подробности противоборства засевшего в пещере абрека и огромного отряда правительственных войск: «По распоряжению начальника Веденского округа на скалу против пещеры было послано несколько человек охотников и кровников Зелимхана. Взобравшись на вершину скалы, охотники увидели, что пещера чем-то заложена, и сделали по ней залп, на который из пещеры последовал ответ»; «Окруженный ночью со всех сторон разбойник скрылся»; «9 декабря во время перестрелки с Зелимханом убит один казак, ранены трое. Абрек скрылся. Поиски по следам производятся»; «По докладу командира пластунского батальона сегодня при осмотре пещеры около 9 ч. утра Зелимхана не оказалось».

После этого захватывающего эпизода Зелимхан как в воду канул на целых два года. К партизанской чести Зелимхана надо сказать, что погубило его не военное несчастье, а предательство, совершенное его кровниками. Больной и всеми покинутый, он был обнаружен на маленьком хуторе на речке Шали-Ахк. За 18 тысяч рублей братья Бойщиковы согласились указать военным властям местопребывание своего врага. 26 сентября 1913 г., почти 90 лет назад, Зелимхан был окружен и после отчаянного сопротивления застрелен. Тело его было доставлено в Шали и положено на площади этого населенного пункта, на обозрение зевакам и на потребу фотографам.

Эпилог

Так бы и остался Зелимхан в памяти потомков знаменитым абреком, рыцарем без страха и упрека, грабившим только богатых да русских, если бы не встретился с представителями той части революционного движения, которые называли себя анархистами. Большевики, кстати, очень сожалели, что анархисты их опередили и внушили Зелимхану методологически неверное представление о смысле общественно-политических процессов и роли личности в истории. Тем не менее в советское время о Зелимхане были написаны книги, а на киностудии «Восток-кино» была даже создана киносага о борце за всемирную революцию. Но очень скоро в горы Ичкерии пришла коллективизация. С 1930 по 1936 г. в горной Чечне проходили жестокие бои партизан с частями НКВД и Красной армии. Восстание закончилось отнюдь не уничтожением бойцов чеченского сопротивления, а амнистией. Авторитет Советской власти оказался навсегда подорванным. Уже через год боевые действия возобновились в невиданных даже во времена покорения Кавказа масштабах: на стороне восставших оказались работники милиции, прокуратуры, советские и даже партийные деятели-чеченцы. Подавить восстание не удалось до прихода немецких войск. В 1942 г.,

когда части вермахта подошли к Грозному на расстояние 50 километров, против Красной армии сражалось около 18000 человек. Бои в высокогорных районах продолжались до осени 1947 г.

Дальнейшее известно уже не по секретным документам НКВД, а по свидетельствам очевидцев и участников событий вплоть до наших скорбных дней. Война, начавшаяся в 90-х, преподнесла публике новых героев. Они так же бесстрашны и полны решимости оспорить боевую славу у своих прославленных предшественников. Только теперь вместо анархистов у них в идейных поводырях ходят европейские парламентарии и революционно настроенные политические эмигранты. Что ж? Меняется мир, меняется идеология. Были абреки, стали шахиды. Вот только старая царская власть, при всех ее недостатках, стремилась к выполнению своих обещаний. Она, эта замшелая власть, что бы ни инкриминировали ей разного рода революционеры и политологи, умела ладить с сепаратистами куда лучше всякой последующей. Современная перестала даже обещать. Как тут не вспомнить пророческие слова поэта, написанные как раз тогда, когда абрек Зелимхан с печатью анархистской организации за пазухой бешмета отстреливался от казаков и дагестанских милиционеров: «Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно». Так сказал поэт. Интересно, что именно он хотел сказать? Нет, все понятно, как поется в шлягере любимцев университетского рока. Но что конкретно?

А. Уткин
Газета Ru. 27.02.2004

«В черепе было шесть сквозных ран»

«Злободневный Зелимхан Гушмазукаев»

В последние годы основная версия жизни и смерти знаменитого абрека Зелимхана в изложении чеченских историков и пропагандистов выглядит следующим образом: «Зелимхан Харачоевский вместе с другими абреками вел вооруженную борьбу с русскими колонизаторами. Российские войска старались убить Зелимхана и его друзей. Однако очень хитрый и умный Зелимхан каждый раз уходил от погони, нанося смертельные удары врагам чеченского народа. Отважный Зелимхан Харачоевский охотился на русских генералов и офицеров. Будучи очень метким стрелком, Зелимхан с далекого расстояния мог поразить любую цель, и здесь ему не было равных. Прежде чем убить кого-то из россий-

ской военной администрации в Чечне, он предупреждал свою будущую жертву о дне и времени, когда это произойдет. И именно в установленное время Зелимхан совершал казнь над представителями российской военной администрации...

Каждый раз, когда российским военным структурам казалось, что они вот-вот его поймают и убьют, он хитроумно уходил от своих преследователей. Лишь в 1913 г. в населенном пункте Шали подкупленные российской администрацией родственники по материнской линии Зелимхана Харачоевского выдали его местонахождение. Прибывшие поспешно в Шали русские карательные отряды окружили дом, в котором находился отважный абрек. После многочасового боя поразивший метким огнем десятки оккупантов и расстрелявший все патроны Зелимхан Харачоевский был убит врагами чеченского народа. На Кавказе до сих пор с любовью вспоминают храброго и неуловимого чеченского абрека».

Представители администрации Терской области, в состав которой до революции входила Чечня, также считали его неординарным человеком. К примеру, служивший в Грозном полковник В. Козачковский еще до ликвидации Зелимхана писал: «Самым интересным разбойником в бытовом отношении является злободневный Зелимхан Гушмазукаев... Прежде просто вора, а затем разбойника и хищника Зелимхана создало время и обстоятельства. Зелимханы в Чечне были всегда – это пережиток старой страсти туземцев к набегам, но им не давали развиваться. За последнее же время неудовлетворительный состав администрации Терской области дал возможность Зелимхану беспрепятственно пройти воровскую школу и затем сделать себе разбойничью карьеру. Ежедневные воровские операции (ночные по преимуществу) укрепили и без того сильное тело Зелимхана и выработали в нем необычайно смелый, подвижный ум и поразительную находчивость. Эти качества создали из него тот воровской тип, который принято называть неуловимым и от которого, теряя всякое терпение, администрация отделывается административной высылкой. Кандидатом на нее Зелимхан и был в начале 1900 г. Но случай сделал поворот в жизни Зелимхана».

Описания этого события в различных версиях жизни и смерти Зелимхана если и отличаются, то лишь незначительными деталями. Брат Зелимхана влюбился в односельчанку, уже просватанную за представителя более знатного и многочисленного рода. Не долго думая, братья умыкнули девушку, однако старейшины села постановили вернуть пленницу родным. Девушка вышла замуж, но Зелимхан объявил, что все равно сделает ее женой своего брата.

Романтическая часть истории на этом завершилась. В ходе распри обе стороны понесли потери, и, видимо, чтобы не допустить разрастания вендетты,

начальник Веденского округа решил арестовать и предать суду зачинщиков конфликта – Зелимхана, его брата и отца, участвовавших в убийствах. В 1901 г. их приговорили к сравнительно небольшому сроку заключения, но летом того же года вернули в грозненскую тюрьму для нового рассмотрения дела. Пересмотра приговора Зелимхан ждать не стал и, проломив пол камеры и заколов часового, вместе с отцом и братом бежал. Для всех оказавшихся вне закона горцев существовал только один путь – в абреки.

«Постоянной шайки у Зелимхана не было никогда»

В первые же годы абречества Зелимхан прославился на всю Россию. Он дважды успешно совершал ограбления в Грозном, который охраняли от набегов горцев милиция из местных жителей, две пехотные части и казачий полк. Первое из них, весной 1907 г., полковник Козачковский описывал так: «В сумерках, в самый разгар вечернего движения по главным улицам и гулянья в городском саду, Зелимхан тихо и спокойно ограбил ювелирный магазин, который помещался в самом центре города, против городского сада, рядом с квартирой начальника округа и его управлением, где дежурил целый пост милиции, и всего в 400 шагах от казармы сотни казачьего полка. Гулявшие на бульваре и входившие в сад видели, как в сумерках мимо ворот сада шагом проехала команда казаков человек в 15. Подъехав к магазину, команда остановилась у панели, трое спешились и вошли в магазин, а остальные остались на конях. Войдя в магазин, разбойники (шайка Зелимхана) крикнули по-русски: «Ни с места!». Двое стали с ружьями у двери, а один спокойно, не спеша стал выбирать из наличников золотые вещи, потом золотые и серебряные часы, аккуратно позащелкивал все ящики и, сложив все бережно в сумочку, тихо дал знак стоявшим у дверей, и те молча вышли из магазина. Как только они сели на коней, Зелимхан, переодетый офицером, пустил команду вдоль улицы с места в карьер.

Проскочив мимо казармы пехотного полка, шайка рассеялась по полю. Зная, что в почтово-телеграфном отделении есть воинский караул, шайка, проскакав мимо конторы, произвела в освещенные окна несколько выстрелов, из коих одним наповал был убит работавший за аппаратом телеграфист. Всего через полчаса сотня казаков была уже на конях, но в поле уже никого не нашла. Очевидцы говорили, что видели, как некоторые из разбойников возвращались в свои аулы через город».

По той же схеме было произведено нападение на казначейство в Кизляре, в ходе которого было убито немало стражников и прибежавших им на помощь

солдат. Причем на этот раз сам Зелимхан письмом предупредил начальника округа о налете на казначейство, но вновь ушел от преследования. Столь же легко Зелимхану удавались и другие акции.

«Кроме убийств, – писал генерал князь Д. Багратион, – Зелимхан изощрялся еще в добывании денег взятием в плен капиталистов, которых держал при себе до тех пор, пока родственники не уплатят ему назначенную сумму за выкуп пленника». Полученные таким образом суммы (18–20 тысяч рублей) значительно превышали те, что Зелимхану удавалось добыть в ходе налетов, да и риск, как правило, оказывался значительно меньшим. Правда, после похищения богатого овцевода Месяцева за абреком была выслана погоня, но он снова смог ускользнуть вместе с пленником.

Неуловимость Зелимхана объяснялась прежде всего совершенно правильно выбранной им тактикой. «Переменный состав шайки, – писал Козачковский, – есть особенность зелимхановских разбоев...». Эта предосторожность, очевидно, объясняется тем, что немало абреков сделалось жертвой товарищей, подкупленных кровниками или администрацией. Передают, что у Зелимхана есть список, в котором ведется учет всему преступному элементу Терской области по категориям. На первом плане беглецы-каторжники, затем в порядке постепенности идут, беглецы, скрывающиеся от суда и следствия, которым по заочным приговорам тоже грозит каторга, затем идут беглецы административно-высланные, и последняя категория – просто воры, как проводники. У каждого из них Зелимхан всегда находил радушный прием, который всегда, между прочим, щедро оплачивал.

Задумав разбой, Зелимхан является в намеченный район, призывает опытнейших из злодеев, совместно составляет план разбоев и намечает состав шайки. Выехав на разбой, он собирает шайку только по пути и тут только объясняет цель и план набега. Этим-то и объясняется неуловимость Зелимхана и его шайки, которая собирается всего не более как на один-два дня, а после совершения разбоя быстро разбегается разными дорогами по своим аулам».

По словам полковника Козачковского, чаще всего, Зелимхан набирал людей из аулов Старая Сунжа и Алды: «Старо-Сунженский аул, расположенный всего в 2-х верстах от города Грозного, – это отселок родного Зелимхану аула Харачой, выселенного сюда с гор лет сорок назад за разбои и воровство. Таким образом, Зелимхан был здесь всегда своим человеком. Это разбойничье гнездо, которое живет за счет жителей города Грозного и нефтяных промыслов. Сколько ни было разбоев и грабежей в Грозном и его окрестностях, следы каждый раз

приводили если не в этот аул, то в соседний Алдынский, по другую сторону города Грозного. Жители города Грозного и окрестных станиц не раз возбуждали ходатайство о выселении этих аулов в горы, но власть находит эту меру жестокой, и оба аула продолжают жить воровством и грабежами».

«Полиция не приняла решительно никаких мер»

Однако главной причиной неуловимости Зелимхана были просчеты русской администрации. Описания этих просчетов читаются удивительно свежо. Назначенных руководить поимкой самого известного абрека опытных, но строптивых казачьих командиров неожиданно заменяли никогда не служившими на Кавказе, но покладистыми офицерами других родов войск. А во время похода Зелимхана на Кизляр власти продемонстрировали вопиющую несогласованность в работе различных ведомств. Тогда на помощь чеченским абрекам Зелимхан вызвал 20 ингушей, которые должны были проехать мимо Грозного и соединиться с основными силами к югу от города. Из сообщений агентуры были известны и численность, и маршрут, и точное место встречи. Но за безопасность Грозного и его окрестностей отвечали казачий атаман отдела, начальник гражданской администрации города и начальник войск. Все они жили по соседству друг с другом, но вместо того, чтобы встретиться и оперативно решить вопрос поимки абреков, благо сил было достаточно, вступили в длительную переписку, завершив ее, лишь когда кизлярское казначейство было ограблено. Мало того, предупрежденный Зелимханом о нападении начальник Кизлярского округа войсковой старшина Вербицкий приказал местной полиции принять все меры для защиты казначейства. «Кизлярская полиция ничего не сообщила начальнику гарнизона и сама не приняла решительно никаких мер», – писал Козачковский.

Не один раз в устроенные Зелимханом засады попадали большие и малые воинские подразделения. Причем даже в тех случаях, когда знали о готовящейся засаде. Так, князь Андронников, сопровождавший арестованную семью Зелимхана, несмотря на предупреждение его жен, все-таки повел свой отряд через узкое ущелье, в котором большая часть солдат и сам князь были перебиты.

Власти многократно узнавали о местах ночлега Зелимхана и организовывали спецоперации по его поимке. Однако, как и в наши дни, абреки с легкостью проходили через плотное кольцо оцепления. Потом русские военные рассказывали абсолютно невероятные истории о том, как к пещере, где был блокирован Зелимхан, поползли, как муравьи, несметные толпы чеченцев, а когда их отогнали, оказалось, что с ними ушел главный абрек. Или с живописными деталями

докладывали, что Зелимхан сбросил самовар и кухонную утварь, завернутые в бурку, со скалы, тем самым отвлек их внимание, а сам в это время бежал. Гораздо реальнее выглядит версия, гласящая, что русские солдаты, опасаясь за свою жизнь, просто расступались и пропускали абреков подобру-поздорову.

Но самое интересное заключалось в том, что по количеству сообщений об успешной ликвидации с Зелимханом не мог бы сравниться никакой Шамиль Басаев. Его «убивали» бессчетное число раз и всегда по одной схеме. К русским офицерам или чиновникам являлся чеченец и предлагал за немалую плату выдать Зелимхана. Потом действительно вел в лес или аул и показывал человека, которого сравнительно легко убивали. Информатор получал деньги и исчезал навсегда. А затем оказывалось, что он руками русских солдат ликвидировал своего кровника и при этом отлично заработал. Однако желание убить Зелимхана было столь велико, что власти раз за разом наступали на одни и те же грабли.

Регулярные объявления о смерти Зелимхана и неизменно следовавшие за ним воскрешения подняли авторитет абрека на небывалую высоту. Такую, что у него почти не было необходимости в налетах или захвате заложников. Богатые русские, как и богатые чеченцы, находили у себя во дворах записки от Зелимхана с приказом принести указанную им сумму в определенное место. Тех, кто имел смелость ослушаться, предупреждали еще раз и поднимали цену. Если же деньги не появлялись в назначенном месте, виновника попросту убивали. Правда, кроме оборотных средств, это приносило Зелимхану много новых врагов.

«Возложено секретное служебное поручение»

Самым эффективным оружием в борьбе против Зелимхана оказались его кровники. Как вспоминали современники, после одного из налетов он приказал своим абрекам разделиться, чтобы сбить преследователей со следа, а сам свернул в совершенно другую сторону вместе с братом и отцом. Но входившие в русский отряд кровники Зелимхана, чеченцы-беноевцы, не попались на эту удочку. Застигнутый врасплох Зелимхан, как утверждали его недруги, бежал без оружия и папахи, а его близкие были убиты.

К тому же весь опыт борьбы с абреками свидетельствовал, что их чаще всего выдавали или убивали кровники. Оставалось только найти подходящую кандидатуру, которой власти смогли бы доверять. И такой человек нашелся в рядах русской армии. Поручик Георгий Кибиров из осетин-казаков подходил на роль идеально. Православный, но не чуждый законам гор, он хотел отомстить Зелимхану за смерть дяди – начальника Веденского округа полковника Галаева

– и гибель своих однополчан по Дагестанскому конному полку, которые попали в засаду, устроенную Зелимханом и его людьми. К этому следовало прибавить силу и смелость Кибирова, добровольно ушедшего на Русско-японскую войну, а также его уязвленное самолюбие. Георгий Кибиров получил офицерское звание на фронте, но сдать полагавшийся для дальнейшего продвижения по службе офицерский экзамен при кавалерийском училище оказался не в силах. Так что ему, выходцу из семьи, где большинство мужчин дослуживались до высоких чинов, светило навсегда остаться младшим офицером. Преодолеть препятствие на карьерном пути он мог, только совершив подвиг, к которому, без сомнения, была бы отнесена ликвидация Зелимхана.

Как следует из воспоминаний Кибирова, он взялся за дело в 1913 г. лишь после того, как получил от командира полка приказ о предоставлении ему особых полномочий: «С разрешения начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска на поручика, вверенного мне Дагестанского конного полка Кибирова, мною возложено секретное служебное поручение, для чего беспрекословно и немедленно давать поручику Кибирову войсковую часть или команду по его требованию, не спрашивая, для какой цели». Причем ни о том, что ему приказано взять или убить Зелимхана, ни о том, что у него есть особые полномочия, не знал даже его непосредственный начальник – командир сотни.

Прекрасно зная, что доверять агентам-чеченцам нельзя, поручик Кибиров начал поиск информации о Зелимхане лично. Прежде всего, он настоял на возвращении семьи Зелимхана из ссылки, предполагая, во-первых, что абрек станет держаться вблизи жен и детей, хотя бы для того, чтобы уберечь их от кровников. А во-вторых, зная о говорливости чеченских женщин, поручик надеялся получить от жен Зелимхана как можно больше информации о его привычках и характере.

Ожидания Кибирова оправдались в полной мере. За два года пребывания в ссылке семья Зелимхана не только освоила русский язык, но и, будучи предметом постоянного внимания, привыкла к общению с посторонними. Так что выудить сведения о Зелимхане не составило особого труда. Но о том, где находится абрек и чем он занимается, они если и знали, то не говорили. И здесь Кибиров решил использовать особенности чеченского быта.

«Давно приглядевшись к жизни аулов, – вспоминал Кибиров, – я заметил, что в обычае у чеченцев устраивать вечеринки, на которые сходятся соседи, и кунаки засиживаются у гостеприимных хозяев иной раз далеко за полночь. Аул Шали довольно большой и зажиточный, есть и каменные дома, поэтому с

наступлением темноты по улицам аула то и дело гуляют с одной вечеринки на другую целые компании. Там в беседах передают все животрепещущие новости, заменяя этим, так сказать, повседневную газету. Словом, сведения, передаваемые на этих собеседованиях, верное отражение событий дня для данного района».

Но кунаки не слишком охотно делились информацией с офицером русской армии. И тогда Кибиров начал переодеваться и выдавать себя за простого горца. Достаточно скоро он смог войти в доверие к чеченской семье, у которой время от времени ночевал знаменитый абрек, и, по всей видимости, с помощью новых друзей, смог выйти на людей, имеющих постоянные контакты с Зелимханом.

Его воспоминания о тех событиях не отличаются полнотой, и он явно многое скрывал даже от собственного начальства. Но из его обрывочных слов следует, что он начал с доверенными людьми Зелимхана сложную игру. Кибиров, видимо, изображал, что хочет перейти на сторону абреков. А чтобы не называемые им люди поверили ему, предложил им не только деньги, но и самое ценное, что мог пожелать чеченец, – разрешение на ношение оружия. Для имевших кровников горцев такие бумаги по цене равнялись жизни. Так что оба клюнули и пошли на контакт.

«Насчитали 32 раны»

Меньше всего поручик хотел обознаться. Он хотел иметь совершенно точную примету, по которой можно было бы опознать Зелимхана, и потому настоял на том, чтобы ему организовали встречу с абреком. Ничего нереального в этом не было, поскольку Зелимхан всегда сам знакомился с кандидатами на участие в налетах. Так что после недолгого ожидания посредники в обмен на заветные бумаги повели Кибирова к прятавшемуся в лесу абреку. Встреча оказалась недолгой и нетеплой. Но поручик запомнил номер винтовки Зелимхана, с которой тот, по слухам, не расставался, – 22875.

Вот только, получив разрешения на оружие, посредники не спешили устраивать новые встречи с Зелимханом и стали просить у Кибирова оружие и боеприпасы. Как вспоминал поручик, он решил рискнуть и дал патроны. Но сам установил за посредниками слежку. В тот же день, 25 сентября 1913 г. по старому стилю, он увидел, как несколько человек, явно абреки, вместе с его посредниками уходят в сторону леса. Причем туда, где есть только одно место для стоянки – две старые сакли.

Все это время, помимо разведывательной работы, Кибиров готовил свой взвод к ночным неожиданным выездам в горы и ускоренным маршам в темно-

те. Так его конники были всегда готовы к срочному выступлению. На этот раз, оставив в казарме больных и чеченцев, поручик поднял конников по тревоге и пошел по следу абреков. Поручик приказал солдатам поклясться на Коране, что все останется в тайне, и пообещал собственноручно пристрелить любого, кто попытается отстать.

Кибиров учел ошибки, которые совершались ранее при попытках поймать Зелимхана. По прибытии к саклям он приказал окружить их плотным кольцом и никому не сходить с места ни при каких обстоятельствах. В первые же минуты, как вспоминал Кибиров, он был ранен в руку, а затем начался дождь. Зелимхан попытался пройти через оцепление, но дагестанцы не двигались с места, и абреку пришлось вернуться в саклю.

Развязка наступила утром. Зелимхан пошел на новую хитрость. Он вышел из сакли, сказал, что пришло время молиться, и позвал дагестанцев совершить вместе с ним намаз. Но они выполнили команду Кибирова и начали стрелять. Зелимхан отстреливался, падал и вставал снова. Когда он упал окончательно, дагестанцы окружили его и с азартом, как вспоминал поручик, начали палить в труп.

Когда потерявший сознание от потери крови Кибиров пришел в себя, он первым делом проверил номер винтовки. Он в точности совпадал. «Труп Зелимхана, – вспоминал поручик, – в котором насчитали 32 раны, лежал на спине. В черепе было шесть сквозных ран». Среди участников спецоперации потери ограничились восемью ранеными, включая Кибирова.

Затем начался процесс опознания, на который вызывали сначала односельчан Зелимхана, а затем его семью. Русские официальные издания живописали, как благодарен чеченский народ за избавление от кровавого бандита. А некоторые старейшины, религиозные авторитеты и богатые чеченцы подписали приветственный адрес Кибирову и собрали деньги, от которых поручик, как он рассказывал, отказался. Тогда ему подарили драгоценную шашку, принадлежавшую, по легенде, имаму Шамилю. Вполне возможно, что этот порыв бывших данников Зелимхана был вполне искренним.

А вот родина не торопилась поблагодарить своего героя. Вместо обещанных высоких наград он был представлен лишь к ордену Св. Владимира 4-й степени. А его солдаты получили только медали за храбрость. Рана долго не заживала, и поручика отправили в Петербург. И лишь там, после визитов в госпиталь военного министра, великих князей и императора, решился вопрос о присвоении ему следующего офицерского звания.

Вокруг жизни и смерти Зелимхана стали складываться легенды – одна другой краше и дальше от истины. Кавказская газета «Терек» иронизировала: «Если бы Зелимхан мог прочесть все, что о нем пишут в столичных газетах, он вряд ли бы узнал себя». После революции его объявили главным борцом с царизмом на Северном Кавказе. О нем писали книги, сняли фильм. Попутно решались и текущие идеологические вопросы. К примеру, на волне борьбы с религиозным дурманом возникла версия, что Зелимхана предали духовные авторитеты. Имела ли она под собой какие-либо реальные основания, не имело никакого значения.

Кибиров на долгие годы был проклят, а опыт его спецоперации прочно забыт. Но, судя по ликвидациям видных боевиков, забыт не окончательно. Как оказались востребованными и рекомендации полковника Козачковского, призывавшего амнистировать абреков: «Разбойник, убедившийся в истинном сердечном расположении власти к населению и участии к его, разбойника, личности, способен оценить это так, как и не всякий даже рядовой обыватель. Разбойник чуток ко всему, что только сделается для него доброго. Он высоко ценит человеческое отношение к нему и его близким... Дайте понять этому зверю, что он человек, достойный сожаления, и вы искренно готовы прийти к нему на помощь, и зверь очнется».

Коммерсантъ-власть. № 35 (689), 04.09.2006

Смерть легендарного Зелимхана

Девяносто лет назад, в конце сентября 1913 г., в Петербург из Чечни пришло по телеграфу краткое известие, которого власти ждали многие годы: убит знаменитый кавказский разбойник Зелимхан Гушмазукаев. Его называли «легендарным бандитом XX века», «полумифическим разбойником».

Гроза и гордость Кавказа

«Убит абрек, вокруг имени которого создалась грандиозная кровавая легенда, который в течение десяти лет наводил трепет на Чечню и Дагестан, – писала на следующий день одна из петербургских газет. – Зелимхан – разбойник, окруженный ореолом кровавой славы, гроза и гордость Кавказа. Бандит, кровавые похождения которого похожи на средневековые легенды. Имя, которое известно на Кавказе всем, даже маленьким детям».

На его совести было около полутора сотен убийств. С шайкой отчаянных головорезов он совершал нападения не только на хутора и отдельных путников, но не боялся вступать и в прямые схватки с властью. На его счету были нападения на вокзал в Грозном, ограбление средь бела дня казначейства в Кизляре и другие преступления.

За голову Зелимхана давно была назначена награда в 18 тысяч рублей. Десять лет русская администрация на Кавказе вела с ним борьбу, но он оставался неуловимым. Ни поймать, ни даже убить Зелимхана не могли. Не раз его окружали, но он каждый раз уходил от преследователей. Вокруг его имени складывались легенды. Говорили, что пули его не берут, будто бы он их заговаривает.

И все-таки погоня кончилась. Офицер конного дагестанского полка Кибиров со своим отрядом в двадцать человек 6-й сотни Дагестанского полка 25 сентября 1913 г. в семи верстах от Шали окружил хутор, в котором находился Зелимхан. В результате короткого, но жестокого боя бандит был убит. Поговаривали, что Зелимхана предали его братья-соучастники, недовольные тем, что тот в последнее время притих и тем самым лишил их заработка.

Князья-бродяги

Деятельность самых известных кавказских абреков, в том числе и Зелимхана Гушмазукаева, пришлась на второе десятилетие XX в. Хотя после тяжелой и кровопролитной Кавказской войны прошло уже почти полвека, до «замирения» было еще далеко. По словам историка Владимира Бобровникова, становление «абречества» относится именно к периоду Кавказской войны, хотя Кавказ всегда считался «разбойничьим гнездом». По словам русских авторов тех времен, кавказские горцы вообще только и занимались набегами, грабежами и убийствами.

Считается, что слово «абрек» происходит от иранского слова, обозначавшего «бродяга, грабитель». У кавказских горцев этот термин стал обозначать князя или дворянина, изгнанного из общества за проступок или преступление. В русском же языке «абрек» стал символом любого «немирного горца». После русского завоевания Кавказа абречество стало не только формой разбоя, но и своего рода национальной защитной реакцией против «российского господства». Самими горцами оно воспринималось как продолжение удальства или «хищничества» местных джигитов. В бою абреки часто впадали в амок, что роднит их со скандинавскими берсерками.

На рубеже XIX–XX вв. абречество временно стихает, но во время первой русской революции, отозвавшейся и на Кавказе, оно снова разгорается. По всему Кавказу бродили шайки, нападавшие на богатых и на представителей

власти. К началу Первой мировой войны властям удалось истребить вожаков разбойников, и Кавказ снова был замирен. Однако, как оказалось, ненадолго.

Во время Гражданской войны на Кавказе снова хозяйничали отряды горцев, и Советской власти удалось победить, только склонив на свою сторону большинство главарей этих разбойничьих шаек. Правда, и в 1920-х, и в 1930-х гг. в горах иногда появлялись банды горцев, поэтому властям приходилось держать на Кавказе в постоянной готовности определенное количество войск. Когда в конце войны многие кавказские народы подверглись депортации, отряды НКВД действовали очень жестоко, подавив всякое сопротивление. Кавказ в очередной раз «замирили», но нанесли тем самым тяжелую национальную рану. В этом одна из причин того, что чуть больше десяти лет назад абречество в Чечне возродилось едва ли не в самых своих худших формах.

Гушмазукаева никогда не забывали в Чечне, причем многие пытались использовать его имя в своих целях. После революции Зелимхана представляли как «борца за счастье трудового народа», сражавшегося с ненавистным царским самодержавием, «чеченского Робин Гуда». К примеру, в 1967 г. вышел роман «Зелимхан» классика современной чеченской литературы Магомета Мамакаева. В нем абрек представал благородным разбойником. И по сей день многие чеченцы гордятся Зелимханом, которого мы бы сегодня назвали террористом.

С. Глезеров.
«Невское Время». 01.10.2003

Трагедия Кизляра

Кизляр же в апреле 1910 г. пережил новую трагедию – налет знаменитого чеченского абрека Зелимхана Гушмазукаева. Его конный отряд в 60 человек вошел в город средь бела дня. Сам Зелимхан, нашив для маскировки полковничьи погоны, ехал впереди. Целью нападения были кладовые казначейства. Однако казначей Копытко в последнюю минуту сумел выбросить ключи в окно и был тут же застрелен Зелимханом. Услышав выстрелы, караулившие на улице абреки открыли беспорядочную стрельбу. В тот день Кизляр лишился девятнадцати горожан. А Зелимхан перебил охрану и ушел за Терек, не потеряв ни одного человека. В двух хурджинах налетчики унесли то, что смогли забрать, – новенькой медной монеты на пять тысяч рублей.

Примечание. Авт. Маркелов Николай Васильевич – главный хранитель Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова в Пятигорске. Родился в 1947 г. Автор целого ряда книг

о Лермонтове и Пушкине в их связи с историей Кавказа, в том числе «Кавказские силуэты. История Кавказа в лицах» (Пятигорск, 2006), а также более 300 статей и публикаций о русских писателях на Кавказе и о событиях Кавказской войны XIX в.

Извлечение из статьи Николая Маркелова
«Где рыскает в горах воинственный разбой...».
Журнал «Новый мир»

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ПРЕССА

Засада в Джугуртинском лесу

О стычке Гушмазукаева Зелимхана в Джугуртинском лесу со старшиной Беноя Буцусом, где абрек потерял в бою отца и брата, нескольких соратников, сам едва спасся, написано довольно много, но все-таки события отражены в этих описаниях совершенно не так, как было на самом деле.

Одно из первых сведений об этом дал в своей книге «Разбои на Кавказе» (Владикавказ, 1913) В. Козачковский. Он писал, что набег на хутор крупного овцевода А. Месяцева Зелимхану обошелся очень дорого. Его кровник Шугани «не поддался обману» и с двумя горцами «пошел по действительному следу». Настигнув Зелимхана в лесу на отдыхе, он бросился врукопашную и убил отца и брата Зелимхана, ранил его самого. Зелимхан успел убежать в чащу и спасся только чудом.

В своем вестерне «Подвиг терского казака, ныне Дагестанского конного полка поручика Кибирова, уничтожившего абрека Зелимхана» (Петроград, 1914) Д. Багратион, расписавший громкий «подвиг» Кибирова, с целым полком гонявшимся за одним человеком, писал: «Весной 1909 года Зелимхан с шайкой в 8 человек вел с собою для выкупа овцевода Месяцева, захваченного в хуторе, в 4-х вер. от Кизляра, направляясь в горы. Девятые сутки за ним следили стражники по распоряжению атамана «Кизлярского отдела», причем, хотя и приказано было через аулы не пропускать шайку, но лишь беноевцы могли это выполнить, устроив засаду у кладбища.

В перестрелке был убит отец Зелимхана и двое из шайки (в другом месте Д. Багратион пишет, что беноевцами были убиты отец Зелимхана, его «брат Солтмурад, также абреки его шайки». – Д. Х.), но Месяцева Зелимхан не упустил, потому что осторожный абрек никогда впереди не ехал, в особенности предугадывая возможность засады, а держался на некотором расстоянии под прикрытием брата или отца, а в их отсутствие окружал себя серыми телохранителями-силачами. В числе телохранителей были три брата чеченца, из них один окончил Владикавказское реальное училище, другой – гимназию и третий не окончил ее. В этой перестрелке Зелимхану угрожала смерть, но его спас телохранитель».

Писатель Дзахо Гатуев несколько иначе описывает этот случай в своей книге «Зелимхан». Похитив Архипа Месяцева, занимавшегося многочисленными провокациями против чеченцев, Зелимхан, его отец Гушмазуко, младший брат

Солтмурад, Аюб Тамаев из Новых Атагов, Саик, Тюрик, Абубакар, Зокка, Саламбек Гасаоджев (Гаравожев. – Д. Х.) из Сагопши и еще трое абреков из Ингушетии остановились на одной из лесных полян, на беноевской земле. К абрекам открыто подошли беноевцы во главе с Буцусом. «Вероломные беноевцы» дали залп в упор, убив Солтмурада и трех ингушей. Началась перестрелка, в которой погиб Гушмазуко. Отступившие беноевцы оставили убитых – Бургуная и Гамзата. В это время Зелимхан боролся со здоровенным Буцусом, схватившим его. Оставив тела погибших и считая Зелимхана погибшим, абреки стали уходить.

«На дне балки, придушенной орешником, в которую скатились Буцус и Зелимхан, в которой грыз Буцус шею Зелимхана клыками и проклятиями, вытянул Зелимхан, пальцами держа лезвие, кинжал. Пальцами держа лезвие, прорезал шею Буцуса. Немного порезал, но умер Буцус. Так отвоевал себе жизнь харачоевский Зелимхан» (Гатуев Д. Зелимхан. Орджоникидзе, 1971).

В художественном романе Магомета Мамакаева «Зелимхан» (перевод с чеч. Ю. Тимофеева; Грозный, 1971) эта стычка тоже очень сильно видоизменилась. Пробираясь через Джугуртинский лес, абреки наткнулись на засаду, устроенную беноевским старшиной Буцусом. В данном отрывке описывается целое сражение со звоном клинков, выстрелами, ржанием коней. «Зелимхан, отбиваясь от насевших на него стражников, видел, как храбро дрался старый Гушмазуко с двумя здоровенными беноевцами. Харачоевского абрека атаковали с трех сторон, и, отражая кинжалом удары казачьих (?! – Д. Х.) шашек, он потерял из виду отца. Где-то с молчаливым упорством бились Солтмурад и Зока, с кинжалом в одной руке и револьвером в другой появился из тумана Саламбек и тут же исчез.

Покончив со своими противниками, Зелимхан хотел устремиться на помощь отцу, но вдруг совсем рядом услышал звериный рев Буцуса, который кинулся на него, как барс, свалил с коня и всей своей тушей придавил его к земле. Задыхаясь от злости, он приговаривал: «У-ух, теперь не уйдешь от меня, Зелимхан. Теперь я отнесу твою голову полковнику и получу за нее мешок золота».

Сцепившись с Буцусом, Зелимхан скатился в лощину. Но и здесь абрек не мог вырваться из цепких рук старшины, на помощь которому подоспели двое стражников, желая взять его живым. Они пытались схватить абрека за руки, но, ловко увернувшись от них, он сбросил с себя Буцуса и, выхватив у него из ножен кинжал, всадил его в грудь врага. Тело Буцуса покатилось по откосу. Тем же кинжалом Зелимхан заколол одного из солдат, а другой бросился бежать. Абрек не стал догонять его, он устремился на поиски отца». Найдя своих родных мертвыми, Зелимхан «вскочил на коня и поскакал вслед за врагами – теперь

его кровниками. Но никого из них уже не было: одни убиты, другие бежали, как подлые трусы».

Был ранен в бедро Зока и убит абрек Эси. В живых остались Саламбек, Зока и Аюб. Песня «О нападении Зелимхана на Кизляр» (Нохчийн фольклор. Т. 1. Грозный, 1959), сочиненная одним из чеченских товарищей – илланчей-сказителей, в поэтической форме по-своему интерпретирует схватку Зелимхана:

«...Распустив свой отряд.
С наступлением вечера приехал
За Аксай-реку.
В те беновские дебри
Зеламхан Харачоевский.
Это плохое гостеприимство.
Когда жалованье повысилось,
Сразу испортилось;
Этому Боргану.
Из-за того, что присвоили чин офицера.
Не было доверия.
Говорят, что появился
Этот Бенойн Борган.
К нему обратился, говорят,
Зеламхан Харачоевский:
«Как зверь на лесной поляне
В сторону уходишь ты.
Все, что в твоем сердце,
Ты издали говори».
Затем стал говорить
Этот Бенойн Борган:
«Как на том торге,
Во время продажи коня,
Когда упомянут твое имя,
Сами снижают цену,
Испытывая к тебе симпатию,
Я взгляд бросаю».
Потом заговорил, говорят,
Зеламхан Харачоевский:
«Не блистать тебе, парень,
Этими пестрыми погонами,
Не жить тебе, парень,

На это большое жалованье», –
Сказав, когда обратился
Зеламхан Харачоевский,
Сзади схватил, говорят,
Коварство проявив.
Потом сказал, говорят,
Зеламхан Харачоевский,
Своему младшему брату:
«С помощью коварства
Меня схватили,
Братство есть ли
Мой младший ты брат?
Помнить буду,
Пока живу на свете,
Не оплошай,
Мой младший брат».
Потом обратился, говорят,
Этот младший брат:
«Я стреляю в него,
Ты только отодвинься», –
Сказав, выстрелив, свалил, говорят,
Этого Беной Боргана.
Черное войско,
Когда стреляло расплавленным свинцом,
Ничего не мог поделать, говорят,
Зеламхан Харачоевский...
От брата отрезанный,
С отцом расставшись,
Один остался
Зеламхан Харачоевский...».

Случай этот приобрел совершенно фантастическую интерпретацию в слухах, дошедших до дагестанцев, рассказ одного из которых приводит Бакаров Муса в книге «Воспоминания об абреке Зелимхане», изданной в Грозном в 1990 г. Бакаров приводит рассказ Али из с. Алак Ботлихского района: «Асалдир слышал, что когда Зелимхан ехал из Беной-Ведено в Дарго, то на границе между этими двумя селениями путь Зелимхану преградили такие же двое людей, приказав сойти с лошади, если ему дорога жизнь. «Это нетрудно. На, возьми лошадь», – сказав, шедшего забрать лошадь пинком опрокинув на спину, другому, сказав,

чтобы поднял руки, направив револьвер, взяв в свою руку ружье свалившегося, он этих двоих привел к мечети селения Беной. Собрав там их главных людей, сказав, что, если эти двое опять выйдут на большую дорогу, то знайте, что я их не оставлю в живых. Когда Зелимхан произнес это, беноевцы Зелимхана поблагодарили и побратались с ним» (С. 126).

Этот рассказ дагестанца о поимке воров из Беноя никто из чеченцев не подтверждает. О том, что этого случая не было, говорят и сами жители Беноя – старики. О стычке же Буцуса с Зелимханом они рассказывают так: «Харачоевский Зелимхан имел очень много друзей из беноевского тейпа. Беноевцы из Урус-Мартана участвовали в набеге на Кизлярский банк, у беноевцев в Новых Атагах Зелимхан часто бывал на вечеринках. Аюб из Новых Атагов – близкий друг Зелимхана, говорят, тоже был из беноевского тейпа. Абрек Харачоевский Зелимхан дружил и с беноевским Буцусом (БуцIус), часто бывал у него в гостях. Буцус был старшиной Беноя. Одни жители Беноя его любили, другие беноевцы были им недовольны. Буцус был смелым и сильным человеком. Те, кто плохо относился к нему, стали наговаривать на него Зелимхану, что Буцус, как старшина селения, доносит о Зелимхане начальству, чтобы получить чин и повышение жалованья, хотя это было неправдой. Зелимхан сказал, что если Буцус доносит на него, то не блистать ему погонами и не есть ему большое жалованье, что он убьет его. Об этих словах Зелимхана узнал Буцус и, рассвирепев, тоже сказал, что убьет Зелимхана, когда найдет его.

Зелимхану передали слова Буцуса, и он поехал «вечером к нему домой, однако в это время Буцус вместе с братьями находился в отъезде. У жены, которая находилась дома (по другим вариантам, это была дочь Буцуса), Зелимхан попросил принести кружку воды и, когда пил, сказал, чтобы та передала Буцусу, чтобы он не говорил эти вещи, если настоящий мужчина. Сказав эти слова, Зелимхан уехал. Хотя больше ничего не было, но одна женщина со злым языком стала распускать по селению слухи, что Зелимхан позволил себе вольности по отношению к жене Буцуса. Всего этого было достаточно, чтобы между Буцусом и Зелимханом началась кровная вражда. Как раз в то время за голову Зелимхана была назначена большая награда (8 тысяч рублей. – Д. Х.). У Буцуса созрел план схватить Зелимхана живым и отдать его властям. Когда сообщили, что отряд Зелимхана схватил богатого тавричанина (А. Месяцева. – Д. Х.), то Буцус, знавший абреческие тропы, на всякий случай пошел вместе с двумя своими братьями Борганом и Межедом (по другому варианту – Хамзат. – Д. Х), а также с двоюродным братом Хангири в засаду. Когда абреки подъехали к засаде, то

Буцус вышел из засады, заявив, что хочет поговорить с Зелимханом. Зелимхан подпустил к себе Буцуса, и Буцус схватил Зелимхана...

В это время оставшиеся в засаде братья Буцуса стали стрелять в абреков, убив двух ингушей и смертельно ранив третьего ингуша, убив брата и отца Зелимхана. Остальные абреки, отстреливаясь, стали уходить в чащу леса, уводя «тавричанина» с собой. В это время Буцус, который обладал очень большой физической силой, держал Зелимхана, обхватив его руками так, что тот не мог двинуться. Лежавший на земле раненый ингуш крикнул Зелимхану, что он стреляет, и чтобы тот отодвинулся. Уже терявший силы Зелимхан отодвинулся, и ингуш, держа винтовку на ноге, выстрелил в Буцуса и убил его (по другому варианту предания, в Буцуса стрелял не раненый ингуш, а Сулумбек Гаравожев. – Д. Х.). Зелимхан под выстрелами Боргана, Межеда и Хангири сумел спастись. Явившиеся вскоре родственники забрали трупы убитых. Желая отомстить за смерть отца и брата, Зелимхан через некоторое время ночью приехал в Беной и, войдя в дом Хангири, сказал ему, чтобы тот с ним вышел на улицу. Хангири был отважным и мужественным человеком и, не беря никакого оружия, кроме кинжала, сел на коня и смело поехал впереди Зелимхана. Удивленный Зелимхан спросил его: «Хангири! Ты хотя бы знаешь, куда мы едем?» – «Конечно, ты же приехал убить меня, Зелимхан». – «Но ты даже не теряешься». – «А что теряться, мы разве не умирать едем с тобой?» – ответил Хангири.

Зелимхан засмеялся. Ему понравилась смелость Хангири. Доехав до окраины селения, Зелимхан сказал Хангири: «Мне жаль убивать смелых людей. Иди домой, Хангири». Сказав это, Зелимхан уехал в лес. Чуть позже Зелимхан подстерег младшего брата Буцуса Межеда и убил его. На этом кровная месть между Зелимханом и родичами Буцуса закончилась» (записано в 1990–91 гг.). Информаторы: Хусейн Загибов – житель станицы Шелковская, 48 лет, тейп – беной; Сайд-Селим Абумуслимов – житель г. Аргун, 33 года, тейп – цонтарой.

Судя по всему, последнее предание более соответствует действительности. Подтверждение этому преданию можно найти в вариантах В. Козачковского, Д. Багратиона, Д. Гатуева, в «илли» о нападении Зелимхана на Кизляр, то есть в вариантах, более заслуживающих доверия.

Во всех вариантах подтверждается, что Зелимхан знал Буцуса. Не зная хорошо человека, абрек не подпустил бы его к себе. Илли косвенно подтверждает то, что отношения между Буцусом и Зелимханом были испорчены из-за должности и жалования Буцуса. То, что тела убитых абреков были оставлены в лесу, говорят о том, что отступили абреки, а не те, кто был в засаде: сказалась внезапность нападения, цель абреков скрыться вместе с Месяцевым. И, наконец,

то, что Зелимхан убил из-за кровной мести брата Буцуса, говорит о том, что, кроме Буцуса, в лесу никто из нападавших на абреков убит не был.

Многие данные говорят, что Зелимхана из железных объятий Буцуса спасла пуля, посланная товарищем Зелимхана. Драматична была судьба абрека. Царские штыки и кандалы, пуля и кинжал, коварство и предательство ждали их на каждом шагу. Трагедия в Джугуртинском лесу – не сказочно-романтическая история с непобедимым бравым абреком-суперменом из лихо закрученного кинобоевика, а настоящая, с горечью и потерями, с кровью близких история человека, которого травили, как зверя, преследовали днем и ночью двенадцать лет, – показывает, насколько была трудна судьба абрека, о котором говорилось в песне:

«Его мягкою постелью была черная земля,
Подушка – корни чинары,
Одеяло его – голубое небо,
От голода ел чинаровый лист,
От жажды пил росу с травы».

Время расставило все на свои места, и память народа заслуженно возвысила гонимых и угнетенных своих сынов и низвергла в бездонную пропасть презрения «сильных мира сего».

Далхан Хожаев.
«Республика». 14.03.91

Карабахские кунаки Зелимхана

С давних времен для многих армян гостеприимная земля Чечено-Ингушетии стала второй Родиной. Вместе с вайнахами и представителями других народов армянская община Чечено-Ингушетии делила поровну радости и беды, триумфы побед и горечь трагедий.

Абрек Зелимхан из Харачоя... Слава о защитнике обездоленных, бесстрашном борце против царских сатрапов гремела по всей России. С восхищением следили за подвигами абрека простые люди на Кавказе. В казачьих станицах и вайнахских аулах слагали о нем песни.

Студенты-революционеры – армяне из карабахского города Шуши – отправили к знаменитому абреку Зелимхану делегацию из 5 человек. 19 апреля 1910 г. состоялась встреча со знаменитым абреком и 22 его товарищами в Сержень-Юртовском лесу. Царские агенты донесли, что студенты привезли Зелимхану бомбы и убеждали его, что «скоро ожидается война с Китаем, и как только

объявят войну, то вся революционная Россия поднимется, и тогда чтобы Зелимхан поддержал революцию» (Гриценко Н.П. Классовая и антиколониальная борьба крестьян Чечено-Ингушетии на рубеже XIX–XX веков. Грозный, 1971. С. 97–98). В 60-х гг. в Чечено-Ингушский краеведческий музей пришло письмо из Закавказья. Армянин писал о том, что его дядя еще 16-летним парнишкой убежал из дома в Чечню к прославленному Зелимхану Харачоевскому. К Зелимхану он не попал и поселился в Шатое, где жил и переписывался с братом. Во время выселения чеченцев и ингушей дядя с семьей разделил вместе со всеми жителями Шатоя их трагическую судьбу. Связь с родственниками в Армении прервалась.

В знак глубокого уважения к братским чеченскому и ингушскому народам члены Грозненского Армянского клуба имени Месропа Маштоца внесли в фонд фильма «Зелимхан» (счет № 700498) и в фонд памятника жертвам сталинских репрессий в г. Грозный (счет № 700472) 400 рублей.

Инициативу членов клуба поддержали армяне г. Грозный, начавшие добровольные пожертвования денежных средств в счет фильма и памятника.

Муса Лабазанов.
«Комсомольское племя». 11.02.1989

Кто предал Зелимхана?

Это исследование – еще одна попытка пролить свет на обстоятельства гибели знаменитого абрека Зелимхана из Харачоя. Являлся ли Муса Борщиков предателем абрека? Или он стал жертвой обстоятельств чьей-то искусно сфабрикованной лжи.

В одном из живописнейших мест Чечни, близ села Сержень-Юрт, стоит безымянный монумент. Любой житель знает, что он воздвигнут в честь знаменитого абрека Зелимхана Гушмазукаева. Ну вот, подходит к этому месту группа интуристов и, естественно, интересуется колоритной фигурой горца. Что же отвечает экскурсовод? А он с умилительной застенчивостью говорит, что скульптура называется «Отдыхающий всадник». Больно и стыдно при виде всей этой беззастенчивой халтуры.

В этой работе мы не претендуем на роль единственных носителей истины. Но, думается, эти несколько штрихов к портрету Зелимхана будут интересны всем.

Ему покровительствует небо

Наряду с другими, одним из важнейших факторов в создании образа знаменитого абрека был ореол неизвестности, загадочности, таинственности, который витал вокруг имени Зелимхана. Загадочное происшествие, впоследствии обросшее невероятными различными слухами, произошло с Зелимханом в районе селения Харачой. Абрек, преследуемый по пятам многочисленными карательными отрядами, устроил себе зимнюю квартиру в недоступном горном ущелье. Установив через агентурную сеть местопребывание Зелимхана, 9 декабря 1911 г. туда прибывают царские войска. Причем операция готовилась широкомасштабная, с привлечением больших сил, на вооружении которых были пулеметы и даже полевая пушка. И все это против одного человека.

Пещера, где находился Зелимхан, была на крутом склоне, в труднодоступном месте, и добраться до нее было не просто. К тому же абрек яростно отстреливался. Уже к вечеру каратели только убитыми потеряли двух человек, не считая раненых. В дальнейшем события приняли неожиданный оборот. Так, допрошенный войсковым старшиной Яковлевым казак 1-й сотни Василий Крикун показал: «9 декабря я был послан подъесаулом Варламовым в числе 10-ти казаков под командой казака Багмута на хребет, который был против пещеры. Это было часов в 11 утра. Когда мы пришли туда и залегли цепью за деревьями и начали стрелять по пещере залпами, вскоре лежавшие за деревом Корж и Самсоненко были ранены, и их сейчас же отправили вниз; вскоре в том месте цепи, где был урядник Обозный, был убит казак Багмут и стражник. Этих убитых сейчас же понесли вниз. Всего нас осталось на хребте 10 человек с урядником Обозным. Урядник Обозный назначил на ночь часового в подчаске, который наблюдал за пещерой, а остальные цепью лежали несколько ниже хребта. Мы пробыли там всю ночь. Пещера находилась от нас шагов на 400. Ночью можно было хорошо различать выстрелы из пещеры. Стрелял из пещеры разбойник не особенно часто – два-три выстрела. Ночью пещера там видна не была, но когда разгорится пламя от костра, который был недалеко от пещеры, то тогда она была видна. Если бы он выходил из пещеры, то нам его не могло быть видно за темнотой и дальностью расстояния».

Интересную интерпретацию этому событию дает полковник Казачковский. «По первой версии, – пишет он, – Зелимхана спасают чеченцы, бывшие поблизости. По другой, он скрылся из пещеры ползком, вверх по скале. И, действительно, кровавые следы до вершины были, но чьи они, этого определенно,

конечно, нельзя сказать. Сильный же горный туман не давал возможности часовым разглядеть ничего на расстоянии даже нескольких шагов. Сама природа как будто приходит на помощь к Зелимхану, и туземное население это учитывает. Покровительство свыше. По третьей же, чисто народной версии, отмеченной, между прочим, в одной из кавказских газет, исчезновение Зелимхана произошло значительно проще. Перед рассветом, после того, как стихла стрельба из пещеры, внезапно вылетел закутанный в башлык и обвешанный кругом бряцающим и звенящим оружием чеченец, стремглав бросился под кручу. Стоявшие на постах и ошеломленные в первую минуту казаки бросились за ним. На всех постах и в отряде поднялась суматоха. Крик, шум, выстрелы...

В результате же оказалось, что бесстрашно ринувшийся в бездну закутанный абрек – это кукла, сделанная Зелимханом из бурки, самовара внутри и других побрякушек. Все бросились ловить куклу, а Зелимхан в это время скрылся. Версию эту проверить трудно, но она далеко проще и, пожалуй, правдоподобнее предыдущей... Поиски Зелимхана ни к чему, конечно, не привели, вселив только еще большую уверенность в почитателях его, что Зелимхан, как «шайтан» (дьявол) неуловим...».

Состоял ли Зелимхан в партии?

Так уж повелось, что, говоря о личных качествах и подвигах Зелимхана, мы часто забываем рассмотреть вопрос о политических воззрениях знаменитого абрека. Соотношение между именем Зелимхана и политической борьбой того периода российской истории – это вопрос, вокруг которого возникали споры даже среди старой российской интеллигенции. Обычно консервативная ее часть отрицала всякую «политику» в действиях абрека, говоря, что он не смог бы занять в Чечне место политического деятеля, подобно Бейбулату Таймиеву или Байсангуру Беноевскому, если бы такая возможность появилась. Другая прогрессивная часть придерживалась иной точки зрения. Свидетельством тому являются слухи, которые в свое время будоражили умы современников Зелимхана – о якобы его принадлежности к партии анархистов. Эти слухи отмечались даже столичной петербургской и московской печатью. Их, скорее всего, породила красная печать, которую абрек прикладывал к различного рода вспомогательным письмам и другим документам.

Свидетельством наличия этой печати является опись, которая была произведена из попавших в руки властей вещей абрека после одной из засад. «1.

Кожаная сумка через плечо и плечевым ремнем желтой кожи с двумя отделениями, в которой: 1. Вырезка из «Одесской газеты» за 1910 год с изображением Зелимхана с надписью внизу: «Кавказский разбойник, голова которого оценена правительством в 8000 руб., и за поимкой коего ныне отправлено в горы несколько отрядов войск; ...19. Печать и ее оттиск... Группа кавказских горных анархистов-террористов. Атаман Зелимхан». История этой печати такова (читаем у Казачковского): «В феврале 1911 года из Ростова-на-Дону во Владикавказ приехали какие-то два студента из партии анархистов, которые при помощи ингушей и чеченцев, посещающих Владикавказ, добились личного свидания с Зелимханом. Они объясняли Зелимхану задачу анархистов, то есть чего, якобы, весь русский рабочий народ добивается, и на прощание подарили ему специально изготовленную для него печать, красный флаг и четыре бомбы. Одна из этих бомб в июне месяце 1911 г. была использована в городе Грозный в доме купца Шавелова за невыполнение денежного требования.

Красная печать имеет круглую форму величиной с пятикопеечную монету. На ней изображены два скрещенных ружья, внизу их рисунок сабли, по сторонам два револьвера, а кругом по краю надпись: «Группа кавказских горных анархистов-террористов. Атаман Зелимхан».

Народный заступник или бунтарь-одиночка?

Если говорить о позиции нашей исторической науки, то она была более близка к воззрениям консервативной части дореволюционной интеллигенции, сводя всю деятельность харачоевского абрека к бунту одиночки. Исходя из этого, мы попытаемся изложить свою точку зрения, показав политическое значение личности Зелимхана через призму его взаимоотношений с религиозными деятелями Чечни. Просматривая документы, мы обнаружили, что царская администрация всячески старалась столкнуть его с муллами и шейхами. Именно с этой целью в 1913 г. власти Веденского округа пускают слух о том, что шейха Бамат-Гирея-Хаджи Митаева высылают из родных краев в основном из-за разбойничьих действий Зелимхана. И если мюриды шейха представят абрека живым или мертвым, то Бамат-Гирея-Хаджи власти оставят в покое.

В ответ на это сотни мюридов шейха ринулись в леса, чтобы убить Зелимхана. И неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы не вмешательство самого шейха, который через своих посредников (будучи уже арестованным) передал своему старшему сыну Али (будущему шейху), чтобы мюриды немедленно

прекратили преследование Зелимхана. После своей высылки из родного края Митаев обязал мюридов чтить и уважать Зелимхана, так же, как и самого шейха. 8 мая 1913 г. начальник Хасав-Юртовского округа докладывал начальнику Терской области: «Полученным приставом слоб. Хасав-Юрт негласным сведениям жит. сел. Автуры, 3 участка Веденского округа, два сына Бамат-Гирея-Хаджи Митаева за наказание правительством их отца, с целью мести, вербуют из молодежи приверженцев шейха с целью присоединения к Зелимхану и совершения с ним ряда преступлений!.. Зелимхан ожидает известия от братьев Митаевых о готовности шайки и тогда, присоединившись к ней, начнет руководить ею».

О том, как мюриды выполнили волю своего шейха, говорит и рапорт младшего офицера 6-й сотни Дагестанского полка поручика Кибирова на имя начальника Веденского округа Терской области: «...Он (Зелимхан) на земле, даже в лесу Майртупском... Охрана его состоит из нескольких стариков – мюридов Бамат-Гирея-Хаджи...». То есть в каком бы селе он ни останавливался, если там имелись мюриды шейха Митаева, они брали его охрану на себя.

Безусловно, вряд ли шейх и его люди оказывали бы Зелимхану столько почестей будь он простым разбойником с большой дороги. Его имя невозможно представить вне политического контекста. Такие, как Зелимхан Гушмазукаев, стояли в первых рядах борцов за справедливость. Человек, имя которого в народных легендах и писаниях, человек, имя которого навсегда вошло в героический вайнахский эпос, – бессмертен. Хотя о смерти его нужно писать отдельно. Ибо смерть, которой умер Зелимхан, достойна его.

Гибель абрека

Произошла она из-за предательства, которое долгие годы связывали с именем Мусы Борщикова. Человека, на котором лежит, как считалось, ответственность за гибель знаменитого харачоевца. Это черное пятно осталось и по сегодняшний день. Проклятие распространялось и на его родственников. Ибо, по чеченским законам, тейп несет ответственность за своего члена.

Мы не задаемся целью ставить последнюю точку в этой истории, тем более не можем требовать безапелляционного принятия своих суждений. Но предложить свою версию этой трагедии, основанную на документах, которая разрушает традиционные представления, считаем своим моральным долгом. Начнем вот с такого фрагмента рапорта поручика 6-й сотни Дагестанского конного полка Кибирова начальнику военного отряда Терской области, датированного 20 июля 1913 г., то есть за несколько месяцев до гибели Зелимхана: «Желательно, и очень просим, хоть за неделю, теперь же командировать именно

в распоряжение начальника 4-го участка Мусу Борщикова, который и раньше, и в настоящее время очень мешает здесь делу». Это только исходный пункт нашего исторического дознания. А вот в следующем фрагменте мы постараемся показать, был ли причастен Борщиков к гибели абрека. И как бы косвенно познакомим читателя, при каких обстоятельствах погиб Зелимхан. Все фрагменты, которые будут приведены ниже, взяты из дознания, произведенного среди лиц, участвовавших в убийстве Зелимхана из Харачоя, в убийстве, которое подвело черту под 13-летней эпопеей. Причем большинство из них были по национальности дагестанцами, что является лишним доказательством проводившейся царскими властями политики «разделяй и властвуй», одной из целей которой было стравливание малых народов.

Так, всадник 6-й сотни Халидин Нураев, житель села Бутеной Хасав-Юртовского района, показал: «Когда выступили из Шали, то поручик Кибиров сказал в какой одежде будет Зелимхан. Подойдя к хутору, поручик Кибиров скомандовал: «Цепь!». Мы окружили хутор, я встал рядом с Муртазали и Магомой Гаджель на углу дома, дверь была отворена и оттуда был свет. Поручик стоял против двери. Зелимхан выскочил из комнаты, выстрелил два раза в разных направлениях. Был ли ранен поручик Кибиров, где он, мы до утра ничего не знали. После выстрела Зелимхана мы выстрелили, и Зелимхан, отбежав несколько шагов, упал на колени и стал стрелять около получаса по всем направлениям. В него тоже стреляли, затем он упал и из винтовки стрелять не мог, а стрелял из револьвера. Когда ранили юнкера Гебекова, я не знал, так как его пост был шагов в 15-ти от меня. Когда стало светать, то подошел прапорщик Абдулаев, пришел ли он раньше, – я не знаю. Прапорщик с несколькими всадниками подошел к Зелимхану, который выстрелил из револьвера и ранил Абдул-Азиза Абдулаева. После того прапорщик приказал всем сразу выстрелить в Зелимхана, и последний умер». Как мы видим, Зелимхан был застигнут врасплох, и всадники Дагестанского полка в своих показаниях указывают, что он был выдан одним из агентов. Но кем именно?

Всадник 6-й сотни Абдул Керим Бамат, житель селения Нижний Дженгутай Темир-Хан-Шуринского округа показал: «...Указал дом, где скрывался всадник, один агент, я ночью его не рассмотрел и не знаю, кто он. Старшину (имеется в виду М. Борщиков. – Авт.) я не видел, хотя знаю его хорошо. С нами его не было». Это же показывают и другие. Всадник той же сотни Магома Газова, житель селения Нижний Дженгутай: «Когда выходили из Шали, то подошел агент, закутанный башлыком и буркой. Я не знаю этого агента и в лицо, и по фамилии. Указав хутор, он убежал... Старшину я хорошо знаю, его с нами не было. Был агент, но кто он, не знаю...». Всадник Сулейман Сулейманов: «Из Шали нас

повел незнакомый человек, только не старшина. Больше я ничего не знаю».

И в качестве резюме, которое убедительно подтверждает вышеизложенное, можно привести слова самого поручика Кибирова, возглавлявшего операцию: «Где был ночью прапорщик Абдулаев, я не знаю, утром я его увидел, когда уже было закончено... Хутор мне указал не старшина, а мой агент. Старшина находился с прапорщиком Абдулаевым. Хутор я знал давно, сам избрал его ловушкой для Зелимхана...». Проанализировав приведенные выше факты, можно сделать однозначный вывод: Муса Борщиков не был агентом, выдавшим Зелимхана Гушмазукаева, агентом был кто-то другой. Кто именно? К сожалению, это пока остается неизвестным. Как бы то ни было, народ уже навеки проклял его.

Храбрый и щедрый рыцарь

Мы не создадим правдивой истории, если оставим хоть немного несправедливости по отношению к кому-нибудь. А несправедливость к Зелимхану Харачоевскому сохраняется десятилетиями. Вина это наша или беда? Скорее, и то, и другое. Деля героев на партийных и непартийных и так далее, мы зашли в исторический тупик. Ведь даже царский полковник Казачковский писал: «Зелимхан административный определяется коротко – «вор и разбойник». Зелимхан же народный – это борец за правду, храбрый и щедрый рыцарь, это твердый последователь и смелый вождь воинственной секты «Зикра» и, наконец, – это защитник обиженных».

В 1987 г., будучи на музейно-архивной практике в Ленинграде, мы посетили Антропологический музей, где в разделе «Северокавказские горцы» увидели фигуру под названием «Абрек». На наш вопрос: «По каким мотивам она выполнена?» – экскурсовод ответила просто: «Это Зелимхан». Так неужели мы, его соотечественники, не в силах создать памятник Зелимхану Харачоевскому, героям Кавказской и гражданской войн, назвать их именами площади и улицы, чтобы наши потомки не забывали имена своих героев?

С. БАДАЕВ, ассистент кафедры Всеобщей истории ЧИГУ им. Л.Н. Толстого.
М. ВАЧАГАЕВ, младший научный сотрудник ЧИНИИИЭСФ. 10 сентября 1990

Память о нем жива

Близ селения Харачой есть глубокие скальные навесы и пещеры. С ними связано имя легендарного чеченского абрека Зелимхана, родившегося и выросшего в Харачое.

В 1901 г. доведенный до отчаяния притеснениями царских сатрапов Зелимхан встал на трудный, полный опасностей путь бунтаря-одиночки. Будучи смелым человеком, он все свое немалое умение горца-охотника отдал беспощадной борьбе против ненавистных народу представителей царской администрации на Кавказе. Он всегда находил возможность заранее предупредить очередную жертву о грозящей ей мести, наивно надеясь, что опасность заставит «исправиться» военных и гражданских чиновников. И как бы не прятались от него враги, какими бы гарнизонами солдат ни защищали себя, пули Зелимхана находили их. Так, коменданта Веденской крепости храбрый абрек убил во время его прогулки по крепостному парку, выстрелив с противоположного склона ущелья, откуда считалось немыслимым попасть в человека, находящегося в укреплении.

Громкая слава Зелимхана заставила трепетать царских чиновников. Для того, чтобы поймать его, снаряжались целые карательные экспедиции, но Зелимхан был неуловим! Однажды его осадили в мрачных харачоевских пещерах на краю родного села. Все тропки перекрыли войска. Победные реляции неслись по инстанциям.

Целый день отстреливался абрек, сея смерть в рядах врагов. А ночью по неприступной скале взобрался на хребет и ушел от облавы. И вновь жестоко мстил за обиды своего народа.

Зелимхан Харачоевский сложил голову в неравной борьбе в 1913 г. Методы борьбы абрека-одиночки, национальные предрассудки и, главное, отсутствие ясной перспективы борьбы предопределили его гибель.

И все-таки невиданная по упорству, мужеству и удачливости битва одиночки снискала должную славу Зелимхану. Память о нем живет в горах...

«Колхозная жизнь». 5.06.1970

Зелимхан в Старой Сунже

Одним из громких дел, связанных с Зелимханом Гушмазукаевым, считается спасение 15 октября 1911 г. знаменитого абрека из окруженного царскими солдатами аула Старая Сунжа (Соьлжа). По крайней мере, В. Козачковский в своей книге «Разбои на Кавказе», изданной во Владикавказе в 1913 г., называет «разбой в ауле Старо-Сунженском» одним из «самых дерзких его разбоев». Вот как описал этот «дерзкий разбой» представитель царской военной казачьей администрации на Кавказе В. Козачковский:

«...Начальник военного отряда ночью 15 октября получил известие, что в

эту ночь Зелимхан с шайкой должен ночевать в двух верстах от гор. Грозного, в Старо-Сунженском ауле, в сакле некоего Адуева, известного вора. Отсюда, по слухам, Зелимхан думал сделать нападение на Грозненскую ярмарку. Старо-Сунженский аул, расположенный всего в двух верстах от города Грозного, это отселок родного Зелимхану аула Харачой, выселенного сюда из гор лет сорок назад за разбои и воровство. Таким образом, Зелимхан был здесь всегда своим человеком… Жители города Грозного и окрестных станиц не раз возбуждали ходатайство о выселении этих аулов (Старой Сунжи и Алды. – Д. Х.) в горы, но власть находит эту меру жестокой, и оба аула продолжают жить воровством и грабежами.

15 октября, по получении известия о нахождении Зелимхана в Старо-Сунженском ауле, начальник военного отряда вызвал по телефону две роты Дагестанского-пехотного полка и сотню казаков и в два часа ночи подошел к аулу. Ночь была темная, и шел дождь. Аул был оцеплен только перед рассветом. Оцепление самой сакли Адуева было поручено поручику Дагестанского полка Епифанову. Первую весть о прибытии войск подали собаки, на лай которых поднялся весь аул. В то время, когда двор Адуева был уже оцеплен, дверь сакли отворилась и во двор выглянула женщина. Заметив солдат, она быстро затворила дверь, свет в сакле погас и в этот момент из дверей сакли выскочил туземец и бросился бежать вдоль улицы, в которой стоял поручик Епифанов.

В то же время в сакле послышались крики, стоны и затем звуки разбитых стекол в окнах, из которых один за другим начали выпрыгивать чеченцы и разбегаться по разным направлениям. На звуки разбитых стекол и шум убегающих людей в темноте поднялась стрельба. Поручик Епифанов, сделав несколько безрезультатных выстрелов по первому пробежавшему мимо него чеченцу (по предположению, по самому Зелимхану), а затем, обнажив шашку, погнался за ним вдоль улицы. Убегавший чеченец обернулся и выстрелом, почти в упор, убил офицера и бегущего рядом с ним рядового Дагестанского полка и, забежав в ближайший двор, бросился с крутого обрыва в реку Сунжа.

На выстрелы войск весь аул поднял стрельбу, которая прекратилась только с рассветом. У дверей сакли Адуева убитым оказался сам хозяин Адуев и еще два неизвестных чеченца. Внутри же сакли были трупы двух женщин, у которых, кроме пулевых ран, оказались еще несколько кинжальных. Очевидно, абреки убили их из боязни, чтобы те не выдали их. Из убежавших абреков никто не был пойман. Одни были спрятаны жителями, а другие, бросившись в реку Сунжа и перебравшись через нее на противоположный берег, нашли себе приют у городских чеченцев или на ярмарке, которая была в это время в полном разгаре.

Такой ценой на сей раз был предупрежден, как предполагают, задуманный Зелимханом грандиозный разбой на ярмарке, который был бы неслыханной в летописях края разбойничьей катастрофой.

В гор. Грозный в это время был разгар самой большой на Северном Кавказе осенней ярмарки. На эту ярмарку съезжаются торговцы со всего края, пригоняются лошади и рогатый скот табунами. В благоприятную погоду оборот ее доходит до 1 миллиона. Хотя ярмарка всегда имеет как воинскую, так и полицейскую охрану, но разбросанная на несколько верст, да еще в 2-х верстах от разбойничьего Старо-Сунженского гнезда, она всегда была небезопасной в отношении разбойного на нее нападения.

По слухам, на этот раз у Зелимхана должна была быть большая шайка, сборный пункт которой был назначен в Старо-Сунженском ауле. Одной частью шайки Зелимхан предполагал произвести демонстративную тревогу на ярмарке и в то время, когда после десятка-двух выстрелов на ярмарке произошла бы суматоха, по тревоге войска были бы вызваны к месту тревоги, куда направились бы и все начальствующие лица, в это время Зелимхан с отборными силами хотел ворваться в Азовско-Донской банк, который помещался хотя в самом центре города, но в малоприспособленном наемном здании, которое не представляло серьезных преград как со стороны улицы, так и особенно со стороны двора.

О том, что могло произойти на ярмарке, страшно даже подумать. На ярмарку съезжаются до 100 тысяч чеченцев и казаков. Все приезжие вооружены и ночуют на возах. Расчет Зелимхана во всех отношениях был верен и, можно сказать, даже без особого риска. Во время ярмарки в банке миллионные обороты. Тревога на ярмарке отвлекла бы туда, если не все войска, то тех начальников, которые распоряжаются посылкой войск, а во время этой суматохи Зелимхан имел бы дело около банка. Не более как с двумя полицейскими снаружи банка и двумя вооруженными туземцами, запертыми внутри помещения в отдельной комнате.

Расчет на успех был более чем вероятный, и если все это не удалось, то единственно только потому, что у Зелимхана есть кровники, которые следят за каждым его шагом и которые и на сей раз вовремя дали сведения о месте нахождения Зелимхана и его шайки. Опоздай это извещение не только одним днем, но даже несколькими часами, могло бы случиться, что наутро все разбойники рассеялись бы уже по ярмарке и по городу, в то время как войска искали бы их в ауле Старо-Сунженском. Судя по числу разбойников, застигнутых в доме Адуева, надо полагать, что слухи о сборе шайки и нападении на банк и ярмарку были верны. Старосунженцы, однако, упорно отрицают присутствие Зелимхана

в их селении в этот день, о чем писали даже в Государственную Думу» (С. 119–121). Наместник Кавказа среди прочих карательных мер против населения Чечни предложил начальнику Терской области генералу Шатилову «взорвать несколько домов в Старо-Сунженском ауле, в которых ночью 15 октября скрывались разбойники» (С. 122).

Как видим, Козачковский, задачей которого было «разоблачение разбойничьих гнезд» Старо-Сунженского (и Алдынского) аула, жители которого написали жалобу в Государственную Думу о вопиющих беззакониях и убийствах мирных людей администрацией Терской области, пытался оправдать необходимость жестоких карательных мер по отношению к чеченцам. В частности, блестяще задуманная операция разбоя на городском рынке и ограбление Азовско-Донского банка, судя по всему, была разработана лишь в хорошем воображении Козачковского и администрации Терской области, пытающейся подобными мифами «кормить» вышестоящее начальство.

По-своему, уже основываясь на предложениях Козачковского, спасение Зелимхана из Старой Сунжи описал писатель Дзахо Гатуев: «Старо-Сунженская история подоспела к моменту шатиловского доклада наместнику». Предание утверждает, что целью ее было покрыть 100000 руб., взыскание которых было предрешено Шатиловым на удовлетворение жертв керкетского побоища. Официальные источники не вникают в причины. Они кратки».

«В ночь на 15 октября начальник военного отряда Моргания получил известие, что Зелимхан скрывается в ауле Старо-Сунженском, чтобы днем напасть на Грозненскую ярмарку. Полковник Моргания взял три роты Дагестанского пехотного полка, две сотни казаков и шестнадцать дагестанцев. Оцепили весь аул и добавочно саклю Адуевых, в которой скрывался Зелимхан...».

Первую весть о прибытии войск подали собаки, на лай которых поднялся весь аул. Зелимхан выскочил из сакли, чтобы выйти черным двором. Там сидели на корточках солдаты. («Точно гуси», – смеялся потом Зелимхан). Зелимхан кинулся на улицу, занятую командой поручика Епифанова. Зелимхановский ореол святости, слухи о его заговоренности оказались действительными не только для Чечни. Завидев Зелимхана, солдаты побежали, точно стадо тех же гусей. Зелимхан смешался с ними. Зелимхан перегнал их. Перегоняя, заметил блестящие погоны офицера. Убил его. Убил рядового. Потеряв офицера, команда отстала от Зелимхана. И он пошел шагом, соображая, куда свернуть. На площади Зелимхана окликнули черные силуэты дагестанцев. Зелимхан не ответил, и дагестанцы открыли огонь. Он опять побежал, жертвуя черкеской,

которую решетили пули... Так дошел он до самых гор... Миллионные обороты ярмарочного отделения остались неприкосновенными.

Торжество сжигания старо-сунженских домов обставили с соответствующей помпой. Согнали население аула Старо-Сунженского войска и пожарную команду. Не поленился приехать и Михеев со свитой адъютантов и приставов. Предстоящее зрелище было единственным в истории: пожарная команда подожгла дома, пожарная команда проследила правильность их горения. Михеев-генерал тоже смотрел, как старый профессор за операцией молодого ассистента. И потом сказал старосунженцам:

«Я велел собрать вас сюда, чтобы вы увидели, что так будет поступлено со всеми теми, кто осмелится укрывать разбойников и стрелять в царские войска. Ваш старшина не мог не знать, что в ауле ночует Зелимхан, иначе он был бы плохой старшина. А потому с сегодняшнего дня он и его помощники отрешаются от должности, и вам будет назначен правительственный старшина. Отныне я вас лишаю права выбирать своего старшину. Я бы мог сделать гораздо больше, чем сжечь эти два дома ослушников, но мне жаль ваших детей и женщин, и потому я на сей раз воздерживаюсь от более крупных мер». «Благодарное население разошлось со слезами любви и умиления», – мог бы добавить газетный корреспондент» (Гатуев Д. Зелимхан. Орджоникидзе, 1971. С. 119–120).

В художественном романе писателя М. Мамакаева «Зелимхан» события в Старой Сунже переносятся на время побега Зелимхана из городской тюрьмы. По замыслу писателя, Зелимхан днем под видом нищего, просящего милостыню, уходит из окруженного солдатами селения. Свет на действительные события, которые произошли в Старой Сунже, проливает рассказ жителей этого селения, предки которых имели непосредственное отношение к происшедшему 15 октября 1911 г.:

«Харачоевский Зелимхан иногда бывал в гостях у харачоевцев из Старой Сунжи. Как-то у одного из старосунженцев, в дом которого привезли невесту его родственника, собралась старосунженская молодежь. Сюда же приехал абрек Зелимхан. Парни шутили, веселились, «развязывали язык» невесте, давая по обычаю за сказанное ею слово деньги. Веселился и Зелимхан. Кто-то донес властям, что Зелимхан находится в этом доме. Ночью солдаты окружили дом. На лай собак выглянула жена хозяина и, увидев солдат, быстро захлопнула дверь. О солдатах она сообщила присутствующим. Разъяренный Зелимхан схватил хозяина за руку и сказал: «То коварство, что ты мне сделал, я против тебя обращу».

Зелимхан заставил хозяина первым выйти на улицу и подтолкнул его к выходу. Когда хозяин выбежал на улицу, солдаты открыли огонь и убили его. Поднялась стрельба. Жена хозяина и невеста в испуге кинулись к окну, но солдаты, стрелявшие в двери и окна, убили их. Зелимхан и другие парни из Старой Сунжи выскочили на улицу. Были убиты еще двое парней из села. Зелимхан шел по селению и, стреляя в воздух из винтовки, кричал: «Коварство, мне сделанное, я против вас оберну».

После того, как солдаты узнали, что им не удалось поймать абрека Зелимхана, то они от злости сожгли старосунженскую конюшню вместе с лошадьми, а также сожгли несколько домов» (Информатор Шатаева Р.А., жительница селения Старая Сунжа, тейп – харачой. Слышала от бабушки, которой было более 100 лет, бабушка (мать отца) умерла в 1987 г.).

Вряд ли хозяин дома был виноват в том, что на Зелимхана донесли. Выдумкой Козачковского является и приписывание «кровожадным» абрекам убийства двух женщин, которых на самом деле убили «доблестные» солдаты. Приехавший к родичам на вечеринку Зелимхан и не подозревал, как попытаются раздуть это дело власти, постоянно пытавшиеся выслать чеченские аулы после своих же провокаций. В своем очерке Козачковский сделал попытку также уменьшить возраст Старой Сунжи, известной по документам и в XVIII в. Несмотря на полное окружение села, Зелимхан сумел уйти, застрелив преследовавших его офицера и солдата. От рук солдат погибли ни в чем неповинные люди, у которых еще вдобавок сожгли дома и сельскую конюшню вместе с лошадьми. Таким был разбой царской власти в ауле Старая Сунжа.

«Республика». Февраль 1991 г.

Ходят часы абрека

Коллекционер из Курчалоя Али Муслимов по сей день хранит часы народного героя, именитого абрека Харачоевского Зелимхана. Они исправно отстукивают время.

– Кажется, вот-вот войдет Зелимхан и попросит свои часы, – говорит Али.

Еще много экспонатов в его коллекции. Есть и кинжал, принадлежавший легендарному шейху Али Митаеву, другу и соратнику Зелимхана.

Шарип Алиев.
«МаслаIат». 09.15.91

Колхоз им. Зелимхана Харачоевского. Все начинается с ПЕЧАТИ... резонанс

Первое интервью для молодежи дают председатель колхоза «Зелимхан» А. Хадиев, секретарь партийной организации В.С. Хамсуртанов и первый секретарь Ножай-Юртовского райкома комсомола А. Аласханов.

«Комсомольское племя». 30.08.90

Чечня: прошлое и настоящее

Добровольное присоединение Чечни, да и всего Северного Кавказа к царской России, как мы знаем из истории, таковым было лишь на бумаге. Армия Ермоловых, Грабе и иже с ними уничтожала села, выдавливая жителей с равнинной местности в горы. Земли чеченцев после такого добровольно-принудительного присоединения отходили в собственность России. Позже их отдавали в пользование военным и казакам. Возможно, этим и был обусловлен в 60-е гг. XIX в. массовый исход части чеченского народа в Турцию. Согласно сохранившимся

архивным документам, высшие чины из царской армии получали в дар от царя тысячи десятин, средние – сотню десятин, а мелкие чины – до тридцати десятин. Со временем земли стали раздавать и служивым из чеченцев, которых власть считала лояльными. Наделы чеченцам выдавались согласно подымным спискам (на одну семью по тогдашним законам полагался один надел, несмотря на то, что в одной семье могло быть несколько взрослых сыновей). Чеченцы, проживающие на равнинной местности, имели наделы в пределах трех десятин. Наделы горцев составляли чуть меньше десятины, а то и четверть. Казаки по этому поводу даже анекдоты сочиняли. Один из них дошел до наших дней: «У чеченца столько земли, сколько умещается под его буркой». Но ужаснее всего для простых чеченцев был произвол пришлых и местных чиновников. Налоги и поборы, которыми они облагали людей, невозможно было оплатить сполна. Урожая, выращенного на крохотных наделах, не хватало даже до следующего сезона. И чеченцы, как могли, противостояли этому чиновничьему беспределу. Зачастую, чтобы доказать свою правоту, человек преступал законы.

Одним из них был Зелимхан из Харачоя. В Архивном управлении ЧР сохранились копии документов (Ф. 236, о. 1, дело № 783, л. 204). «Дело о мероприятиях по борьбе с бандитизмом в Веденском округе (в частности с Зелимханом), проливающие свет на события почти вековой давности. Оригиналы этих документов хранятся в Центральном государственном архиве МВД СО АССР (Отдел дореволюционных фондов. Ф. 11, о. 52, дело № 1190, л. 207).

Согласно этим документам, для борьбы с Зелимханом Харачоевским и его последователями царская администрация в Чечне в июле 1908 г. (после убийства им начальника округа полковника Галаева) создала партизанскую сотню Веденского округа. Состояла она из 20-ти конных всадников от каждого участка. Участков было пять: Веденский, Ножай-Юртовский, Шалинский, Ойсунгуровский и Шаро-Аргунский.

Начальник Веденского округа подполковник Каралов
начальнику Терской области

Рапорт

«При внимательном знакомстве с общим состоянием высочайше вверенного мне Веденского округа, я обратил внимание на склонность населения к воровству, грабежам, насилиям и разбоям, при поголовном укрывательстве порочного элемента. Народ этот, стоящий еще на низшей ступени культурного развития, и, будучи веками воспитан в пороках, усвоил себе особые идеалы жизни, про-

тивные общечеловеческим законам – воровство, грабеж и разбой почитаются им удальством и поощряются лучшими их представителями.

Крайняя ограниченность и безграмотность мулл, влияние и пропаганда идеи мюридизма сектантами-зикристами могут ли направить народ на мирный путь и внушить ему трезвые взгляды на чужую собственность и жизнь? Конечно, нет. А потому народ продолжает жить укоренившимися в нем привычками, и только долголетним и упорным трудом администрации, воспитанием и русской школой можно перевоспитать эту темную массу, привив ей принципы гражданственности и приучив ее к законности и порядку. Но пока наступят эти светлые дни, я, почитая себя обязанным, если не положить конец, то хотя бы, по возможности, сократить преступность в округе, издал приказ по вверенному мне округу от 29 июня с. г. за № 49, которым призвал в слободу Ведено лучших представителей народа для совместного со мной и моих помощников обсуждения способов действительной и рациональной борьбы с преступностью. Собрание это не дало желательных результатов, представители высказались за необходимость введения варварских судов по шариату. И т. д. и т. п.».

По всей видимости, для господина Каралова чеченцы были лишь варварами и дикарями, которые не умеют жить по законам цивилизованного общества. А вот граф А. Палецкий в своих мемуарах писал о тех же чеченцах, которые служили в Дикой дивизии: «Мы отняли у кавказцев все: их прекрасные горы, их дикую природу, неисчерпаемые богатства этой благодатной страны... И вот когда вспыхнула война, кавказцы добровольно пошли на защиту России и защищали ее беззаветно, не как злую мачеху, а как родную мать. Все кавказцы таковы, в них живет еще истинный дух рыцарства и на удары сзади, из-за угла они не способны. Не против России и русской свободы идут воины Дикой дивизии. Они сражаются вместе с русской армией и впереди всех, и смелее всех умирают за нашу свободу...».

«...Как горная лавина обрушился Ингушский полк на германскую Железную дивизию. Он немедленно был поддержан Чеченским полком. В истории Отечества, в том числе и нашего Преображенского полка, не было случая конной атаки тяжелой вражеской артиллерии. Менее чем за полтора часа перестала существовать Железная дивизия, с которой соприкасаться боялись лучшие воинские части наших союзников, в том числе и русской армии. Передайте от имени Царского двора и от имени русской армии братский сердечный привет отцам, матерям, братьям, сестрам и невестам этих храбрых орлов Кавказа. Никогда не забудет этого подвига Россия! Честь им и хвала! С братским приветом,

Император Российской империи царь Николай II».

Это письмо, подписанное российским императором, говорит само за себя. С тех пор утекло немало времени. Но и сегодня в России можно встретить пару-тройку чинуш, считающих кавказцев варварами и дикарями. К тому же немало способствуют тому и отдельные российские СМИ. И все же, несмотря на все эти инсинуации, в памяти людской остаются только те моменты, которые сплачивают народы.

Вахит Бибулатов, главный специалист Архивного Управления ЧР.
«Молодежная смена». №31 (442), 25.04.2007

Дог майра Леча

«Хаьа суна, маьршачу дахаре хIинца вухавоьрзийла дац сан. Гечдар а, къахетар а цхьаьнггара а хиларе хьоьжуш а вац со. Амма суна оьздангаллин боккха тоам хир бара, нагахь санна халкъан векалш со обарг волуш вина цахиларх а, ткъа иштта сан да а, ваша а, кхинболу накъостий а обаргаш болуш бина цахиларх а кхетар» *(Пачхьалкхан думан председателан цIарах 1905-чу шарахь Зеламхас яздиначу кехата тIера).*

«Iедало террор йора халкъана тIехь, обаргаша террор йора Iедална тIехь» *(Асламбек Шерипов).*

Паччахьан полковнике кехат яздайтира Зеламхас шен доттагIчуьнга атагIойн Аюбе. Цу тIехь аьлла ду: «Полковник, нагахь санна хьайна беллачаьрца хила ца лаахь, айхьа лецна адамаш шайн хIусамашка, доьзалшка духа а дерзаде, цаьрга къинхетамечу бIаьргашца а хьажа. Кхин а хьайн тIемалошка омра а де, иштта уьш сел майра белахь, суна тIаьхьабовла ала цаьрга, зударий, берашший Iадда а дитий... Господин полковник, хIара кехат дика деша а деший, ойла елахь. Миччахьа лачкъахь а, суна хьо карор ву. ХIара яздийриг ву обарг Зеламха».

Полковнико а, паччахьан кхечу хьаькамаша а ойла йина хир яра лаахь а, ца лаахь а, кхераман стешхалло Iожалла дуьхьалтуьйсуш чин дезаран сутаралло. «ХIун хаьа, кадалахь», аьлла хетаро шегахьа баха хьийзош, синтем ца хуьлура царна. Назранан округан начальника эла Андронниковс ши эзар салти юкъавогIуш эскарца некъ юьхьарлаьцнера Галашкийн лаьмнашкахь лечкъаш лелачу шина зудчунна – Бициний, Зезагний (Зезаг – Зеламхин вешин Солтамурдан зуда), берашний дуьхьал, аьлча а, уьш леца.

Оцу некъана кечлуш, шен гергарчарах цхьаьнга Андронниковс ишта яздира:

«Сан Сийлахь-деза декхар ду, хIуьа хилла латтахь а, ур-атталла дахаран мехаца иза дина а, и сий дайна гIеранча – Зеламха хIаллаквар».

Амма цуьнан а, кхечеран а Iаьржа Iалашо кхочушхилале Зеламхас хийла Iожаллин кхаж тосура царна. «Дукха ю хьакхарчий хьун-хоте кегош, цхьаъ бен яц гила борз жан мотт цо бохабо!» – бохучу иллин дешнаш дагадохкуьйтура цо хIоразза а. Бакъду, иза коьртачарна бекхам беш хуьлура, ерриге а харцо цаьргара йолало дела. Ткъа уьш Iехабора: «Къар ца лун и Зеламха а, цуьнан тоба а хIорда чуьра цхьа тIадам бен бац, ткъа вай – дийнна хIорд! Цуьнан нуьцкъалчу тулгIено кIелхьарчор ву шена дуьхьалваьлларг!».

Ишта керл-керла Iехамаш, ямартлонаш дагалоьцуш, цунна Iожаллин гур боьгIура паччахьан эскаран хьаькамаша. Церан аьтто белира Зеламхин доьзал йийсаре лаца. Куьйгаш охкийна кара-м ца яхара обарган зуда Бици. Веданан округан начальник Чернов вожийра цо...

Шен хьомечу доьзалан цIа-кхерч шелбина, шен доьзалний, шений юккъе герзан буьрсаллий, шайн ямартлой, къизаллий хIитточу, бакъо ницкъаца хьаша гIертачу, нохчийн оьзда Iадаташ, гIиллакхаш емалдечу паччахьан Iедалан чиновникашна дуьхьал майра гIаьттира Харачойн Зеламха.

Суьрташ тIехь: *Зеламха. Зеламхин доьзал – 10 шо долу йо1 Муслимат, ша набахтехь вина 2 шо кхаьчна кIант Iумар-Iела карахь Iаш ерг 30 шо долу Зеламхин зуда Бици. ХIетахь паччахьан зорбанан фоторепортеро яз ма-дарра, 6 шо дуьзна волу ватIийна ваькххина шен да Харачойн Зеламха – Мохьмад, 7 шарера яьлла йоI Энисат.*

«Даймохк». 29.07.90

Синкхача. Иэс. Юьстах латта йиш яц

Кьоман ма-ярра истори йовзарца бен хуьлийла дац халкъан кханенан кхоллам. Цундела хада йиш яц дIадаьллачуьнца а, долуш долчуьнца а, хиндолчуьнца а йолу зIе. И хаьдда цахилар гойту халкъан барта кхолларалло, цу буха тIехь кхуьу къоман культура а. Цундела ала йиш ю-кха, ирсе бу къоман кхоллам, нагахь цуьнан дахарехь шен халкъан амалан, гIиллакхийн адамалла йолуш турпалхой, кхолла безаш а боцуш, баккъала а хиллехь.

Вайнехан къоман а бу шен турпалхой. Царна юкъахь ву цIе яххана къехойн лаамийн дог хилла волу Харачойн обарг Зеламха. Цуьнан цхьаьнан цIаро кхераман зуз хьодуьйтуш хилла паччахьан ялхойн кхетамехь. Массарна а дика хаьа: Зеламха шен дахаран аьтто лоьхуш ца ваьлла обарг, иза паччахьан къизалла ла а ца елла хIоьттина шен кхолламан халчу новкъа. Цу хенах лаьцна къоман бакъволчу кIанта А. Шериповс иштта яздо: «Паччахьан Iедало ницкъ бора халкъана, ткъа обаргаша – Iедална».

Тахана цуьнах лаьцна исбаьхьаллин кинофильм яккха таро ю вайн, амма бакъду, цу гIуллакхна лаххара а миллион сом ахча оьшуш хилар хууш ду. Цу гIуллакхана куй кара а лаьцна лела стенна оьшу боху хаттар а нийса ду. Цхьаьнне а къайле йолуш дац, вайн кинопроизводствехь беса кинофильмаш а йохуш хилар. Уьш яха карадо оьшшучу барамехь ахча. Хетарехь, иштта къамелаш деш къийсамаш бар нийса дац, цул а нийса хир дара и гIуллакх дIадахийтарна юкъа вай вешан дакъа диллича.

Цкъа-делахь, ишттачу гIуллакхца вайн таро ю, къамелашца а доцуш, баккъала а, билггалчу гIуллакхашца къоман истории бала кхочуш хилар гайта. ШолгIа-делахь, вай вешан харжамца яьккхина кинофильм кхоазза сийлахь а хир ю. Цундела цунна ахча лахьор хIинцехь дуьйна дIадоло деза. Вайгара хила еза цу гIуллакхан йохьаллин хьалхе а. Цунна цкъачунна ахча вайн юьртахоша делла дац. Ткъа иза нийса дуй? Хетарехь, цу гIуллакхна пропаганда ярехь районехь жигархойн тоба вовшахтоха мегар дара, шайна юкъахь райисполкоман а, партин райкоман а, комсомолан райкоман а, белхалойн а векалш а болуш.

Цунна вешан цхьаьнакхетарш дIадахьа дезара районехь бехачу къинхьегамхошна юкъахь; цуьнах лаьцна дуьйцуш передача а ян езара меттигерчу радиочухула. Ткъа районехь вехачу хIора а вахархочунна хаа деза, нагахь цо № 700498 счета тIе шен таро йолччул ахча диллича, цо билггала гIуллакх кхочушдо Зеламхех исбаьхьаллин кинофильм йоккхуш.

С. Хадашев.
«Колхозан дахар». 24.01.89

Харачойн Зеламха

Нохчийчохь Зеламхех обарг алахь а, цуьнан цIе Харачойн Зеламха олий йоккху. Цул тIаьхьа олу цуьнах лаьцна къамел дечара иза обарг хилла.

Со гуттара жима бер долуш дуьйна а хезна суна Харачойн Зеламхех лаьцна

долу къамелаш. ХIетахь дуьйна везавелла суна и нохчийн турпалхо. Харачойн Зеламхех обарг аьлча, и «обарг» боху дош чорда хеташ тIеэцна сан даго. Ткъа «Харачойн Зеламха» бохуш долу ши дош дагах кхеташ ду.

Зеламха, хууш ма хиллара, ца ваьлла обарг лелла стаг хилла. Нагахь санна цуьнах вай обарг олуш хилча, Нохчийчохь муьлха обарг хир вара, и санна, доьналла долуш верг? Харачойн Зеламха цуьнах олуш хилча, кхин и саннарг хиллий оццу Харачуьра ваьлла?..

Иштта и хаттарш хьалха хIиттийначул тIаьхьа, ала лаьа кхечу цхьана хIуманах а. Доцца аьлча, Зеламха обарг вац, иза нохч-гIалгIайн халкъан, ша саннарг цу заманахь кхин хилла воцуш, турпалхо ву. Уггаре а хьалха аьр вай, гIийлачу нахах, шен доьзалх къахетта араваьлла лелаш стаг хилла иза. Вайн Нохч-ГIалгIайчоьнан эвлаяийн, Iеламнехан, тоьллачу къонахийн сий деш хилла Зеламхас, уьш лоруш хилла цо.

Зеламхас вирд доккхуш верг Иласхана-Юьртара Хьаьжа хиллехь а, цу шен устазаца санна, цуьнан гергарло Таьшкечуьрчу АбугIаьрца, АтабигIаьрца, Деница, Доккица, Суайп-моллица, Баматгира-Хьаьжица, шайх Iелица, иштта уьш санна болчу кхечу дикачу нахаца а хилла.

Ца дийцича а, тоьур дара вайна деккъа цIена цхьана эвлаяа Iовдас – Баматгира-Хьаьжис динарг. Иза Калуге вигна, цигахь вехаш-Iаш хилла. Зеламха вийначу шолгIачу дийнахь, цуьнах дерг шена ма хиъинехь, Iовдас цунна тIера сагIа даьккхина, цкъа а вайна дицлур доцу дешнаш а аьлла. Иштта аьлла хилла Iовдас: «Вели иза шена гIазот даьккхина!».

Массарна а хууш ду Харачойн Зеламха 1913-чу шеран 26-чу сентябрехь суьйранна кхелхина хиларх дерг. Иштта вайна хууш ду шолгIачу дийнахь, аьлча а, 27-чу сентябрехь Калугехь эвлаяаша цунна тIера сагIа даьккхина хиларх а. Цу хьокъехь дерг цхьа а шеко йоцуш ду. Иза кху статьян авторна дийцина Эвтархойн воккхачу Мохьмада, эвлаяан Iовдин стунвешо.

Лакхахь вай цуьнах лаьцна аьлла а ма хиллара, Харачойн Зеламхас вайнехан тоьллачу къонахийн, эвлаяийн, Iеламнехан сий деш хилла, ткъа цара шайн рогIехь сий деш хилла Зеламхин. Оцунна тоьшаллина далийна вай цунна тIера Калугехь хиллачу эвлаяаша даьккхина хилла сагIа а, цуьнах лаьцна аьлла дешнаш а.

Муса Бакаров. «Обарг Зеламхех дагалецамаш» цIе йолчу книгин автор.
«Колхозан дахар». 13.10.90

АБРЕК ЗЕЛИМХАН В ПРЕССЕ ПРОШЛОГО ВЕКА

Если вам доведется просматривать русские газеты, которые выходили в начале прошлого века, то обратите внимание на статьи о Зелимхане. Их было очень много. Знаменитый абрек из Чечни волновал умы и сердца обывателей. Еще бы!

Вот он на глазах у пораженной публики ограбил банк в переполненном ожидавшими его налета войсками Кизляре и скрылся. Спустя некоторое время похитил известного богача Месяцева, во Владикавказе забрал содержимое ювелирного магазина на центральной улице и ускакал в горы. Затем переоделся священником, приехал на бал к видному чиновнику Терской области и выведал все, что его интересовало.

Статей с описанием, как ловили Зелимхана, еще больше. И все под крупными заголовками: «Последние часы абрека», «Зелимхан в ловушке», «Конец разбойника». Почитаем. Оказывается, вот в чем дело: карательный отряд окружил Зелимхана, который засел на неприступной скале. Через несколько часов он будет схвачен. Но проходит день, другой, наконец, небольшая заминка: каратели предприняли штурм скалы. Зелимхан, закутавшись в бурку, прыгнул в бурный поток. Все кинулись его ловить. Поймали, но лишь бурку. Ее владелец исчез бесследно.

А сообщений об убийстве Зелимхана не перечесть. Они появлялись чуть ли не каждый месяц. И читатели к ним привыкли. Когда же в последних числах сентября 1913 г. с Кавказа пришло известие о подлинной гибели знаменитого абрека, читатели недоумевали: верить ли ему или нет? Зато официальная пресса не скупилась на трескучие статьи о «подвигах» кавказских карателей.

И вдруг в этом мрачном хоре прозвучал иной голос – сильный и освежающий. Он раздался со страниц газеты «Отклики Кавказа». Откройте номер за 8 октября. Вам сразу бросится в глаза заголовок: «Убит герой». Вот несколько строк из этой статьи:

«Не верится, что убит Зелимхан. Мы видим в нем героя. В свое время он отказался идти в военные министры к персидскому шаху, сказав: «Не хочу против народа». Он любил свободу, был храбр, благороден. Он шел к жене и детям, когда его убили. Те, кто ловил его, – черные люди. Они останутся безвестными. О них ни сказок не расскажут, ни песен о них не споют. А о Зелимхане будет сложена поэма, может быть, опера. Пушкин и Лермонтов восхищались такими горцами. И не хочется верить смерти Зелимхана!..».

Под статьей подпись – А. Макеев. Да, это был умный, честный и смелый журналист. В 1918 г. он погиб в лихолетье Гражданской войны, но его мысль о

том, что Зелимхана не забудут и воспоют в произведениях искусства, оказалась пророческой. Уже много написано, спето и рассказано о справедливом мстителе Зелимхане. А сколько еще будет!

Давлет Гиреев.
«Грозненский рабочий». 2 апреля 1975

Наша власть на Кавказе всегда была бессильной

Тифлис. Крушение поезда. Шайка разбойников из 50 человек разобрала 25 саженей пути. Два паровоза свалились с полотна. В момент крушения разбойники открыли стрельбу из ружей, бросили под поезд 8 бомб, из которых 5 взорвались. Охрана отбила нападение, убив 4 разбойника, перестрелка продолжалась около часа. Послана погоня в горы.

«Красноярец». 4 декабря 1907

Санкт-Петербург. Кавказские депутаты сделали в Государственную Думу запрос по поводу мер, которые кавказская администрация принимает для поимки Зелимхана. Авторы перечисляют целый ряд мер, предпринятых администрацией, и делают из приведенных фактов вывод, что администрация, не будучи сама способной бороться с кучкой бездомных бродяг, вымещает свое бессилие и злобу на несчастном мирном населении, выразившиеся в уничтожении двух аулов.

«Красноярская мысль». 17 ноября 1910

Грозный. После четырехдневного разбирательства дела о нападении шайки Зелимхана в 1911 г. на инженерную комиссию министерства путей сообщения, когда были убиты инженер Орловский, контрольный чиновник Ворченко, ротмистр Долидзе и десять всадников, военный окружной суд приговорил двух абреков к смертной казни, трех – к 6 годам каторги, а трое оправданы.

«Енисейская мысль». 15 декабря 1912

Наша справка. Зелимхан Гушмазукаев – крестьянин из Карачая, стал абреком, существовал разбоем, погиб в боевой стычке с русскими войсками. Абрек – горец, давший обет кровной мести и до исполнения обета изгнанный из рода. Карачай – местность, расположенная к западу от Эльбруса, в верховьях Кубани,

состояла из трех аулов: Карт-Джюрта, Учкуланы и Хузрук. Население включало 15811 жителей. Карачаевцы в 1822 г. приняли русское подданство, до этого зависели от князей Кабарды.

«Правда» (1912)

Штрафы на Зелимхана

Грозный. По статистике администрации, на аулы Грозненского округа за два с половиной года было наложено штрафов на 74960 руб., в том числе за пособничества Зелимхану.

Сравнение администрации с Зелимханом

Припомните, г.г., сколько обещаний было дано кавказскому населению от центра из уст смиренномудрого Каменского (Смех). Припомните, что даже сам «он», А.И. Гучков, раньше перед этим в Англии, перед английскими лендлордами и джентльменами клялся, что окраины России уже накануне дарования самоуправления. Господа, в сравнении с этим, с такой администрацией Зелимхан прямо агнец невинный, и если быть последовательным и логичным, то, по моему мнению, не преследовать надо Зелимхана, а надо его поставить на место Воронцова-Дашкова, ибо известно, несомненно, что абрек Зелимхан куда энергичнее, куда моложе престарелого администратора Кавказа (Смех и рукоплескания слева). Далее, господа, ваша комиссия обращает внимание Государственной Думы и на укоренившиеся среди горцев убеждения, что администрация добивается только одного. Я прошу обратить внимание на это, вы, вероятно, не поспевали за чтением г. докладчика, так что многое, вероятно, вам не довелось слышать, так вот, комиссия обращает внимание Государственной Думы на укоренившиеся среди горцев зловещие убеждения, что администрация только добивается одного – выселить всех ингушей в Сибирь и разделаться с их землями по усмотрению.

Упрощенный способ

Владикавказ. В целях облегчения борьбы с неуловимым Зелимханом, постоянно находящим себе приют в многочисленных горных аулах, возбужден вопрос о расселении 37 хуторов Веденского округа («Р. С.»).

Новый взгляд

Владикавказ. Недавно вступивший во временное управление Терской областью генерал Флейшер приказом объявил начальникам округов и атаманам отделов, что ответственность за существование разбойничьих шаек в области – он возлагает не на население, как практиковалось до сих пор, а на них. Генерал требует принятия самых энергичных мер для обеспечения спокойствия и безопасности населения («Р. С.»).

Телеграммы
(от наших корреспондентов)

Суд

Грозный. Сегодня под председательством ген. А. Андреева в военном суде началось слушание громкого дела по обвинению шести туземцев и одного русского в ограблении кизлярского казначейства. По делу вызваны 77 свидетелей. Обвиняемых защищают пр. пов. Бобрищев-Пушкин, отец Владимир Бернштам и некоторые местные адвокаты.

Грозный. По городу распространился тревожный слух, будто в случае, если военный суд вынесет смертный приговор обвиняемым в ограблении кизлярского казначейства, то Зелимхан со своей шайкой постарается отбить товарищей. Опасения эти подтверждаются негласными сведениями, имеющимися у администрации. Город и суд усиленно охраняются. Выясняется, что о готовящемся нападении на кизлярское казначейство все знали за 10 дней до его осуществления.

Суд

Грозный. По делу об ограблении кизлярского казначейства допрошено большинство свидетелей. Показания их значительно поколебали обвинение. Завтра – прения сторон.

Возвращение шейхов

Владикавказ. Наместник разрешил возвратиться из ссылки чеченским шейхам Хампиеву и Ментукаеву, высланным в Калужскую губернию за укрывательство Зелимхана.

«Кавказская копейка». Баку, 1911. С. 4

Казнь «правой руки» Зелимхана

На днях, как уже сообщалось по телеграфу, по приговору кавказского военно-окружного суда во владикавказской тюрьме казнен один из главных сподвижников («правая рука») Зелимхана – абрек Саламбек Гараводжев. Со слов очевидцев казни, корреспондент «Бирж. вед.» приводит некоторые характерные подробности ее.

При виде виселицы и вообще всей мрачной, зловещей обстановки, говорящей о неизбежной близости рокового конца, Гараводжев, как говорят очевидцы, сохранил редкое наружное спокойствие и самообладание, причем на его тонких губах все время играла какая-то загадочная, не то саркастическая, не то презрительная улыбка...

Он сел на корточки, по-восточному обычаю, и в последний раз затянулся любимым куревом из кальяна. «Тебе, душа моя, недолго придется надо мной работать», – поднимаясь с земли, добродушно, почти дружески сказал Гараводжев своему палачу.

Потом он спокойно, не торопясь и вообще не обнаруживая ни малейшего волнения, сам взошел на роковой помост и, когда палач накинул на его шею петлю, сам же соскользнул с табурета...

Последним желанием этого зелимхановца было то, чтобы ему не связывали рук и не надевали на него мешка-савана. «Даю вам честное слово абрека, что этим я не причиню никому никакого беспокойства», – уверял он начальство. Но ему, конечно, в этом отказали.

«Русское слово» от 14/II-1909, №36

Владикавказ 13/II

Начальником области генералом Михеевым получено на арабском языке письмо от неуловимого абрека Зелимхана, бравшего в плен землевладельцев, грабившего и убивавшего. Его жертвой пал, между прочим, полковник Галаев. Зелимхан в письме просит во имя бога и царя о помиловании, выражает желание сдаться властям, утверждает, что стал абреком лишь благодаря несправедливости администрации.

Генерал Михеев разослал свой ответ Зелимхану по области для оповещения о нем населения в мечетях через мулл и кадиев. Генерал против помилования. Ответ его заканчивается словами: «Зелимхану следует помнить, что раз он имел

мужество судить и наказывать других, пусть имеет мужество сдаться в руки правосудия».

М. П. Верно: Подпись

ЦАУ Грузии. Рев. Арх. Ф. 2. дело № 1074 л.д. Инв. № 147
Печать /роспись/

Воспоминания князя Д. Багратиона

Повернувшись в ту сторону, я близко от себя заметил в темноте фигуру. Чтобы яснее различить ее, присел к земле, и он обрисовался в шагах 6-ти. Боясь, что это старик или старуха, я окликнул по-чеченски: «Если ты хозяин, то иди ко мне!».

На это последовал выстрел и снова щелкнул затвор, а я почувствовал удар в правое плечо чем-то тяжелым и тупым, после чего правая рука будто стала вертеться, произвольно выделывая необъяснимые движения. Падая на спину, я понял, что ранен и передо мною не хозяин. На мгновение я потерял сознание, но, быстро придя в себя и ощущая сильную боль в правом плече и руке, я почувствовал, как что-то горячее течет от плеча по правому боку, спине и руке, которая совершенно онемела.

Никогда я не испытывал такого чувства злобы, как в этот момент, понял, что я ранен Зелимханом, с именем которого вмиг вспомнились все его убийства. Напрягая все силы, чтобы встать, я вдруг услышал второй выстрел, и пуля ударилась где-то в землю, обдав мне лицо грязью, и я снова на мгновение потерял сознание. Но столь же мгновенно левой рукой я вырвал револьвер из кобуры и, привстав на корточки, вытянул его вперед на изготовку в сторону, откуда были выстрелы.

Силуэта, стрелявшего в меня, из-за темноты и дождя я не различал. Вдруг несколько непрерывных молний осветили стоявшую ко мне правым плечом в 5-ти шагах от меня знакомую фигуру Зелимхана, смотревшего влево и висок, которого приходился на мушку револьвера. «Само небо, – подумал, – покровительствует мне», и эта мысль заглушила боль. Одет он был в бешмет верблюжьего сукна, накрест патронташи и подпоясан моим патранташом, на голове знакомая коричневая папаха, весь измокший от дождя, с напряженным взглядом, устремленным к правому флангу цепи моих стрелков, куда бросалась собака, в руках сжимал винтовку, держа ее на изготовке. Внимание его к правому флангу, вероятно, и спасло меня.

Моментально я произвел один за другим 4 выстрела, целясь в правый висок, но последние выстрелы были в темноте. Вслед за первым раздался резкий крик «Ой, Аллах!», и что-то грохнулось на землю. Блеск молнии дал возможность разглядеть в 4-х шагах от меня Зелимхана, облепленного грязью, с окровавленным лицом, на корточках направляющегося в мою сторону, держа винтовку на изготовке. На миг наши глаза встретились, и он произвел еще выстрел уже в темноте, пуля пролетела мимо моего уха. Сильный удар грома и за ним ливень и темнота скрыли нас друг от друга. Но как сейчас помню этот, вероятно, оставшийся навеки в памяти, кровожадный взор разбойника и его окровавленный нос, с которого стекала на обе мокрые щеки кровь. От большой потери крови я стал ослабевать. Напрягая все усилия, я пополз назад к цепи и наткнулся на юнкера Муртазали, который, как оказалось, полз ко мне.

Коснувшись меня, он спросил: «Кто?». Я лишь успел ответить: «Тише, это я», как со стороны Зелимхана раздался одиночный выстрел. «Стреляй!» – крикнул я. С обоих сторон поднялась жаркая перестрелка, продолжавшаяся минут 5–8, во время которой молния неоднократно освещала Зелимхана лежавшего то на одном колене, а, в конце концов, куда-то скрывшегося. Резкие удары и грохот грома с раскатами в горах почти заглушали треск выстрелов и свист пуль. Что-то дьявольское творилось в природе, такой адской обстановки не приходилось переживать и на войне. На мгновение перестрелка и раскаты грома затихли, а сквозь дождь послышался из сакли протяжный голос женщины, навывавшего по-аварски какие-то чеченские имена, после чего совершенно ясно на русском языке раздались слова: «Я женщина, меня убивают. Ох! Умираю, умираю!» – и все стихло.

Вслед за этим кто-то меня коснулся сзади. По голосу я узнал старшину Дзелихова, который шепотом сказал: «Я пришел сюда на выстрелы от Абдулаева. Ты, кажется, ранен, я тебя перевяжу». – «Да, в руки, – ответил я, – но прошу, не выдавай этого, чтобы не узнали люди, а ты иди обратно к Абдулаеву и передай, чтобы оставались на местах».

Прошло, я думаю, час или полтора, мы лежали в молчании. Сквозь шум утихавшего дождя издали доносился вой собаки, вероятно, сорвавшейся с цепи и куда-то убежавшей. Через некоторое время вернулся старшина, передав, что цепь Абдулаева на месте. Раскаты грома и дождя постепенно прекратились. Вдруг на левом фланге раздался выстрел, а за ним пошла трескотня, продолжавшаяся минут 10, во время которой слышались из сакли крики, прерываемые стоном. Затем стрельба прекратилась и все стихло. Потом мне рассказали, что

кто-то перед самой цепью вполголоса обратился по-аварски: «Раздвиньтесь, а то близко лежите друг к другу».

На это из цепи, думая, что свой, ответили, что приказано не сходить с места. Вслед за тем впереди говоривший выстрелил, ранив всадника Абдул-Азиса Закаря. Прошло немного времени в полной тишине, после чего с разных сторон из цепи раздались возгласы: «Ваше благородие, разрешите войти в саклю. Убили!». На это я крикнул по-русски и по-кумыцки: «Не разрешаю! Оставайтесь на местах и нечего просить разрешения». И снова воцарилась тишина, и мне самому показалось, что Зелимхана убили, но темнота все-таки скрывала действительность, пока не начало светать.

Лежавшему около меня старшине я приказал подозвать всадника. Он призвал еще и своего помощника. Им я приказал поехать в Шали и отдать начальнику отряда телеграмму, которая была мною заготовлена перед выступлением, но она оказалась пропитанной моей кровью, как все белье и бешмет, а потому я передал на словах: «Перестрелка продолжается, есть раненые». Говорил я ослабевшим голосом и на мгновение потерял сознание, но, вскоре придя в себя, их уже не видел. Они поторопились уйти и, как потом оказалось, под впечатлением моего обморока, отправили телеграмму иного содержания: «15 человек ранено, поручик убит».

Я оглянулся в сторону саклей и в предрассветном тумане в 20-ти шагах от цепи заметил быстро вышедшего из сакли Зелимхана без сапог, с кувшином в руке; через плечо висела на ремне винтовка. Опускаясь на землю, он очень громко и скороговоркой сказал на кумыкском языке: «Вы видите, я не ранен, время молиться Аллаху; подойдите ко мне и знайте, что пуля меня не берет». В первый момент я не верил своим глазам и ушам, но, быстро отдав себе отчет после слова «Аллах», напрягая последние усилия и заглушая его слова, крикнул: «Не слушайте его, у него нет Бога, он много нашей крови пролил. Стреляй!». Тотчас раздались выстрелы всадников, и Зелимхан упал, но мигом вскочил и произвел несколько выстрелов из винтовки и револьвера. Трескотня шла страшная. Совсем рассвело и ясно было видно, как от метких пуль всадников он падал, но вновь поднимаясь, весь окровавленный, все-таки еще успел выстрелить и ранить бросившегося на меня юнкера, за которым бросились и всадники, закричавшие: «Убит, Убит!».

Из сакли вынесли халат, сапоги и небольшой ручной чемодан, в котором был бинокль, думаю нашего полка, перевязочные средства, в бутылке лекарство, записки и две печати: одна, сделанная из старой серебряной монеты с

двуглавым орлом, вокруг которого вырезано вязью «Зелимхан Гушмазукаев», а другая вся из слоновой кости; посередине Коран, а вокруг по-аварски «Зелимхан Гушмазукаев», у серебряной – ручка костяная. Кроме того, в чемодане напильник, парчовая золотая чалма и на толстом листе бумаги изображение мечети в Мекке, под которым текст золотыми буквами.

Труп Зелимхана, в котором насчитали 32 раны, лежал на спине. В черепе было 6 сквозных ран. Рост его был 2 аршина 7 вершков, особенно бросались в глаза широкие плечи, на левой стороне груди огромная рана, в которую впились гильзы от разорвавшихся патронов. Поясной патронташ был действительно мой, данный накануне. Может быть, моими же патронами я был ранен, хотя моя рана и рана еще одного всадника были нанесены разрывными пулями. На черной глянцевой револьверной кобуре имелась монограмма Ч и в левой застывшей руке браунинг, отобранный им у плененного им в 1911 г. на Каркетском перевале инженера подполковника Чикалина. На кожаном, со стальными пластинками и золотой насечкой, поясе висел кинжал в золоченных ножнах. На шее висела два раза раскрученная, массивная цепь от часов, которые лежали в жилете ниже грудной раны. В кармане черных брюк был пузырек с хной, краской для бороды, и еще пузырек с маслом, вывезенными (по обычаю) из Мекки для смазывания умирающего. В другом кармане два опойковых портмоне, разделенные на клетки, с надписями имен убитых офицеров, а потом перечеркнутых, а из подлежащих быть первым убитым должен был князь Каралов; денег не было.

Кроме того, было три белых платка и в чистой тряпочке, перевязанной лентой с бантиком, завернутые два зуба и клок седых волос. Волосы, как говорят, шейха, в знак того, что владельцу их нужно помогать. Винтовка № 22875 укороченного образца застыла в правой руке. Труп лежал в 10–20 шагах от сакли, занимающей 3 квадратных аршина высотою 2 аршина 6 вершков, с плоской земляной крышей. Внутри была тахта, покрытая циновкой, 2 грязные подушки и старое одеяло. Под тахтой несколько арбузов и тыква. Под потолком висела ляжка баранины, на полу в чашке коровье масло и кукурузный хлеб. Сакля освещалась маленьким окошечком, вместо двери висел палас. Признаков присутствия других лодей не было, вероятно, малые размеры сакли и ненастье с грозой были причиной, что Зелимхан оказался один, тем более что, не доверяя никому, он скрывал от шайки свой ночлег, появляясь лишь перед рассветом.

Удостоил меня своим вниманием и начальник области, прибывший через несколько дней в госпиталь и передавший мне следующую радостную весть: «По телеграмме об уничтожении чинами Дагестанского конного полка разбойника Зелимхана, государь-император собственноручно изволил начертать: “Поручику

Кибирову желаю орден Св. Владимира 4-й степени, остальных представить к соответствующим наградам – серебряные медали за храбрость Георгиевской лентой"».

Когда этот рассказ уже был в типографии для набора, штабс-ротмистр Кибиров рапортом донес, что 11-го июля, при посещении госпиталя их императорскими высочествами княгинями, великим князем Борисом Владимировичем и Андреем Владимировичем, августейшие особы осчастливили Кибирова милостивым вниманием к его здоровью и интересовались подробностями дела с Зелимханом. 12 июля его императорское величество, государь-император, при посещении госпиталя осчастливил Кибирова своим царским вниманием, осведомившись о здоровье и милостиво одобрив действия штабс-ротмистра и обнадежив его в будущем. Таким образом, старая военная поговорка еще раз подтвердилась «За богом молитва, а за царем служба не пропадает».

Выписка из журнала «Вестник русской конницы».
№ 13–16, 1914

Зелимхан окружен

Начальник Веденского округа телеграфирует начальнику области, что нашел Зелимхана и окружил в харачоевских горах, где он заперся в пещере. С 8 часов утра идет перестрелка. К вечеру с нашей стороны убито двое, ранено четверо. Потребованы из Ведено пироксилиновые шашки для взрыва. Начальником области предложено полковнику Моргания немедленно выехать в селение Харачой. О дальнейшем сообщим по мере получения сведений.

«Терский Край». Декабрь 1911

Почему он стал абреком?

Зелимхан Гушмазукаев родился в 70-х годах в Харачое, чеченец. До тридцати лет мирно жил в ауле. В 1901 г. Зелимхан застрелил кровника, был арестован и с братом и отцом посажен в Грозненскую тюрьму, откуда бежал. Он вступил в шайку Османа Мутуева, а после его гибели возглавил шайку.

«Голос Москвы». 9 декабря 1911

Он еще не закончил всех своих дел в России

Владикавказ. В последнее время Зелимхан сделал три открытых выступления: завязал дерзкую перестрелку в своем родном селении Харачой, где гостил у родни и убил одного. В поселке Аллерой взял в плен и возвратил за выкуп в 1500 рублей сына своего кровника, убийцы отца и брата Боту Туртуева – Джеми. Причем пленника подбросил связанным к дому начальника округа полковника Каранова. Близ села Махкеты его с товарищем-ингушем задержала стража. Но так как стража была пешей, Зелимхан легко ушел от них. Начальник округа донес, что Зелимхан ранен в ногу в стычке. Впрочем, три года назад один чиновник тоже доносил, что лично видел Зелимхана в гробу...

«Всеобщая газета». 29 августа 1911

Неуловимый Зелимхан наконец попал в засаду

Владикавказ. 9 декабря начальник Веденского округа Каралов в харачоевских горах, в пещере окружил Зелимхана. Двери пещеры выбиты. В начавшейся с утра перестрелке убито два стражника, ранено четыре. Для взрыва пещеры понадобились пироксилиновые шашки.

«Сибирская жизнь». 1911

Зелимхану предлагают высокий пост в Персии

Владикавказ. На Кавказе упорно держится слух о присылке бывшим шахом Мухаммедом-Али гонца к Зелимхану с предложением явиться в Персию со своими молодцами.

«Когда моя звезда снова взойдет над Ираном, ты будешь вторым лицом в моей стране», – говорит молва об обращении Мухаммеда-Али к Зелимхану, на что тот якобы ответил: «Я разбойник, но не грабитель народа. Передай своему повелителю, что если Зелимхан явится в Персию, то не за тем, чтобы помочь шаху снова оседлать ее спину».

Чеченцы толкуют этот ответ в том смысле, что Зелимхан в ближайшем будущем отправится в Персию, чтобы убить шаха и тем самым положить конец раздирающей страну анархии.

«Всеобщая газета». 24 августа 1911

Внутренние известия

На днях в селе Харачой Веденского округа, где, между прочим, родился и жил до вступления в абречество Зелимхан, произошло новое столкновение между казаками кубанского пластунского батальона, расположенного в экзекуционном порядке, полусотни и местными жителями-чеченцами. Первым выстрелил в казаков чеченец Эскиев. Из окна своей сакли он стал стрелять в казака С. Башта, но промахнулся. Казаки открыли огонь из ружей по сакле, внутри которой были убиты: хозяин дома Эскиев, его взрослый сын Салтангирей Бацуев и ранен другой взрослый сын Шугаиц Бацуев... В сакле же легко ранен ребенок...

Окружной администрацией был созван сельский сход и приняты меры по предотвращению дальнейших неприязненных отношений между чеченцами и казаками.

«Новое Время». 23 (10) января 1912

Как убивали Зелимхана

В течение последних трех месяцев за Зелимханом был организован усиленный надзор через тайных агентов и кровников неуловимого абрека. В июле в Грозный прибыла возвращенная из ссылки семья Зелимхана (жена с двумя сыновьями и тринадцатилетней дочерью, а также жена его убитого брата Солтмурада), которая переселилась на один из хуторов в Веденском округе. Власти рассчитывали, что Зелимхан явится проведать жену и детей. Хорунжий Кибиров, стоявший с небольшим отрядом в Шали, получил сведения, что ночью 25 сентября Зелимхан в сопровождении двух сподвижников будет ночевать на хуторе в девяти верстах от Шали. Как только стемнело, Кибиров с двадцатью тремя всадниками отправился туда. Моросил мелкий дождь, но копыта лошадей ради предосторожности обернули тряпками.

Возле хутора спешились, увели лошадей и засели в кустарнике. Около двенадцати часов с восточной стороны хутора раздался стук лошадиных подков и на фоне побеленной сакли вычертились фигуры трех всадников. Это был Зелимхан и братья-абреки Эльдебриевы. Они пошли в саклю. В это время Кибиров выскочил из засады и крикнул по-чеченски: «Сдавайтесь или будете убиты!».

Братья вскочили на коней и, отстреливаясь, исчезли в темноте. Зелимхан выскочил из сакли и выстрелил в Кибирова в упор, попав ему в плечо. Хорунжий открыл огонь из нагана. К нему подбежал прапорщик Чебеков. Одна из пущен-

ных им пуль угодила в патронташ Зелимхана, и он взорвался. Оглушенный и раненый Зелимхан упал.

Чебеков подскочил к абреку, обнажил кинжал, но Зелимхан успел три раза выстрелить в него, ранив в ноги и левый бок. Получил еще одну рану Кибиров, а Зелимхан продолжал стрелять. Наконец по абреку, лежащему на земле, был дан залп чинами отряда – и Зелимхан затих. Он был мертв...

Что убит действительно легендарный разбойник, много лет терроризировавший Терскую область, подтверждают ряд родичей Зелимхана – харачоевцы, а также его кровники. Тело убитого будет доставлено в Грозный и предъявлено к опознанию жене Зелимхана.

«Енисейская мысль». 15 декабря 1912

Убит герой

Не верится, что убит Зелимхан. Мы видим в нем героя. В свое время он отказался идти в военные министры к персидскому шаху, сказав: «Не хочу воевать против какого-нибудь народа». Он любил свободу, был храбр, благороден. Он шел к жене и детям, когда его убили. Те, кто ловил его, – черные люди. Они останутся безвестными. О них ни сказок не расскажут, ни песен не споют. А о Зелимхане будет сложена поэма, может быть, опера. Пушкин и Лермонтов восхищались такими горцами. И не хочется верить в смерть Зелимхана!

А. Макеев. «Отклики Кавказа». 8 октября 1913

(А. Макеев. Журналист-большевик. Трагически погиб в 1918 г. от рук белогвардейцев. Его мысль о том, что Зелимхана не забудут и воспоют в произведениях искусства оказалась пророческой).

Калужские пленники

Недавно в Калугу прибыли два чеченца, сосланные сюда кавказской администрацией по подозрению в укрывательстве Зелимхана. Сосланный житель аула Старый Юрт Терской области, Грозненского округа кади Абдул-Азис Шаптукаев поселился в доме Георгиевского на Солдатской улице. Как духовная особа Абдул-Азис пользуется большим почетом и авторитетом в своем округе. Он уже стар, ему 75–76 лет, и родные не решились отпустить его одного в далекую не-

ведомую ссылку. С Абдул-Азисом приехали в Калугу трое его родственников, один из них 16-летний юноша – внук Абдул-Азиса... Срок ссылки определен на 5 лет. «Меня по ошибке выслали, – сказал при встрече с нашим корреспондентом старик. – У нас есть другой Шаптукаев, он занимался грабежами и набегами...».

«Биржевые ведомости» сообщают из Грозного, что Бамат-Гирей-Хаджи Митаев, 103-летний шейх, глава секты Заикра и кумир всей Чечни, за покровительство Зелимхану будет выслан в Калугу на пять лет.

http://letopis20vek.narod.ru/Age/1912.htm

ПЕРСОНАЛИИ

ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

Ладо (Владимир) Бестаев

Это выдающийся актер немого кино, один из первых актеров советского немого кино. Яркая актерская личность, осетин по национальности... Фильм «Абрек Заур», принесший ему славу национального героя, считается одним из первых советских боевиков. Даже в рамках бессловесной роли Лади Бестаев смог создать цельный, богатый образ горца, защитника бесправных людей...

Лади (Владимир) Бестаев родом из Южной Осетии, из Цхинвали... Когда он был студентом в Тифлисе, приехала французская киногруппа. Они снимали фильм «Огнепоклонники». На одну из ролей пригласили Ладо. В 21-м году он снялся у режиссера Мухина в фильме «Абрек Заур». Когда фильм вышел на экраны, успех был грандиозный. Фильм прошел по всем странам, по всей Европе, о нем очень много писали. Ладо Бестаева сравнивали с актером Дугласом Фернбексом. Причем даже писали, что Дуглас Фернбекс весь в тренировке, а Бестаев – сама природа!!!

После «Абрека Заура» Бестаев снялся в приключенческом фильме «Зелимхан» (Грузия-фильм). Потом была главная роль в фильме «Закон гор». А в 1927 г. профессор Левицкий и режиссер Касьянов пригласили его сняться в главной роли в фильме «Те, кто прозрел». В 30-м году Бестаев сам начал снимать фильм, как режиссер, с художником Джемиевым («Дружба врагов»). Но фильм снять не удалось по ряду объективных причин. Сценарий фильма до сих пор хранится у его дочери...

Интервью с дочерью Ладо Бестаева

***Анна Чертова**: В Северной Осетии до сих пор чтят память отца Татьяны – Лади Бестаева. Он был одним из первых актеров советского немого кино. А фильм «Абрек Заур», принесший ему славу национального героя, считается одним из первых советских боевиков. Если рассказывать о таком явлении как кавказский кинематограф, то начинать следует, безусловно, с «Абрека Заура». Даже в рамках бессловесной роли Ладо Бестаев смог создать цельный, богатый образ горца, защитника бесправных людей.*

Татьяна Бестаева: Отец мой был знаменитым актером немого кино, он из Южной Осетии, из Цхинвали. Был очень спортивен, прекрасно сложен, кра-

сив, очень увлекался спортом, увлекался живописью, хорошо рисовал, у меня дома висят его очень милые картины. И, конечно, был влюблен в кино, бредил кино. И его счастье, когда он был студентом в Тифлисе, приехала французская группа, они снимали фильм «Огнепоклонники». На одну из ролей пригласили Ладо или Лади (как мне больше нравится, ласковей – Лади) начал сниматься с 1915-го года.

В 21-м году режиссер Михин начал снимать фильм «Абрек Заур». Это первый советский боевик. И как потом писали про отца в прессе, что он влетел в советский кинематограф лихим джигитом. Когда у Михина шли пробы, показали ему Бестаева, очень ему понравился, а уж когда он узнал, что тот уже снялся в «Огнепоклонниках», это был просто полный восторг. И он утвердил отца на эту роль. Тема такая: с царскими генералами воевал, кого-то убил, кого-то спасал. Но самое главное, что он должен был выполнять в фильме невероятные смелые трюки – прыгать с лошади в пропасть. Но ему все это казалось мало, он, конечно, снимался увлеченно, отдавал себя полностью. Все время фонтанировал какими-то идеями, без конца к Михину приходил с новыми усложнениями. Михин его еле-еле сдерживал. Когда группа привыкла к его невероятной ловкости и необузданной смелости, то владикавказцы, однажды гуляя в воскресенье по набережной Терека, увидели с ужасом, что поперек Терека несется на полном скаку всадник, в папахе, в бурке, стоя на голове на крупе лошади. Это был мой отец. А когда он прыгал с лошади в пропасть, со дна которой шума реки не было слышно, цепляясь в каких-то непонятных пируэтах за кустарники и умудряясь при этом без царапины выйти, это вообще всех изумляло. И когда фильм вышел на экраны, успех был у него грандиозный, прошел он по многим странам, по всей Европе, о нем очень много писали.

Моего отца сравнивали с американским актером Дугласом Фербенксом. И как писала пресса, почему сравнивают не очень понятно, потому что Дуглас Фербенкс весь в тренировке, а Бестаев – это сама природа. Шкловский просто писал: «Слава Богу, что Бестаев не похож на старомодного, балетного Дугласа Фербенкса, а Бестаев это – ловкость пятипудового, сильного, красивого мужчины».

После «Абрека Заура» он снялся в приключенческом фильме «Зелимхан», это все «Грузия-фильм». Потом он снялся в фильме «Закон гор». А в 1927-м году профессор Левицкий и режиссер Касьянов пригласилиего его сняться в главной роли в фильме «Те, кто прозрел». Слава, популярность продолжались с 19-го года по 27-й.

Анна Чертова: *У Татьяны Бестаевой сохранился замечательный сценарий фильма «Дружба врагов», который, увы, так и не увидел свет. Между тем актуальность сценарий не потерял до сих пор.*

Татьяна Бестаева: В 1930-м году он сам начал снимать фильм с художником Джемиевым (Георгий Джемиев был большим его другом) фильм «Дружба врагов». Там герои были ингуш, чечен и осетин. Сценарий до сих пор лежит у меня дома, я его храню. Они начали снимать фильм, все как бы было хорошо, но когда они отсняли очень много материала, отправили его на проявку, несмотря на то, что пленка была импортная, она оказалась бракованной, и материал весь был бракованный. Это была трагедия, и новых денег на пересъемку не дали. Вскоре Джемиев попал в автокатастрофу. И дальше началась борьба, трудные годы. Папа с этим сценарием носился всю жизнь. Много раз его куда-то посылал, все вроде нравилось, и все никак. И так он лежит у меня. Он мне дорог, даже не знаю, что с ним делать. Пусть он наивный, его можно как-то переделать.

Радио «Свобода». Кавказские хроники. 27.06.2006

Дзахо (Константин Алексеевич) Гатуев

Осетинский писатель, историк Северного Кавказа, революционер и общественный деятель. Родился в г. Владикавказ в семье осетинского просветителя, священника А.Г. Гатуева. Отец Гатуева первым из осетин пытался исследовать историю распространения христианства в Осетии; его услугами в изучении осетинской истории и языке пользовался В.Ф. Миллер.

С 1912 г. учился в МУ. После возвращения в 1917 г. во Владикавказ принимал активное участие в революционных событиях. В 1917–18 гг. сотрудничал с газетой «Горская жизнь», работал в партийных и государственных органах; с декабря 1924 – член контрольной комиссии Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б). Зав. художественно-литературным отделом НКП Горской республики. Занимался организацией музеев, этнографических экспедиций, писал об истории национально-освободительного движения на Северном Кавказе. Наибольшей известностью пользовалась его книга о Зелимхане Гушмазукаеве – чеченском абреке («революционере-разбойнике»), действовавшем в 1905–1913 гг.

С 1926 г. учился в аспирантуре ИНАРВОС, жил и работал в Москве.Член СП СССР. Арестован 16 ноября 1937 г. по постановлению, вынесенному в Орджоникидзе (ордер № Б-540); через день арестована и его жена. Обвинен в

участии в осетинской, антисоветской, вооруженной, повстанческой, националистической организации. Выездной сессией ВК ВС СССР от 13 июля 1938 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в тот же день. Реабилитирован в 1955 г.

Соч.: Зелимхан: Из истории национально-освободительных движений на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону; Краснодар, 1926; «Дикало замана». М.–Л., 1928; «Империя Узуна-Хаджи» // РВ. 1928. № 4/5. С. 264–301; Августовское восстание (Владикавказ, 1918) // Там же. 1929. № 6. С. 182–206; Амран / Предисл. и ред. акад. Н.Я. Марра. М.–Л., 1932 (пер., обработка и комм.); Новый алфавит в Чечне и Ингушетии: (Ист. очерк) // РП. 1933. № 1. С. 72–80; Зелимхан. Орджоникидзе, 1965.

Лит.: VI сессия (пленум) Центрального бюро краеведения // Изв. ЦБК. 1926. № 1. С. 31; Сабаев С.Б. Очерки русско-осетинских литературных связей. Орджоникидзе, 1982; Авторханов, 1983. С. 45–46; Туаллагов А. Приговоренные к бессмертию. Владикавказ, 1993. С. 149–211.

Биографические данные. Дзахо (Константин) Алексеевич Гатуев родился в 1892 г. в г. Владикавказ. В 1912 г. он окончил гимназию и осенью того же года поступил в Московский университет, где участвовал в работе студенческого марксистского кружка. Приезжая летом во Владикавказ, Гатуев по заданию С.М. Кирова распространяет нелегальную большевистскую литературу среди рабочих железнодорожных мастерских и цинкового завода.

Февральская революция 1917 г. застала Дзахо в Москве. Закончить последний курс университета в связи с развернувшимися событиями ему не удалось. В октябре 1917 г. он участвует в московском вооруженном восстании. В конце того же года Гатуев уезжает на родину, где принимает участие в деятельности Владикавказского Совета. Как журналист, корреспондент газеты «Горская жизнь», он в феврале 1918 г. присутствует на съезде народов Терской области в Пятигорске. После прихода белых во Владикавказ Гатуеву приходится скрываться, и он перебирается в сел. Дигора. В годы становления Советской власти на Северном Кавказе Гатуев сотрудничает с С.М. Кировым, что во многом определило его мировоззрение. Дзахо выполняет поручения Сергея Мироновича как журналист, используя страницы газеты «Горская жизнь» для объективного освещения политических событий на Тереке.

В 1920 г. Гатуев – заместитель заведующего Терско-Кавказского РОСТа

(Российское телеграфное агентство), член Терского областного литературного комитета, заместитель председателя Терского областного политпросвета, с 1921 по 1923 г. – заведующий художественным отделом наркомпроса Горской ССР. В эти годы Гатуев много внимания уделяет театру, всем культурным начинаниям, содействуя развитию творческих сил в области. С 1923 г. Гатуев живет в Ростове, в то время административном центре Северо-Кавказского края. Здесь он член РАБИС, сотрудник РОСТа. В 1925 г. Дзахо Гатуев становится аспирантом Кавказской секции Института народов Востока. Занимается историей Кавказа и мусульманства, участвует в экспедиции по Чечне, Ингушетии и Осетии, собирая фактический материал на местах.

В 1928 г. Гатуев переезжает в Москву и работает в КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока), изучает историю национально-освободительного движения горцев. Его первые исследовательские работы «Империя Узуна-Хаджи» (1928) и «Августовское восстание» (1929), посвященные периоду гражданской войны на Северном Кавказе 1918–19 гг., были опубликованы в журнале «Революционный Восток». Гатуев много ездил по горам Осетии, Чечни, Ингушетии. Он объезжал молодые тогда колхозы, стройки, заводы и всюду искал приметы нового. Результатом таких поездок явился ряд очерков и рассказов, опубликованных в период 1930–34 гг. в журнале «Народный учитель», а в 1935–36 гг. – в журнале «Наши достижения», выходившем под редакцией А.М. Горького. Дзахо неоднократно встречался с великим пролетарским писателем, который одобрительно относился к его творчеству и помогал ему.

Жизнь Дзахо Гатуева трагически оборвалась в июле 1938 г. Как поэт Гатуев начал формироваться еще в годы учебы во Владикавказской гимназии. В 1910 г. юноша принес в редакцию газеты «Терек» стихотворение-отклик на смерть Л.Н. Толстого. Стихотворение не было опубликовано, но его автором заинтересовался С.М. Киров. Близкое знакомство, а затем и дружба с С.М. Кировым, продолжавшаяся многие годы, оказали на Гатуева большое влияние. Впоследствии писатель посвятил Кирову очерк «Мироныч».

Первым, наиболее значительным произведением Гатуева, не лишенным идейно-художественных недостатков, является повесть «Ингуши», написанная в первой половине 20-х гг. В хроникально-художественной повести автор передает свои впечатления об обстановке среди горских народов, а также во Владикавказе в 1917–1918 гг.

Наиболее зрелым художественным произведением Гатуева является повесть «Зелимхан». Это документально-художественное произведение о знаменитом и отважном чеченском абреке Зелимхане Гушмазукаеве, действия которого в предреволюционные 1901–1914 гг. явились протестом против жестокой коло-

ниальной политики царизма на Северном Кавказе.

Зелимхан Гатуева – сложная личность. Он не только мстил, но и грабил: скрываясь в горах от царских властей, он должен был чем-то жить. Когда он мстит царским властям за репрессии и разбой в мирных аулах – он народный герой, когда же он грабит банк в Кизляре, чтобы захватить деньги, – он такой же абрек, как и другие на больших дорогах. Повесть «Зелимхан» экранизирована, фильм под тем же названием был создан в начале 30-х гг. и прошел с большим успехом по всей нашей стране, а также во многих зарубежных странах.

Повесть «Гага-аул» (1930) раскрывает родовые и классовые противоречия народов Кавказа, процесс проникновения революционных идей в высокогорные ущелья, где еще были сильны законы адата и шариата. Перу Гатуева принадлежит также драма в пяти действиях «Сад» (на сюжет повести «Гага-аул») и ряд очерков: «Куртатинское предание», «Кавцинк», «Гизельстрой», «Перевалы», «Два праздника» и др. Они вошли в книгу «Зелимхан», вышедшую в 1971 г. в Орджоникидзе. В очерке «Куртатинское предание» автор рассказал об одном эпизоде в истории сближения Осетии с Россией. Очерки «Гизельстрой», «Перевалы», «Два праздника» о процессе отмирания феодально-родовых пережитков в быту осетин и приходе нового в народный быт.

Долгое время Гатуев работал над реставрацией, синтезом разрозненных осетинских сказаний о богоборце Амране и их переводом на русский язык. «Амран» издан в 1932 г. издательством Академии наук СССР.

Фрелих Олег Николаевич

(24.03.1887 – 06.09.1953), режиссер, актер. Заслуженный артист РСФСР (1947).

Краткая биография. Родился в Москве. Окончил юридический факультет Московского университета и драматическое отделение Московского филармонического общества (1911). До революции – актер театра и кино, в 1920-е – режиссер-постановщик нескольких фильмов, в 1935–1939 – актер театра Красной армии, в 1939–1941 и в 1943–1951 – театра им. Ленинского комсомола в Москве. В период 1914–1950 гг. сыграл около 50-ти ролей в кино.

Актерские работы:

1. За красное знамя – 1919
2. Призрак бродит по Европе – 1922 (драма)
3. Дипломатическая тайна – 1923 (приключения)

4. Простые сердца – 1924
5. Камергер Его Величества – 1924 (драма)
6. Конец рода Лунич – 1924 (драма)
7. Минарет смерти – 1925 (мелодрама)
8. Степан Халтурин – 1925 (исторический / биографический)
9. Два дыма – 1926
10. Падение Берлина – 1949 (военный) ...Рузвельт [VHS] [DVD]
11. Жуковский – 1950 (исторический / биографический) [VHS]

Режиссерские работы:

1. Конец рода Лунич – 1924 (драма)
2. Два дыма – 1926
3. Зелимхан – 1926
4. Проститутка – 1926 (драма)
5. Дочь святого – 1931 (драма)

Володарский Эдуард Яковлевич

Автор сценария фильма «Зелимхан» – совместное производство с ООО «Синема-Зелимхан», режиссер-постановщик фильма – Валерий Ахадов.

Полное название организации: «Синема-Зелимхан» фирма ООО. Краткое название: «Синема-Зелимхан» фирма. Виды деятельности: производство кино, видеопродукции.

Досье. Володарский Эдуард Яковлевич. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1985). Родился 3 февраля 1941 г. в Харькове. В 1967 г. окончил сценарный факультет ВГИКа (мастерская Е. Габриловича).

Автор романов и пьес. Более шестидесяти работ в кино. Золотая медаль им. Довженко («Люди в океане», 1984), Государственная премия РСФСР имени братьев Васильевых («Мой друг Иван Лапшин», 1986), Государственная премия СССР («Проверка на дорогах», 1988), приз за лучший сценарий МКФ в Сан-Себастьяне («Прощай, шпана замоскворецкая»), Государственная премия Украинской ССР имени Шевченко («Моонзунд»). Член Союза писателей России.

Творчество Эдуарда Володарского опровергает расхожее представление о том, что у советской кинодраматургии всегда отсутствовала школа, сценарии

получались только благодаря талантливому самовыражению писателей, работающих для кино, и потому литературный подход подменял собою законы сценарного ремесла. Эдуард Володарский – профессионал-прагматик на том стоит. Он, в частности, осуществил превращение детектива военного в детектив социальный, криминальный и политический: поначалу как партизан пера, а потом как генерал он участвовал в тотальной трансформации жанра.

Его сценарии спасли не одного бездарного режиссера в шестидесятые и семидесятые годы – имя Эдуарда Володарского гарантировало по крайней мере крепкую историю, где концы сходились с концами и герои были наделены способностью изъясняться по-человечески, а не языком газетных передовиц. Его умение конструировать сюжеты привлекало и таких требовательных авторов как Никита Михалков («Свой среди чужих, чужой среди своих») и Алексей Герман («Проверка на дорогах», «Мой друг Иван Лапшин»). Здесь более всего интересно, что Володарского приглашали строить то, что затем подлежало разрушению – он сочинял крепкие сюжеты для не просто бессюжетного, а антисюжетного кино. Очевидно, однако, что режиссеры, обращавшиеся в таких случаях к строителю-профессионалу, делали отнюдь не случайный и глубоко верный выбор: чем вернее и грамотнее была драматургическая схема, тем больше энергии она сообщала авторам для ее опровержения или наполнения самыми неожиданными смыслами.

В десятилетие перемен он вошел именно как соавтор сценария культового Лапшина... Закономерно, что последующие сценарии Володарского развивали отдельные темы, характеры, ситуации, интонации этого фильма. Каждая из вариаций была сделана с жанровой чистотой и доступностью: и то, и другое – принципиальные отличия почерка сценариста. Сложную поэтику Лапшина... он как бы адаптировал к жанру – именно в его «постлапшинских» сценариях возникло и утвердилось на экране «мягкое ретро» – самая востребованная стилистика перепада девяностых, выводившая из забвения незаметных жителей сталинского материка.

Кинодраматургия Эдуарда Володарского не отличается радикальностью исторического комментария или психологическими прорывами в исследовании характеров, но любая авторская история Эдуарда Володарского – в диапазоне от криминальной мелодрамы («Прощай, шпана замоскворецкая») до психологического триллера («Бездна») и от социальной драмы («А в России опять окаянные дни») до боевика («За последней чертой») – молодцевато рапортует о выполнении задач, которые поставили перед драматургом тема, жанр и режиссер.

Статья Марины Дроздовой в «Кинословаре»
(Новейшая история отечественного кино. Кинословарь. – Санкт-Петербург, 2001)

Шаляпин Федор Иванович

Будучи во Владикавказе Шаляпин попал на несколько часов в плен к абреку Зелимхану по прозвищу Абрек.

Шаляпин Федор Иванович – знаменитый русский певец-бас. Родился в 1873 г., сын крестьянина Вятской губернии. В детстве Шаляпин был певчим. В 1890 г. он поступил в Уфе в хор труппы Семенова-Самарского. Совершенно случайно Шаляпину пришлось из хориста преобразиться в солиста, заменив в опере Монюшко «Галька» заболевшего артиста. Этот дебют выдвинул 17-летнего Шаляпина, которому изредка стали поручать небольшие оперные партии, например Фернандо в «Трубадуре».

В следующем году Шаляпин выступил в партии Неизвестного в «Аскольдовой могиле» Верстовского. Ему было предложено место в уфимском земстве, но в Уфу приехала малороссийская труппа Дергача, к которой и примкнул Шаляпин. Странствования с ней привели его в Тифлис, где ему впервые удалось серьезно заняться своим голосом, благодаря певцу Усатову, сумевшему оценить дарование своего ученика. Шаляпин прожил в Тифлисе целый год, исполняя в опере первые басовые партии. В 1893 г. он перебрался в Москву, а в 1894 г. – в Петербург, где пел в Аркадии и Панаевском театре, в труппе Зазулина.

В 1895 г. он поступил на сцену Мариинского театра в СПб и пел с успехом партии Мефистофеля («Фауст») и Руслана. Разнообразное дарование Шаляпина выразилось и в комической опере «Тайный брак» Чимароза, но все же не получило должной оценки. С.И. Мамонтов, первым заметив в Шаляпине дарование из ряда вон выходящее, пригласил его в свою частную оперу в Москве. С этого времени (1896 г.) началась блестящая деятельность Шаляпина. В «Князе Игоре» Бородина, «Псковитянке» Римского-Корсакова, «Русалке» Даргомыжского, «Жизни за Царя» Глинки и во многих других операх талант Шаляпина выказался чрезвычайно сильно. Он был высоко оценен в Милане, где выступил в театре «La Scala» в заглавной роли «Мефистофеля» Бойто. Затем Шаляпин перешел на сцену императорской русской оперы в Москве, где пользуется громадным успехом. Гастроли Шаляпина в Петербурге на Мариинской сцене составляют своего рода события в петербургском музыкальном мире.

http://www.wikiznanie.ru/ru-wz/index.php/%D0%A8%D0%B0%D0%BB%D1%8F%D0%BF%D0%B8%D0%BD

Кусов Дмитрий

Дмитрий (Касполат) Ипполитович Кусов родился 10 сентября 1889 г. в г. Владикавказ. В 1899 г. отец Дмитрия в поисках заработка переехал в город Иркутск, где прошли детские и юношеские годы Кусова. Здесь он в совершенстве изучил русский язык, на котором создавал свои произведения. В 1906 г. черносотенцы убили старшего брата Дмитрия, в том же году в Иркутске умер его отец, и мать с детьми возвратилась во Владикавказ. Здесь в 1908 г. Дмитрий окончил городское училище.

Свою литературную деятельность Д. Кусов начал в 1902 г. со сборника стихов под названием «Расцвет в горах», затем вышли очерки «Горянка» в Ростове-на-Дону, в 1931 г. сборник басен и юморесок «Еще встречаются такие» – в 1961 г. в Орджоникидзе. Однако в литературе он известен главным образом как драматург («Дети гор», «Заурбек», «Неудачное похищение, «Белый туман», «Земля» (1938), «Герой Мишутка» (1940), пьеса «Мариам», «Луч жизни», «Сын народа», «Проклятый», «Урмули», «Хадзимет Рамонов»).

По материалам, собранным писателем во время многократных поездок по районам Северного Кавказа, были созданы очерки, изданные отдельной книгой под названием «Горянка» в Ростове-на-Дону в 1931 г. Перу драматурга принадлежит также до 25 одноактных пьес для сельской сцены.

В 1915–17 гг. Д. Кусов служил в армии. После демобилизации возвратился в Тифлис и вел литературную работу. Позже он работал в Москве на кинофабрике в качестве этнографа-консультанта и помощника режиссера. В 1923 г. по сценарию Д. Кусова была снята кинокартина «Абрек Заур», принятая зрителем восторженно.

Умер Д.И. Кусов 9 февраля 1964 г.

Магомет Мамакаев

М. Мамакаев (1910–1973 гг.) – поэт, прозаик, публицист, литературный критик – один из тех, кто стоял у истоков современной чеченской литературы. Родился М. Мамакаев 16 декабря 1910 г. в чеченском селе Ачхой-Мартан в семье крестьянина. Оставшись в 10 лет круглой сиротой, воспитывался в детском доме. Все пережитое в детстве: боль утраты, горести и радости лирически изложены

в его поэме «Разговор с матерью» (1934).

В молодости М. Мамакаев был комсомольским активистом, учился в Москве в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Мировоззрение того периода отразилось в его первых литературных произведениях – «Утро над Аргуном», «Ласточка», «Пондар», лиро-эпическая поэма «Кровавые горы» (1928). На стыке 20-х и 30-х гг. М. Мамакаев писал публицистику. На страницах журналов «Революция и горец», «На подъеме» он полемизировал с авторитетами того времени по вопросам освещения истории Чечни периода гражданской войны на Северном Кавказе. Общение с крупными советскими литераторами – М. Горьким, В. Маяковским, Э. Багрицким (который стал первым переводчиком стихов М. Мамакаева на русский язык), впоследствии с А. Фадеевым, А. Серафимовичем, М. Шолоховым, А. Твардовским, Н. Тихоновым – оказало влияние на формирование взглядов М. Мамакаева. Он подчеркивал в своих статьях роль русской интеллигенции в становлении чеченской литературы и искусства, значение сближения культур русского и чеченского народов.

Работа М. Мамакаева в партийных, советских органах Чечено-Ингушетии, в редакциях газет «Грозненский рабочий», «Ленинский путь» была связана с просветительством. Вместе с другими чеченскими просветителями Т. Эльдерхановым и М. Исаевой он организовал издание первого на чеченском языке общественно-политического и литературного художественного журнала. В художественном наследии М. Мамакаева особое место занимает поэзия. Он первым из чеченских поэтов обратился к жанру поэмы.

Значительны заслуги Мамакаева и в развитии чеченской прозы. Его книги «Лед тронулся» (1958) и «Дорогой Родины» (1960) ввели в чеченскую литературу путевой, документальный и публицистический очерк. Эпические романы М. Мамакаева – классика современной чеченской литературы. «Мюрид революции» (1963) посвящен теме гражданской войны и участию в ней чеченцев во главе с А. Шериповым на стороне большевиков. «Зелимхан» (1967) – о благородном разбойнике, легендарном чеченском народном заступнике. М. Мамакаев был в Чечне не только любимым писателем, но и признанным авторитетом.

Он редактировал поэтические сборники, литературные альманахи, журналы, участвовал в составлении антологии чечено-ингушской поэзии. Много внимания писатель уделял воспитанию литературной молодежи. Вклад М. Мамакаева в становление современной чеченской литературы навсегда вписал его имя в историю культуры Чечни.

Ахадов Валерий

Режиссер-постановщик фильма «Зелимхан» (Совместное производство с ООО «Синема-Зелимхан»). Автор сценария фильма – Эдуард Володарский.

ПОЛИТИКИ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ

А.Т. Цаликов

А.Т. Цаликов фактически первым предал широкой огласке весьма интересный и важный факт в политико-правовой жизни народов Северного Кавказа, а именно – опубликовал и проанализировал письмо известного чеченского абрека Зелимхана Гушмазукаева, направленное 15 января 1909 г. на имя председателя Государственной Думы.

Оно было написано арабскими буквами на чеченском языке и озаглавлено как прошение в связи с тем, что в Государственной Думе шли слушания о грабежах и разбоях на Кавказе. Автор выражал надежду на то, что депутатам небезынтересно будет познакомиться с причинами, заставившими Зелимхана, одного из самых известных абреков Терской и Дагестанской областей, преступить закон и совершать корыстно-насильственные преступления.

Характеризируя вышеназванное письмо, А. Цаликов отмечал, что оно, нужно думать, написано не самим Зелимханом, который, как известно, не отличался особой грамотностью, но оно, как бы то ни было, крайне характерно рисует один из обычных путей, как создаются на Кавказе абреки. Столкновение государственного правосознания с правосознанием народа, обусловленным известным социально-бытовым укладом, – вот источник тех жизненных драм, которые выкидывают ежегодно известный процент туземного населения за борт легальной жизни.

Автор отмечал, что столкновение принимает еще более острый и тяжелый характер потому, что проводники российского государственного правосознания в лице российского чиновничества на Кавказе являются далеко не добрыми гениями для местного населения. В большинстве случаев присланные на Кавказ – это исключительно чиновники, смотрящие на свое назначение как на временную гастроль для достижения дальнейших ступеней административной лестницы. Они совершенно не любят порученное им дело, не понимают духа, характера и обычаев народа, опекать который они призваны. Не отличаясь никакими моральными достоинствами, они не пользуются среди этого населения и моральным авторитетом. Все это приводит к тому, что туземное население не верит в силу русского закона и не ждет от этого закона справедливости. Когда оно считает, что их интересы ущемлены, то оно стремится само восстановить нарушенное право, нарушая, в свою очередь, тем самым, русский закон.

А.Т. Цаликов, проанализировав политико-правовые предпосылки появления

абречества, пришел к выводу о том, что для того, чтобы победить абречество, необходимо «раз и навсегда отказаться от каких бы то ни было репрессивных мер по отношению к туземному населению, от мер, обрушивающихся исключительно на мирное трудовое горское население, тогда как абреки оказываются всегда за пределами досягаемости. В деле искоренения абречества автор выдвигал на первый план меры социально-правового, экономического и культурно-просветительского характера. В статье «Армия синего канта» А. Цаликов писал о петиции, которую направили служащие почты и телеграфа депутатам Государственной Думы из Ростова-на-Дону. Они просили увеличить им зарплату на 40%. «Думать, что нынешняя Государственная Дума в состоянии провести в жизнь плодотворную реформу хотя бы для почтовых чиновников – мечта… Больше – утопия…» – сделал вывод автор.

С.Р. Чеджемов «Конституциализм и парламентаризм народов России (на материалах Северного Кавказа) (Владикавказский институт управления)
Полная версия – http://www.viu-online.ru/science/publ/bulleten20/page6.html

Муса Курумов

Активное участие в общественной и культурной жизни родины стали традицией в семье Курумовых. Прадед Джамалдина, Косум Курумов, генерал российской армии, советник князя Барятинского.

«Мой прадед вместе с Орцу Чермоевым участвовал в русско-турецкой войне. Брат моего деда Пейзулла был кавалером четырех Георгиевских крестов. Но поскольку он был вспыльчивым человеком, дальше капитана по службе не продвинулся. Мой дед Муса окончил Петербургскую Высшую школу, работал инженером. Был женат на одной из Чермоевых.

Муса Курумов поддержал февральскую революцию, придерживался либеральных взглядов. Более того, он был кровным братом знаменитого Зелимхана Харачоевского. Случилось это, когда Зелимхан стрелял в одного из офицеров в Шатойском ущелье. Он случайно ранил моего деда. После этого абрек пришел к деду и извинился. В знак примирения они стали побратимами. Дед неоднократно укрывал у себя Зелимхана. А знаменитое письмо Зелимхана в Думу писал также мой дед, поскольку абрек не знал русского языка. Я знаю об этом со слов моей бабушки, к сожалению, деда я не застал.

В Горском правительстве Тапы Чермоева он занимал пост министра. Когда

пришли большевики, Тапа уехал, а мой дед остался. В результате он погиб в жерновах репрессий. Многие мои родственники, включая женщин, были расстреляны большевиками как враги революции. К счастью, мой отец выжил».

Рассказывает Дж. Курумов.
Из статьи «Мы должны сохранить наш культурный пласт».
«Чеченское общество». № 6/2007
http://chechnya.cjes.ru/journal/?j_id=14&c_id=345

РЕЛИГИОЗНЫЕ ДЕЯТЕЛИ

Зелимхан и чеченские шейхи

Шейх Бамат-Гирей-Хаджи поддерживал чеченского абрека Зелимхана Харачоевского, вставшего на путь индивидуальной борьбы с царизмом, подвергавшего чеченское крестьянство к тяжелому угнетению. Явление абречества возникло в конце XIX в. – в начале XX в. и получило широкое распространение. По утверждению А. Авторханова, «абрек» – слово чеченское, которое «впервые вошло в русский язык со времени русско-кавказской войны» и в чеченском понимании оно означает «революционер-одиночка, который мстит чужеземной власти за ее несправедливость и жестокости против чеченского народа». Ахмед Цаликов считал, что кавказские абреки – разбойники поневоле, «жертвы темперамента, аффекта, народных обычаев, носящих в иных случаях кровавый характер, часто это и жертвы общественной или административной несправедливости».

Многие кавказские абреки становились на путь индивидуальной борьбы с чиновниками не от хорошей жизни, а из-за социальной несправедливости, беспощадного угнетения. «Око за око» – такова была бесхитростная философия их мести, сопротивления. Но после каждой мести абреков со стороны царских войск следовали массовые экзекуции против мирного населения. Зелимхан, преследуемый царскими войсками, нуждался в поддержке не только простых горцев, но и религиозных авторитетов. В поисках такой поддержки он обращается к шейху Бамат-Гирею-Хаджи, который относился с пониманием к его борьбе с царскими чиновниками.

Понимая, что, пока Зелимхан находит поддержку у известных религиозных авторитетов, его невозможно поймать или ликвидировать, военная администрация Кавказского края с согласия царя производит массовые аресты. Среди арестованных были известные в Дагестане, Чечне и Ингушетии суфийские шейхи. Согласно документу Департамента полиции под названием «К вопросу о выдворении высылаемых из Кавказского края в Тульскую, Орловскую и Калужскую губернии шейхов и 25-ти родственников Зелимхана за оказываемые последнему пособничества в дерзских преступлениях». В числе сосланных шейхов были Бамат-Гирей-Хаджи, Докку-Хаджи, Кана-шейх, Батал-Хаджи, Магомед-мулла.

Командующий войсками Кавказского военного округа генерал-адъютант, генерал от кавалерии граф Воронцов-Дашков 16 сентября 1911 г. направил

российскому императору «всеподданейший рапорт» о принятии им мер по «наказанию чеченского народа за укрывательство абрека Зелимхана и оказываемое ему пособничество в дерзких преступлениях». Он просил царя «не отказать в зависящих распоряжениях о выдворении высылаемых… шейхов и 25-ти родственников Зелимхана в определенных им местах жительства и на правах лиц, высланных под гласный надзор полиции». Копию этого рапорта 26 октября он направляет министру внутренних дел Российской империи А.А. Макарову. В своем рапорте Воронцов-Дашков показывает сложившуюся на Тереке сложную ситуацию в связи с абречеством Зелимхана.

«Самым главным препятствием поимки названного абрека служит поголовное укрывательство его почти всем туземным населением Грозненского и Веденского округов и оказываемая им разбойнику в необходимых случаях активная поддержка», – расписывался в собственном бессилии царский генерал. Не сумев организовать поимку Зелимхана, он «в целях достойного наказания чеченского народа за непрерывное укрывательство Зелимхана, в течение 12 лет, и явное ему пособничество, а также и установления порядка дальнейшей борьбы с упомянутым разбойником» предложил начальнику Терской области осуществить следующие мероприятия:

1. Поставить на экзекуцию войсковые части командами не менее полусотни в те населенные пункты Веденского и Грозненского округов, в районе которых Зелимхан скрывался последнее время, а также и в те, составу которых принадлежат убитые и задержанные в настоящее время разбойники и через которых следовала шайка после нападения ее на дорожную комиссию (Харачой, Дышни-Ведено, Махкеты, Завирихи, Ца-Ведень, Хатуни, Эшал-Хатой, Элистанжи, Таузень, Истису, Майртуп, Хой, Ихарой, Ригахой, Макажой, Автуры, Варандинские хутора). Для этого привлечь части войск Терской области и командировать пластунских сотен.

2. Выслать в Тульскую Губернию сроком на 5 лет вместе со своими семьями жителей Веденского округа – Бамат-Гирея-Хаджи Митаева, Сугаипамуллу Гайсумова и Чиммирза-Хаджи; Назрановского округа – Батал-Хаджи Белхороева; Грозненского округа – Кана-Хаджи, Абдул-Азиза Шаптукаева и Магомеда-муллу; из Андийского округа Дагестанской области – Омара-Хаджи, как наиболее влиятельных представителей шейхов мусульманской секты «Зикра», вредных для общественного порядка и спокойствия и вместе с тем способ-

ствовавших разбойнической деятельности Зелимхана, который, являясь рьяным последователем помянутой секты, пользуется покровительством названных шейхов и служит для них орудием противодействия русской власти. Шейхи эти, как выяснено, поддерживают с Зелимханом тесное сношение, благословляют его шайку своими последователями-мюридами, доставляют ему оружие и патроны и тщательно укрывают его.

3. Выслать в том же порядке в Орловскую губернию сроком на пять лет 25 родственников Зелимхана, укрывавших его и оказывавших ему пособничество в разбоях.

4. Расселить жителей самовольно возведенных хуторов, жители коих уличены… местными властями в укрывательстве Зелимхана и предержательстве его шайки.

5. Назначить теперь же правительственных старшин во всех сельских общинах, составляющих район деятельности Зелимхана, а равно и в тех селениях, откуда происходили разбойники, принимавшие участие в последнем нападении его шайки.

6. Взыскать… в месячный срок со всех чеченцев Веденского и Грозненского округов штраф в размере ста тысяч рублей для выдачи вознаграждения семьям убитого ротмистра Долидзе, инженера Орловского, чиновника Ворченко и низших чинов конно-дегестанского полка и пособий раненым и вообще лицам, которые так или иначе материально пострадали во время нападения шайки Зелимхана».

Вслед за этим письмом начальник штаба Кавказского военного округа от 17 ноября 1911 г. отправляет в Департамент полиции секретный рапорт, в котором сообщает, что последовало распоряжение МВД о высылке по распоряжению Кавказского начальства «порочных горцев» в Самарскую, Курскую, Калужскую и Орловскую губернии.

В Орловскую губернию со своими семьями были выселены 24 родственника Зелимхана из Харачоя. Приведены их списки, в которых указаны число членов их семей, возраст и имущественное положение. Примечателен документ: «Сведения о семейном положении и прежней судимости шейхов Терской области,

подлежащих выселению в Калужскую губернию, согласно предписанию Главнокомандующим Кавказского военного округа от 15 октября 1911 г. № 6645».

В этом списке указано, что возраст Бамат-Гирея-Хаджи составляет 103 года, но он, с нашей точки зрения, ошибочен, поскольку в момент ссылки ему не было больше 75 лет. В документе указаны три его жены – Басса, Тамигаз, Аругаз и сыновья – Али и Умар. Кроме того, в документе перечислено его имущественное положение: дом, кухня с сенцами, здание под лавку, сарай, конюшня, здание под школу, черепичный завод, дрова, сено, кукуруза, ячмень, пшеница, мануфактура на 8000 рублей, ковры, столы, стулья и зеркала, лошадь, 4 буйволицы и 2 буйвола, фруктовый сад, участок леса.

Возраст шейха Чиммирзы Хамирзаева в момент ареста составил 45 лет. Он имел двух жен: Субайхат, Хурамат и пятеро дочерей. Но его материальное положение было очень скромным. Шейху Батал-Хаджи, судя по этому документу, было 75 лет. Вместе с ним была сослана его жена Хадижат с двумя маленькими сыновьями – Магометом (7 лет) и Курейшом (4 года). Батал-Хаджи имел «дом из 6 комнат с кухней под черепицей, 5 коров, 2 быка, фаэтон, тарантас, 13000 рублей в банке, 18500 рублей долг за людьми».

В газете «Русское Слово», в связи ссылкой Бамат-Гирея-Хаджи Митаева, было опубликовано коротенькое сообщение: «Грозный. 16. IV. Глава секты «Зикра» 103-летний шейх Бамат-Гирей-Хаджи Митаев, пользующийся неограниченным влиянием в Чечне, выселяется в Калужскую губернию на 5 лет». 20 апреля 1912 г. губернатор Калужской губернии уведомляет Департамент Полиции, что «Бамат-Гирей-Хаджи Митаев, Батал-Хаджи Белхароев, Кана-Хаджи, Абдул-Азиз Шаптукаев, Магомед-Хаджи Назиров прибыли в Калужскую губернию». После многочисленных обращений чеченского народа царские власти вернули в Чечню Абдул-Азиза Шаптукаева, Кана-Хаджи Хантиева, которые не имели отношение к Зелимхану. Были возвращены и ряд его родственников, сосланных по ложным доносам. Дополнительные расследования, проведенные администрацией Терского округа, также показали, что они действительно не имели какого-либо отношения к Зелимхану. Тем не менее, царские власти, без суда и следствия, юридического определения меры вины тысячами подвергали арестам и ссылкам чеченцев, лишь потому, что они сочувствовали Зелимхану. По прибытии в Калугу, начиная с 29 апреля 1912 г., учреждается надзор полиции за Хаджи Митаевым.

Из научной статьи «Эволюция суфизма на Северном Кавказе»

Учение Кунта-Хаджи и абрек Зелимхан

Кунта-Хаджи, как известно, проповедовал непротивление злу насилием (и даже повлиял на формирование идей Льва Толстого). Число сторонников Кунта-Хаджи увеличивалось пропорционально падению престижа воинствующих наибов Шамиля. Люди складывали оружие и из мюридов газавата становились мюридами пацифиста Кунта-Хаджи, призывавшего свой народ и его лидеров к миру, пусть на первых порах и невыгодному, унизительному. Миротворческие проповеди для истощенного войной народа были понятны и близки, они были созвучны их чувствам безысходного отчаяния.

«Что предначертано Богом, должно сбыться. Предначертано, что родится северное царство – порождение сатаны», – предвещал Кунта-Хаджи, призывая не противиться тому, что предопределено свыше, и паства его послушно складывала оружие, соглашаясь с бесполезностью борьбы с тем, что предопределено. Но после ареста Кунты его последователей возглавили представители сил сопротивления. Одним из них был Вара из Атагов – соратник наиба Шамиля Атаби Атаева. В рядах зикристов все громче стали звучать призывы к вооруженному сопротивлению российским властям…

«Непримиримые» не преминули воспользоваться движением зикристов. Одним из них был Вара. Он вел партизанскую войну, с небольшой группой бойцов совершая набеги на российские военные отряды и обозы. Российское военное командование годами охотилось за ним. Выслеживал Вару и наиб Гуданат, чтобы отомстить за брата. Гуданату удалось выследить своего кровника, когда тот остановился на ночлег в селении Старые Атаги. Дом, где заночевал Вара, был окружен взводом драгунов. Три часа велся неравный бой, и когда нечем было отстреливаться, Вара, громко читая предсмертную молитву, бросился с шашкой наголо на врагов и погиб героем. Остальные лидеры зикристов были арестованы и сосланы в Сибирь. После этого главнокомандующий Кавказской армией Лорис-Меликов в своей победной реляции военному министру пишет: «Дело подавления враждебного нашему правительству учения зикра привело к следующим результатам: распространитель учения шейх Кунта и четырнадцать его векилей и последователей взяты, организация партии зикра расстроена, при столкновении с нашими войсками она понесла огромные потери». Спрашивается: кого все-таки считает российский главнокомандующий Кавказской армией «враждебным правительству»? Пацифиста, проповедующего непротивление? Видимо, кому-то тогда (как и сейчас) война была выгоднее мира.

Массовые репрессии и гонения со стороны российского военного коман-

дования заставили зикристов постепенно перейти с пацифистской платформы на военно-политическую…

Запрет российскими властями идеологии зикризма, арест и ссылка 18 идеологов зикристских сект и самого Кунта-Хаджи, наконец, кровавая расправа над мирной демонстрацией у шалинского редута – все это привело к тому, что сторонники Кунта-Хаджи решили отложить свой пацифизм до поры. Не успела улечься пыль под ногами пацифиста Кунта-Хаджи, а его адепты уже стали призывать к войне.

Через десяток лет после восстания Алибека-Хаджи чеченцы вновь развернули фронт партизанской войны. Бойцы этого фронта именовались абреками. И здесь сыграли определяющую роль представители движения Кунта-Хаджи. Среди них особое место, конечно, занимает всемирно известный абрек Зелимхан. Летом 1901 г. он был арестован и сослан в Илецк. Тогда ему исполнилось 28 лет. 17 октября 1905 г. в ответ на погромы чеченцев на грозненском рынке Зелимхан совершил нападение на пассажирский поезд на станции Кади-юрт и расстрелял 17 русских офицеров. Вслед за этим начались массовые репрессии карательного отряда российских войск под командованием полковника Галаева в селах Веденского округа (август–декабрь 1906 г.), карательная экспедиция российских войск во главе с этим же Галаевым в Цацан-юрте (август 1908).

В августе 1908 г. Галаев был расстрелян Зелимханом. В ответ на это последовали погромы мирных чеченцев иррегулярными войсками под командованием войскового старшины Вербицкого на рынке Гудермеса. Зелимхан, оповестив российские власти о приговоре шариатского суда за геноцид, в 2 часа ночи произвел налет на грозненский железнодорожный вокзал, убил 3-х и ранил 10-х русских офицеров и исчез, прихватив из кассы 18 тысяч рублей (9 января 1910). Далее Зелимхан, предварительно предупредив российские власти о своем намерении как об акте возмездия за геноцид, в 12 часов дня ограбил банк в Кизляре (9 апреля 1910).

Группировка российских войск под командованием начальника Назрановского округа князя Андронникова начала широкомасштабную карательную экспедицию по поимке Зелимхана в шести направлениях Чечни с 25 сентября 1910 г. Зелимхан с четырьмя соратниками устроил засаду группировке российских войск в Ассиновском ушелье – в результате чего убил князя Андронникова, поручика Афанасьева, командира дагестанской сотни штаб-ротмистра Дангуева и шестерых кавалеристов.

Лишь 27 сентября 1913 г. Дагестанский конный полк под командованием

поручика Кибирова по предварительному доносу на хуторе близ Шали окружил дом, где находился тяжелобольной Зелимхан. Получив выстрел в спину от спрятавшегося на крыше доносчика, он отстреливался, тяжело ранил поручика Кибирова, юнкера Закароя Дебекова, всадников Абаза Магамедова и Закароя Абдулатисова и погиб в неравном бою.

Извлечение из статьи «От непротивления злу к священной войне». 13 марта 2002

Зелимхан и шейх Али-Бамат Митаев

Из уголовного дела и сведений об имущественном положении Али-Бамат Митаева

...Помощник начальника Терского областного жандармского управления сообщал, что, по агентурным данным, в ограблении Кизлярского казначейства 27 марта 1910 г. участвовал житель села Автуры Веденского округа Митаев. Митаев, житель села Автуры, муж трех жен и отец двух сыновей, занимался самым мирным и наискучнейшим делом – торговал мануфактурными товарами. У Митаева были собственный дом, кухня с сенцами, здание под лавку, сарай, конюшня, здание под школу, черепичный завод, лошадь, четыре буйволицы и два буйвола, фруктовый сад и участок леса. Когда им заинтересовалось жандармское управление, на его складах скопилось мануфактурного товара на восемь тысяч рублей. А 28 июля 1910 г. Митаев был заключен под стражу в Грозненскую тюрьму. Агентурные данные полностью подтвердились, и ему предъявили сразу два обвинения – в укрывательстве Зелимхана и в нападении на Кизлярское казначейство.

Судя по архивным бумагам, в ходе расследования было установлено, что Митаев, как один из наиболее влиятельных представителей мусульманской секты «Зикра», «вредной для общественного порядка и спокойствия», способствовал набегам Зелимхана.

ВОЕННЫЕ И СЛУЖАЩИЕ

Асельдер Казаналипов – «некоронованный король Дагестана»

Имя уроженца ныне не существующего селения Капчугай Асельдера Казаналипова (ок. 1856–1928 гг.), теперь уже мало кому известно, но сто лет назад трудно было встретить взрослого дагестанца, не знавшего его. Он был не просто богатейшим магнатом-землевладельцем и фабрикантом, его могущество простиралось вплоть до царского престола. В начале XX в. он получил придворный чин III класса шталмейстер, по табелю о рангах, введенному Петром I, в армии ему соответствовало звание генерал-лейтенанта, а по штатской службе чин действительного тайного советника.

Асельдер родился примерно около 1856 г. в старинной аристократической семье владетелей селения Капчугай Тарковского шаухальства, происходившей от Казан-Алпа, сына Келемета, который в свою очередь был сыном Сурхай-Шаухала II (1641–1661 гг. правления). В 1873 г. 17 лет от роду Асельдер оканчивает Ставропольскую классическую гимназию и вместе с будущим сотрудником первой мусульманской газеты в России «Экинчи» («Пахарь») А. Гайдаровым (дядя депутата III Государственной Думы И. Гайдарова) поступает в Константиновское военное училище. Завершив учебу в 1876 г., он служил прапорщиком в 82-м пехотном Дагестанском полку. Участвуя в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., за проявленную доблесть Асельдер был произведен в поручики. Несмотря на то, что Казаналипов в достаточно непродолжительном времени вышел в отставку и занялся решением хозяйственных нужд доставшегося от родителей имения, он на всю жизнь сохранил армейские привычки и в первую очередь любовь к порядку и дисциплине.

Молодые годы Асельдера пришлись на вторую половину XIX в. После ликвидации Тарковского шаухальства в 1867 г. экономическое могущество старой кумыкской аристократии постепенно оскудевает, их земли начали скупаться либо разбогатевшими узденями, либо, что было чаще, приезжими капиталистами (в основном немцами и армянами). Ему удалось не только сохранить, но даже приумножить во много раз наследство предков. К своему пятидесятому дню рождения Асельдер являлся владельцем 27 тысяч десятин земли (одна десятина равна 1,09 га). По словам революционера А.А. Тахо-Годи, он был также одним из крупнейших фабрикантов г. Порт-Петровск. Асельдер Казаналипов сделал блестящую чиновничью карьеру и в начале XX в. являлся одним из четырех влиятельнейших дагестанцев (трое других – это генералы Али и Махмуд Шейх-

Али (оба родом из Эндирея), а также М. Алиханов-Аварский из Хунзаха). В начале XX в. при наместнике Кавказа И.И. Воронцове-Дашкове он являлся официальным советником по делам Дагестанской области. Ни один вопрос в Дагестане, включая выборов в Государственную Думу, по словам противника А. Казаналипова – журналиста С. Габиева, не решался царской администрацией без согласования с Асельдером. Всемогущий наместник охарактеризовал его так: «Очень умный. Был мне чрезвычайно полезен по делам дагестанским. Пользуется в Дагестане большим авторитетом».

В начале XX в. в Чечне развернулась под руководством абрека Зелимхана Гушмазукаева из селения Харачой почти полномасштабная партизанская война против царской администрации. Отряд абрека действовал так успешно и на столь обширном пространстве (от Назрани до Кизляра и Темир-Хан-Шуры), что вызвал жесткие репрессивные меры против всех кавказцев. Практически все население Дагестана и Терской области подпало под подозрение в пособничестве абрекам. Теперь каждый кавказский мусульманин, выезжая из своего округа, должен был уведомить об этом начальство и своего округа, и того, куда он собственно и собирался ехать. Выезд из Дагестана в другие области России был сопоставим по бюрократическим проволочкам с выездом за границы страны. Ситуация раздражала не только самих кавказцев, но и администрацию края. Лишь в 1913 г., после 12 лет упорной борьбы, царским войскам удалось уничтожить Зелимхана, автором этой тонкой и хитрой операции, по свидетельству биографа знаменитого абрека К. Гатуева, являлся А. Казаналипов. Именно он посоветовал наместнику Кавказа использовать против абрека отряды, сформированные из коренных кавказцев, не уступавших абрекам ни в знании местности, ни в мужестве. Единственное, чем открыто был недоволен Казаналипов – это тот факт, что к управлению Дагестаном царское правительство привлекало коррумпированных чиновников, переведенных на Кавказ за провинности в центре, совершенно не знавших дагестанскую действительность, «бракованную бюрократию», как метко называл их закавказский депутат Чхеидзе.

Кавказский наместник Воронцов-Дашков, неизменно симпатизировавший Асельдеру, доверил ему миссию и по переубеждению обществ, участвовавших в движении 1914 г. против замены арабского языка, делопроизводства в адатных судах русским. Князь проехал по горным обществам Аварии, где на сельских собраниях выступал с речами, в которых убеждал население поверить, что реформа в конечном результате приведет к их же благу. Выступления его, пусть и не в полной мере, но имели успех, больше не повторялось шествий недовольных

крестьян к Темир-Хан-Шуре, как это было в марте 1914 г. После революции Казаналипов являлся центром всей дагестанской реакции, вдохновителем многих ее действий. На рубеже 1917–1918 гг. он созвал «Совет спасения» в Порт-Петровске, объявивший Н. Гоцинского правителем Дагестана и призвавший его в город для физической расправы над большевиками, но последним удалось вовремя скрыться из города, а армия Гоцинского, превратившись в банду обыкновенных мародеров-мешочников, воровавших все, что попадется под руку – от старинных канделябров в господских домах до единственной курицы в бедном крестьянском хозяйстве, – показалась многим мещанам не меньшим злом, чем большевистские комиссары. Эта ошибка дорого стоила контрреволюционерам и превратила в союзников большевиков колеблющиеся элементы в Петровске.

Однако наступил 1920 г., год победы Советской власти на Северном Кавказе. Раздав все недвижимое имущество односельчанам, Асельдер поехал в Москву, чтобы наказать свою внучку, вышедшую против его воли за известного революционера Сурена Нариманова. Придя к ней домой, он выстрелил в нее, но не попал, его внучка отделалась обмороком. Не желая убивать ее и в тоже время всем сердцем осуждая за совершенное ею «предательство семейных ценностей», он покинул ее дом, Москву и Россию, эмигрировав в Турцию. Здесь престарелый «дагестанский король» открыл фермерское хозяйство, но через несколько лет нашел свой вечный покой. Похоронили Асельдера на кладбище кумыкско-карачаевского селения Доганджи (вилает Чанакале), где память его стережет богато орнаментированная каменная стена с изречениями из священного Корана.

Извлечение из статьи в газете «Елдаш/Времена». 08.12.2006
www.kumukia.ru

Галаев Василий Савельевич

Среди детей терского казачьего войска было несколько десятков потомственных военных, для которых служение Отечеству было фамильной гордостью. Родоначальником династии Галаевых стал Савелий Михайлович, который дослужился до начальника Павлодольской станицы.

Его сын Василий Савельевич, полковник, старший помощник атамана Пятигорского отдела Терской области, участвовал в русско-турецкой войне. Родился он в 1860 г., окончил Ставропольское казачье юнкерское училище. Наград, которых он был удостоен, хватило бы на нескольких героев: знак отличия Военного ордена, ордена Св. Анны 3-й степени, Св. Станислава 3-й степени,

Бухарский орден Восходящей Звезды, румынский железный крест и др.

В аттестационной характеристике есть такая запись: «Умен, нравственные качества – отличные, характер твердый, энергичный. По службе – выдающийся». Судьба его сложилась трагически, он был убит знаменитым абреком Зелимханом.

Шабадиев Мурцал Арсамакович

В книге Дзахо Гатуева «Зелимхан», ставшей ныне библиографической редкостью, есть такой эпизод.

Царская администрация отчаялась поймать неуловимого и бесстрашного абрека Зелимхана, и новый начальник Назрановского округа князь Андронников затеял поход двухтысячного войска в горную Ингушетию, где, по агентурным сведениям, Зелимхан находился вместе со своей семьей. Случилось так, что Андронникову удалось «пленить» жену и малолетних детей народного мстителя. Зелимхан в это время находился в Чечне и заторопился на выручку. Он пробрался в аул Эгикал, в котором находился штаб отряда, и сумел пригласить к себе ингушского офицера Шабадиева.

Вот как описывает состоявшийся между ними диалог Дзахо Гатуев.

– Я – Зелимхан, решающий народные дела. Я – абрек Зелимхан, ты – офицер Шабадиев. Я служу народу, ты служишь царю. Я – чеченец, ты, Шабадиев, – ингуш, но мы оба мусульмане, горцы мы оба. Я хочу знать, кто ты больше: офицер ты больше или ингуш ты больше?

– Я – ингуш, Зелимхан. Я горец, Зелимхан. Горец больше всего, Зелимхан!

– Это хорошо, что горец больше всего, Шабадиев. Ты знаешь, что я не убиваю горцев.

– Знаю, Зелимхан. Знаю, что ты не убиваешь горцев. Ты сам не убиваешь горцев. Но из-за тебя убивают горцев другие. Ты много сделал зла горцам, Зелимхан!

– Я много зла сделал?

– Ты много зла сделал. Сколько из-за тебя Вербицкий сделал! Сколько горцев расстрелял он! Сколько горцев из-за тебя в Сибирь послали? Ты знаешь, что теперь они добиваются выселить нас всех. Из-за тебя, Зелимхан!

– Ты образованный человек, Шабадиев. Если бы ты образованным не был, ты офицером не был бы. Верно? Разве они только теперь хотят выселить нас?

Разве, когда мы смирные, они не выселяли нас? Разве с тех пор, как они пришли, они не хотели сделать нас смирными только для того, чтобы быть хозяевами над нами? Ты образованный человек, Шабадиев, ты офицер, Шабадиев! Это очень хорошо. А твой отец кто был?

– Мой отец? Ингуш.

– Твоя жена тоже ингушка?

– Тоже ингушка.

– Твои дети тоже ингуши?

– Тоже ингуши.

– Что твой отец бы сказал, если бы увидел, что ты не по-ингушски делаешь? Что твои дети скажут, когда услышат, что ты не по-ингушски делал?

– Разве я не по-ингушски делаю, Зелимхан? Разве я не желаю счастья своему народу? Ты не знаешь, Зелимхан, что если бы меня при отряде не было, сколько зла еще Андронников сделал бы. Я в отряде как заложник своего народа.

– Конечно, это хорошо, что ты как заложник в отряде, но только для тебя хорошо это. Ты думаешь, что наши рады отряду. Было бы хуже для наших, если бы ты с нами был, Шабадиев? Было бы лучше для наших, если бы отряд совсем не пустили сюда.

– Было бы лучше, Зелимхан. Но что сделаешь? Россия – большой петух, мы – маленький петух.

– Э, Шабадиев, ты совсем свой народ забыл, ты не знаешь, что наши отцы говорили. «В лесу много кабанов», – пели они. Правильно это. «Но один волк разгоняет их», – пели они еще. Это тоже правильно. Ты поел черного хлеба, Шабадиев, – ты будешь плохой волк. Не мешай нам быть волками.

– Я не мешаю, Зелимхан, если бы я мешал, не я бы сейчас разговаривал с тобой.

– Если бы ты ингушом не был, я не говорил бы сегодня с тобой. Я не с офицером говорю. Я с Шабадиевым говорю. Я знаю, что теперь русских две тысячи в горах, а я один. Я все сделаю, чтобы не выпустить отсюда их.

– Что ты хочешь?

– Что я хочу? Если бы я мог донести две тысячи патронов. Я хочу донести две тысячи патронов.

– Не донести тебе, Зелимхан, две тысячи патронов.

– Значит, ты не ингуш, Шабадиев.

– Что ты хочешь?

– Я хочу донести две тысячи патронов. Мы впятером донесем две тысячи патронов.

– Как впятером?

– Я и четверо, которые в отряде. Мы впятером.

– Ты хочешь, чтобы эти четверо помогли тебе. Но как я могу это сделать, Зелимхан? Если четверо попадут к тебе, я пойду под суд. Ты знаешь, что сделает царский суд с ингушским офицером?

– Кто посмеет тебя под суд отдать?.. Кто посмеет тебя пальцем тронуть, если мы за тебя?

– Князь. Князь Андронников.

– Знаешь, Шабадиев, князь первый на Божий суд пойдет...

Шабадиев оказался на высоте и сделал для Зелимхана все, о чем он просил. Сдержал свое слово и Зелимхан – князь Андронников первым пошел «на Божий суд». Зелимхан, как известно, лицо историческое, легендарное. А кто такой Шабадиев? И был ли такой человек в жизни, а не только в документальной повести Дзахо Гатуева? Да, такой человек был в реальной жизни, только автор чуть изменил его фамилию.

Шабадиев – это Шадиев Мурцал Арсамакович. И на этот счет у нас есть документальное свидетельство. В Центральном государственном архиве СССР в Москве, в фонде Департамента полиции есть документ, датированный 1911 г. Это копия неопубликованной телеграммы, присланной в столицу России по двум адресам: министерству юстиции и Санкт-Петербургскому телеграфному агентству. Вот что в ней сообщается: «Владикавказ, 31 декабря. Судебным следователем по важнейшим делам Владикавказа выяснено, что 20 сентября этого года князь Андронников, поручик Афанасьев и другие убиты не одним разбойником Зелимханом, а при участии капитана Шадиева, командира сотни милиции и помощника начальника Назрановского округа Беймирзаева. Лица эти остаются на постах службы и, благодаря свободе и служебному влиянию, ищут подставных свидетелей и грозят лишением жизни их открывателю. Возможен их побег к Зелимхану. Прошу распоряжения о задержании виновных, тогда будет пойман и их сподвижник Зелимхан и обнаружатся сподвижники его из администрации. Дело принимает угрожающий характер, ибо на сторону Шадиева выступают видные администраторы, посему следователю нужны особые полномочия. Дело следует передать военному суду».

Рассказывает внук М.А. Шадиева Султан Шадиев, старший редактор Чечено-Ингушского республиканского объединения «Книга»: «Действительно, Мурцал Арсамакович в силу своего служебного положения вынужден был пойти

с двухтысячным войском князя Андронникова в поход на Зелимхана. Но первоначально он сделал все возможное, чтобы отговорить князя от попытки поймать или убить Зелимхана. Тот, однако, остался непреклонным. Тогда дедушка сказал, что не может ручаться за жизнь Адронникова, и потребовал от него письменное свидетельство о том, что он, Шадиев, сделал все, чтобы отговорить его от экспедиции, и не несет никакой ответственности за возможные последствия ее.

Когда после неудачи экспедиция вернулась во Владикавказ и впоследствии, когда появились доносы (подобные вышеприведенному), это собственноручное свидетельство князя Андронникова спасло и карьеру, и жизнь моего дедушки. М.А. Шадиев с уважением у своего народа прослужил до Октябрьской революции, успел стать полковником. Думается, у него были все личные основания, чтобы не пойти за большевиками и отстаивать с оружием в руках свою сытую и благополучную жизнь. Но, как истинный сын своего народа, он и здесь остался с ним».

А. Гадаборшев. «Ингушское слово». № 9, август 1991

Кибиров Георгий

Георгий Кибиров относится к одной из исторических групп Северного Кавказа – казакам-осетинам, населявшим две станицы Осетии. В 1805 г. в казачьем Моздокском отделе, на равнине, жители горной Дигории основали две станицы – Черноярскую и Новоосетинскую. В 1825 г. эти села за верность России и участие в войне получили звание казачьих, а их жители – этнические дигорцы – стали терскими казаками и вошли в состав Терского казачьего войска. Они воевали против Шамиля, участвовали в сражении при Валерике, в Гунибе. Служили в войсках Барятинского. В 1905 г. казаки-осетины участвовали в русско-японской войне. Проявились и в Первую мировую. В 1911 г. именно охотничьему отряду поручика Кибирова удалось уничтожить самого дерзкого из всех чеченских абреков – Зелимхана Гушмазукаева, который вел борьбу с самодержавием более 13 лет. В 1909 г. правительство официально объявило на Зелимхана облаву, был учрежден специальный охотничий отряд (Вербицкого), почти полностью уничтоженный самим же Зелимханом.

В 1913 г. царские власти за голову разбойника назначили 18 тыс. рублей и 27 сентября того же года отряд Дагестанского конного полка под командой Кибирова на хуторе близ Шали окружил дом, где находился Зелимхан. Получив предательский выстрел в спину, Зелимхан отстреливался, тяжело ранил Кибирова,

юнкера Дебекова, всадников Абаза Магомедова и Закарья Абдулатисова и погиб в единоборстве с карателями. За оказанные услуги в деле ликвидации абрека Зелимхана по телеграмме «Об уничтожении чинами Дагестанского конного полка разбойника Зелимхана» император собственноручно изволил начертать «поручику Кибирову желаю орден Св. Владимира 4-й степени» и, «милостиво одобрив действия» Кибирова, обнадежил его в будущем.

В гражданскую Черноярская и Новоосетиновская, как и большинство терских станиц, оказались в белогвардейском стане и участвовали в так называемом Бичераховском сопротивлении (Бичераховы Георгий и Лазарь – братья и меньшевики, лидеры упорного антибольшевистского сопротивления в Осетии, были родом из Новоосетиновской). Участником бичераховского сопротивления был и полковник царской армии Георгий Кибиров.

Кибиров и «Дикая дивизия»

...5-я сверхштатная сотня Ингушского полка, называемая «абрекской», была сформирована осенью 1916 г. из «прощенных государем» за различные проступки абреков. При этом высшим командованием имелось в виду, что в будущем станут пятисотенными и все другие кавказские полки. Но, как видно из приказа генерала Багратиона по дивизии от 16 марта 1917 г., им из Ставки была получена телеграмма о том, что «увеличение штатов полков дивизии не представляется возможным произвести в настоящее время, вследствие чего полки останутся в четырехсотенном составе». На основании этого распоряжения он приказывал: «5-ю сверхштатную сотню Ингушского конного полка расформировать», а состоявших в ее составе офицеров и всадников распределить по полковым сотням.

5-й абрекской сотней Ингушского полка командовал ротмистр Георгий Алексеевич Кибиров, уроженец Осетии. Военную службу он начал весной 1904 г., вступив добровольцем в Осетинскую сотню Терско-Кубанского конного полка, сформированного для участия в боевых действиях на Дальнем Востоке против японцев. Урядник Кибиров за боевые отличия в Японской кампании был награжден Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степени. Тогда же, произведенный в прапорщики, он получил и орден Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

После Русско-японской войны Георгий Кибиров служил в Осетинском конном дивизионе, расквартированном в городе Ставрополь. В октябре 1913 г. переводится в Дагестанский конный полк, в город Темир-Хан-Шура. А затем

в четырнадцатом штабс-ротмистр Кибиров оказывается в составе 2-го Дагестанского конного полка Кавказской конной дивизии. За отличия в боях будет произведен в ротмистры и награжден четырьмя орденами, в том числе мечами и бантом к имевшемуся у него с 1913 г. ордену св. Владимира 4-й степени.

О боевых делах офицера Георгия Кибирова можно судить по сохранившемуся в документах штаба Кавказской конной дивизии наградному представлению на него, составленному еще в январе 1915 г. командиром 2-го Дагестанского полка подполковником Амилахвари и поддержанному командиром 1-й бригады генерал-майором Багратионом: «26 декабря 1914 г. в деле при деревне Берегi-Горне под сильным ружейным и пулеметным огнем противника, неоднократно посылаемый мною с приказаниями в штаб, исполнял все бесстрашно, выказывая удивительную стойкость и спокойствие. В то же время делал наблюдение за расположением неприятеля и дал весьма важные указания о его силах. Считаю, названный офицер вполне достоин награждения «мечами и бантом» к имеющемуся у него ордену св. Владимира 4-й ст., о чем особенно ходатайствую».

В 1916 г. ротмистр Георгий Кибиров был прикомандирован к Ингушскому конному полку, где и возглавил 5-ю сотню, сформированную из бывших абреков. Под его командованием эта сотня храбро сражалась в декабрьских боях на Румынском фронте, понеся там значительные потери – 32 всадника-абрека погибли и пропали без вести.

Офицер Ингушского полка Анатолий Львович Марков в своих воспоминаниях, опубликованных в Париже, напишет, что при первой встречи с офицерами дивизии, во время праздничного обеда, его внимание привлек к себе «осетин ротмистр Кибиров», громадного роста человек: «...он пользовался громкой славой убийцы знаменитого разбойника Зелимхана, слава которого гремела по всему Кавказу за несколько лет до войны. Будучи офицером Осетинского конного полка, Кибиров получил задание во что бы то ни стало поймать или уничтожить неуловимого разбойника, в чем и преуспел после долгой и часто эпической борьбы. На войну Кибиров вышел командиром особой сотни прощенных государем абреков, возвращенных с каторги, для того чтобы на полях сражений заслужить свое прощение... В полку у нас, при котором он числится со своей сотней, говорили, что, несмотря на свой пост предводителя бывших разбойников, Кибиров избегает показываться в Чеченский полк, где служили бывшие сподвижники Зелимхана, мести которых он должен был опасаться...».

Интересные сведения о ротмистре Кибирове и поистине рыцарском отношении к нему сподвижников знаменитого абрека Зелимхана Гушмазукаева

привел в статье «Всадники на фронте» чиновник Главного управления почт и телеграфов России М.М. Спиридонов, побывавший с подарками в Кавказской конной дивизии. Его «очерк боевой жизни чинов Кавказской дивизии» поместила одна из центральных российских газет, а в феврале 1916 г. этот материал был напечатан в «Терских ведомостях».

«Любопытно отношение находящихся в дивизии родственников – «кровников» – знаменитого разбойника Зелимхана к сотнику Кибирову... теперь являющемуся командиром «кровников», которым, как известно, Зелимхан завещал против Кибирова кровную месть», – пишет Спиридонов. И далее продолжает: «Не говоря уже о том, что «кровники» сами заявили Кибирову о питаемых к нему чувствах и о том, что на время войны они считают нужным забыть личные счеты, – они в одном из недавних боев блестяще доказали правдивость своих слов. Когда сотник Кибиров, в пылу горячей схватки с немецкими кавалеристами, вдруг очутился один против нескольких немцев, то первыми бросились к нему на выручку «кровники» Зелимхана...».

В мае 1917 г., вскоре после расформирования 5-й абрекской сотни Ингушского полка, подполковник Георгий Кибиров, согласно приказу командира Кавказской конной дивизии, прикомандировывается к Осетинской пешей бригаде...

Из книги О.Л. Опрышко «Кавказская конная дивизия»

ДОКУМЕНТЫ

ДОКУМЕНТЫ ОБ АБРЕКЕ ЗЕЛИМХАНЕ

Открытый лист на арестанта, препровождаемого в распоряжение судебного следователя

27 января 1901 года

Арестант: Зелимхан Гушмазукаев

Чеченец. Рост – средний. Лет – 28. Волосы на голове – черные. Брови – черные. Нос – умеренный. Рот – умеренный. Лицо – чистое. Глаза – карие. Подбородок – стрижет. Особых примет – нет.

Выписка из решения выборных от жителей селений Веденского округа (1908)

«...Образовать капитал сбором по одному рублю с дыма, что по числу 16426 дымов составит капитал 16426 руб., и выдать из него тому или тем, кто доставит начальству, а при сопротивлении – убьет разбойников: Зелимхана Гушмазукаева – 8 тыс. руб., Солтмурада Гушмазукаева – 3 тыс. руб. и отца их Гушмазука Бехоева – 1500 руб...».

Выборные ходатайствовали о выселении из края навсегда всех родственников разбойников по мужской линии вместе с их семействами, если они будут замечены в пособничестве шайке Зелимхана... А через две недели ставки возросли. Те же самые выборные составили другой документ:

1) В месячный срок от этого числа передать в распоряжение начальства разбойников.

2) Выдать всех соучастников разбойников и лиц, укрывающих их от преследования.

3) Если в месячный срок мы не выполним изложенного в п. 1 этого приговора обязательства, то обязуемся в недельный срок без понуждений со стороны ближайшего начальства представить штраф в размере 10 рублей с дыма.

4) Обязуемся для ловли и преследования разбойников в каждом участке составить партизанские команды в составе 15 конных и 15 пеших человек и отдать их в распоряжение начальников участков...

Постановление группы доверенных лиц

Начальник штаба Кавказского военного округа начальнику Терской области и начальнику Веденского округа

Приговор

1908 года 6 дня июля

Мы, нижеподписавшиеся, доверенные от жителей 1, 2, 3, 4 и 5 участков Веденского округа, собравшись сего числа в помещении окружного управления и выслушав предъявленное нам начальником округа от имени вр. генерал-губернатора Терской области требование в уничтожении разбойничьей шайки, организованной харачоевцем Зелимханом Гушмазукаевым и в течение десятка лет безнаказанно совершавшей насилие над имуществом и жизнью туземного и русского населения, и даже над начальствующими лицами, завершившимся убийством днем 8 июня сего года в слободе Ведено начальника округа полковника Галаева, посоветовавшись между собой, и от имени наших доверителей, постановили:

1. В месячный срок от этого числа передать в распоряжение начальства разбойников Зелимхана Гушмазукаева, Солтамурада Гушмазукаева и их отца Гушмазуко Бехоева.

2. Выдавать всех соучастников разбойников и лиц, оказывающих им покровительство и укрывающих их от преследований.

3. Если в месячный срок мы не выполним изложенного в п. 1 сего приговора обязательства, а нашему начальству будет известно, что разбойники были в пределах наших юртовых наделов, т. е. в селениях и на хуторах или кутанах, и нами не будет принято никаких мер к задержанию их или уничтожения при сопротивлении, то, помимо могущей быть наложенной на нас высшим начальством кары, обязуемся в недельный срок без понуждения со стороны ближайшего начальства предоставить штраф в размере десяти рублей с дыма.

4. Обязуемся для ловли и преследования разбойников в каждом участке составить партизанские команды в составе 15 конных и 15 пеших человек и отдать их в распоряжение начальников участков, причем, при отсутствии охотников

поступить в такие команды на наем, им, по выбору начальников участков, выдавать необходимые суммы денег.

5. Для охраны участковых начальников при поездках их по делам службы как в пределах своих участков, так и соседних, нанять по 5 конных человек в каждом участке, по избранию начальников последних, в том и подписываемся.

Подлинный за надлежащими подписями.
С подлинным верно: Секретарь (подпись)

Записка начальника Веденского округа (1908)

Начальник
Веденского округа
Терской области
15 сентября 1908 г.
№ 265

Капитану Макрицкому

Штампик:
Управление Веденского округа
17 сентября 08. № 7676

Препровождается при сем житель селения Азамат-Юрт Дурчи Вагаев, прошу заключить его под стражу на Веденской.

Рапорт из Дарго
(1908)

Д. №13
СЕКРЕТНО:

Даргинского сельского
писаря 1 участка
Веденского округа
№ 1216
14 ноября 1908 г.
с. Дарго

Начальнику 1 участка Веденского округа

РАПОРТ

Сего числа был у меня личный переводчик Даргинского района Аластан Арсатанов и объяснил, что вчерашнего числа он объехал свой казенный лес в андинских горах, видел шайку абреков в числе 5 человек и самого Зелимхана Гушмазукаева, о чем доношу Вашему высокоблагородию.

Рапорт «О разбойничьих шайках Терской области» (1909)

Копия с копии
инв. № 145

НАЧАЛЬНИК ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ
И НАКАЗНОЙ АТАМАН ТЕРСКОГО
КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА НАМЕСТНИКА
по канцелярии
11 февраля 1909 г.
№ 2468
Владикавказ
на № 812/1908 года

В ОСОБЫЙ ОТДЕЛ КАНЦЕЛЯРИИ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА НА КАВКАЗЕ

О разбойничьих шайках в Терской области

Сообщаю канцелярии для доклада наместнику его императорского величества на Кавказе, что в пределах вверенной мне Терской области строго организованных разбойничьих шаек нет, хотя случаи разбоев, грабежей скота и конокрадства существуют повсеместно среди туземного населения. Возникая неожиданно и случайно, и не поддаваясь строгому учету в смысле состава и организации участников данного преступления, случаи эти, на основании некоторых побочных обстоятельств расследования, приводят к тому несомненному заключению, что все это – результат большой преступности среди молодежи туземного населения, весьма склонной поживиться за чужой счет и потому пользующейся только удобной и случайной подвернувшейся обстановкой.

Указанные грабежи и кражи разлиты повсюду в области, но наибольшее число сосредотачивается в округах: Веденском, Грозненском, Хасав-Юртовском, Назрановском и отчасти Сунженском отделе. Как не исключение из указанного изложения вещей в области можно указать только лишь на одну разбойничью шайку, имеющую более или менее определенную физиономию и прочное существование. Это шайка абрека Зелимхана Гушмазукаева, жителя Веденского округа.

Шайка эта существует уже 9 лет, в течение этого периода жители время от времени подвергались со стороны ее разорительным набегам и грабежам и проч. Для пресечения хищнических явлений в области, и в частности для борьбы с шайкой Зелимхана, были командированы отдельные команды разведчиков: от 82 пехотного Дагестанского полка – по Грозненскому округу: 88 Самурского полка – по Веденскому округу, 84 пехотного Шурванского его величества полка – по Хасав-Юртовскому округу и от частей Терской обл. казачьего войска, одна летучая партизанская команда на весь район области.

В одно время шайка Зелимхана была уже настигнута и во время перестрелки убито пять абреков, в том числе отец и брат Зелимхана, но сам Зелимхан скрылся. По негласным известиям, он находится в дагестанской области. За появлением его учреждено успешное наблюдение, но задержать Зелимхана пока не удается, так как ему широко покровительствует туземное население, поголовно и упорно укрывая его от властей. В каком именно составе теперь находится шайка Зелимхана точных сведений не имеется, но по некоторым известиям при нем состоят его родственники и бежавший из Сибири бывший житель Грозненского округа сел. Старые Атаги Аюб Тамаев.

В настоящее время на усиление принятых уже мер для поимки Зелимхана организовывается кадр тайных разведчиков-сыщиков из казаков и надежных туземцев, и, надо полагать, что при дружном усилии последних и при содействии воинских команд удастся задержать этого упорного разбойника. И это тем более что Зелимхан, как слышно, отчасти дискредитирован в глазах туземного населения по случаю его постыдного бегства во время перестрелки и уже оставлен некоторыми своими товарищами по оружию.

Генерал-лейтенант /подпись/
Вр. и. д. правителя канцелярии – капитан /подпись/
Верно: М.П.

ЦАУ ССР Гр. Ф. № 2, № 1072
Канц. нам. ЕИВ на Кав. Особ. отд.
2-й стол со свед. о разб. шайке
Зелимхана Гушмазукаева
1909 г. л. 8-об
Верно:

Воззвание войскового старшины атамана Вербицкого к туземному населению (1909)

Приказом по области я, войсковой старшина Вербицкий, назначен искоренить разбойничество в родном нам крае. Обращаюсь поэтому к чеченскому и ингушскому народам и ко всему туземному населению. Вы – храбрые племена. Слава о вашем мужестве известна по всей земле: ваши деды и отцы храбро боролись за свою независимость, бились вы и под русскими знаменами во славу России. Но за последние годы между вами завелись люди, которые своей нечистой жизнью пачкают, грязными делами позорят вас. Эти отбросы ваших племен все свои силы направили на разбой и воровство, заливая краской стыда ваши честные лица. Имам Шамиль за разбой рубил им головы, а за воровство отсекал им лапы.

Правительство наше решило положить конец всем творящимся ими безобразиям. Оно требует, чтобы каждый пахарь, купец, пастух и ремесленник, к какому бы племени он ни принадлежал, мог спокойно трудиться на свою и общую пользу. Призываю честных людей сплотиться и перестать якшаться с ворами и разбойниками, изгнав их из своей среды и лишив их свободы святого гостеприимства.

Я обращаюсь и к вам, воры и разбойники. Объявляю вам, что ваше царство приходит к концу. Я поймаю вас, и те, на ком лежит пролитая при разбоях кровь, будут повешены по законам военного времени. Поэтому советую вам помнить мои слова и отнюдь не отдаваться моим отрядам живыми, а биться до последней капли крови. Кто не будет трус, умрет как мужчина, с оружием в руках. Все же, кто еще не отдался целиком самим Кораном осужденному пороку воровства и разбоя, опомнитесь и займитесь мирным трудом. Возрастите ваших детей в почитании закона и выучите их в школах во славу пророка Магомета и на пользу своего народа.

Теперь ты, Зелимхан!

Имя твое известно всей России, но слава твоя скверная. Ты бросил отца и брата умирать, а сам убежал с поля битвы, как самый подлый трус и предатель. Ты убил много людей, но из-за куста, прячась в камни, как ядовитая змея, которая боится, чтобы человек не раздавил ей голову каблуком своего сапога. Ты

мог пойти на войну, там заслужить помилование царя, но ты прятался тогда, как хищный волк, а теперь просишь у начальства пощады, как паршивая побитая собака. Ответ начальства тебе уже известен. Но я понимаю, что весь чеченский народ смотрит на тебя как на мужчину и я, войсковой старшина Вербицкий, предоставляю тебе случай смыть с себя пятно бесчестия и если ты действительно носишь штаны, а не женские шаровары, ты должен принять мой вызов.

Назначь время, место и укажи по совести, если она у тебя еще есть, число твоих товарищей, и я явлюсь туда с таким же числом своих людей, чтобы сразиться с тобой и со всей твоей шайкой, и, чем больше в ней разбойников, тем лучше. Даю тебе честное слово русского офицера, что свято исполню предложенные тобой условия. Кровникам твоим не позволю вмешаться в наше дело. Довольно между вами крови. Но, если ты не выйдешь на открытый бой, я все равно тебя найду (даже и в Турции, куда ты, кажется, собирался удрать), и тогда уже пощады не жди и бейся до конца, чтобы не быть повешенным. Докажи же, Зелимхан, что ты мужчина из доблестного чеченского племени, а не трусливая баба. Напиши мне, войсковому старшине Вербицкому, в город Владикавказ...».

Примечание. В отличие от абрека Зелимхана, атаман Вербицкий на встречу сам не явился. Вместо себя (задолго до назначенного времени) с целью организации засады и поимки Зелимхана выслал роту солдат.

Рапорт начальника Терской области (1909)

КОПИЯ С КОПИИ
Чеч.-Инг. Обл. Музей

НАЧАЛЬНИКУ ВЕДЕНСКОГО ОКРУГА ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

23 августа 1919 г.
№ 96
сл. Ведено
за № 15806
по канцелярии
Спешно секретно

Рапорт

Доношу Вашему превосходительству, что абрек Зелимхан Гушмазукаев имеет нижеследующие приметы:

1. 37–39 лет
2. Рост средний, на вид плотный
3. Волосы на голове и бороде стриженные, седые
4. Нос – обыкновенный, средний
5. Глаза – карие, левый глаз косоватый, что особенно бывает заметно в разговоре, если присмотреться – левый глаз кажется меньше.
6. В числе особых примет этот же абрек имеет:

1. Передние зубы на нижней челюсти неправильно и плотно срослись
2. На верхней и задней части головы продольный шрам от удара палкой
3. На руке (правой или левой) от кисти до колена локтя по наружной стороне – продольный шрам от пулевой раны.

Подпись: Капитан Джапаридзе

Верно: Старший делопроизводитель (подпись)

Выписка из письма канцелярии начальника Терской области (1910)

«…во всеобщее сведение, что деньги, собранные населением Веденского округа в сумме 8000 рублей и предназначенные в награду за поимку или уничтожение разбойника Зелимхана Гушмазукаева, до сего времени хранятся полностью в депозитах начальника области, о чем неоднократно объявлялось населению.

Несмотря, однако же, на то, что прошло уже более двух лет, а до сего времени не нашлось такого лица, которое выполнило бы эту задачу, а потому признается необходимым с одобрения наместника его императорского величества на Кавказе вышеназванную сумму в случае поимки или уничтожения Зелимхана Гушмазукаева и его сотоварищей, выдать не одному лицу, а всем тем, кто тем или другим способом будет содействовать его поимке или уничтожению, по справедливой оценке их трудов и риска, которому они подвергались».

Апрель 1910 г.

Из донесения Калужского губернатора министру внутренних дел (1910)

«...о том, чтобы ограбление Кизлярского казначейства было произведено на почве фанатизма... не может быть и речи. Ограбление это было произведено исключительно с корыстной целью – добыть побольше денег, в которых абрек Зелимхан очень нуждался; к тому же он присоединил месть бывшему Атаману Кизлярского Отдела Войсковому Старшине Вербицкому за его выступление против Зелимхана в газетах. Так гласило и письмо, оставленное в казначействе, где Зелимхан укорял Войскового Старшину Вербицкого в измене Государю Императору.

Измена эта заключалась якобы в том, что Войсковой Старшина Вербицкий обещал поймать Зелимхана и не поймал. В том же письме он предлагал Вербицкому опять ловить его уже после ограбления. Большое количество жертв при ограблении вызвано опять-таки не местью, как говорил сам Зелимхан, а неожиданной встречей в казначействе с нижними чинами, оказавшими сопротивление. Появление же нижних чинов для разбойников было неожиданным ввиду того, что лицо, сообщившее сведения о казначействе, убедило их в отсутствии не только воинского, но и всякого другого караула.

Встретившись с нижними чинами, разбойники, дабы не быть убитыми, убивали их. Это же самое, с целью произвести панику, было сделано по улицам во время ухода из Кизляра. Выбравшись из города, они ехали уже спокойней, так как знали, наверное, что никто из обывателей разных селений не решится на них напасть. Будучи заранее осведомленными, что скорой погони за ними быть не может за отсутствием кавалерии, они успели совершить «намаз» (моления), обязательный каждому мусульманину до 5 раз в день».

Из донесения Прокурора Владикавказского окружного суда (1910)

«…Недовольство чеченцев вызвали действия отряда войскового старшины Вербицкого, который при разоружении жителей селения Гудермес убил более 30 местных жителей. Горцы жаждали отомстить русским, и "святой" Бамат благословил мюридов на расплату с "гяурами" и послал с ними своего сына Али. К партии присоединились разбойники Зелимхан, Аюб Тамаев и Абубакар, а также и бывший поручик армии ингуш Долгиев, сосланный в каторгу за убийство полкового командира и ныне вступивший в ряды абреков…»

«…Немалую роль сыграла разнузданность русского населения в период освободительного движения, послужившая примером горцам; не менее важную роль занимает в этом нерешительность и послабление чинов администрации. Со времени покорения народ этот привык видеть над собою твердую власть, и тогда, по заявлению самих горцев, не было никаких преступлений и такого количества преступников. В последнее же время, и особенно со времени освободительного движения, власть совершенно подорвала всякий авторитет среди горского населения. Оно увидело, что большинство преступлений может пройти безнаказанно, для чего лишь стоит заплатить начальнику участка, нравственный уровень которых совершенно опустился...»

«…Начальник Терского областного жандармского управления высказывает уверенность, что если бы после убийства полковника Галаева было бы снесено лишь одно селение, как о том было объявлено, то другие не решились бы укрывать абреков, и не было бы у нас такого количества разбойников, и не пришлось бы нести такие громадные потери. Для уменьшения грабежей и разбоев необходимы в данное время репрессии для восстановления в первую очередь престижа...»

Письмо начальника Терской области (1910)

Начальник Терской области
Казачий Атаман Терского казачьего войска
8 июня 1910 г. № 9975
г. Владикавказ

В КАНЦЕЛЯРИЮ НАМЕСТНИКА
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА НА КАВКАЗЕ

О разбойничьих шайках в Терской области

Сообщаю, что за время с 1-го января по 15 мая с. г. в пределах Терской области было два случая появления организованных разбойничьих шаек: в Грозном 9-го января, когда произведено было нападение на Грозненский вокзал, и в гор. Кизляр 23 марта, когда разгрому подверглось Кизлярское казначейство. В обоих случаях, как следует полагать на основании добытых сведений, разбойничьи шайки находились под предводительством абрека Зелимхана Гушмазукаева.

Нападение на вокзал имело успех всецело благодаря нераспорядительности и полному бездействию железнодорожной администрации, которая должна была своевременно принять все меры к организации правильной и целесообразной охраны в районе полосы отчуждения, чего однако не было сделано. Между тем, вся охрана и выработка мер по этому поводу возложены на особый комитет по охране железной дороги.

Обращаясь к нападению на Кизлярское казначейство, приходится сказать, что администрация Кизлярского отдела во главе с атаманом отдела войсковым старшиной Вербицким своей преступной бездеятельностью, полной растерянностью и неумением организовать ни защиты вверенного района, ни преследования разбойников, помогла шайке грабителей разгромить казначейство, что сопровождалось целым рядом человеческих жертв и дала ей возможность скрыться совершенно безнаказанно.

Генерал-лейтенант /подпись/
Вр. и. д. правителя канцелярии Будкевич М.П. /подпись/

ЦАУ СССР Гр. Ф. 2, д. № 1072.
ЕИВ на Кавк. Особ. отд. 14-00
С подлинным верно: /роспись/

Рапорт об убийстве князя Андронникова (1910)

Управление
НАЗРАНОВСКОГО ОКРУГА
ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ
22-го сентября 1910 г. № 1678
г. Владикавказ

Начальнику Терской области

Р А П О Р Т

Об убийстве начальника Назрановского округа – ротмистра князя Андронникова и др. в перестрелке с Зелимханом и его шайкой.

Доношу Вашему превосходительству, что 20-го сентября близ полудня начальник округа ротмистр гвардии князь Андронников с шестью сотней Дагестанского полка, сопровождая захваченную им семью абрека Гушмазукаева, близ хутора Ерш Соринского общества, в узком Ассинском ущелье был встречен засадой абреков, открывших по нем с трех пунктов неприступных скал перекрестный огонь. После девятичасовой усиленной перестрелки оказались убитыми начальник округа ротмистр князь Андронников, поручик 3-го кавказского саперного батальона Афанасьев, 4 всадника с 5-й сотни Дагестанского полка, один милиционер 4-й сотни Терской постоянной милиции Цыганков, проводник – житель Цоринского общества Мишхиев и житель Шамхинского общества Чолаев. Ранены: командир 6-й сотни вышеупомянутого полка – ротмистр Доногуев четырьмя пулями, пять всадников его сотни, милиционер 4-й сотни Терской постоянной милиции Козлов. Лошадей убито 10, ранено 4.

Из абреков, по заявлению некоторых участников в перестрелке, убит один и ранен один, причем оба унесены товарищами.

С подлинным верно: младший делопроизводитель /подпись/

ЦАУ ССР Гр. Ф. № 2, д. № 1072
Канц. нам. ЕИВ на Кавк. Особ. отд. 1909 г. л. 20 об
М. П. Верно:
С подлинным верно: Печать

Выписка из рапорта Нач. Терской области (1910)

Копия с копии:
инв. № 143

Выписка из рапорта Начальнику Терской области от 5-го юля 1910 г. № 6985

«...Эту шайку разбойников следует считать уничтоженной, почти все участники ее обнаружены и о задержании сообщено начальникам Грозненского и Веденского округов. Справедливость требует удостоверить, что кроме казаков, державших себя выше похвал, немалую долю пользы принес Аксаевский старшина Султан-Бек Акавов, доставлением точно проверенных сведений о нахождении шайки и помощник его по хутору Герменчук-отару Эльдар-хан Хасанов, смело, рискуя жизнью, задержавший разбойника, и тайный сыщик начальника участка.

Ввиду того, что туземное население не склонно оказывать помощь администрации в борьбе с разбоями, оказывают ее только одиночные жители и непременно за плату, я прошу ваше сиятельство, не признаете ли вы возможным выдать начальнику 2-го участка сумму денег для выдачи ее его агенту и также оказать денежную помощь Герменчук-отаровцу Теликаю Абакярову на лечение раны, как пострадавшему при защите порядка».

Вр. и. д. н-ка округа подполковник /подпись/

С подлинным верно:
Сверял за делопроизводителя /подпись/ М.П.

ЦАУ ССР Гр. Ф. 2, № 1072
Канц. нам. ЕИВ на Кав. особ. отд. 1909 г. л. 13 с. в.
С подлинным верно: / подпись/
Верно: Печать

Письмо Начальника Терской области (1910)

Копия с копии
инв. № 151
НАЧАЛЬНИК ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ И НАКАЗНОЙ АТАМАН
ТЕРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА по канцелярии
9 июля 1910 г. № 12582
г. Владикавказ

В КАНЦЕЛЯРИЮ НАМЕСТНИКА
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА НА КАВКАЗЕ

Сведения о разбойничьих шайках

Сообщаю, что за период времени с 1 по 15 истекшего июня в пределах вверенной мне области был один случай появления организованной разбойничьей шайки 1 июня в Хасав-Юртовском округе. Шайка эта, скрывавшаяся несколько дней в густых камышах и непроходимой топи вблизи сел. Баба-Юрт, по агентурным сведениям, собиралась совершить какое-то преступление в гор. Кизляр, его окрестностях или в Хасав-Юртовском округе.

Обнаружена была шайка с наступлением вечера после 8-ми часов находившаяся в секрете у брода через реку Аксайку командой казаков сотника Яицкова, с которой шайка абреков вступила в ожесточенную перестрелку, длившуюся около часа, во время какового столкновения был убит казак Авчаров и тяжело ранен из злоумышленников Мица Эльдерханов, находившийся в бегах и разыскиваемый по обвинению в пленении овцевода Кошеля. Остальные злоумышленники рассыпались по камышам и болотам, благодаря темноте скрылись.

Вести же преследование в то время, ввиду незнакомства с местностью, оказалось невозможным. На рассвете кроме найденного раненого Эльдарханова, теперь уже умершего, задержаны были еще два туземца, принадлежавшие к шайке, и семь разбойничьих верховых лошадей. По добытым сведениям следует предполагать, что шайка эта находилась под предводительством абрека Зелимхана Гушмазукаева и в шайке этой имеются еще раненые разбойники, увезенные своими товарищами.

Генерал-лейтенант /подпись/
Вр. пр. канц. Будкевич М.П. подпись

ЦАУ СССР Гр. №2, № 1072
Канц. нам. ЕИВ на печать Кавк. Особ. отд.
1909 г. л. 16-об
С подлинным верно

Выписка из протокола от 11.01.1911 г.

Я, помощник начальника Гумбетовского участка, коллежский регистратор Саадуев, составил настоящий протокол в следующем: в 2 часа ночи на 16-е сентября мною получена записка от делопроизводителя Андийского окружного управления Башкова, что на Андийской пастбищной горе Азал, около 2-й казенной будки от Ботлиха в Ведено, на инженерную комиссию и команду Дагестанского полка напала шайка Зелимхана и ограбила их... Вследствие этой записки я выехал на место происшествия, тотчас же выставил по всей границе Терской области строгий вооруженный караул. Прибыв к 4 часам утра на место, нашел в закрытой со всех сторон горными гребнями лощине, в одной версте дальше от 2-й инженерной будки и в 1700 шагах от границы Терской области, т. е. на Хоевских общественных покосах по царской дороге, убитых: производителя работ, контролера, ротмистра Дагестанского конного полка, 10 всадников и 1 разбойника, две лошади. Ранены две лошади, вахмистр Дагестанского конного полка, дорожный мастер и два ямщика.

Допрошенные пастухи-андийцы, находившиеся в 3–4 верстах от места происшествия, жители селения Анди, сказали, что в 10 часов утра 15 числа на Хоевских покосах и на вершинах Абдул-Индук видны были верховые всадники, разъезжающие по хребту. В полдень они исчезли. Спустя часа два послышались выстрелы. Растерявшись и боясь, что баранта их будет похищена, они не смогли оповестить о происшедшем жителей Анди и помощника начальника Гумбетовского участка.

В 5 часов утра 16 сентября с рассветом я отправился по следам: разбойники с места происшествия вернулись той же дорогой, по которой пришли до самой вершины Абдул-Индук, где остановились и перевязали раненую ногу брата Зелимхана.

Вся дорога от самого Ботлиха до места происшествия видна с вершины этой горы. Когда комиссия проехала 2-ю будку, разбойники спустились с вершины в ту лощину, где была устроена засада.

...Далее от Абдул-Индука следы разбойников дошли до селения Ихарой. Отсюда они спустились в Хоевское ущелье. В селении Ихарой я узнал, что подполковник Чикалин освободился из плена и бежал на инженерную будку Эйзенам, расположенную у селения Хой. Прибыв к подполковнику Чикалину, я застал там сотню Дагестанского конного полка с ротмистром Котиевым. Чикалин сказал, что освободился он от разбойников в одном из ближайших к будке селений, воспользовавшись темнотой и суматохой, происшедшей между разбойниками и жителями селения, которое оказалось селением Макажой. Писарь этого селения Мусалов и почетные люди Яса Галаев, Гамзат Омар-Оглы и

другие видели около 7 часов вечера, что из с. Ихарой спускаются разбойники, и вышли к ним навстречу, стараясь задержать их. Безоружные, они ничего не могли сделать с ними, но освободили подполковника Чикалина. По их словам, разбойники направились далее на запад к Шаро-Аргуну, но по доносам тайного доказчика, они приняли направление из Макажой на север, в селение Арой-Аул: по дороге до этого селения были найдены те же следы, которые вели с места происшествия.

С вершины покосов селения Арой-аул дорога разветвилась: на селение Ригахой и вершину горы Кашкат. Следы разбойников пошли на вершину; не поднявшись до вершины, следы спускались по крутой балке на хутора селения Ригахой прямо на север. Далее следы были доведены до центра селения Ригахой и далее к селению Мохки, где застали убитыми брата Зелимхана и другого разбойника. По словам всадников, охранявших трупы, разбойники наткнулись на поджидавшую в этом месте команду 2-й сотни Дагестанского конного полка, и в перестрелке были убиты эти два разбойника, 2 лошади их и одна лошадь всадника, отбито 9 винтовок, чемодан и 2 лошади. Зелимхан с остальными товарищами пустился бежать по маленькой тропе, ведущей в селение Хотины, а команда возвратилась в селение Мохки по другой дороге. Ввиду того, что ротмистр Котиев отправился не по следам разбойников, а в селение Мохки и сотник Гасанилов не пожелал отправиться без разрешения командира далее по следам разбойников, я, ввиду приближения ночи и за неимением с собою всадников, взял направление на восток на Ригахоевские хутора, где переночевал. На 17 число утром рано, объехав все Ригахоевские, Чермоевские и Харачоевские хутора, прибыл на 1-ю будку от Керкетского перевала на Ведено. Дорогою от разных пастухов узнал, что с 11 сентября до 13 разбойники находились на Чермой-Ламе и на горе Ара и 14 числа оттуда исчезли.

Зелимхан, будучи оповещен кем-либо из агентов о проезде комиссии инженеров, заранее, еще с 11 числа, появился на высотах Чермоевских и Ригахоевских гор, посылая своих товарищей и агентов узнать, где лучше и надежнее ему устроить засаду. Увидев, что до озера Эйзенам дорога оберегается строгим караулом, Зелимхан нашел также через своих агентов удобное место и, перейдя 14 числа через Макажоевскую землю на Хоевские покосы, переночевал там и с утра 15 числа с вершины Абдул-Индук наблюдал за проездом комиссии из Ботлиха. За полчаса до прибытия комиссии на вторую будку он с шайкою спустился в лощину, где устроил засаду. Как инженерная комиссия, так и все дорожные служащие были оповещены об устройстве засады, но ни она, ни находившиеся в горах пастухи не дали знать своевременно об этом начальнику участка…

Выписка из донесения пом. нач. Гумбетовского участка (1911)

Выписка из донесения помощника начальника Гумбетовского участка,коллежского регистратора Саадуева военному губернатору Дагестанской области

К семи часам вечера мы, объехав все горы и подозрительные места, приехали к Харачою, т. е. к той пещере, где был окружен Зелимхан. Были уверены, что он или задержан, или окружен. Оказывается, что его выпустили на рассвете 10-го числа. Дело было так: вечером на 9-е число начальнику округа сообщил один из харачоевцев, что Зелимхан в пещере, что он-де спит сейчас в пещере и чтобы пришли и взяли его. Начальник округа приехал к рассвету и, окружив пещеру, послал одного пастуха узнать, действительно ли Зелимхан там.

Зелимхан предложил пастуху передать начальнику: «Я здесь. Иди сам и приведи войска. Русские только, не мусульманские». Тогда начальник приказал стрелять в пещеру. Бомбардировка продолжалась до заката солнца. Зелимхан же сидел спокойно и не стрелял. Когда войска перестали стрелять, Зелимхан произвел четыре выстрела, которыми убил двух и поранил двух. Тогда начальник округа стал посылать для переговоров людей. Зелимхан ответил:

«Скажи начальнику, чтобы он сейчас по телеграфу просил прощения всем, кто сослан и арестован из-за меня. Если к полуночи не передадут мне ответа, что они помилованы, то я уйду из пещеры, хотя бы все русские войска ее окружили».

12.12.1911 г.

Выписка из письма начальника Андийского округа военному губернатору Дагестанской области (1911)

«10 декабря ночью помощник начальника Гумбетовского участка сообщил мне частной запиской, что в пещере у селения Харачой осажден войсками абрек Зелимхан, и он, помощник, с всадниками и вооруженными жителями выезжает туда, дабы не допустить переход абрека, если бы он бежал, в пределы округа и принять по обстоятельству необходимые меры.

С получением записки тотчас же командировал восемь всадников на усиление названного помощника и предложил начальникам участков учинить надзор за всеми подозрительными пунктами в округе и на границе. 11 декабря возвратившиеся из Чечни через Харачой рассказывали мне, что Зелимхан действительно был окружен один в пещере, у самого селения Харачой, по ту сторону речки, что протекает через селение, но, убив двух казаков и одного жителя, скрылся, никем не замеченный.

В селение Харачой, по словам очевидцев, прибыли войска и направлены в разные стороны для розыска бежавшего. По тем же источникам, помощник начальника участка с обществом селения Анди занял линию границы и, учинив надзор за всеми хуторами, остается в горах».

11.12.1911 г.

Из справки 4-го Делопроизводства Департамента полиции в Особый отдел Департамента полиции о банде абрека Зелимхана Гушмазукаева (1911)

«Зелимхан Гушмазукаев до 1894 года был мирным и довольно зажиточным жителем села Карачой Веденского округа. В 1894 году у него произошла кровная ссора с кем-то из односельцев, причем в самообороне Зелимхан убил своего кровника. Бывший помощник начальника округа капитан Чернов привлек в качестве обвиняемого Зелимхана, заключил его в тюрьму, откуда он убежал, чтобы отомстить Чернову.

Узнав об этом, капитан Чернов через посредника передал Зелимхану, что он арестовал его ошибочно, просил извинить его за это и обещал, что не будет долго преследовать Зелимхана. Сменивший капитана Чернова капитан Добровольский обещания Чернова не сдержал, а когда Зелимхан, спасаясь от преследования капитана Добровольского, ушел в "абреки", то преследование обрушилось на его родственников, которые благодаря этому разорились и тоже пристали к Зелимхану».

«Разбойничьи подвиги Зелимхана и его неуязвимость создали ему среди горского населения славу национального героя, причем, по имеющимся сведениям, это население, по указаниям руководителей панисламистского движения, избрало Зелимхана "Великим Имамом" на случай газавата (священной войны с Россией)».

Донесение Нач. Веденского округа (1911)

Начальник
Веденского Округа Терской области
2 декабря 1911 г. № 125551
Ведено Терск. обл.
Инв. № 138

ПОМОЩНИКУ НАМЕСТНИКА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА НА КАВКАЗЕ ПО ГРАЖДАНСКОЙ ВЛАСТИ

Вашему превосходительству доношу:

В девятом часу вечера 8 декабря сего года я получил от своего агента сведения, что разбойник Зелимхан Гушмазукаев скрывается в сегодняшнюю ночь в пещере Харачоевской горы в трех верстах от Харачой, Родины Зелимхана. Приняв меры к совершенно секретному выступлению, так как в Чечне очень трудно отдать какое-либо распоряжение, чтобы через несколько минут оно не сделалось достоянием многочисленных агентов Зелимхана, я в 2 часа ночи с этим отрядом выступил из слободы Ведено на селение Харачой...

В ночь цепи окружили пещеру сжатым кольцом в диаметре не более от 150 до 300 шагах. В 8 часов вечера для усиления цепи, которая охватила лощину с нижней стороны, мною была выслана команда из стражников и добровольцев в числе 6 человек, старшему коей стражнику Сухаеву мною было отдано приказание доложить подъесаулу Варламову и подпоручику Лопатчикову, что я рекомендую им подвинуться ближе к пещере, сделать все возможное, чтобы Зелимхан не ушел за ночь и при возможности попытаться ворваться в пещеру. С вечера стрельба прервалась и затихла до 12 часов ночи, когда она внезапно возобновилась и продолжалась от 7–10 минут, причем ясно были слышны характерные выстрелы Зелимхана из пещеры. Следующие одиночные выстрелы последовали в шестом часу утра и более не возобновились. Утром с рассветом люди постов были сменены частями из резерва.

Вслед за сим прапорщик Гамиев испрашивал у меня разрешение осмотреть пещеру, так как, по его убеждению, Зелимхан ночью вышел из нее. При осмотре действительно Зелимхана там не оказалось...

В заключении считаю своим долгом доложить, для того, чтобы положить конец этому гнусному издевательству над правительством чеченского населения, в особенности же харачоевцев, которые 13 лет кормят и укрывают его в 3-х верстах от своего селения, а в 600 стах шагах от пещеры, искусственно укрепленной руками этого же населения, находятся кутаны тех же харачоевцев, которые ежеминутно обращаются с ним не как с разбойником, а как с желанным имамом Чечни, который служит орудием борьбы с правительством, политиканствующих интеллигентов и шейхов, всеми средствами тормозящих русское влияние в Чечне, и почитают его легендарным народным героем и защитником их от этого влияния, я нахожу необходимым применить к населению Харачой единственное радикальное средство, именно: предъявить к населению Харачой и ко всем близлежащим и дальним родственникам Зелимхана категорическое требование выдать его в недельный срок, в противном случае разгромить все харачоевское селение как не верноподданного его императорскому величеству государю-императору.

Подполковник Н. Каралов

Старший делопроизводитель /подпись/

ЦАУ ССР Гр. Ф. № 2, д. № 1072
Канц. нам. ЕИВ на Кавк. Особ. отд.
Верно: М.П.
1909 г., л.л. 69, 70, 71
С подлинным верно: /роспись/

Рапорт подполковника Н. Каралова (1911)

Инв. № 153
НАЧАЛЬНИК
ВЕДЕНСКОГО ОКРУГА
ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ
11 ноября 1911 г. № 11580
сел. Ведено Тер. обл.

РАПОРТ

Помощнику наместника его императорского величества на Кавказе
по гражданской части

В дополнении рапорта от 13 августа с. г. за № 8758 и совершенно секретного донесения от 19 числа того же месяца за № 52 доношу Вашему превосходительству, что под личное расследование передано судебному следователю 4-го участка Грозненского округа.

Вместе с ним докладываю: еще задолго до перестрелки в Арджиаховском ущелье мною, помимо других мер, принимаемых к розыску разбойника Зелимхана и его шайки, была сформирована особая команда, в состав которой вошли старшины вверенного мне округа: Новоатагинский Муса Борщиков, Махкетинский Дуду Баталов, Шалинский Атабай Эсенбаев, Автуринский Минца Ага-Мирзаев, стражи Терской охраны, стражи вверенного мне округа: Юнус Цакаев и Магома Эсенбаев, партизаны: Хату Гочаров, Юхик Тагиков, добровольцы из жителей: Ибрагим Саадулаев, Луку Аджиев и 5 всадников дагестанского конного полка при вахмистре Сулаймане Азатове, со специальной задачей собирать сведения о местонахождении Зелимхана, преследовать его по этим сведениям и при возможности уничтожить его и его шайку.

Команда эта мною была приведена к присяге, которой они поклялись быть верными друг другу в деле уничтожения разбойника Зелимхана и всеми своими силами до последней капли крови оказывать друг другу братскую поддержку, не щадя своего живота и не допуская ни малейшей измены друг другу даже в помыслах своих в этом важном и серьезном деле. Кроме того, команды эти перед выступлением на работу по народному обычаю побратались между собой...

Вследствие чего, вместе сим я прошу начальника Терской области не отка-

зать объявить старшинам Новоатагинскому Мусе Борщикову, Махкетинскому Дуду Баталову, старшему уряднику охранной стражи вверенного мне округа Федору Иванову и стражнику той же стражи Муслиму Гойтукаеву, Абдул Межиду Муртазалиеву благодарность за добросовестное и честное выполнение возложенного на них поручения...

Подполковник Н. Каралов
Старший делопроизводитель /подпись/
М.И. /ПОДПИСИ/

С подлинным верно: /подпись/
ЦАУ СССР Гр. №1072
Канц. нам. Е.И.В. на Кавк. Особ. отд. 1909 г. л.л. 59–60
Печать:

Рапорт Нач. Веденского округа Н. Каралова (1911)

Начальник Веденского округа
Терской области
3/XII-1911. № 13094
сл. Ведено Терской области

ПОМОЩНИКУ НАМЕСТНИКА Е. И. В. НА КАВКАЗЕ
ПО ГРАЖДАНСКОЙ ЧАСТИ

РАПОРТ

«Харачоевцы: Саид, Сайдула и Саада – братья Гумахаджиевы – сами признались мне, что им раньше хорошо известно, что Зелимхан скрывается в этой пещере, но не считали себя обязанными об этом доводить до сведения начальства, так как этим делом занимаются другие...»

Полковник Каралов
Верно: М.П.

Центральный Архив Грузии
Фонд № 2, архив № 1072, лист 72
С подлинным верно: /роспись/

Рапорт об убийстве абрека Аюба Тамаева (1911)

Инв. № 150
НАЧАЛЬНИК
Грозненского округа
Терской области
4 марта 1911 г. № 3520
г. Грозный

Начальнику Терской области и наказному атаману
Терского казачьего войска Тер. обл.
Об убийстве абрека Аюба Тамаева

РАПОРТ

В дополнение моей телеграммы, моих от 1-го сего марта представляя писем, копию протокола начальника 2-го участка корнета Смирнова об убийстве участника в ограблении Кизлярского казначейства и др. преступлениях, совершенных в разное время шайкой Зелимхана – Аюба Тамаева, доношу Вашему превосходительству, что получил сведения, что названный разбойник, после убийства 1-го декабря прошлого года в сел. Старые Атаги товарища своего абрека Абубакара Хасуева, стал укрываться в доме братьев своих, коих он ранее боялся подвести.

Я в предположении, что названный разбойник, быть может, пожелает провести предстоящие дни праздника рождения Магомета среди своих родных. Секретным предписанием, от 25 минувшего февраля с. г. за № 22, приказал корнету Смирнову арестовать братьев его Давуда, Хасана и Султана и если удастся, то и самого Аюба Тамаева, причем выбрать «подходящее время», предоставил полному усмотрению и находчивости названного начальника участка.

Донося о вышеизложенном, ходатайствую перед Вашим превосходительством о не наложении какого-либо административного взыскания на жителей с. Старые Атаги, так как поимка сего абрека, как и Абубакара Хасуева, была учинена не без тайного содействия некоторых из жителей сего селения, причем осмелюсь доложить, что имею данные утверждать, что отсутствие наличности подобного взыскания на это селение после убийства Абубакара Хасуева значительно облегчило выполнение задачи уничтожения абрека Аюба Тамаева

и я полагаю, что если даже сему селению будет оказано поощрение, например, возвращение права ношения в пределах своего юрта холодного и дедовского оружия, то эта мера может послужить залогом дальнейшего успеха в этом направлении.

Начальник Грозненского округа /подпись/
Делопроизводитель /подпись/
Верно: М.П.

ЦАУ СССР Гр. Ф. 2, № 1072.
Канц. ЕИВ на Кавк. Особ. отд. 1909 г., л.л. 22–24
С подлинным верно: /подпись/ печать

Сведения о разбойничьих шайках (1911)

Инв. № 149
НАЧАЛЬНИК ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ
И НАКАЗНОЙ АТАМАН ТЕРСКОГО
КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА
по канцелярии
7-го октября 1911 г. № 15228
г. Владикавказ

В КАНЦЕЛЯРИЮ НАМЕСТНИКА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО
ВЕЛИЧЕСТВА НА КАВКАЗЕ

Со сведениями о разбойничьих шайках

С 1-го по 15-е сентября с. г. включительно появления организованных разбойничьих шаек в Терской области не было, за исключением лишь появления шайки абрека Зелимхана, который, отступая с Керкетского перевала Андийского округа после нападения на дорожную комиссию, перешел с шайкой в Веденский округ.

Для задержания этой шайки начальником Веденского округа совместно с начальником военного отряда в ночь с 15-го на 16-е число сейчас же было организовано преследование. Произошла перестрелка с отрядом штабс-ротмистра Доногуева, залощившегося секретно на пути возможного следования шайки. В результате, между прочим, были убиты брат абрека, один разбойник, две лошади и взяты были: девять винтовок, два коня и сумка, по-видимому, принадлежавшая Зелимхану: в ней оказалась полная походная канцелярия абрека, карта, печати и документы.

За начальника области генерал-майор /подпись/
Правитель канцелярии войсковой старшина /подпись/
Помощник правителя /подпись/
Верно:

ЦАУ ССР Гр. Ф. № 2, № 1072
Канц. нам. Е.И.В. на Кавк. Особ. отд. 1909 г., л.46-об
Верно:

Со сведения о заговоре (1911)

Инв. № 143
Чечено-Ингушский областной музей
совершенно секретно
НАЧАЛЬНИК ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ
И НАКАЗНОЙ АТАМАН
ТЕРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА
По канцелярии
4 мая 1911 г. № 21
г. Владикавказ

ПОМОЩНИКУ ПО ГРАЖДАНСКОЙ ЧАСТИ НАМЕСТНИКА
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА НА КАВКАЗЕ

Со сведения о заговоре

Начальник военного отряда полковник Моргания донес мне, что студенты, преимущественно армяне, числом около 60 человек постановили привлечь известного абрека Зелимхана для революционных целей, с каковой надобностью командировали в Чечню 5 человек своих товарищей, которые после долгих переговоров через жит. сел. Шали Шахита Борщикова около месяца назад имели свидание с Зелимханом.

Затем 19 апреля состоялось совещание, в котором принимало участие 22 человека, в числе коих было 2 агента военного отряда и, кроме названных студентов, еще 5 человек, привезших Зелимхану бомбы. На этом совещании студенты призвали Зелимхана поддержать революцию, которая должна вспыхнуть в России, когда начнется война с Китаем.

В знак верности студенты обещали Зелимхану следующее: один из них совершит при помощи бомб покушение на мою жизнь, генерал-майора Степанова и ротмистра Доногуева, другой студент бросит бомбу одному Грозненскому обывателю, если последний не исполнит требования Зелимхана и не выдаст 7000 рублей, третий обещал взорвать мосты, когда будут проходить войсковые части, вызванные по ложной тревоге. 4 и 5 студентов взялись доставлять точные сведения, когда будут идти поезда с большими деньгами и на условленном месте остановить поезд с помощью тормоза Вестингауза. На первом плане Зелимхана стоит стремление ограбить почту, которая идет из Гудермеса в Шелкозаводскую

и далее промысла. В стычке с заговорщиками начальник станции Гудермеса, обещающий сообщить Зелимхану о времени прихода поезда с большими деньгами, причем для нападения на почту назначено место около колодца на почтовой дороге. Вообще Зелимхан отказался от мысли брать кого-либо в плен и будет нападать на почту и казначейство.

Сообщая об изложенном вашему превосходительству для сведения, присовокупляю, что о планах заговорщиков мною сообщено начальнику Терского областного жандармского управления и сделаны все необходимые распоряжения по полиции и округу.

Генерал-лейтенант /подпись/
Правитель канцелярии /подпись/
Старший помощник правителя Будкевич
Верно круг. гербов. печать /подписи/

ЦАУ СС Гр. Ф. № 2, д. № 1072
Канц. нам. ЕИВ. на Кавк. Особ. отдел. 1909 г., л.л. 25–26

Телеграмма полковника Каралова (1911)

Копия с телеграммы начальника Веденского округа полковника Каралова –от 22 июня 1911 г. Главнокомандующему войсками.

Около полуночи 22 июня высланный мною секрет трех стражников, одного старшины, четырех партизан и четырех кровников розыска разбойника Зелим-хана при въезде в Харачой внезапно обстрелян залпом пяти злоумышленников. Убиты урядник, стражник Магомед Хадисов, три лошади, ранена одна. Темная ночь парализовала преследование. Розыски продолжаются.

С подлинным верно: старший адъютант штаба Кавказского военного округа /подпись/
Сверял за помощника его, штабс-капитан Иванов
Верно: М.П. / подписи/

ЦАУ СССР Гр. Ф. № 2, № 1072
Канц. нам. Е.И.В. на Кавк. Особ. отд. 1909 г., л. 27
С подлинным верно:

Телеграмма полковника Моргания (1911)

Инв. № 144

Копия телеграммы полковника Моргания от 11 декабря 1911 г. Главнокомандующему войсками Кавказского военного округа

Находясь в объезде отряда и получив в восемь часов вечера девятого декабря в ауле Урус-Мартан из Грозного по телефону донесение, что Зелимхан, засевший в пещере в одиннадцати верстах от слободы Ведено и трех верстах от аула Харачой, окружен с восьми часов утра пластунами, стражниками и партизанами Веденского округа при наличии начальника Веденского округа, немедленно выехал в Ведено через Воздвиженку. В Шали захватил с собою команду конно-дагестанцев, квартировавших в этих пунктах. В Воздвиженке просил начальника гарнизона направить в Ведено подрывное средство с офицером. На нанятых мною подводах сделал семьдесят одну версту. В восемь часов утра десятого прибыл в Харачой, где узнал об ускользновении Зелимхана из облавы девятого на десятое сумерками.

Девятого на позицию прибыл командир пластунского батальона, полковник Масляников, и в начале восьмого часа того же дня прибыла на усиление отряда облавы полусотня пластунов и полтора пехотного Дагестанского полка. В дневной перестрелке девятого убиты один пластун и один партизан, ранены трое пластуна. Поиски продолжаются. Сегодня возвратился в Ведено. Дознание приводится.

Полковник Моргания
С подлинным верно: старший адъютант штаба
Кавказского военного округа полковник – Сергеев
Сверял помощник КГО. капитан /подпись/
Верно: М.П.

ЦАУ ССР Гр. Ф..№ 2. д. № 1072
Кан. нам. Е.И.В. на Кав. Особ. отд. 1909 г., л. 65-об
С подлинным верно:

Копия телеграммы о М. Шадиеве (1911)

Министерству юстиции, Санкт-Петербургскому телеграфному агентству. Владикавказ, 31 декабря

Судебным следователем по важнейшим делам Владикавказа выяснено, что 20 сентября этого года князь Андронников, поручик Афанасьев и другие убиты не одним разбойником Зелимханом, а при участии капитана Шадиева, командира сотни милиции, и помощника начальника Назрановского округа Беймирзаева. Лица эти остаются на постах службы и, благодаря свободе и служебному влиянию, ищут подставных свидетелей и грозят лишением жизни их открывателю. Возможен их побег к Зелимхану.

Прошу распоряжения о задержании виновных, тогда будет пойман и их сподвижник Зелимхан и обнаружатся сподвижники его из администрации. Дело принимает угрожающий характер, ибо на сторону Шадиева выступают видные администраторы, посему следователю нужны особые полномочия. Дело следует передать военному суду».

Центральный государственный архив СССР.
Фонд Департамента полиции (Москва, 1911)

Доклад военного губернатора (1912)

Инв. № 139
Доклад Военного Губернатора Дагестанской области
Совершенно секретно
17 марта 1912 г. № 484
г. Темир-Хан-Шура

Наместнику его сиятельства, его императорского величества на Кавказе

Начальник Кистинского округа полковник Гвелисиане агентурным путем получил целый ряд столь важных сведений, что считаю своим служебным долгом доложить их Вашему сиятельству.

В последнее время в Чечне циркулируют слухи о готовящемся там восстании, которое организуется к весне сего года абреком Зелимханом. Подготавливает таковое он будто бы через влиятельных лиц от равных сельских обществ путем постоянных сношений с ними и применения строгой присяги на могиле матери Кунта-Хаджия около Ведено в верности и широкого распространения плана восстания.

Говорят, что Зелимхан рассылает письма к разным влиятельным и известным духовным лицам с предложением принять имамство Чечни и Дагестана, с тем, что он возьмет на себя все остальное, в смысле, организации партизанских отрядов и борьбы с правительством. Так он предлагает имамство будто бы Автурскому хаджию Мамед-Герою /шейху/, шалинцу Мовсум Хаджию, Нажмудину Гоцинскому и андийцу Асллуди-Герою-оглы, результат сношения его с первым неизвестен, последний же предложение принять имамство отклонил. Благодаря такому направлению умов населения Терской области, Зелимхан с жителями вступил в открытое общение, не опасаясь измены с их стороны, и скрывается лишь от властей. Передают, будто бы из Турции с паломниками этого года прибыло несколько ингушей в числе давно переселившихся туда, с целью содействовать успеху восстания.

Все влиятельные чеченцы твердо стоят за абрека. Автурский хаджи, самый близкий друг и покровитель Зелимхана, хотя для показа рассылает по несколько десятков мюридов якобы за розысками Зелимхана, но делает это для отвода глаз, от действительной его цели. Сын названного Автурского хаджия – сподвижник Зелимхана по Кизлярскому грабежу.

В Чечне и Ингушетии распущены упорные слухи, что весною Турция собирается завоевать Кавказ, и турецкие войска первыми прибудут через военно-грузинскую дорогу в Терскую область. В этом уверяют ныне возвратившиеся из Турции чеченцы, которые происходят из влиятельных фамилий, раньше состояли на службе и были преданы суду за разные преступления и измену русскому правительству. За дело организации восстания вообще усердно взялись все те чеченцы, ингуши, которые, будучи влиятельными и почетными в своих обществах и среди населения, удалены правительством от общественных и государственных должностей за проступки по службе.

Есть такие слухи о том, что будто бы какой-то шейх, живущий в Эрзеруме, прислал с бывшими у него, как у шейха, чеченцами письмо Зелимхану, чтобы он берег себя до весны и не сдавался бы правительству ни в коем случае, что он будет полезен и нужен мусульманскому народу. Бедный класс чеченского народа уговаривает потерпеть до весны и тогда он освободится от мучений, среди населения много разговоров о газавате. В больших селениях Чечни собираются тайные общества для выработки общего плана.

Если с Турцией не будет осложнений, то восстание все же предполагается осуществить, с целью воздействовать на правительство, в смысле смягчения предпринятия против населения Терской области суровых мер наказания за сочувствие разбойным действиям Зелимхана.

Бывший пристав гор. Кизляр Абдул-Межид Коджоев будто бы также играет огромную роль в подготовке восстания: в случае неудачи по организации его, он подговаривает население переселиться в Турцию и убеждает послать его к турецкому султану для переговоров; уже собираются подписи, одобряющие его планы. Этот Коджоев имеет большое влияние как служивший в администрации и пострадавший якобы за народ. С Зелимханом Коджоев поддерживает сношения.

Из переписки с начальником Веденского округа подполковником князем Караловым видно, что его агентурные сведения в главном тождественны, т. е. будто с наступлением весны Зелимхан предполагает поднять восстание, и что ему сочувствуют со своими мюридами шейх Бамат-Гирей-Хаджи, который даже воспевает деяния Зелимхана в хвалебных песнях. Действуя на религиозную сторону темного и фанатичного населения Чечни, Зелимхан свой уход из пещеры в ночь с 9 по 10 декабря объясняет следующим чудесным образом. Посредством своего покровителя шейха Кунта-Хаджи, он вошел в сближение с пророком Хизиром / Христос/ и Ильясом /Илья/, которые помогают ему во всех его делах по повелению Аллаха, и когда он был окружен в пещере, то это святые увели его

на гору и скрылись, а он там оставался полтора суток, питаясь одной водой...

Население Чечни притаилось и чего-то выжидает, таинственно собираясь в разных местах. Брожение, несомненно, существует, но чем оно разразится, представить трудно, возьмет ли вверх благоразумная часть населения или же наэлектризованные Зелимханом и виновными шейхами фанатики проявят себя каким-нибудь безумным вступлением против войск и администрации...

Генерал-лейтенант /подпись/
Верно: М П.

ЦАУ ССР Гр. Ф. 2, д. № 1072
Канц. нам. Е.И.В. на Кавк. Особ. отд.
1909 г., л.л. 92, 93, 93-об
С подлинным верно:

Жандармское донесение о поимке абрека Зелимхана Гушмазукаева (Харачоевского) (1913)

«...Нет никакого сомнения, что с поимкой Зелимхана и других членов его шайки грабежи и разбои не прекратятся, ибо есть в данное время и будет еще масса разбойников, подобных Зелимхану. Причин к тому много, и не менее важную роль занимает в этом нерешительность и послабление чинов администрации.

Со времени покорения народ этот привык видеть над собою твердую власть, и тогда, по заявлению самих горцев, не было никаких преступлений и такого количества разбойников. Последнее же время, и особенно со времени освободительного движения, власть совершенно подорвала всякий авторитет среди горского населения. Оно увидело, что большинство преступлений может пройти безнаказанно, для чего стоит лишь заплатить начальнику участка, нравственный уровень которых совершенно опустился».

Рапорт Нач. Веденского округа (1913)

НАЧАЛЬНИК ВЕДЕНСКОГО
ОКРУГА ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ
30 сентября 1913 г. № 10684
Слобода Ведено

Начальнику Терской области и наказному атаману Терского казачьего войска

РАПОРТ

Вашему превосходительству доношу:

В ночь на 26 сего сентября зловредный разбойник и религиозный фанатик Зелимхан Гушмазукаев, ранее до этого обезвреженный разгромом всей шайки, убит на Шалинском хуторе чинами военного отряда под командой поручика Дагестанского конного полка Кибирова, при наличии правительственного старшины селения Шали, вверенного мне округа, осетина Михаила Дзелихова, помощника его чеченца селения Шали Мурада Газимагамаева, агентов чеченцев жителей вверенного мне округа.

В отряде ранены: поручик Кибиров в правое плечо и юнкер Закарья Дебеков – в пах (оба тяжело) и два всадника дагестанского конного полка: Абаз Магомадов и Закарья Абдулазисов: из них один в ногу, а второй в руку – легко.

Разбойник Зелимхан крайне преступную свою деятельность проявлял в течение почти 14 лет. История Зелимханиады говорит о переворачивании поездов с их ограблением, о наглых появлениях массовых шаек в городах, чуть ли не средь белого дня, о разрушении магазинов с их ограблением, о нападениях на вокзалы в городах и ограблении вокзальных касс, о данных набегах на города и ограбление правительственных учреждений (Андреевское сельское правление и Кизлярское казначейство), о повальных пленениях зажиточных обывателей и, наконец, о систематических уничтожениях вверенных своему долгу чинов Терской нагорной администрации.

Вступив в управление вверенным мне округом в мае 1911 года и осознавая, что на меня, как на начальника округа, возложена великая миссия русификации туземного населения, приобщения его к русской культуре, привития ему трезвых и здоровых взглядов на чужую собственность и жизнь, а также нравственного

и умственного развития высочайше вверенного мне населения округа, я начал принимать меры путем убеждения населения с целью дискредитирования Зелимхана в глазах народа, доказывать всю безнадежность и безрезультатность его мечтаний и, считая священным долгом оградить население от больших несчастий, признал необходимость, прежде всего, в корне уничтожить эти преступные мысли в народе, и, поставляя для того себе главную задачею – уничтожение этого вредного разбойника со всеми его сподвижниками, приступил с подчиненными мне чинами округа, при помощи влиятельных, благонадежных и преданных правительству туземцев, к борьбе с ним и его сподвижниками столь долгому его существованию.

Таким образом, в течение 2-х с лишним лет, несмотря на неоднократные угрозы и покушения на жизнь, при неблагоприятной топографии местности в дебрях Чечни, неутомимая борьба велась административными чинами округа при дружном содействии военного отряда, состоявшего из 4-х сотен дагестанского конного полка и сотен пластунов 2-го Кубанского пластунского батальона, героическая служба коих говорит сама за себя.

Будучи осведомлен точными агентурными сведениями, получаемыми мною от преданных правительству туземцев-чеченцев о местонахождении Зелимхана и его шайки, а также его укрывателей, мною принимались самые энергичные меры к разрушению его организации, и результатом этого неустанного преследования было то, что Зелимхан не мог в течение 2-х последних лет произвести какого-либо преступного выступления, а при столкновении лишался своих товарищей. Так, из 10 человек постоянного разбойничьего кадра в 1911 году было убито трое, пять человек из них приговорены к смертной казни, а трое – в арестантские отделения сроком на 6 лет каждый. Девятый раненый бежал в Турцию, а десятый, Зелимхан, оставшись одиноким и тем обезвреженным, как затравленный зверь, скитался по глухим хуторам; лишенный прежней симпатии и поддержки населения и доведенный до отчаяния, намерен был бежать в Турцию, но и этого ему не удалось, так как, будучи застигнут на Шалинском хуторе, был убит.

Подлинный за надлежащими подписями
С подлинным верно: старший делопроизводитель /подпись/
Верно: М.П. /подпись/

ЦАУ СССР Гр. Ф. 2. д. № 1072
Канц. нам. Е.И.В. на Кавк. Особ. отд.
1909 г., л.л. 174–175-об

Рапорт об убийстве Зелимхана (1913)

Начальник Терской области и
наказной атаман Терского Казачьего войска
10–18 октября 1913 г., № 15016
г. Владикавказ

Вр. и. д. главнокомандующему войсками кавказского военного округа

Об убийстве разбойника Зелимхана Гушмазукаева

РАПОРТ

В дополнение телеграммы моей от 26 сентября за № 14289 об убийстве разбойника Зелимхана Гушмазукаева и донесения по сему поводу начальника Веденского округа от 30 сентября за № 10683 доношу Вашему Превосходительству:

Весною настоящего года группа туземцев, прибыв во Владикавказ, обратилась секретно к моему старшему помощнику генерал-майору Степанову, хорошо знавшему этих лиц по прежней своей службе в Грозненском округе, с предложением покончить с абреком, причем ими предъявлен был ряд условий по этому поводу. Некоторые из этих условий были совершенно неприемлемы, и на докладе об этом мне я приказал отклонить предложение. Через некоторое время те же лица предъявили измененные условия, также признанные мною неподходящими, что и было им объявлено с указанием, какие именно пункты неприемлемы. Наконец, в начале июня те же лица в переговорах с бывшим начальником Военного отряда полковником Моргания выработали условия более или менее подходящие и приемлемые. По докладу их мне я разрешил полковнику Моргания подписать их в виде обязательств по отношению сказанных туземцев в случае, если ими при их последствии абрек будет задержан или убит при сопротивлении с оружием.

Условие это было подписано Моргания 11 июня. Хотя подобных обещаний со стороны туземцев поступало большое количество, но в данном случае были особые обстоятельства, давшие некоторое вероятие, что обещание дается искренне, так как над предложившими свои услуги туземцами навис грозный для

них вопрос о высылке их из края за укрывательство абрека. Решив использовать этих туземцев для уничтожения Зелимхана, я приказал вопрос о высылке их приостановить, ввиду данных ими по этому делу обещаний. Необходимо было только для обеспечения успеха снабдить агентов на первое время необходимым авансом, на что я приказал выдать полковнику Моргания 240 рублей и соблюсти величайшую тайну, дабы сторонники абрека, узнав, откуда ему опасность, не имели возможность принять контрмеры. На совершенной скрытности был основан весь план.

Дабы частное появление сотрудников во Владикавказе или в Грозном не возбудило против них подозрение, необходимо было создать еще одно промежуточное звено на месте. Наиболее подходящим пунктом было признано селение Шали, около которого Зелимхан, по достоверным сведениям, часто бывал и с которым имеется телеграфное сообщение. Во вновь выработанный план был посвящен командир Дагестанского конного полка, осетин по происхождению, поручик Кибиров, как офицер заведомо мужественный, распорядительный, умеющий входить в общение с туземцами и умеющий крепко хранить тайну, тем он уже имел себя зарекомендовать. Таким образом, в план были посвящены с начала приведения его в исполнение четыре лица: я, генерал Степанов, полковник Моргания и поручик Кибиров, а все письменные и телеграфные сношения не попадали ни в какие канцелярии, велись лично генерал-майором Степановым. С отъездом генерал-майора – Моргания, на его заменявшего адъютанта, начальника военного отряда есаула Штельдера было возложено уничтожение абреков.

С момента заключения условий с сотрудниками, началось выслеживание абрека шаг за шагом и постоянное приближение к нему сотрудников с целью войти в доверие. Все сведения о местонахождении абрека и его намерениях сотрудники давали Кибирову, последний сообщил начальнику военного отряда, который, в зависимости от них, делал частные перемещения отряда, расположенного мелкими частями во многих пунктах и постоянно доносили мне. Наконец сотрудники заявили, что они сумели войти в непосредственное дружеское общение с Зелимханом, оказывая ему услуги, в виде снабжения его всем необходимым для жизни. Подарили ему для телохранителей бердановскую винтовку, личную собственность поручика Кибирова, и предложили абреку добывать нужные для него патроны: ввиду же наступления холодов обязались устроить ему надежные пристанища. Таковы были приготовления, между прочим, в двух дворах в селении Шали и в глухом хуторе старика лет 70 Еумерзы Бугаева на реке Шали-Ахк, верстах в 8–10 от Шали, где Зелимхан и был убит.

В целях проверки своих сотрудников поручик Кибиров потребовал, чтобы

они дали ему возможность лично видеть Зелимхана. Это было исполнено, и поручик Кибиров, переодетый простым скрывающимся туземцем, виделся с Зелимханом в лесу около села, причем успел заметить номер на его трехлинейной винтовке. Последнее дало ему возможность окончательно убедиться, что виденный им в лесу туземец действительно Зелимхан. Поручик Кибиров упрекал сотрудников, что они показали ему в лесу не Зелимхана, заявил им, что ему известен от других сотрудников номер винтовки абрека и для доказательства потребовал, чтобы они указали этот номер и сообщили ему. Через некоторое время ему доставили вмятый на бумажку трением номер винтовки. Он оказался виденным – № 22178. Наступившие холода ускорили развязку дела – сам абрек искал убежища под кровом.

22 сентября поручик Кибиров лично прибыл в Грозный и подробно доложил есаулу Штельдеру об обстановке. Дело необходимо было подготовить к окончательному действию, так поручик Кибиров мог иметь в своем распоряжении для действия не более 28 человек шестой сотни. Распоряжением начальника военного отряда немедленно была поставлена в селении Герменчук полусотня пятой сотни в тридцать пять человек при офицере-прапорщике Абдулаеве с подчинением его поручику Кибирову. Кроме того, даны поручику Кибирову два пакета к прапорщику Ибрагимову, стоящему с полусотней в селении Старые Атаги (в двадцати верстах от с. Шали. Л. 5. Об.) и штабс-ротмистру Доногуеву с полусотней в селении Курчалой (15 верст) с предписанием им немедленно и спешно следовать в селение Шали для действий совместных с поручиком Кибировым.

Необходимо было, чтобы Зелимхан избрал себе приют по возможности недалеко от селения Шали, а для этого надлежало ему затруднить пользоваться приютом в других районах. Начальник Веденского округа получил сведения, что абрек решил выехать в Мекку на хадж, а потому полковник К.Н. Каралов 23–24 сентября производил розыск его в районе к востоку и северо-востоку от с. Шали (селении Гудермес, Ойсунгур и др.).

24 сентября прибывший во Владикавказ есаул Штельдер доложил мне положение дел у Кибирова, о том, что Кибиров просит немедленно потревожить район к западу и юго-западу от Шали (Махкеты, Элистанжи), а также просит удалить из Шали хотя бы на два дня лиц, которые могут помешать благоприятному окончанию дела. И то, и другое было мною немедленно исполнено. 24 сентября в 3 часа дня шифрованной телеграммой начальнику Веденского округа мною было предписано произвести со всеми в наличии силами тщательный

поиск в вышеупомянутом районе.

Поиск этот исполнен за отсутствием К.Н. Каралова в ночь на 25 сентября его младшим помощником капитаном Костюковым, для успеха дела туземец, под благовидным предлогом, при содействии прокурора Владикавказского окружного суда, экстренно вызван из Шали в Грозный.

25 сентября Зелимхан появился в окрестностях села Шали. Об этом было сообщено поручику Кибирову, а затем он был уведомлен, что абрек отказался приютиться в Шалях под предлогом того, что якобы он видел дурной сон, а будет ночевать на приготовленном нашим сотрудником для него вышеупомянутом хуторе из двух саклей Еумерзы Бугаева, старика 70 лет с женой, старухой 50 лет. Получив это сведение, поручик Кибиров лично отправился в селение Герменчук, где отдал приказ прапорщику Абдулаеву прибыть с полусотней в селение Шали 25 сентября к 8 часам вечера. Причем, не объясняя, куда и против кого пойдет полусотня, указал лишь, что придется действовать против вооруженного туземца, описав его точные приметы по одежде (Д. 6.) и по вооружению и дал при этом подробное указание, как приготовиться к предприятию и как действовать. Между прочим, распорядился, чтобы нижние чины полусотни возможно теплее оделись, были без шашек и не брали спичек. Затем, дав подробные инструкции прапорщику Абдулаеву, поручик Кибиров уехал в селение Шали, где сделал секретное распоряжение начальнику третьего участка Веденского округа Шевченко произвести обыск в некоторых домах селения Шали, в одном из которых, по указанию агента, должен был быть абрек Зелимхан со своими товарищами. Добавил, что в помощь данной начальнику участка многочисленной охраны стражи прибудет и шестая сотня Дагестанского полка. Затем по прибытию в селение Шали к назначенному времени прапорщика Абдулаева с командой от 5-й сотни 27 человек, поручик Кибиров, взяв с собой 28 человек от 6-й сотни, двинулся совместно с прапорщиком Абдулаевым за известным им сотрудником, около которого в первый раз видели какого-то молодого человека.

Пошел сильный дождь, ночь была темная, и движение сильно затруднилось. В четырех верстах от хутора, где предполагалось нахождение абрека Зелимхана, дороги были две, из которых одна шла прямо, другая вправо. По этой последней дороге был послан прапорщик Абдулаев с приказанием подняться со всадниками на гору и на виду двух домиков, расположенных у подошвы горы, остановиться и ждать; с первым же выстрелом у хутора немедленно рассыпанной цепью наступить на хутор с соблюдением мер крайней осторожности от выстрелов – со стороны хутора. Каковое распоряжение, как выяснилось впоследствии, прапор-

щиком Абдулаевым исполнено было в точности, сам же поручик Кибиров направился по прямой дороге. Приблизившись к хутору на расстояние двух верст, он спешил людей и пешком пошел уже с 25 нижними чинами в сопровождении правительственного старшины села Шали Михаила Дзелихова. По выезде из леса команде предстояло пройти загон, усеянный кукурузой.

Тут поручик Кибиров разделил команду на две колонны, послав 10 человек при старшем впереди и вслед за ними сам пришел к стоящим у кукурузных стеблей сотням, находящимся в двадцати шагах от хутора. Как только поручик Кибиров подошел к хутору (Л. 6. Об), состоящего из двух саклей, со стороны их на лай собаки выскочил хозяин с окликом «Эй!». Тотчас же по приказу поручика Кибирова команда с быстротою окружила сакли, и тут же все залегли. В это время было около половины 10 вечера. Приказал команде не стрелять, пока не последует сигнал. Поручик Кибиров вышел вперед, дабы ознакомиться с обстановкой, и в шагах 7–8 увидел под снопами кукурузы сидящего человека. Приняв его за хозяина хутора, поручик Кибиров спросил его на чеченском языке: «Что ты за человек? Быстро иди сюда». В ответ на это со стороны неизвестного человека, оказавшегося абреком Зелимханом, последовал выстрел, которым названный офицер был ранен в плечо правое навылет с раздроблением кости и упал, но тотчас же приподнялся и левой рукой произвел из нагана четыре выстрела в абрека. Тот в свою очередь произвел несколько выстрелов, ранив в это время юнкера Закарья Гебекова и всадника 6 сотни Абаса Магомедова.

Тогда поручик Кибиров приказал команде стрелять. Последовали выстрелы и, очевидно, абрек был ранен, так как упал. Не имея возможности, ввиду полученного ранения, продолжить стрельбу, поручик Кибиров отошел несколько назад и залег, приказав людям не двигаться и лежать, но смотреть в оба, чтобы не упустить абрека. В это время подошел прапорщик Абдулаев с людьми пятой сотни, которые оцепили хутор с противоположной стороны. В таком положении оцепление оставалось почти до пяти с половиной часов утра. Всю ночь Зелимхан ругался на различных языках, называя присутствующих гяурами, тавлинами, но никто на это ему не отвечал.

Перестрелка со стороны людей оцепления поддерживалась всю ночь. На рассвете, когда голос Зелимхана смолк, решено было посмотреть, где он, что с ним. Для этого несколько человек с прапорщиком Абдулаевым направились к месту, где он находился. В это время абрек, лежавший, произвел несколько выстрелов и ранил всадника Закария Абдулазимова и вторично юнкера Закарья Гебекова. Подошедшие, в свою очередь, дали в абрека залп, и Зелимхан был убит. При нем оказались трехлинейная винтовка Дагестанского конного

полка, револьвер «Браунинг», кинжал в серебряной оправе, два патронташа с двадцатью годными патронами, так как остальные были побиты выстрелами команды, бинокль, три письма на арабском языке и молитвенник.

Первоначальная медицинская помощь раненым – поручику Кибирову, юнкеру Гебекову и всадникам была оказана сотенным ветеринарным фельдшером, а затем прибывшим врачом отряда Холодовским, после чего офицер Кибиров и юнкер Гебеков, как тяжело раненные, были отправлены в Грозненский местный лазарет, легко же раненные всадники остались в строю. Труп Зелимхана в тот же день был перевезен в селение Шали, где он начальником Веденского округа К.Н. Караловым, в присутствии участкового начальника Шевченко и понятых был предъявлен для опознания, причем дочь Зелимхана Мусулмат – 14 лет, невестка Зезаг – 28 лет, старшина селения Махкеты – Маик Джамалдинов и многие кровники абрека утвердительно заявили, что убитый есть Зелимхан Гушмазукаев, которого они опознают по лицу и особым приметам. Кроме того, названный правительственный старшина Асхабиев при предъявлении ему оружия и вещей абрека Зелимхана признал его вещи: револьвер, браунинг, бинокль и пояс. Объяснил, что кинжал отобран Зелимханом у гехинца в 1911 году, а пояс ограблен Зелимханом при убийстве им в 1905 году армянина в Хасав-Юртовском округе. По снятии с убитого Зелимхана фотографии, труп его погребен 27 сентября 1913 года на Шалинском кладбище.

Заканчивая настоящее донесение, докладываю Вашему Высокопревосходительству, что вопрос об уничтожении абрека Зелимхана, в течение почти 14 лет терроризировавшего Терскую область своими из ряда выходящими преступлениями, представлял самое большое место в области и предмет весьма напряженной и неослабленной деятельности всех подведомственных мне чинов администрации и военного отряда, а поэтому считаю своим долгом из лиц, принимавших участие в деле уничтожения абрека Зелимхана и работавших в этом деле не покладая рук, выделить нижеследующих:

1. Генерал-майора Степанова, в руках которого была сосредоточена вся агентура, деятельность и ведение секретной переписи по этому делу (к очередной награде).

2. Начальника Веденского округа подполковника К.Н. Каралова, который в течение двух лет самоотверженно боролся с абреком и довел его своим упорным преследованием и постоянной ликвидацией его шайки до того, что абрек

был вынужден остаться один и укрываться, как хищный зверь. Кроме того, он тщательно и продуктивно работал в развитии тех многочисленных мер, которые были приняты в целях дискредитировать абрека среди населения и которые действительно привели к тому, что у Зелимхана осталось приверженцев очень ограниченное число (к чину полковника).

3. Генерал-майора Моргания, при помощи которого было организовано последнее предприятие, приведшее к уничтожению Зелимхана (к ордену Станислава 1 степени).

4. Есаула Штельдера, принявшего это дело от генерала Моргания и доведшего его до благородного конца (к очередному ордену).

5. Поручика Кибирова, составляющего, так сказать, душу предприятия и с выдающимся мужеством уничтожившего отряд Зелимхана (к дарованию Ценза).

6. Прапорщика Конно-Дагестанского полка Абдулаева, принимавшего непосредственное и деятельное участие в уничтожении абрека (к чину и ордену).

7. Юнкера Дагестанского полка Закарья Гебекова, который, несмотря на то, что был дважды ранен, мужественно, в течение всей ночи приводил в исполнение распоряжение раненого поручика и содействовал успеху предприятия (к чину прапорщика полиции).

8. Младшего помощника начальника Веденского округа капитана Костюкова, в течение двух лет производившего поручение князя Каралова составлять многочисленные списки Зелимхана и вести весьма сложные расследования по обстоятельствам, связанным с деятельностью абрека (к чину подполковника).

9. Нижних чинов Дагестанского конного полка, согласно предлагаемых списков, принимавших с опасностью для собственной жизни непосредственное участие в уничтожении абрека.

10. Старшину селения Шали Дзелихова и его помощника Кази Магомаева, принимавших с опасностью для жизни участие в уничтожении Зелимхана, оказавших весьма деятельное содействие (к медали).

11. Старшего стражника Терской охранной стражи, урядника полиции Денильхана Чумакова в качестве переводчика при начальнике округа в сокровенных предприятиях К.Н. Каралова и бывшего посредника, через которого начальник округа собирал сведения об абреке (к чину прапорщика полиции).

12. На вознаграждение агентов, благодаря которым явилось возможным уничтожить абрека, прошу разрешения Вашего Высокопревосходительства выдать семь тысяч рублей, согласно заключенного договора на сумму 10 тысяч, разрешенных высочайшей резолюцией на этот предмет, а три тысячи обратить на лечение раненых в последней перестрелке с Зелимханом и на другие надобности и производимые расходы по ликвидации дела по уничтожению Зелимхана.

К 11 октября в моем распоряжении сумма на поимку абрека Зелимхана состоит в наличии 1472 руб. 81 коп. Прошу распоряжения о скорейшем ассигновании недостающих 8527 рублей 19 копеек для исполнения высочайшей резолюции.

Приложение: Копия списков нижних чинов дагестанцев и, кроме местности, подлинные за надлежащими росписями, верна.

Настоящая копия рапорта начальника за № 15016 препровождается для сведения.

За Правителя канцелярией Помощник Правителя.
г. Владикавказ. 27 октября 1913 г.

Основание: фонд 12, опись 8. Дело 376
Секретарь. Центральный Государственный Архив СО АССР
Верно:

Телеграмма об убийстве Зелимхана (1913)

Телеграмма начальника Владикавказского областного жандармского управления директору Департамента полиции:
г. Владикавказ, 30 сентября 1913 г.

Зелимхан убит, труп опознан родными и другими лицами... 25 сентября в десять ночи на хуторах близ деревни Шали Веденского округа поручик Кибиров с сотнею Конно-Дагестанского полка по указанию чеченцев окружил саклю пастуха, где расположился Зелимхан. На окрик Кибирова Зелимхан выстрелил, тяжело ранил в плечо Кибирова, раненный руководил делом, скрывая рану до шести утра. Зелимхан ранил еще трех дагестанцев.

Полковник Гладышевский

ДРУГИЕ ДОКУМЕНТЫ

НОХЧИЙН ОКРУГАН НАЧАЛЬНИКАН ПОЛКОВНИК БЕЛЛИКАН ОМРИЙН ЖУРНАЛА ТIЕРА

1857 шо. 29 август. № 18

Аша ярташка балийна молланаш го суна. Царах цхьаболчарна йоза-дешар ца хаьа, шайн декхарш а ца хаьа, тIехула тIе данне а хьекъал а дац церан. ХIетте а юьртдайн гIуллакхашна юкъа а гIерта уьш.

1857 шо. 13 сентябрь. № 21

Зуламхо, къу Iедале дIавийцар а, суьдехь цунна тоьшалла дар а иэхь лору нохчаша, ткъа къола, талор, кхидолу зуламаш дар иэхь ца лору. Цундела нохчашна юкъахь ун хилла даьржина къоланаш, талораш, кхидолу акха гIиллакхаш а, гIуллакхаш а. Мелла а низамечу цхьана пачхьалкхехь и тайпа акха гIиллакхаш лелаш цахилар дIахоуьйту аса халкъе. Оцу пачхьалкхашкахь, кхетамечу къаьмнашлахь муьлхха а зуламхо Iораваькхина, Iедале дIавийцина, суьдехь цунна тоьшалла дина стаг халкъо лоруш а, сий деш а ву. И шайн акха гIиллакхаш а дитина, дуьненарчу массо а пачхьалкхаша, массо а къаьмнаша тIелаьцна кхочушдо законаш а, гIиллакхаш а аша лерахьара, кхочушдахьара, шуна юкъахь къоланаш, талораш, кхидолу зуламаш а хир дацара.

1858 шо. 25 февраль. № 13.

Халкъе дIахаийта, зуламийн зама дIаялар, къоланаш, талораш, кхидолу зуламаш дечарна таIзар а деш, хьанала къахьоьгуш, Далла хастам а беш даха дезар.

Нохчий! Шуьгахь хьекъал а ду, шун могушалла а ю, шун дика латта а ду, аша болх бахьара, хьанала къахьегахьара, шу хьолехь, шун дахар ирсе хир дара.

Наибаш, юьртдай, къаной! Сан дехар ду шуьга. Шу халкъо лоруш нах ду. Паччахьан лаам халкъе дIакхачо а, халкъ цунах кхето а декхар ду шун. Къоланаш, талораш, кхидолу зуламаш а дитина, вовшашца девнаш а дитина, нохчийн халкъ хьанала къа а хьоьгуш, бертахь, машаре даха лаьа паччахьана.

...Оьрсашца машар цахиларе кхойкхучу молланийн хьехамаша доккха зулам до нохчийн халкъана.

1859 шо. 14 январь. № 6

ГIуларой! Шуна юкъахь ши стаг ву шуьга Iедална, хьаькамашна муьтIахь цахиларе кхойкхуш; чIогIа а, дукха а маьхьарий хьекхарна, аша хьекъале а, Iелам а лоруш. Аша цаьрга лерина ладоьгIча, и шиъ мел воккха ши Iовдал а, зуламхо а ву хуур дара шуна.

1860 шо. 7 январь. № 1

Къуйшна гIожмаш тухуш аса таIзар дайтарна нохчий реза бац бохуш хезна суна. Цхьа а таIзар а ца деш, маьрша буьтийла ма дац уьш. Цундела наибашка омра до аса: ярташкахь халкъ гулдай, хатта, къуйшна гIожмаш а тухуш, таIзар дан лаьа шуна я уьш Сибрех бахийта лаьа шуна? Халкъана луъург суна тIекхачаде.

ИНСТРУКЦИЯ
чинам партизанской сотни Веденского округа Терской области

§5. Всадники получают от населения содержание согласно указанного выше приговора уполномоченных: а) рядовой по 25 руб.; б) пять старших в каждом участке по 30 руб. в месяц.

§6. Главная цель и назначение этой сотни – раскрытие преступлений и уничтожение воровства, разбоев и грабежей в округе.

§12. Содержание сотни взыскивается с населения участка участковым и вносится в казначейство в депозиты управления Веденского округа, наименовав его «на содержание партизанской сотни Веденского округа».

ПРИКАЗ № 49
по Веденскому округу от 29 июня 1911 года слоб. Ведено

По данным, имеющимся в Управлении вверенного мне округа, я, к своему глубокому сожалению, усмотрел наличность чрезмерного количества преступных деяний среди всего населения округа. Количество воровства, грабежей и разбоев не только не прекращается, но, видимо, даже увеличивается, и их так много, точно народ только и живет ими, точно это и есть тот идеал жизни, к которому мы должны стремиться от мала до велика. Сосед ворует и грабит своего же соседа, братская кровь льется из-за всякого пустяка, народ несет огромные жертвы и разорительные материальные убытки. И все же среди них не находится ни одного здорового человека, который мощно крикнул бы: «Остановитесь, безумные, довольно. Оглянитесь кругом себя, всмотритесь в этот прекрасный Божий мир, где все создано только для счастья человека и все трепещет бесконечной жаждой жизни».

Такое порочное и крайне нежелательное явление я отношу, прежде всего, к совершенной бездеятельности магометанского духовенства, большая половина которых в своих проповедях не учит народ добру, т. е. тому главному догмату веры, который служит основанием религии и Закона Божьего. Почтенные старцы, имеющие большое влияние на народ, в своих беседах не направляют их к культурному развитию и совершенствованию, не объясняют им, что детские игрушки – пистолеты и кинжалы – нужно вовремя заменить полезными земледельческими орудиями – плугом и сохой, и что только мирным трудом можно завоевать свое благосостояние. Старшины небрежно относятся к делу борьбы с преступным элементом, зачастую совершенно бездействуют, а начальники участков не проявляют достаточного активного участия не только в искоренении, но и в уменьшении преступности в округе.

На такое пассивное отношение должностных лиц к криминальным проступкам обратил внимание прокурорский надзор, который делал уже несколько представлений начальнику области. Население большей частью сплошь да рядом укрывает порочных людей, дает им у себя приют и даже помогает им избежать законной кары. Преступный элемент, видя безнаказанность своих незаконных проявлений, прогрессирует свою деятельность, а мирное население кряхтит и разоряется штрафами.

Такое положение вещей ни в одной культурной стране терпимо быть не может, а потому, желая, если не положить конец этому крайне позорному яв-

лению, то хотя бы, по возможности, сократить преступность среди высочайше вверенного мне населения, я признаю необходимым призвать в слободу Ведено на 10 июля к 8 часам утра, для совместного со мной и моих помощников обсуждения способов действительной и рациональной борьбы с усилившимся злом, следующих лиц вверенного мне округа: кадия Абаса Аутахажиева, депутатов Горского суда:

Гази-Магомы Ольмисханова, Шепи Цуруева и Вуи Гайбулатова;

1-го участка: Касима-хажи Сайбатаева, корнета Магомада Шамилева, Махматхана Сайханова, Эльсамирза Чогаева;

2-го участка: Косума-хажи Ильясова, Кехурса Темиргиреева и Расу-муллу Гайтукаева;

3-го участка: Сугаип-муллу Гойсумова, Шамсудин-хажи Аутахаджиева, Ибрагима Чергизова и Домая Талхигова;

4-го участка: Ибрагима Юсупова, Юсуп-хажи Байбеты-хажиева, Абдулкадыр-хажи Берсанова и Темурко-хажи Лечиева;

5-го участка: Бета Келоматова, Лабазан-хажи Везерханова.

Кроме того, на то же число прибыть в слоб. Ведено к указанному выше времени всем начальникам участков, по одному старшине от каждого участка, по назначению начальника участка, и по два доверенных, по выбору уполномоченных от селения, для чего в ставках начальников участков заранее должны собраться эти уполномоченные для выбора указанных выше доверенных.

Подлинный подписал начальник Веденского округа, подполковник князь Каралов.

С подлинным верно: старший делопроизводитель (подпись)

ПРИКАЗ № 82
по Веденскому округу от 9 июня 1912 года слоб. Ведено

Объявляя при этом Инструкцию чинам чеченской охранной стражи вверенного мне округа, утвержденную в седьмой день апреля месяца сего года Его сиятельством Главнокомандующим войсками Кавказского военного округа, генералом-адъютантом, генералом от кавалерии, графом Воронцовым-Дашковым, предлагаю всем, кого это касается, с получением настоящего приказа, принять указанную инструкцию к точному и неуклонному исполнению, руководствуясь нижеследующими моими указаниями:

Согласно §2 Инструкции вся чеченская стража ныне распускается по административным участкам и распределяется в следующем порядке:

25 всадников, в число которых входит и четыре старших, назначаются в распоряжение начальника 1-го участка. Место их стоянки слоб. Ведено. В этом же пункте находится и заведующий чеченской стражей и 13 всадников с одним старшим из этого числа, назначенный в распоряжение начальника 2-го участка. Место их стоянки – Ножай-Юрт.

23 всадника, с двумя старшими из них, назначаются в распоряжение начальника 3-го участка. Место их стоянки – село Шали. Там же находится и помощник заведующего стражей.

24 всадника, с двумя старшими из них, назначаются в распоряжение начальника 4-го участка; место их стоянки – село Ойсунгур и 23 всадника, с одним старшим из них, назначаются в распоряжение начальника 5-го участка. Место их стоянки – село Шаро-Аргун.

Согласно §6 Инструкции делопроизводителю 2-го стола безотлагательно заказать по числу чеченской стражи 100 номеров для папах и 100 нагрудных знаков с надписью «Веденская чеченская охранная стража». Вызванный на это расход возложить на участки и, послав раскладку, предложить начальникам участков деньги эти изыскать с населения для отправления по назначению.

ПРИКАЗ № 82
по Веденскому округу от 9 июня 1912 года слоб. Ведено

§32. Если кто из чинов стражи во время операции против злоумышленников будет убит, то семья его получает в вознаграждение 630 руб. от всего населения Веденского округа по равномерной раскладке.

§33. Если кто-либо из чинов стражи при таких же условиях получит увечье, то он получает из тех же средств 300 рублей, но не иначе, как по решению Комитета.

§34. Если кто-либо из чинов стражи во время операции против злоумышленников убьет кого-либо из них и если последний будет чеченец, то на примирение с кровниками такому стражнику выдается из тех же средств одна тысяча рублей.

§35. За поимку абрека Зелимхана живым из тех же средств выдается тем стражникам пять тысяч руб., а за убийство его две тысячи пятьсот руб.

Подлинная за надлежащими подписями.

Подлинный подписал начальник Веденского округа, подполковник, князь Каралов (подпись)

Старший делопроизводитель (подпись)

Удостоверение А. Хамзаева (1915)

№ 7228

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Елецкое Городское Полицейское управление симъ удостоверяетъ, что предъявитель сего чеченец житель Терской области, Веденского округа Аха Хамзаевъ действительно состоитъ подъ надзором Полиции въ городе Ельце. Дано въ доказательство самоличности на предмет проживания въ городе Ельце.

Ноября 17 дня 1915 года
за И.Д. Полицмейстера /роспись/
Секретарь /роспись/ Печать

Удостоверение С. Хамзаева (1915)

№ 4228

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Елецкое Городское Полицейское управление симъ удостоверяетъ, что предъявитель сего чеченец житель Терской области, Веденского округа Селимханъ Хамзаевъ действительно состоитъ подъ надзором Полиции въ городе Ельце. Дано въ доказательство самоличности на предмет проживания въ городе Ельце.

Ноября 17 дня 1915 года
за И.Д. Полицмейстера /роспись/
Секретарь /роспись/ Печать

Рапорт генерала Флейшера (1916)

Копия с копии:
инв. № – а 111
Секретно

Временный Генерал Губернатор
Терской области и Казачий атаман
Терского Казачьего Войска.
По канцелярии
14/VIII-1916 г.
№ 3219
гор. Владикавказ

В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИИ
О настроении населения в июле месяце

«Отношение разноплеменных народностей друг к другу продолжает быть благоприятным, за исключением того озлобленного населения, которое замечается среди русского, преимущественно казачьего населения к туземцам за кражи и грабежи, чинными порочными элементами и в последнее время участившиеся, несмотря на принимаемые меры борьбы».

Генерал-лейтенант Флейшер
М.П. Подпись

ЦАУ Гр. Фонд 2 № 4905, лист 14
С подлинным верно: /подпись/ Печать

Памятка счетчикам переписи населения (1938)

Памятка составлена в 1938 г.

ПАМЯТКА

исторических дат и событий в Чечне, счетчикам по переписи населения

1. Шамиль стал имамом Чечни и Дагестана в 1840 г. – 98 лет назад
2. Разгром аула Шали царскими войсками был в 1841 г. – 97 лет назад
3. Поход генерала Воронцова на аул Дарго был в 1845 г. – 93 г.
4. Бой в с. Валерик /р. Гехи/ и смерть генерала Слепцова был в 1851 г. или 87 лет назад
5. Шамиль взят в плен царскими войсками в 1859 г. – 79 лет назад
6. Восстание Альбек-Хаджи в Чечне было в 1877 г. – 61 г.
7. Переселение чеченцев в Турцию было в 1865 г. – 73 г.
8. Зелимхан стал абреком в 1900 г. – 38 лет назад
9. Русско-японская война была в 1904 г. – 34 г. назад
10. Полковник Галаев убит в с. Ведено Зелимханом в 1907 г. – 31 г. назад
11. Пленение семейства Зелимхана было в 1911 г. или 27 лет назад
12. Зелимхан убит в 1913 г. – 25 лет назад
13. Пыльный ураган был в 1913 г. или 25 лет назад
14. Октябрьская революция была в 1917 г. или 21 г. назад
15. Эмирство Узун-хаджи было в 1919 г. или 19 лет назад
16. Восстание Саидбековской банды было в 1921 г. – 17 лет назад
17. Кулацкое восстание в селении Махкеты было в 1922 г. – 16 лет назад
18. Драка между аулом Харачой и Ведено была в 1918 г. – 20 лет назад

Справка на имя У.-А. Зелимханова

ВЕДЕНСКИЙ РАЙОННЫЙ
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
Февраль 1939 г. № 154

СПРАВКА

Настоящая дана тов. Зелимханову Умар-Али Зелимхановичу в том, что он действительно работал в Веденском Райисполкоме с 1-го мая 1934 г. по 23 сентября 1936 года в должности Ответ. Секретаря РИКа, что и удостоверяется.

Председатель РИКа Исаков
Ответ. Секретарь
Приложена печать

Копия удостоверения У.-А. Зелимханова

СССР Народный Комиссариат
Государственной Безопасности
НКГБ Дагестанской АССР
4 января 1945 г. № 16
гор. Махачкала

Удостоверение

Выдано сотруднику НКГБ Дагестанской АССР тов. Зелимханову Умар-Али Зелимхановичу в том, что разрешается ношение и хранение огнестрельного личного оружия Пистолет ТТ № ТЕ – 3026 Пистолет «Маузер» 7.63.м/м (неразборчиво).

Изложенное подписью с приложением печати удостоверение

Действительно сроком по 31 декабря 1945 года
Приложена печать
Подпись

Копии пропусков Зелимханова Умар-Али

Награды Умар-Али Зелимханова

Медаль «За оборону Кавказа»

ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ РОДИНУ!
СССР

УДОСТОВЕРЕНИЕ

ЗА УЧАСТИЕ В ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЕ КАВКАЗА

Зелимханов Умар-Али Зелимханович Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1944 года награжден медалью

ЗА ОБОРОНУ КАВКАЗА

От имени Президиума Верховного Совета ССР медаль «За оборону Кавказа» вручена 30 сентября 1944 года.

№ 090934

Приложена печать
Председатель Президиума Верховного Совета Дагестанской АССР (подпись)

Секретарь Президиума Верховного Совета Дагестанской АССР (подпись)

Медаль «За победу над Германией»

УДОСТОВЕРЕНИЕ

ЗА УЧАСТИЕ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Зелимханов Умар-Али Зелимханович Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9мая 1945 года награжден медалью

ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 гг.

От имени Президиума Верховного Совета СССР медаль вручена 9-го мая 1946 г.

Приложена печать
(подпись)

Ходатайство о справке
(1958)

НАЧАЛЬНИКУ
ОТДЕЛА КАДРОВ МВД
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ
ДАГЕСТАНСКОЙ АССР
Майору тов. АДУКАЕВУ

Дочери Зелимхана – Зелимханова Меди и Энисат, проживающие в с. Ведено, Веденского района ЧИАССР, обратились в Исполком Веденского Райсовета депутатов трудящихся с просьбой, чтобы Исполком Райсовета депутатов трудящихся обратился к Вам с ходатайством о высылке им справки и также характеристки на погибшего родного брата Умар-Али Зелимхановича Зелимханова при исполнении служебных обязанностей, будучи Начальником РО МГБ Веденского района Даг. АССР 13 апреля 1947 года.

Эти документы им и так же Исполкому Райсовета депутатов трудящихся нужны для ходатайства о назначении персональной пенсии дочерям Зелимхана. Исполком Веденского Райсовета депутатов трудящихся надеется, что просьба Исполкома Вами будет удовлетворена.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСПОЛКОМА ВЕДЕНСКОГО РАЙСОВЕТА /МЕЖИДОВ/

СЕКРЕТАРЬ ИСПОЛКОМА /ГАЦАЕВ/

Зелимхановым.

/т.т. Ханалиев, Кушалиев, Алтаева/

Исполком Веденского райсовета депутатов трудящихся отмечает, что родные дочери «абрека» Зелимхана Гушмазукаева Меди 1891 г. рождения и Энисат 1893 г. рождения в 1910 году были высланы из-за деятельности Зелимхана (отца) в Енисейскую губернию в город Минусинск.

Будучи в ссылке Меди и Энисат вынуждены были заниматься тяжелым физическим трудом. В 1913 году семья Зелимхана была возвращена из ссылки и в этом же 1913 г., в результате предательского акта помещика Барщигова, Зелимхан был убит карательным отрядом царского ротмистра Кибирова. Старший сын Зелимхана – Магомед Зелимханович погиб от рук бандитов в 1921 г., защищая бойцов Советской Армии, второй сын Зелимхана Умар-Али Зелимханович, будучи начальником Веденского районного отделения МГБ, также убит бандитами при защите интересов Советской власти.

Дочери Зелимхана Меди и Энисат в преклонном возрасте трудились всю свою жизнь, в меру своих возможностей принимая активное участие в колхозном строительстве, показывая пример образцового труда. В настоящее время принимают активное участие и в общественной жизни района, встречаются со школьниками-пионерами, рассказывают о тяжелом прошлом и прекрасном настоящем, созданном Советской властью, под руководством коммунистической партии Советского Союза.

Учитывая, что Меди и Энисат, являющиеся дочерьми Зелимхана и сестрами убитых врагами Советской власти при защите интересов нашей Родины – Магомеда Зелимхановича и Умар-Али Зелимхановича, и личное трудовое и общественное участие Меди Зелимхановны и Энисат Зелимхановны в жизни района, и ходатайство члена Союза писателей АССР, автора романа «Зелимхан» писателя Магомеда Мамакаева о назначении Меди и Энисат Зелимхановым персональных пенсий местного значения, исполком районного Совета депутатов трудящихся решает:

1. Просить Совет Министров Чечено-Ингушской АССР назначить Зелимхановой Меди и Зелимхановой Энисат персональных пенсий местного значения.

Председатель районного Совета депутатов трудящихся: П.Алтаева
Секретарь районного Совета депутатов трудящихся: Х. Ханалиев
Верно: Зав. общим отделом: Носуев

Выписка из протокола №16 Заседания исполкома Веденского районного Совета депутатов

вх. 883
05.06.74 от 9 ноября 1972 года

О заявлениях сестер Меди и Энисат Зелимхановых, дочерей знаменитого «абрека» Зелимхана, и ходатайстве писателя М. Мамакаева о назначении персональных пенсий местного значения дочерям Зелимхана Меди и Энисат

ПРОЕКТЫ

КИНОПРОЕКТЫ

Будет ли фильм о Зелимхане?

(Из письма)

Недавно, просматривая пожелтевшие от времени архивные бумаги, я случайно наткнулась на очень интересное интервью, которое было опубликовано в Шалинской районной газете «Знамя коммунизма» 20 сентября 1970 года под заголовком «Я буду играть Зелимхана». Такое интересное интервью дал газете актер Чечено-Ингушского драмтеатра имени Х. Нурадилова Дагун Омаев. В своем интервью Д. Омаев вкратце говорит, что наиболее любимой ролью в кино станет роль прославленного абрека Зелимхана в фильме, который решил поставить грузинский режиссер Санишвили.

После этого интервью прошло более 14 лет. Сообщение было сенсацией. Но нашей радости не суждено было сбыться. Что же случилось? Ведь для постановки такого фильма имеется обширный фактический материал: роман М. Мамакаева «Зелимхан», документальная повесть Дзахо Гатуева «Зелимхан», многочисленные архивные документы и, если удастся найти, есть драма «Зелимхан». В предисловии к документальной повести Д. Гатуева «Зелимхан» сказано, что повесть была экранизирована «Восток-фильмом». Если на съемку потребуются денежные средства, то фильм, безусловно, оправдает все затраты, да еще принесет большую прибыль. Может быть, здесь есть какая-то завуалированность? Кроме того, у нас не снимался полнометражный фильм на историческую тему, тогда как у многих других народов есть кинофильмы, показывающие национально-освободительную борьбу против царского самодержавия.

С воссозданием фильма «Зелимхан» было бы желательно включить отдельные главы из вышеназванных произведений в учебники по родной литературе, чтобы подрастающее поколение знало, как наряду с революционерами-большевиками сражались до последнего вздоха с царским самодержавием такие люди, как Зелимхан – человек трагической судьбы. И еще. Одним из основателей советской чеченской литературы является Саид Бадуев, который оставил замечательное литературное наследие. Саид Бадуев, писатель-гуманист, одним из первых повел решительную борьбу с религиозными пережитками литературным словом. Его произведения являются наиболее богатыми как по своему глубокому содержанию, словарному составу, так и по раскрытию сущности религиозных пережитков в Чечено-Ингушетии.

В Чечено-Ингушетии, мне думается, нет равных произведений, которые так остро, смело, звонко и наступательно раскрывают пережитки прошлого в сознании людей. За свои остросюжетные, антирелигиозные произведения Саид Бадуев пользовался большим уважением и авторитетом у многих советских писателей.

Хотелось бы внести предложение о присвоении Чечено-Ингушскому госпединституту его имени и установлении бюста перед зданием ЧИГПИ.

Индира Дандаева, студентка ЧИГУ

Имя легендарного харачоевца хорошо известно. Из уст в уста передаются рассказы о жизни этого борца-одиночки. О нем сложено много песен, написаны книги. Имя Зелимхана порождает образы бесстрашия и мужества, олицетворяя великую любовь горца к вершинам родных гор, к могучим лесам, к могилам предков, ко всему тому, что мы зовем Родиной. Ответить на письмо Индиры мы попросили актера театра и кино, депутата Верховного Совета ЧИАССР Д.И. Омаева.

Корр.: *Дагун Ибрагимович, читатели требуют ответственности за сказанное слово. Прошло много времени после опубликования интервью, о котором идет речь. Как видите, печатное слово не имеет срока давности. Вы не против дать комментарий к письму?*

Д. Омаев: Напротив. Рад, что у меня есть возможность возвратиться к этой теме и еще к тому, что тема эта волнует читателей. Подобные письма я получаю часто. Идея создания фильма о Зелимхане волновала многих режиссеров. Но до сей поры на памяти только тот немой вариант, упомянутый в письме. Кстати, создан он был не киностудией «Восток-фильм», как считает читательница, а киностудией «Грузия-фильм». Но это не принципиально. Важно, что сегодня нет картины, посвященной одной из ярких страниц истории народа.

Ко мне эта мысль пришла давно, и с тех пор я с ней не расстаюсь. Впервые серьезно вопрос встал во время съемок фильма «Чермен», где я познакомился с режиссером Санишвили. И, вроде, дело двигалось, что и послужило поводом для интервью. Но с приходом нового директора киностудии Чхеидзе дело застопорилось. И, признаться, меня это не очень взволновало. Не умаляя достоинств грузинского кино, все же боюсь, выражаясь образно, проникновения в фильм «грузинского акцента».

От «Зелимхана» я никогда не отказывался. Это история народа, боль, его трагическая судьба. Как и судьба Хаджи-Мурата, фильм о котором снимает грузинский режиссер Шенгелая. С 1972 г. я веду переговоры с киностудией «Ленфильм». В какой-то мере успешные. Фильм стоит в плане 1992 г. Но время меняет многое, есть основания для беспокойства.

Корр.: *Что вы имеете в виду?*

Д. Омаев: Впереди три года, кинематограф переживает перелом. Планы, наконец, перестали быть догмой, в прямом смысле. Могут возникнуть более актуальные проблемы.

Корр.: *И все же, что предпринимается для реализации идеи?*

Д. Омаев: Начались съемки фильма совместного производства Северо-Осетинской киностудии и «Ленфильма» «Как отзовется эхо». По накалу и гражданской значимости он не будет уступать фильму о Зелимхане. Съемочная группа во главе с талантливым режиссером А. Хомраевым и оператором А. Чечулиным, сорежиссером фильма И. Татаевым может заняться потом и картиной «Зелимхан». Знакомство с местностью, народом, его культурой поможет кинематографистам в будущем. Очень не хотелось бы повторить ошибки ленты «Приходи свободным». Потому, считаю, необходимо участие сорежиссера, чтобы не утерять национального колорита.

Корр.: *Вы все так же хотите сыграть главную роль в «Зелимхане»?*

Д. Омаев: Очень. Но все же меня мало беспокоит, буду ли я сниматься в главной роли или нет, я все равно приму участие в работе – это и желание, и долг.

Корр.: *Скажите, Дагун Ибрагимович, а есть ли противники фильма, ведь Зелимхан не большевик, не революционер?*

Д. Омаев: Нет. За долгие хождения по кабинетам различных инстанций в поисках средств для ускорения процесса мы не обнаружили ни одного противника фильма. Но и существенной помощи тоже нет. Хотя, думаю, все же фильм будет, но надо набраться терпения.

Корр.: *Вы говорили о начале съемок фильма «Как отзовется эхо». О чем он?*

Д. Омаев: Не хотел бы говорить о содержании. Одно могу сказать: фильм рассказывает о самой драматической странице истории народа после Кавказской войны.

Корр.: *А над чем вы закончили работу?*

Д. Омаев: Астемир в фильме Северо-Осетинской студии «Вершины не спят» по произведениям Алима Кешокова, Джабар в картине киностудии «Узбек-фильм» «Золотая голова мстителя», Шухрат в фильме «Чудовище, или кто-то другой».

Корр.: *Традиционный вопрос. Ваши ближайшие планы.*

Д. Омаев: Кроме упомянутого фильма «Как отзовется эхо» (Омар), готовится съемка картины совместного производства узбекских и сирийских кинематографистов «Тайное путешествие эмира», где я намерен сняться в роли Фарида.

Корр.: *Желаем творческих удач.*

Вторая часть письма И. Дандаевой адресована общественности республики, органам Советской власти.

А. ДИБИРОВ.

«Комсомольское племя». 1 октября 1988 г.

Вайна гур ву Зеламха!

Халкъо лору шен турпалхо!

1988-чу шеран декабрь беттан 5-чу дийнахь меттигерчу телевиденехула республикан культуран министерствон векалша кхаъ боккхуш республикерчу бахархошка дIахаийтира Зеламхех фильм яккха бакъо ялар, и гIуллакх кхочушдан шайна ницкъ цатоар. Фильм яккхаран хазахетар мел хиллачеран цIарах баркалла ала лаьа суна, гIуллакх цу тIе даккха гIерташ къахьегарна, кхаъ боккхуш, и гIуллакх вайна довзийтинчу режиссерана Татаев Илесана. Иза чIогIа мехала гIуллакх ду вайнехан исторехь. ХIотто ма-езза и фильм хIоттаяхь, ткъа иза ишттта бен хила декхар а дац, цунах юьхькIайн, токхе синкхача хир бу, вайнахана

хилла ца Іаш, кхечу халкъашна а. Обарг Зеламха вайнахана юкъахь дикачу агІор вевзина ву халкъана. Шел хьалхарчу къонахийн гІиллакхаш, хьуьнарш дуьйцуш ладегІна, шен хенахь дуккха а хилла болчу къонахошка хьоьжуш, царах хьоьгуш Іашшехь, декъазчу кхолламо обарг вина араваькхина декъаза нохчо ву иза.

ТІаккха шегарчу оьздангалло, гІиллакхо, тешамо, доьналло, берриге а шен лехамашца ша мел вевзинарг, ша вуьйцу мел хезнарг шена реза вина, халкъо вина къонаха а ву Зеламха.

Доцца аьлча, вайнахана йоза-дешарх пайдаэца-м хьовха, и довза ца девзаш дІаихначу дуккха а бІешерашкахь хилла болчу, ларийна болчу, лийрина а болчу бакъ къонахойх цхьаъ ву Зеламха. Вайн дай йоза-дешарх пайдаэца хууш, и девзаш цахилар хуьлий дуьсу, коьртачу декъана, тахана вайнехан шира турпалхой бовза цатигар. Барта кхолларалхехь бевзачара хууш дерг вуно кІезиг хилар изза бахьана долуш ду. Суна ала луург кхачамбацар вай дайн ледарлонна хІоттина цахилар ду. ДІаяханчу заманах тера карара зама яц, хІетахьлерчу нехан таронех тера, кхузаманахьлерчу нехан таронаш яц. Иза иштта долуш вуно дика а ду.

Делахь а, дІаяханчу заманахь лелийна, Іалашдина гІиллакхаш ду, тахана вайгахь а ца хилча, ца лелийча, Іалаш ца дича ца довлуш дерш. Масала, цхьана хІуьнехдинчуьра юрт паччахьан эскаро йохорна кхиэрам тосабелча, кхайкхаре ца хьоьжуш, орцах боьлхуш хилла гондІарачу ярташкара ледара боцу нах, юьртахь тезет даьлча, дечиге ваханчо дечигах йоьттина ворда, салаз вуо деанчун кертахь яссош хилла. Йоккхачу юьртара цхьаъ, шиъ бІе стаг, эшахь ерриг юрт белхех йоьдий, дацахь цІа дугІуш, арахь диса герга дахана ялта делахь, и чудерзош баьхначу дайн, дедайн, церан а дайн доьзалш бу-кха таханлерчу вайнехан адамаш.

Оцу гІиллакхел осала доцуш, къинхетаме, хаза хІун хир дара? Ткъа Зеламхех фильм яккха гІо динчара шайгара гойтурш лакхахь дагардина гІиллакхаш хилла ца Іа? И хинйолу фильм цхьана Зеламхин васта тІехь кхоьллина хир яц, цуьнца цхьаьна вайна бевзар бу маьІ-маьІпера Зеламха лоруш, Зеламхас лоруш хилла бакъ болу къонахий.

Цу фильмехь ган а, довза а таро хир ю вайнехан гІиллакх, безам, тешам, оьздангалла, доьналла а. И фильм яккха бакъо яларх кхаъ хилла, кхинболу республикера бахархой санна, бІачиюьртахой а бу. Царах цхьаболчеран белхан меттигаш Куйбышевн цІарахчу совхозехь, БІачи-Юьртарчу УПК-хь, №№ 1, 2, 3 йолчу школашкахь ю.

1988-чу шеран 6-чу, 7-чу декабрехь и гІуллакх дийцаре дина. Массанхьарчу белхалоша шайн-шайн куьйгалхошка, шаьш лоцур дара оцу белхан дакъа,

бахамийн чоьтах дан таро йоллучул гIо аша а дахьара, аьлла, дехарш дира. Совхозан гаражан заведующи волчу А. Гехаевс, кху деношкахь коьрта бухгалтере И. Алархановга, карара схьаоьцуш лелча юхькIам болуш ца нислора, карарчу беттан алапех ахча сацадеш, ведомость хIоттадахьара, аьлла, дийхира.

Совхозан коьрта агроном волчу С. Бахалаевс бисинчаьрга ледарло ца еш, и гIуллакх дуьззина чекхдаккха деза элира. Къонахийн сий дан хууш а, и дан ларош а вай дуйла хаийта деза бохучу дешнашца шен къамел тодеш. Кху деношкахь и гIуллакх шофершна довзуьйтуш А. Гехаевс элира: «Зеламха цхьана а бIачиюьртахочун верас хиллла цахилар вайна хууш ду. Амма цунах фильм яккха гIо дан дегаза хеташ верг суна къонах ца хета. Тайпанан башхаллаш яр дакъазалла хета суна, ткъа дакъазалла ша-шена тIеийзор йоккха сонталла ю».

Гехаев Адама ишта къамел диначул тIаьхьа, ахчанаш деллачу нехан списки тIехьаьжча: Х. Абдурахманов, С. Бахалаев, Д. Гехаев, Б. Магомадов, Х. Цициев, кхин а дуккха а бара. Цара динчу гIоьнан барам 50 соьмера дIа Х. Цициевс деллачу 190 соьме кхаччалц бара. Цул совнаха, царах цхьана тайпана ши стаг вацара. Совхозан коллективах кхоалгIа дакъа а ца кхочу хIокху сохьтана 3500 сом сов ахча вовшахтоьхна болу белхалой.

Эрмалошна хиллачу сингаттаман дакъалаца лаар хьалхадуьйлуш, жимма хьем хуьлу шайна бохуш, дуьйцу дукхахболчу бригадираша. Сайн юьртахоша лелориг ган а, дуьйцурш хаза а таро йолу дела догIу хир ду суна и дага. Ондда тешам, доккха собар, тIаккха ца хуьлийла доцуш йолу яхь яра-кха. Амма суна хIумма а сайн юьртахойл оьшуш хир боцийла хаьа сайн махкахой а. Цундела аса эвхьаза боху хьоьга: Зеламхех фильм яккха дакъа ца лоцуш юьстах вуьсу верг я дан амал доцуш, со санна къен хила веза, я юха вича, денлур воцуш, ледара хила веза. Вайна юкъара иштанаш я вуьштанаш бевр бу ца моьтту суна. Ян декхар доцу, йича товш йоцу тайпана, къаьмнийн башхаллаш ян ца еза. И башхаллаш яр цхьана а маьIне цахилар гучудолу харачо мел верг Зеламхица цахиларца а. Къестамаш бинарш юьхьIаьржа буьсур бу, заводашкарчу, фабрикашкарчу, бахамашкарчу оьрсаша, эрмалоша, жуьгташа, ногIеша, кхидолчу къаьмнийн векалша а дакъалаца долийча. Хьакъ мадду, профсоюзни, комсомольски лидерша, меттигерчу редакцеша телевиденис болх бахь, цуьнан жамI тахана дуьйна гуш лара мегар ду.

ХIинцачул гIеххьа хан яьлча, тIекхуьучу чкъурах муьлххачо а хатта тарло: «Дада, 1989-чу шарахь Зеламхех фильм яккха Iедало еллачу бакъонах пайда ца эццал хIоьттина бахьана хIун дара?» – аьлла.

Iедало вайна тахана некъ битина: оьздачу наноЙн хьехамашца а, яхь йолчу

дайн декхаршца а, сий долчу къонахийн весеташца а, вешан уьйр мел ю, вайна ваьшка хаалур долуш.

Паккха, юй вайн и гIуллакх ларамаза дита бакъо?!

А. Дашкаев, БIачи-Юьртан вахархо
«Ленинан некъ». 25.01.89

По законам братства

С давних времен для многих армян гостеприимная земля Чечено-Ингушетии стала второй родиной. Вместе с вайнахами и представителями других народов армянская община Чечено-Ингушетии делила все радости и беды.

Слава о защитнике обездоленных, бесстрашном борце против царских сатрапов Зелимхане распространилась далеко. С восхищением следили за подвигом абрека простые люди на Кавказе. В казачьих станицах и вайнахских аулах о нем слагали песни. Дошли они и до Армении.

Известен такой факт. Студенты-революционеры, армяне из карабахского города Шуши, отправили к знаменитому абреку Зелимхану делегацию из 5 человек. 19 апреля 1910 г. эта встреча состоялась в Сержень-Юртовском лесу. Царские агенты донесли, что студенты привезли Зелимхану бомбы, убеждали его поддержать на Северном Кавказе революционное движение в России.

В 60-х годах в Чечено-Ингушский краеведческий музей пришло письмо из Закавказья. Армянин писал о том, что его дядя еще 16-летним парнишкой убежал из дома в Чечню к Зелимхану Харачоевскому. К Зелимхану он не попал. Но поселился в Шатое. Отсюда и переписывался с братом. Во время выселения чеченцев и ингушей со своей семьей он разделил с народом, жителями Шатоя их трагическую судьбу.

В знак глубокого уважения к братскому чеченскому и ингушскому народам члены Грозненского армянского клуба имени Месропа Маштоца внесли в фонды фильма «Зелимхан» и памятника жертвам сталинских репрессий в г. Грозном 400 рублей.

Инициативу членов клуба поддержали армяне Грозного, начавшие добровольные пожертвования денежных средств в эти фонды.

«Грозненский рабочий». 5.02.89

«Я не родился абреком...»
Фильму – быть!

Сообщение о том, что заслуженный деятель искусств РСФСР режиссер Илес Татаев готовится к съемкам фильма о легендарном Зелимхане, вызвало живой интерес и горячее участие жителей республики. Был учрежден счет. Многие коллективы внесли на этот счет свои сбережения. Прошло время. В редакцию приходят письма: что с фильмом? Сколько денег поступило на его счет? Кто будет играть? По какому сценарию будет сниматься фильм? Сегодня заслуженный артист РСФСР Муса Дудаев, по просьбе редакции, отвечает на вопросы читателей.

Эта встреча деятелей науки, кино и литературы состоялась в кабинете первого заместителя Председателя Совета Министров ЧИАССР Г.Х. Эльмурзаева. На повестке один вопрос: быть «Зелимхану» или не быть? Ответ для всех был однозначным – конечно, быть. Народ должен встретиться со своим героем...

Объявлена инициативная группа по созданию этого фильма. В нее вошли писатель А. Айдамиров, поэт Ш. Арсанукаев, кандидат исторических наук А. Хасбулатов, ученый-этнограф С.-М. Хасиев, режиссер И. Татаев, актеры Д. Омаев и М. Дудаев. Возглавляет комиссию Г. Эльмурзаев, его заместитель – министр культуры А. Киндаров. Серьезно обсуждали проблему, кого из известных кинематографистов следовало бы просить о помощи, кто бы мог создать такое историческое полотно, в центре которого образ Зелимхана. Сошлись во мнениях – грузинские кинематографисты. Понимание исторических глубин судьбы своего народа, умение художественно воплотить это на экране в яркой образной форме, философски осмыслить и передать исторический материал – вот главное достоинство грузинского кино, вот то, что нужно сегодня для этого фильма и нам.

Зелимхан – не герой «боевик», не «супермен», нет. Это фигура трагическая. Он не родился абреком. Кстати, мне кажется, эта мысль должна быть заявлена уже в названии киноленты. Пора, как мне кажется, снять с него клеймо героя-одиночки. Он не был одиноким, раз его выдвинул народ и исторический момент. Он боролся за дело народа – боролся доступными ему средствами против угнетения народа царским самодержавием, против уродливых последствий этого угнетения. И, как известно, ни один человек не может стать героем, если за ним нет нравственной силы, которую дает народ. Потому и образ Зелимхана, как и весь фильм, должен быть подкреплен нравственной духовной силой народа, сыном которого он был, есть и останется на века. Группа поручила И. Татаеву

связаться с грузинскими кинематографистами, которые могли бы совместно с нашими известными писателями, в том числе и А. Айдамировым, написать сценарий. А также продумать вопрос о режиссере-постановщике этого фильма (тоже из Грузии) и внести свои предложения.

Решено киносценарий опубликовать прежде, чем приступать к съемкам. Все мнения учесть будет невозможно, но без внимания они не останутся. Многие жители республики задают вопрос при встрече: неужели государство не может выделить деньги для снятия этого фильма? Почему понадобилось учреждать специальный счет?

Отвечаю. Государство может и могло бы. Но тогда, во-первых, это будет поручено и внесено в план какой-нибудь киностудии, и она, студия, будет торопливо (как это, увы, водится) выполнять этот план. Но творчество в плановые рамки не втиснуть. А речь идет не о рядовой картине. И, во-вторых, республике не достанется ни копейки от проката и продажи за рубеж этого фильма. А мы рассчитываем, что при удачном исходе фильм принесет в республиканскую казну значительную прибыль, в том числе и валютой... Вот потому и обратились к народу...

Однако и руководство республики готово рассмотреть вопрос о выделении энной суммы для создания этого фильма. Так заявил на встрече первый заместитель Председателя Совета Министров республики Г.Х. Эльмурзаев, и не верить ему нет никаких оснований. И последнее. Всех волнует вопрос: кто будет играть Зелимхана? Сейчас никто не сможет ответить на этот вопрос, ибо тысячи из нас ни внешне, ни внутренне не родились Зелимханами, как и он абреком... Предстоят долгие и серьезнейшие пробы исполнителей. Материал и время покажут. Это компетенция сугубо специалистов и художественного совета фильма.

Муса Дудаев.
«Голос ЧИ». 30.09.90

«Абрек Азаур» – второе дыхание шедевра

4-го декабря в Доме кино Владикавказа открылся сезон 1998–99 гг. Жителей столицы, посетивших в этот день главный дом кинематографистов Северного Кавказа, ждал теплый прием, скрипичное исполнение старинных осетинских мелодий талантливым музыкантом Г. Абаевым и, конечно, просмотр фильма. Зрителям кинематографисты преподнесли сюрприз. Демонстрировался шедевр конца 20-х годов – фильм «Абрек Азаур». Чудом сохранившаяся и пока не от-

реставрированная черно-белая немая лента в свое время прошла с успехом по всем континентам. И хотя создатели не обладали мировыми именами, «вестерн» был принят в 20-е годы на «ура». А исполнителя главной роли В. Бестаева американская критика окрестила кавказским Дугласом Фербенксом.

Ведущий вечера кинорежиссер Герман Гудиев перед показом фильма рассказал о фильме, о постановщиках и актерах, поделился впечатлениями о своих встречах с героем «Абрек Азаура» Владимиром Бестаевым. Он уверен, что при благоприятных обстоятельствах фильм «Абрек Азаур» (1926) и фильм «Зелимхан» (1928) могли стать «первотолчком» возникновения особого варианта кавказского вестерна, ибо драматургическая насыщенность, острота характеров и бури страстей в жизни Кавказа не беднее почвы, на которой вестерн закрепился в США.

Показ сопровождался игрой пианистки Т. Димитриади, и благодаря ей «великий немой» обрел новые грани, а зрители пережили вдохновение и гордость за миф, за яркую киноповесть о горской жизни, в которой ожили тени легендарных предков.

Остается отметить, что праздник в Доме кино Владикавказа прошел, несмотря на все тяготы. А его организаторы подтвердили верность наших кинематографистов гуманистическим идеалам, показав на экране лучших представителей Кавказа в исторической перспективе.

«СК-НОВОСТИ». 2(9), 28.01.99

На злобу дня... (вчерашнего)

«Зелимхан» Олега Фрелиха (1926), сохранившийся не полностью, смотрится как романтический триллер, за вычетом слишком растянутой завязки, где с идеологическим нажимом мотивируется уход в абреки Зелимхана и его товарищей, несправедливо осужденных и сбежавших из царистского застенка. Фильм предваряет красноречивый титр: «Национальная политика самодержавия вела малые народы к обнищанию и вырождению... У горцев Кавказа царизм отнял право на «плоскости», загнал их в бесплодные ущелья, лишил их возможности хозяйственного и культурного развития».

Любовный сюжет здесь обозначен, но нужен лишь как обоснование для титра «Отняли землю – можно отнять и невесту». Бедняк Аюб лишается своего надела, проданного с молотка за долги, а сын сельского старосты, прислужника

властей, похищает невесту Аюба. За бесправного и обесчещенного бедняка вступается Зелимхан с товарищами и попадает на скамью подсудимых, а потом и на тюремные нары. В фильме есть впечатляющий эпизод массовой депортации чеченцев в Сибирь, дабы избежать народных волнений на нефтяных промыслах Грозного. Словом, царизм и его национальная политика представлены и осуждены здесь по полной программе. Зелимхан же со своими боевиками, как назвали бы сегодня его соратников, обрисованы не просто сочувственно – эти персонажи героизированы, как и их действия. Зелимхан мстит за погибших чеченцев, но религиозная традиция кровной мести здесь окрашивается в яростные цвета социального мщения.

Жанр в какой-то момент пересиливает идеологему, будто сам режиссер, захваченный стихией, разыгранной им робингудовской вольницы, забывает про идеологическую сверхзадачу. Да и сам Зелимхан, фактурный красавец-номад, сыгранный знаменитым осетинским актером Бестаевым, делает опасную идею социального мщения очень даже обаятельной. Вот замечательно поставленный эпизод захвата мирного пассажирского поезда. Абреки отсчитывают для экзекуции ровно столько русских мужчин, сколько погибло невинных чеченцев... Но датируй эпизод нынешним днем, – боюсь, от нашего романтического сочувствия и следа не останется.

http://www.russ.ru/culture/cinema/20011004_sti.html

«Фора-фильм». Проект фильма «Зелимхан»

В производстве у студии «Фора-фильм» находится проект фильма «Зелимхан». Проект фильма находится на стадии предподготовительного периода.

Совместное производство с ООО «Синема-Зелимхан». Автор сценария – Эдуард Володарский, режиссер-постановщик – Валерий Ахадов.

У каждого народа есть предания о благородных разбойниках. Чеченцы своим героем считают Зелимхана из Харачоя, расстрелянного солдатами царской армии в 1913 г. Потомственный крестьянин, свято чтивший законы адата, достойный сын, любящий муж и отец, Зелимхан никогда не помышлял об абречестве. Но судьба распорядилась иначе...

http://www.film.ru/article.asp?ID=14

Кинематографисты Осетии отметили свой профессиональный праздник

27-го августа кинематографисты Осетии отметили свой профессиональный праздник. Именно Северная Осетия – кинематографический центр Северного Кавказа. Здесь базируется региональное отделение Союза под председательством кинооператора Вячеслава Гулуева. Здесь же, во Владикавказе, расположена Северо-Кавказская студия кинохроники. Она возникла в мае 1945 г. на технической базе эвакуированной Ростовской студии кинохроники. Первой работой Северо-Кавказской киностудии был документальный фильм Владимира Бестаева «Северная Осетия», который вышел в прокат в 1946 г.

До этого Владимир Бестаев работал в немом кино актером. Он получил популярность благодаря немым фильмам «Абрек Заур» (1926), в котором он играл главную роль, «Закон гор» (1928), «Зелимхан» (1929), «Те, кто прозрел»... Оставшись как актер «не у дел» с приходом в кино звука, Владимир Бестаев (Лади) попробовал свои силы в режиссуре – весьма удачно.

За 61 год существования кинохроники было выпущено в свет свыше 500 документальных, учебных, научно-популярных, технико-пропагандистских фильмов, свыше 2000 номеров киножурнала «Северный Кавказ», который показывали во всех кинотеатрах СССР перед началом сеанса.

29 августа 2007

СКУЛЬПТУРА

Память.
Внимание: конкурс

Память народа обладает чудесным свойством сохранять в себе все лучшее. Словно горный ключ, тысячелетиями дарящий людям живительную влагу, она питает души новых и новых поколений. Поэтому память – не история, это дух народный...

Фигура его была вычеркнута из истории. Но память о нем жила. А теперь появилась возможность увековечить память о народном герое, воплотив ее в памятник, ансамбль, дом-музей, стелу или то, что подскажет ваш ум, ваша фантазия, ваша душа.

Редакция еженедельника «Комсомольское племя» объявляет конкурс на идею об увековечении памяти Зелимхана.

Работы можно предлагать в эскизах, макетах, чертежах, проектах и т. д. Спонсором конкурса выступил грозненский кооператив **«Ваха»**. Для победителей конкурса установлены премии:

первая – 2000 рублей;
вторая – 1500 рублей;
третья – 1000 рублей;
две поощрительные по 250 рублей.

Работы принимаются до 1 июня 1990 г. по адресу: г. Грозный, ул. Маяковского, 92, 8-й этаж, редакция газеты «Комсомольское племя». Во время знакомства с конкурсными работами (в июне предполагается организовать выставку) вы можете, дорогие читатели, наравне с профессионалами, стать полноправными членами зрительского жюри. Для этого вам надо отдать свой голос за самый удачный, по вашему мнению, проект. Всем, кто желает принять участие в организации конкурса, будем благодарны за помощь и участие.

«Комсомольское племя». 1990

Памяти Зелимхана

Вниманию художников, скульпторов, архитекторов и всех тех, кто небезразличен к имени и памяти народного героя Зелимхана! Вы можете стать

обладателем первой премии в ДВЕ ТЫСЯЧИ рублей, если примете участие в конкурсе на идею об увековечении памяти Зелимхана, объявленном редакцией еженедельника «Комсомольское племя» при попечительстве грозненского кооператива «Ваха». Конечно, непременно одно условие – вы должны победить, а ваша работа должна быть признана лучшей.

Первая премия – 2000 РУБЛЕЙ.
Вторая премия – 1500 РУБЛЕЙ.
Третья – 1000 РУБЛЕЙ.
Две поощрительные по 250 РУБЛЕЙ.
Работы можно предлагать в эскизах, макетах, чертежах, проектах и т. д.

Конкурс продлен до 1 сентбря с. г.

Работы принимаются по адресу: г. Грозный, ул. Маяковского, 92, 8-й этаж, редакция газеты «Комсомольское племя».

«Комсомольское племя». 31.05.1990

Проект памятника национальному герою

В конкурсе на лучший проект памятника национальному герою Чечено-Ингушетии Зелимхану, объявленном газетой «Комсомольское племя», приняло участие большое количество художников, скульпторов и графиков из нашей республики.

Многие из представленных работ претендовали на первое место. Тем не менее, оно было присуждено молодому художнику-любителю Саламбеку Ахмадову.

«Голос ЧИ». 23.09.90

Зеламхина памятник

Обарг Зеламха. Мел дукха нехаш хьийкхира оцу цIарна тIе, мел дукха хьарамлонаш лелийра цуьнца. Ма-дарра бакъдерг хоззуьйтуш дийца таро хилла а дукха хан яц. ХIетте а, и хан а тоьира Iаьткъинарг охьадилла.

Дуккха а дийцира Зеламхех лаьцна. Хилларг а, хила дезарг а. Оцу гIуллакхна юьстах ца хилла «Комсомольски племя» газета а. Соьлжа-ГIалахь хинйолу Зе-

ламхин памятник билгалъян конкурс дIаяьхьира оцу газето. Конкурсана юкъахь хиллачу суьртех а, макетех а тоьлларг къастош, хьалхара совгIат магийна С.А. Ахмадовс кечйинчу макетана.

ХIокху сурта тIехь вайна ма-гарра хила езаш ю Соьлжа-ГIалахь Зеламхин памятник.

«Даймохк». 12.09.90

Когда создадим памятник Зелимхану?

Сегодня, когда мы говорим о росте самосознания, о национальном возрождении, нам необходимо помнить о том, что возрождение нации невозможно без должного внимания к национальной структуре и искусству. Примерно полтора года назад страницы газет запестрели фотоснимками с победителем конкурса на лучший проект памятнику абреку Зелимхану. Но через некоторое время отшумели аплодисменты, схлынули страсти, и художник остался наедине со своим произведением и со своими проблемами.

Несмотря на все сложности, все это время он работал над совершенствованием своего произведения. Теперь оно готово. Но вот только пока он работал, кампания уже отгремела. И объявлен уже другой конкурс другому герою...

На снимке: модель памятника абреку Зелимхану и его автор Ахмадов Саламбек.

«Возрождение». 1992

Последняя рана Зелимхана

«Человек хуже зверя, когда он сам зверь», – изрек когда-то Рабиндранат

Тагор. И нас уже не назовешь людьми – мы превратились в животных. И у нас не осталось ничего человеческого. Мы плюем сами в себя. Мы потеряли нюх: сначала перестали пахнуть деньги, потом выяснилось, что слезы женщин и детей тоже не имеют запаха. Постепенно мы стали привыкать к смраду трупов безвинно убитых. Мы все, как один, кинулись «крутиться», и в сумасшедшем хаосе «кручения», даже не заметили, как одна за другой покинули нас все те ценности, которые веками являлись главным достоянием чеченской нации.

...Кто-то из читателей, вероятно, узнал на этих снимках знаменитый памятник Зелимхану, расположенный в окрестностях села Сержень-Юрт. Вернее, то, что осталось от памятника. Вглядитесь в него.

Легендарный абрек, на протяжении многих лет державший в страхе наместников царя по всему Кавказу, в начале века отдавший жизнь за свободу своего народа, в конце века превратился в мишень для упражнений в стрельбе новоиспеченных гусаров, получивших в руки оружие в результате той свободы, о которой он так мечтал. Впрочем, об этой ли свободе лелеял он свои вольные мечты? Мог ли он предвидеть даже в самых кошмарных снах, что те, ради кого он боролся и погиб, спустя много лет осквернят его имя, надругаются над его лицом.

Нация, которая так относится к достойнейшему из своих сынов, не имеет будущего. Она обречена на гибель, на самоуничтожение. Не нужны ни Мамай, ни Чингисхан, ни добры молодцы из бравой команды «Альфа» – мы сами с собою справимся.

Увековеченный художником в позе смертельно уставшего человека на том же самом месте, куда он, по рассказам стариков, приходил отдохнуть и напоить своего черного коня чистой родниковой водой, сидит он теперь исписанный, с обрубленным носом, с разбитой рукой, обстрелянный, осквернённый. И всем своим видом как бы говорит нам всем: «Да что же с вами сталось? В кого вы превратились, нохчий?». А нохчий превратились в Магомедов, Аликов и Хав, черным по белому челу Зелимхана начертавших, что они «были здесь».

М. АБДУЛАЕВА
«Республика». № 15, октябрь 1993

ИНТЕРНЕТ-РЕССУРСЫ ОБ АБРЕКЕ ЗЕЛИМХАНЕ ХАРАЧОЕВСКОМ

В Интернете появился сайт, посвященный Абреку Зелимхану Харачоевскому

http://abrek.at.ua – на страницах данного Интернет-проекта рассказывается о жизни и борьбе за справедливость одного из самых легендарных абреков не только Чечни, но и всего Северного Кавказа, Зелимхана Гушмазукаева.

Недавно в Интернете появился интересный проект, посвященный знаменитому чеченцу. Сайт, который является не только самым полным информационным ресурсом о Зелимхане Гушмазукаеве, но и многих других абреках, уже пользуется большой популярностью в республике. Особенно популярен этот сайт среди молодежи, которая активно изучает его страницы, обсуждает историю жизни легендарного чеченца, его поступки, слова и интересные факты его биографии. Добавим, что на сайте собраны уникальные фото и текстовые материалы. Так, в разделах «Персоналии» и «Абреки» можно найти информацию о сподвижниках абрека или людях, судьбы которых, так или иначе, переплетались с ним. Вниманию посетителей сайта также представлены копии архивных документов, которые администрации сайта любезно представлены потомками знаменитого абрека. Представлены также и материалы различных проектов, в том числе и проекта памятника абреку, письма и многое другое. Организаторами сайта предусмотрено и интерактивное общение с пользователями. Так, если у посетителей возникают вопросы, которые не получили отражения в материалах

сайта, сайт предоставляет уникальную возможность задать вопрос правнуку абрека Зелимхана. Предусмотрена также возможность высказать ему свои пожелания, навести соответствующую справку. На сайте также представлен раздел «Виртуальный мир – Абреклэнда». Абреклэнд – мир со своей Конституцией, Гербом и Флагом. Пользователям сайта (гражданам этого виртуального мира – абрекам) представлена абсолютно уникальная возможность стать первопроходцами и отцами-создателями нового виртуального мира. Адрес сайта: **http://www.abrek.at.ua**

Источники материала: «Nohchi.vu», «Грозный-информ», «Kavkazweb.net», «Ведено.ру», «Амина.ком»

Абрек Зелимхан. Ведено

http://www.vedeno.net/forum/index.php?showtopic=192&st=0 – тема «Абрек Зелимхан» на форуме сайта «Ведено»

Ваше отношение к Зелимхану

http://www.vedeno.net/forum/index.php?showtopic=575 – тема «Ваше отношение к личности Зелимхана» форума сайта «Ведено»

Зелимхан на форуме KavkazWeb.net http://www.kavkazweb.net/forum/viewtopic.php?t=40839&start=15 – тема о Зелимхане форума кавказского Интернет-портала KavkazWeb.net.

Тема «Зелимхан» форума KavkazWeb.net

http://blog.kavkazweb.net viewtopic.php?t=38159&sid=a02025a1c0c06d5310 7ed8a 8f66e06cf – форум кавказского Интернет-портала. Раздел – «Чеченцы». Тема – «Зелимхан»

Форум о Зелимхане сайта KavkazChat

http://www.kavkazchat.com/archive/mdex.php/t-4398.html – весьма неплохая тема форума о знаменитом абреке на популярном сайте KavkazChat

Форум сайта «Амина»

http://www.selard.com/5645.html – тема «Абрек Зелимхан Харачоевский» на форуме сайта «Амина»

ЮМОР

Это ты Зелимхан?

Выпивший горец зашел в кинотеатр. Впереди сидит здоровенный детина, и его голова заслонила весь экран. Горец толкнул впереди сидящего и спрашивает:

– Эй, приятель, что там показывают?

– Фильм о Зелимхане.

– А Зелимхан это не ты?

– С чего ты взял? – возмутился зритель.

– Клянусь, я кроме тебя никого не вижу.

Кто такие абреки?

(анекдот 1996 года)

Беседуют Лебедь и Куликов.

Куликов:

– Чеченцев – давить! Все эти чеченцы и прочие урюки – это же все подряд бандиты!

Лебедь:

– Господин Куликов! Урюк – это же сушеный абрикос!

Куликов:

– Знаем мы этих абрикосов! Днем он мирный абрикос, а ночью – вооруженный чеченец!..

Выбор Добровольского

На развилке трех дорог в Чечне стоит Добровольский. Перед ним камень: «Налево пойдешь – Зелимхан убьет. Направо пойдешь – убьет Зелимхан. Прямо пойдешь – Зелимхан убьет». «Что же делать?» – думает он. Тут внутренний голос ему говорит: «Думай быстрее, а то он настигнет тебя прямо здесь!».

Хотел помочь деньгами

Один чеченец направил наган в грудь другому:

– Зелимхана знаешь?Деньги есть?!

Второй достает пистолет со словами:

– Ну да… Это я! А почему спрашиваешь?

– Да… Если нет денег… хотел помочь!

Муртайс лелориг хIун ду?

Цхьана дийнахь Зелимха вахана хилла Дуц-Хоте. ТIевуссуш цхьа миска стаг хилла цуьнан цигахь, Муртай цIе йолуш. Зелимха хIума юуш Iаш а волуш, орца деана, юьртан лоцуш го бу аьлла. Сихха араиккхина иза. Арахь йихкина говр ца карийна цунна. Мичахь ю говр аьлла хаьттича, кертарчара жоп делла: «Муртай вахана говр эцна ахьар цIа дан». Зелимхас аьллера: «Ва-тIа-тIай! Аса лелориг хIун ду, Муртайс лелориг хIун ду?».

Породистая собака

Когда Зелимхан убил писаря-стукача, на окраине села старик спросил у него:

– Не знаешь, что там за шум?

– Собаку застрелили.

– А почему плачут женщины?

– Породистая была.

С ценой не согласен

– А что это такое? – поинтересовался харачоевец.

– Начальник области обещает восемнадцать тысяч рублей золотом тому, кто принесет ему голову абрека Зелимхана, – отвечал адвокат, забыв о присутствии купца...

...Зелимхан с живым интересом разглядывал объявление, даже потрогал рукой, будто стараясь на ощупь понять его содержание. Вдруг он обернулся к адвокату и спросил:

– Данильбек, есть у вас карандаш?

– Есть. А что?

– Напишите вот так, сверху, – он провел пальцем наискось объявления.

– Что? – удивился Шараев. Купец в это время стоял чуть в стороне, но слышал весь разговор.

– Пишите, – приказал Зелимхан сердито, – что я внимательно читал эту бумагу. С ценой не согласен. Добавлю от себя еще восемнадцать тысяч тому, кто меня поймает. И подпись – Зелимхан.

(Из романа М. Мамакаева «Зелимхан»)

Лже-Зелимхан

Говорят, что объявился один подлец, который выдавал себя за Зелимхана и, пользуясь его громким именем, отнимал у бедняков скот и прочее добро. Говорят, абрек узнал об этом и отыскал лже-Зелимхана. «Кто ты?» – спросил его абрек. «Я Зелимхан из Харачоя!» – грозно прорычал грабитель, даже не подозревая кто перед ним.

Зелимхан, говорят, абсолютно спокойно вытащил кинжал из ножен, отрезал грабителю ухо и ответил: «Отныне люди будут знать, что одноухий Зелимхан не тот Зелимхан, а с двумя ушами и есть настоящий Зелимхан из Харачоя».

Вербицкий шутит

Войсковой старшина и командир «охотничьего отряда» по поимке Зелимхана

атаман Вербицкий разговаривает по-отечески с солдатами.

– Ну что, орлы, поймаем Зелимхана?! – шутит Вербицкий.

– Поймаем! Поймаем! – шутят в ответ солдаты.

Хорошие стихи

Перед аксакалом с книгой в руках полукругом сидят джигиты. «Как нынэ сбэраица вэшший алэк...» – джигиты внимательно слушают. «Атмстытъ!» – джигиты хватаются за рукоятки кинжалов и оживленно переглядываются. «Нэразумным...» – джигиты снисходительно ухмыляются. «Хвазарам...» – джигиты недоуменно смотрят на аксакала. «Русским мстили, амэрэканам мстыли, а что это еще, за хвазары такие? Ничего, если хорошенько попытать сотню-другую неверных – наверняка кто-нибудь признается. Их села и нывы за буйный набег...» – джигиты слушают с напряженным вниманием. «Абрек...» – джигиты вскакивают и начинают стрелять в воздух и размахивать кинжалами. «Абрек!» – половина джигитов пускается в пляс. «Абрек! Абрек!» – вторая половина бьет в бубны и ритмично выкрикивает прочитанное аксакалом: «АБРЕК! АБРЕК! АБРЕК!..». «Харошии стихи писал африканский Паша, Пушкин Саша!»

Пить надо в меру

Некий хозяин, оказывая гостю всяческие почести, раз за разом наливал ему водки. Пьянеет гость и говорит: «По нашему обычаю ты не спросил, кто я. Так знай же, я племянник самого Байсара Мочки, основателя села Базоркина». – «Славно, – ответил хозяин, – ты, оказывается, являешься родственником именитых людей».

Выпил гость очередной бокал и сказал: «Это еще ничего. Я являюсь еще и присяжным братом самого благородного мужчины Уцига Малсага!». – «Пусть крепнет ваша клятвенная дружба», – пожелал хозяин.

Вновь выпил гость и продолжил самовосхваление: «Ко всему тебе еще надо знать, что я был шамилевским наибом, что я был правой рукою знаменитого абрека Харачоевского Зелимхана, когда он брал банк!».

Тут хозяин решил про себя: «Э-э, если ты еще выпьешь, то ты станешь племянником Зелимхана и сподвижником зятя пророка Мухаммеда, героя Али». Тут хозяин и припрятал выпивку. Понял он: гость ли, другой ли кто, но наливать и пить надо в меру.

РИСОВАННЫЙ БОЕВИК

Рисованный боевик
по роману М.Мамакаева
"Зелимхан"

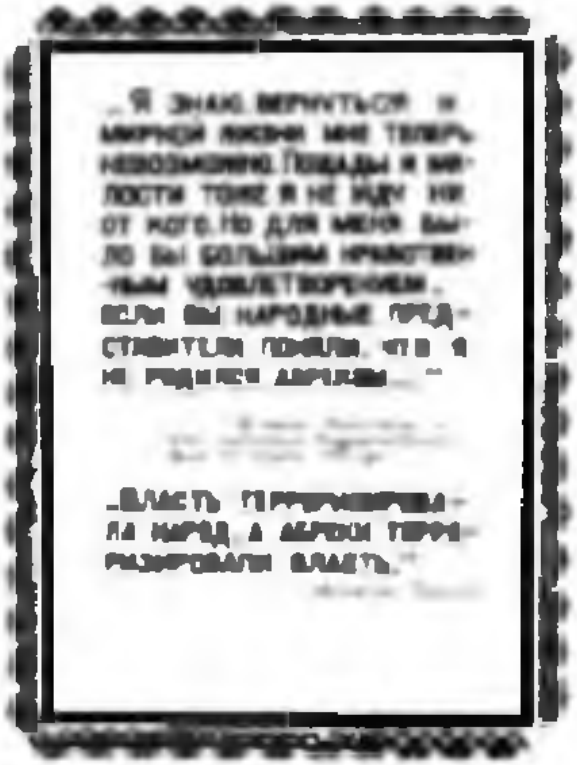
Текст и режиссура
М.Вишняк

Электронная версия
Л.Гудин

Я не родился абреком

...Я ЗНАЮ, ВЕРНУТЬСЯ К
ПРЕЖНЕЙ ЖИЗНИ МНЕ ТЕПЕРЬ
НЕВОЗМОЖНО. ПОЕЗДКА К ВИ-
ЛОСТИ ТОЖЕ Я НЕ ЖДУ НИ
ОТ КОГО. НО ДЛЯ МЕНЯ БЫ-
ЛО БЫ БОЛЬШИМ НРАВСТВЕН-
НЫМ УДОВЛЕТВОРЕНИЕМ,
ЕСЛИ БЫ НАРОДНЫЕ ПРЕД-
СТАВИТЕЛИ ПОНЯЛИ, ЧТО Я
НЕ РОДИЛСЯ АВРИЛЕМ...
ВЛАСТЬ ГОСУДАРСТВЕННА-
ЛА НАРОД, А ЛЕВЫЕ ГОСУ-
ДАРСТВОВАЛИ ВЛАСТЬ.

Утро Светлый в крепости Ведрно кон-
воиры готовят арестантов к этапу

Пошевеливайтесь!!!

Эй, Гуманоид, не падай духом! Если ты растеряешься, молодые вовсе пропадут. Держитесь там вместо!!
Дала Баш дойла шу!
Амин!

Гушмазуко не растерялся, нет, не из таких. Но не знал Гушмазуко о смерти своего стопятидесятилетнего отца - Бако, который скончался час тому назад в Харькове. Родственники не сообщили ему, ведь этим не поправишь ничего в делах Гушмазуко.

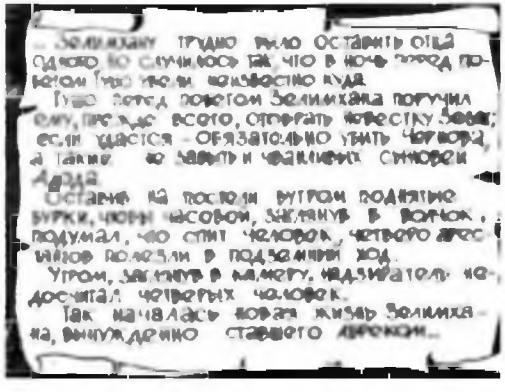

Что ваша внештатная контрразведка
Ваша полиция не так
ловит умный ку-
шать...

?!
Вор, убийца!... Мерзавец!.. Спою
здесь!!!

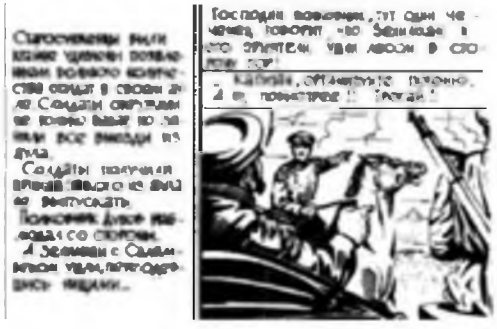

Послушай, Гуща, если удастся
я уйду отсюда. Если выдер-
жишь удар автомата, давай
уйдем вместе...
?!!
Ты что, с ума сошел.
Отсюда еще никто
не уходил!

...Зелимхану трудно было оставить отца
одного, но случилось так, что в ночь перед по-
ходом Гуща куда-то исчез.
Гуще перед походом Зелимхана поручил
ему, прежде всего, отправить невесту Зелим-
хана - обязательно убить Чернова,
а также не забыть и чеченских сыновей
Дуки.
Оставив на посту утром поднятие
бурки, чтобы часовой, заглянув в ворчок,
подумал, что спит человек, четверо абрс
ков полезли в подземный ход.
Утром, заглянув в амбар, надзиратель не-
досчитал четверых человек.
Так начиналась новая жизнь Зелимха-
на, вчерашнего старого абрека...

Зелимхан, Дуков приехал в крепость Владикавказ
с тростью чеченцем, для того, чтобы "просечь"
произвол пристава Чернова.

Ese parrato
ai!!

Солдаты, за мной!
хей!
хей! хей!

Если вы хотя мог здолжать
в дверь прохожы, он увидел
Вы вам стрёк и сыпезнике
во Чернов люди делал
вид, что это его не ка-
сается...
Вы должны вам
помогать!
Хорошо Я дам тебе отлич-
ную винтовку...

Он с тобой?
Я готова тридцать раз умереть, лишь бы быть твоею, Усеф !!!

Не подходи ко мне!
Не подходи!

Я боюсь никогда, Усеф стал называть Безак.
ДЗИНН
ДРАШТ

А-А-А
Усеф, меня Безак, бо- лось встречи с ним. Вой- ной с отцом, сел на коня. Уехал в соседний дуп и скрылся у Родствен ников. Усеф меньше всего думал о вели кодушии Безак. Его каждое появление отно- вляло, что семьи с семьей Революц. Он давно ведь ни вернуть Безак мно- гими, но спец... Когда рудет в ярости.

Зеленкайя и Солнцемурад в предрассветных сумерках ехали, кутаясь в бурки, по узкой черной дороге...

Я сам выйду тебе навстречу, а ты сиди здесь, пока я не позову тебя.
Но...
Не возражай. Если он появится один, а мы вдвоем, сам знаешь, что скажут люди.

Похоже, едут двое...

... Как ты сможешь, сойдясь, остановить коня? Ездит!
Тогда... Хватит разговаривать. Сойдите с коней и сложите оружие...

Вечером, устав от дневных забот,
Дубов готовился ко сну...

Грибов!!
Проверьте посты

ЩЕЛК

Я Зелимхан... из Харачоя!!

ЗЕ-ЛИМ-ХА-АН!
А если я... позову охрану...
Умрете героем, полковник...

Что Вы хотите от меня?
Да-да, конечно!

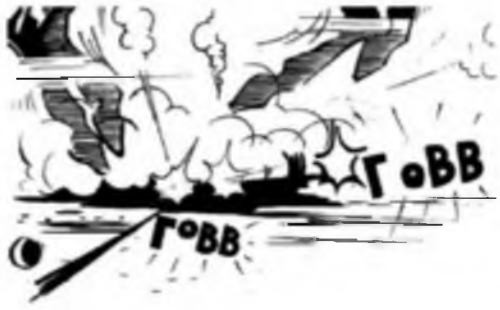

Гришов! Утроите охрану семьи Гушмазукаевых и заприте их покрепче.

Из-за чего тут полка?
Здравия вам желаю!

Ха-ха-ха!

Ужас!!! Дубов с нас шкуру спишет!

ГоВВ
ГоВВ

НЕ СТРЕЛЯТЬ!!

ПО КОНЯМ!!!
Байдак упустим, олухи!

Эй ты, сын Адода!! Пришло время расплачиваться с долгами. Стреляй первым!
Хватай ветер на вдц...

ЭХ!
Хлоп!

Зеница и Сонгамунгад читали отходную молитву над телом врага, как вдруг...

Ни с места! Вы арестованы за совершение убийства!
Немедленно следуйте за нами. Сдайте оружие солдатам.

Конец

ФОТОАЛЬБОМ

Абрек Зелимхан

Зелимхан Харачоевский
(в центре)

Бамат-Гирей-Хаджи (Иовда), Али Митаев** (в центре), **абрек Зелимхан.
Аул Автуры, 1904 г.

В центре слева направо Бици – жена Зелимхана, Меди – дочь Зелимхана,
Зезаг – сноха Зелимхана. Шали, сентябрь 1913 г.

Вернувшаяся из ссылки семья Зелимхана под конвоем. 1913 г. *Почтовая открытка*

Умар-Али Зелимханов *(в центре).* ***Детдом. Ростов-на-Дону, 1925 г.***

Энисат – младшая дочь абрека Зелимхана. Ведено, 1979 г.

Открытие памятника Зелимхану в сел. Шали, 1988 г.

Борхан Оздамир (Сирия) (внук родственника Зелимхана), Рамзан Гудаев (внук Зелимхана) и их семьи. Ведено, 1993 г.

Слева сподвижник Зелимхана Бетыр-Султан Гацаев, справа Тима Байсуркаев

Абдул-Вахьид Гацаев
(племянник Бетыр-Султана Гацаева)

Сподвижники Зелимхана – Бетыр-Султан Гацаев и Абдулмежед Кужуев

Чермоев Абдул-Межед

Исаев Абдул-Решид *(справа)*

М. Курумов и его жена Зоруа

Бетыр-Султан Гацаев

Асельдер Казаналипов

Дзахо Гатуев

Фрелих Олег Николаевич

Володарский Эдуард Яковлевич

Ладо Бестаев** (в центре) – **осетинский актер, который сыграл роль абрека Зелимхана в фильме О. Фрелиха «Зелимхан» (1926 г.)

Ф. Шаляпин
(примерно в этом возрасте он и был в плену у абрека Зелимхана)

Мурцал Шабадиев – ингушский офицер. В 1911 г. оказал абреку Зелимхану содействие в проведении операции в горной Ингушетии

Валерий Ахадов – режиссер-постановщик проекта фильма «Зелимхан»

Абрек Буба из лезгинского селения Икра

Ахмед Хучбаров

Неуловимая пантера – Лайсат Байсарова

Хасуха Магомадов – последний из абреков

Хамад Газиев *(первый ряд, крайний справа)*

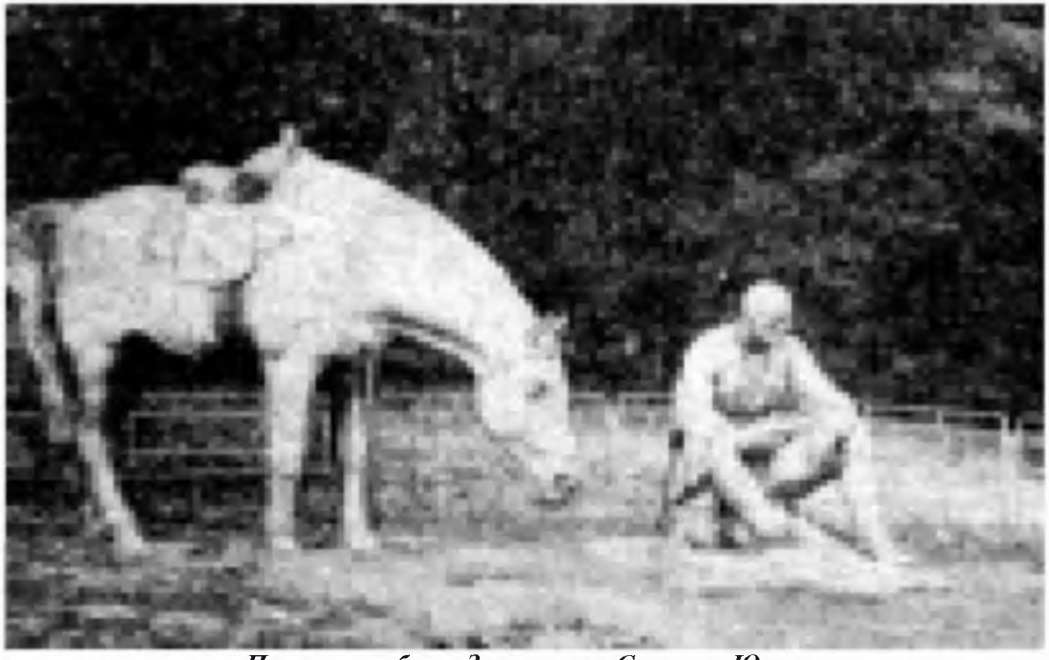

Абрек Зелимхан

Макет проекта памятника абреку Зелимхану Харачоевскому

Памятник абреку Зелимхану в Сержень-Юрте
(полностью разрушен в ходе военных действий в Чеченской Республике)

Фрагмент макета проекта памятника абреку Зелимхану *(авт. С. Ахмадов)*

Фрагмент макета проекта памятника абреку Зелимхану Харачоевскому

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

I. АБРЕЧЕСТВО.
1. Абрек (О семантике термина «абрек»)
2. Абречество как форма социального протеста
3. Абреки (Некоторые сведения о наиболее известных абреках)

II. АБРЕК ЗЕЛИМХАН ХАРАЧОЕВСКИЙ (Краткое жизнеописание абрека Зелимхана)
1. Абрек Зелимхан Гушмазукаев. (Сведения о жизни и гибели абрека

Зелимхана)
2. Семья абрека Зелимхана (Материалы о семье Зелимхана)
3. Потомки абрека (Публикации о потомках абрека Зелимхана)

III. БИБЛИОТЕКА (ИЗБРАННОЕ)
1. Эпистолярий
- Письма Зелимхана
- Другие письма
2. Книги (Библиография)
3. Проза
4. Предания о Зелимхане
5. Поэзия
6. Абреческие песни
7. Российская пресса о Зелимхане
8. Республиканская пресса
9. Абрек Зелимхан в прессе прошлого века

IV. ПЕРСОНАЛИИ
1. Деятели культуры, искусства
2. Политики, общественные деятели
3. Религиозные деятели
4. Военные и служащие

V. ДОКУМЕНТЫ
1. Документы об абреке Зелимхане
2. Другие документы

VI. ПРОЕКТЫ
1. Кинопроекты
2. Скульптура
3. Живопись
4. Интернет – ресурсы о абреке Зелимхане Харачоевском

VII. ЮМОР

VIII. РИСОВАННЫЙ БОЕВИК

IX. ФОТОАЛЬБОМ